

1 507
И 907
№ 1

**ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА
ВОСТОКА АЗИИ**

ТОМ I

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКТОРУ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ СТРАН ЗАРУБЕЖНОГО ВОСТОКА – 30 ЛЕТ

К семидесятилетию юбилею В.Е. ЛАРИЧЕВА	6
Дервянко А.П. Сектору истории и археологии стран зарубежного Востока – 30 лет.....	11
Пиков Г.Г. Исследование средневековой восточной истории в Секторе истории и археологии стран зарубежного Востока ИАЭТ СО РАН.....	15
Бродянский Д.Л. Новосибирская школа археологов-востоковедов.....	29
Кожин П.М. Вечный поиск совершенства.....	32
Решетов А.М. Заметки к проблеме изучения формирования знаний человека.....	35

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Ларичев В.Е. Юрий Николаевич Рерих – исследование истории, культур и языка народов востока Азии (к 100-летию со дня рождения).....	40
Маточкин Е.П. Юрий Николаевич Рерих - художник, исследователь искусства Алтая.....	47
Пиков Г.Г. Историко-логические взгляды М.Н. Суровцова.....	52
Шубина С.А. Историография российской духовной миссии в Китае (XVIII - начало XX в.).....	61
Фролова О.П. Выдающийся русский востоковед С.Г. Елисеев.....	66
Хохлов А.Н. Монголист Василий Новоселов и его перевод "Лифаньюань цзэ-ли".....	70

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Демидчик А.Е. Примечательная особенность идеологии древнейших территориальных государств.....	76
Крадин Н.Н. Династия Ляо как кочевая империя.....	80
Кузнецов В.С. Ламаизм – основа жизни традиционного Тибета.....	84
Кычанов Е.И. Турфан и Си Ся (X-XIII вв.).....	86
Нестеров С.П. Пути и время миграции хэйшуй мохэ в Западное Приамурье.....	90
Гилёв А.А. Проблема ранних контактов Когурё со странами Средней Азии.....	95
Бурыкин А.А. О мнимом и реальном соотношении между языком текстов малого чжурчжэньского письма и письменным маньчжурским языком.....	99
Дацышен В.Г. К проблеме начала "новой истории" Китая (новые подходы в китайской историографии).....	104
Корнева Е.А. О новой книге профессора Хао Цзяньхэна.....	107
Завьялова Т.Г. Стратегемы и буддизм в Китае.....	110
Рошке И.В. Стереотипы мышления, определяющие выбор имени в китайской культуре.....	114

РОССИЙСКАЯ ДИАСПОРА В КИТАЕ

Аблажей Н.А., Павлова А.В. Оценка численности русскоязычного и японского населения на Северо-Востоке Китая в первой половине XX в. в китайской историографии.....	120
Adams В.Ф. The re-emigration of russians from China (1921 – 1960).....	124
Левашко С.С. Журнал "Архитектура и жизнь" в архитектурной историографии русского Харбина.....	128
Крадин Н.П. Русские архитекторы в китайской эмиграции.....	134
Сердюк М.Б. Бонистика в Харбине: к постановке проблемы.....	137
Капран И.К. Сохранение традиций православной музыкальной культуры в русском Харбине.....	140

АСТРОАРХЕОЛОГИЯ

Ларичев В.Е. Повелители Времени (предназначение «Bâton de Commandement» в свете знаковых записей).....	146
Ларичев В.Е. Средневековые календари финно-угров.....	163
Ларичев В.Е., Комиссаров С.А. Дракони́ческий Мир, Дракони́ческое Вре́мя (к проблеме семантики свернутого кольцом хищника).....	181
Быструшкин К.К. Феномен Аркаима с позиции палеоастрономии.....	193
Мельников В.Л. Предтеча российской астроархеологии князь П.А. Путятин и Семья Рерихов.....	196
Воронин В.Т. Вре́мя - простран́ство всего́ суще́го.....	203
Жалковский В.И. Метрический способ превращения линейного модуля в угловой.....	208
Колева В., Колев Д., Чохаджиев С. Энеолитическая модель небесной сферы из Западной Болгарии.....	210
Ларичев В.Е., Вергунов Е.Г. Применение GPS-технологий в астроархеологических исследованиях памятников Сибири.....	217
Пасынков С.В. Календарный счет в орнаменте посуды поздняяковской культуры.....	220
Rappenglück М.А. The claviform p-sign a time unit? Interpreting a palaeolithic symbol.....	224
Френкель М.М. Некоторые календарные аспекты древнеегипетской игры "мехен".....	231

**СЕКТОРУ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ
СТРАН ЗАРУБЕЖНОГО ВОСТОКА – 30 ЛЕТ**

К семидесятилетию юбилею
ВИТАЛИЯ ЕПИФАНОВИЧА ЛАРИЧЕВА

Исполнилось 70 лет Ларичеву Виталию Епифановичу. Он родился 12 декабря 1932 г. на хуторе Большой Лычаг Березовского района Сталинградской области. В 1947 г. окончил семилетнюю школу хутора Карагичев Кумылженского района, а в 1950 г. – среднюю школу в станице Глазуновской. В.Е. Ларичев – историк-востоковед и археолог, выпускник Ленинградского университета (Восточный факультет; кафедра истории Дальнего Востока) и аспирантуры Ленинградского отделения Института истории материальной культуры. В 1961 г. он защитил кандидатскую диссертацию («Древние культуры Северо-Восточного Китая. Каменный и бронзовый века»), а в 1971 г. – докторскую («Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. Формирование основ современных представлений о культурах древнекаменного века Азии: 1871–1960 гг.»).

В.Е. Ларичев относится к редкой категории исследователей гуманитариев – он специалист широкого научного профиля. За полвека работы в науке ему удалось одинаково плодотворно проявить себя в изучении проблем востоковедения, археологии, первобытного искусствоведения, астроархеологии, палеоастрономии, палеокалендаристики, палеомифологии, историографии, истории протонауки и ранних культур.

Первые два десятилетия своей деятельности он вел исследования в рамках традиционной археологии – принимал участие в полевых экспедиционных

исследованиях на территории Приморья, Приамурья (раскопки поселений Осиповка и Кондон; копирование Архаринской писаницы), в Амурской области (разведывательные работы по Амуру и Зее), в Забайкалье (разведывательные работы в долинах Ингоды и Шилки, а также на севере Читинской области) и Прибайкалье (раскопки неолитических поселений и могильников в районе Свирска и Рютино), в Красноярском крае (раскопки Ачинского поселения), в Хакасии (раскопки поселения Малая Сая), в Таджикистане, Узбекистане и Киргизии, а также в Монголии и на Алеутских островах (Первая русско-американская археологическая экспедиция 1974 г.).

Помимо того, в те же 50–70-е гг. значительное внимание его занимали проблемы первоначального освоения человеком территорий Китая, Монголии, Кореи, Японии, а также Сибири и Северной Америки. Он в деталях проследил процесс исследования ранних культур этих регионов Азии на протяжении около 100 лет, рассмотрел становление и развитие основных гипотез и теорий, которые разрабатывались археологами и палеоантропологами Европы, Азии и Америки на протяжении века. Его перу принадлежат издания, посвященные детальному анализу индустрий культур древнекаменного века Северо-Восточного, Северного и Северо-Западного Китая, Монголии, Северной Кореи и Японии. В поле его внимания находились также памятники и культуры эпох неолита и бронзы Северо-Восточного Китая и Северной Кореи. Все это нашло отражение в серии обобщающего плана публикаций.

Тогда же В.Е. Ларичев увлеченно занимался изучением древней и средневековой истории русского Дальнего Востока и прилегающих к нему районов Северо-Восточного Китая. В этом плане интерес представляют написанные им очерки политической и культурной истории народов Приморья, Приамурья и Маньчжурии, которые обитали в бассейнах рек Нонни, Туманган, Сунгари, Уссури и Амура в III–IV вв. до н.э. и в последующее время, вплоть до XIII в. н.э. (сушень, илоу, уцзи, бохайцы, кидани и чжурчжэни, аборигены Среднего и Нижнего Амура, а также Сахалина и Камчатки). После кропотливых изысканий ему удалось установить имя и восстановить биографию выдающегося полководца времени начала становления «Золотой империи» чжурчжэней, величественный погребальный памятник которого с уничтоженным на стеле текстом жизнеописания был открыт в районе Уссурийска в годы начала освоения русскими Приморья. Князю Эсыкую (Дигунаю), одному из ближайших соратников императора Агуды, основателя государства чжурчжэней, и его погребальному комплексу он посвятил несколько статей и книгу. Китайские археологи подтвердили точность его историко-культурных и эпиграфических реконструкций. Отдана им и дань глубокого уважения первым русским исследователям средневековых памятников Дальнего Востока (статьи и книги, посвященные Палладию Кафарову, Ф.Ф. Буссе, В.К. Арсеньеву) и памятников древних культур Центральной и Южной Азии (Н.К. Рерих и Ю.Н. Рерих). Под редакцией его, с предисловием и капитального плана историческим очерком «История чжурчжэней до образования Золотой империи», недавно вышел в свет бесценный исторический источник – маньчжурская версия средневековой хроники «История Золотой империи», а теперь готовится к публикации маньчжурская версия средневековой летописной хроники «История Железной империи» и начата подготовка к работе над маньчжурской версией средневековой летописной хроники «История Юаньской империи».

Открытие В.Е. Ларичевым при раскопках Ачинской стоянки (1972 г.) и оселения Малая Сья (1976–79 гг.) образцов искусства малых форм древнекаменного века, а также изучение обнаруженного им на севере Хакасии открытого святилища похи палеолита «Белая лошадь» (1986 г.) привели к резкой смене ориентации основных его научных поисков. Они определили в конце 70-х, а также в 80–90 гг. новую для него область исследований – семантика образов первобытного художественного творчества; происхождение искусства; космогония и космология в мировоззрении общества ледниковой эпохи; зарождение в недрах его протонауки, мифологии и культово-религиозных представлений; история изучения искусства древнекаменного века Европы и Сибири с акцентацией на обстоятельства открытий памятников, на интерпретации анималистических образов и знаков, на судьбы исследователей, идеи которых выходили за рамки традиционных для своего времени представлений (Буше де Перт, Э. Лартэ, Э. Пьетт, Х. Виланова и Пьера, Э. Ривьер де Прекур, М. Бодуэн, К. Хентце, Ф. Бурдые, А. Маршак). В ходе сложного, с нетрадиционными методическими подходами поиска ему удалось разработать оригинальную методику расшифровки «знаковых записей» на предметах искусства древнекаменного века Сибири, что позволило предложить реконструкции календарных систем, которые использовались при счислении времени около 24 000 лет назад (мальтинская культура). Эти исследования в значительной мере удрешили этап начала становления естественных наук, в частности, арифметики, геометрии и астрономии. Расшифровки знаковых текстов на предметах искусства малых форм Сибири, Восточной и Западной Европы, а также знаковых записей, связанных с образами монументального искусства пещер Урала (Игнatieвское святилище) и Франции (Ляско, Марсула, Пеш-Мерль, Валлон-Пон д'Арк, Кастильо), нацеливаются на доказательного характера семантические оценки персонажей и композиционных (многофигурных) сюжетов первобытного художественного творчества эпохи палеолита с перспективой выхода в будущем на решение исключительной сложности проблемы – что обусловило появление искусства в ледниковую эпоху (необходимость фиксации посредством знаковых записей и художественных образов исключительной ценности естественнонаучных знаний).

В.Е. Ларичев установил астральный характер религиозных систем культур древнекаменного века, выявил главные персонажи пантеона богов ледникового времени, которые, по его мнению, олицетворяли главные светила Неба – Солнце, Луну и «блуждающие звезды» – планеты. Согласно его заключениям, палеолитическая астрономия, древнейший зародыш композитной (многоотраслевой) протонауки, формировала мировоззрение людей древнекаменного века. Они посредством ее утверждали в идеях своих единение, тесную взаимосвязь и взаимозависимость человеческого общества и окружающей природы. По его мнению, в протоастрономии сложным образом переплетались естественнонаучные знания первобытных и культово-религиозные представления. Последнее нашло многогранное отражение в погребальном культе, нестандартный анализ которого он осуществил в последние два года по материалам захоронений детей в Сунгири и Мальте. Что касается палеолитической протонауки, то В.Е. Ларичев охарактеризовал ее как инструмент экологической прогностики, которая обеспечивала выживание сообществ охотников и собирателей самой суровой поры истории человечества – ледникового времени. Все это позволило ему обосновать тезис о раннем формировании в недрах архаического общества «интеллектуальной элиты» –

жречества, представители которого разработали первые в истории человечества концепции Времени, Пространства, «рождения» Мироздания и его устройства.

Отражение тех же представлений В.Е. Ларичев выявил при расшифровке знаковых записей на объектах искусства эпох бронзы, раннего железного века и раннего средневековья. Исследования такого плана подтвердили факт основополагающий – сохранение информационных традиций в искусстве от плейстоценового времени до порога веков новой и новейшей истории севера Азии.

Все это поставило на очередь дня новую проблему – восстановления практических приемов наблюдения за Солнцем и Луной в эпоху каменного, бронзового и железного веков. Решая такую задачу, В.Е. Ларичев ведет в настоящее время пионерные в России исследования в рамках новой отрасли науки о первобытности – астроархеологии. Ему удалось открыть астроплощадки, астросвятылища (своего рода астрономические обсерватории, подобия Стоунхенджа) и своеобразные объекты типа солнечных часов. Астрономические площадки, выявленные на периферии тагарских могильников, позволили поставить вопрос о принципах рассредоточения в их пределах стоячих плит. Он, используя неординарные методы исследования, пытается проникнуть в сферу самого сложного – в тайники интеллектуального и духовного мира древних (идея о зервано-зороастрийском характере религии окуневского и тагарского жречества), реконструировать способы наблюдения жрецов за движениями светил начиная с эпохи палеолита и вплоть до раннего средневековья. Эти новаторские по духу экспедиционные изыскания В.Е. Ларичева, которые ведутся им в тесном сотрудничестве с астрономами и математиками Новосибирской Академии геодезии и картографии (кафедры астрономии и высшей математики), положили начало сибирской полевой астроархеологии. По его инициативе разработаны компьютерные программы, которые в значительной мере облегчают и ускоряют работу астроархеологов на разных по характеру памятниках древних культур.

В рамках той же программы В.Е. Ларичев изучает святилища с наскальными изображениями, открытые им в долине Белого Июса (Сундуки). Он выявил здесь скальные протохрамы поздней поры тагарской эпохи, а связанные с ними многофигурные, сюжетного плана композиции оценил как иллюстрации к древнейшим в Сибири вариантам героического эпоса. В.Е. Ларичев открыл также уникальный «Храм Времени» тагарской эпохи, в котором была зафиксирована счетная система времени по Луне и Солнцу, и храм, структуры которого отражают представление жречества раннего железного века юга Западной Сибири об устройении Мироздания.

В.Е. Ларичев автор около 600 научных работ, в том числе около трех десятков монографий. Отдельные книги его и статьи опубликованы в Англии, Болгарии, в Литве и Латвии, в Монголии, Польше, США, на Украине, в ФРГ и Японии. Он редактор серийного востоковедного издания Сибирского отделения РАН «История и культура востока Азии» (опубликовано около 30 томов), редактор и соредатор сборников статей «Рериховские чтения», «Материалы по археологии Сибири», «Обозрение» и двух томов издания «Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока». В 1967–70 гг., а затем в 1975–91 гг. (т.е. на протяжении двух десятилетий) В.Е. Ларичев работал ответственным секретарем журнала «Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук» (с 1984 г. – «Серия истории, филологии и философии»). С 1998 г. он главный редактор многопрофильного журнала Президиума СО РАН и Объединенного института истории, филологии и

философии СО РАН «Гуманитарные науки в Сибири» (серии «Отечественная история», «Филология и лингвистика», «Философия и социология», «Культура, наука и образование»). Под редакцией его опубликовано около десятка научных монографий и научно-популярных книг.

В 1987 –1991 гг. В.Е. Ларичев занимал пост ученого секретаря Диссертационного совета по защите диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук при Институте археологии и этнографии СО РАН.

На всем протяжении своей многолетней творческой и научно-организационной деятельности В.Е. Ларичев увлеченно занимался и сейчас занимается популяризацией научных знаний, считая это дело (в полном согласии с уставом АН России) равной в значимости специализированным научным исследованиям. Он автор около двух десятков научно-популярных книг, а также множества газетных статей и журнальных очерков, посвященных «драмам идей» в археологии и трагическим судьбам выдающихся исследователей первобытности. Эти публикации его не цитируются. Их читают. Они составляют добротную источниковую базу увлекательных и полных живых подробностей университетских курсов по искусствоведению эпохи первобытности, а также по истории археологии и культур.

Под руководством В.Е. Ларичева подготовлены кадры новой профессии – востоковедов-археологов, которые образуют теперь особую научную школу. Представители ее ведут в Сибири работу по изучению Китая каменного века, а также эпох Инь, Чжоу и Хань, раскрывая взаимоотношения культур востока Азии с древними культурами юга Северной Азии, Дальнего Востока и Средней Азии. Столь же своеобразный коллектив начал формироваться им в последние годы на базе решения сложных проблем палеоастрономии, астроархеологии, семантических оценок образов первобытного искусства и расшифровок знаковых текстов.

В.Е. Ларичев – заведующий сектором истории и археологии стран зарубежного Востока Института археологии и этнографии СО РАН. Он заслуженный деятель науки Российской Федерации, стипендиат президента России, академик Российской академии естественных наук.

Сотрудники Института, коллеги, друзья и ученики желают юбиляру крепкого здоровья, новых творческих успехов и научных открытий.

**Институт археологии и этнографии СО РАН
Сектор истории и археологии стран зарубежного Востока**

СЕКТОРУ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ СТРАН ЗАРУБЕЖНОГО ВОСТОКА – 30 ЛЕТ Достижения прошлого и перспективы настоящего

Востоковедные исследования в Новосибирске начинались вскоре после образования в 1957 г. Сибирского отделения АН СССР и Новосибирского научного центра (ННЦ) как его главной базы. Интенсивное экономическое освоение территорий за Уралом стимулировало развитие сибирского обществоведения в целом. Важным этапом стала подготовка многотомной "Истории Сибири", при создании которой потребовался большой сопоставительный материал с территории Китая, Монголии, Кореи и Японии. Такие сведения были собраны по обширному периоду – от палеолита до средневековых империй киданей и чжурчжэней, представлены на страницах подготовительных сборников статей, а затем включены в обобщающее издание. Выпускнику восточного факультета Ленинградского госуниверситета В.Е. Ларичеву, который стал одним из руководителей данной работы, удалось не только наладить в ННЦ собственные исследования, но и привлечь многих известных специалистов из других научных центров. Начатые тогда (в полном соответствии с традициями петербургского востоковедения) переводы и публикации средневековых исторических памятников продолжают оставаться одной из приоритетных задач в настоящее время.

Сильная археологическая школа, созданная в Сибирском отделении АН академиком А.П. Окладниковым, в значительной мере определяла тенденции развития нового научного направления. Это проявилось и при создании в августе 1970 г. структурного подразделения в составе Института истории, филологии и философии (ИИФиФ) СО АН СССР – сектора истории и археологии стран зарубежного Востока. Необходимость такого важного решения назревала давно, однако непосредственным поводом послужило посещение Новосибирска в сентябре 1969 г. председателем Совмина А.Н. Косыгиным. Возвращаясь после сложных переговоров в Пекинском аэропорту с премьером Госсовета КНР Чжоу Эньлаем, состоявшихся после ряда кровопролитных боестолкновений на границе (в том числе в районе о. Даманский) [Елизаветин, 1992], Косыгин упрекнул ученых в том, что они недостаточно помогают политикам, в том числе при проведении пограничных переговоров. В который уже раз власть, оказавшись в затруднительном положении, осознала необходимость получения научной информации по проблеме. Для углубленного изучения, прежде всего, Китая, взятого в исторической перспективе, решено было создать специальный исследовательский коллектив. Нетрудно представить всю соблазнительность возможности полностью обратить новую структуру на благое дело непримиримой борьбы с маоизмом, на чем в то время можно было получать (и многие получали) немалые дивиденды. Разумеется, было и участие сотрудников сектора в пропагандистских кампаниях (причем отнюдь не только по причинам внешнего характера). В штат также зачислили трех специалистов (А.Я. Кряжева, З.Е. Майстрову, В.М. Губайдуллина), которые стали заниматься вопросами государственного строительства КНР, выпустив в свет три сборника документов по истории китайских Советов и ряд других публикаций.

Однако в качестве главного направления руководство Института и сектора сохранило и упрочило именно изучение археологических культур Китая и сопредельных стран, а также средневековых государств на их территориях. Для этого активно создавалась необходимая источниково-библиографическая база (одна из самых тяжелых задач при формировании новых центров востоковедения), в частности, куплена библиотека чл.-корр. С.В. Киселева, содержавшая довольно полную подборку археологической литературы Китая в основном

начала 1950-х – середины 1960-х гг. Некоторые дублеты, а также фотокопии были переданы из библиотеки восточного факультета ЛГУ. С 1972 г., то есть с самого первого года возобновления издания в КНР археологической периодики, библиотека ИИФиФ получала все центральные и многие местные журналы (сейчас даже забавно вспоминать, но вплоть до начала 1980-х гг. вся китайская археология шла под грифом "Для служебного пользования"). Параллельно собирались и японские периодические издания по археологии. За счет такой продуманной политики библиотека (которой руководила тогда З.В. Бородина), начавшись практически с нуля, имеет сейчас одно из лучших в России собраний литературы по древним культурам Восточной Азии, и работа в данном направлении постоянно продолжается.

Благодаря тесному сотрудничеству в рамках одного Института с археологами-сибиреоведами китайцы ННЦ получили возможность всестороннего и комплексного освещения древних культур Северной, Центральной и Восточной Азии (включая и районы нынешнего пограничья), что давало, среди прочего, возможность противостоять исторически и методологически некорректным интерпретациям фактов, нередко встречавшихся на страницах китайской научной прессы. Лучшим способом участия в идеологических дискуссиях было избрано развитие позитивной науки.

В результате за прошедшие годы сотрудниками сектора было издано более пяти десятков книг и сборников статей по указанной тематике. Общая библиография научных и научно-популярных публикаций содержит свыше полутора тысяч наименований, среди которых можно выделить следующие крупные блоки: палеолит Китая (В.Е. Ларичев) и Японии (В.Е. Ларичев, Б.Г. Григоренко); культуры каменного века Корейского полуострова (В.Е. Ларичев); технология изготовления и культурная значимость керамических традиций Северного и Восточного Китая (Т.И. Кашина, В.С. Чжан Яцин); семантика яншаоских росписей и реконструкция духовного мира носителей этой культуры (В.В. Евсюков); вооружение и военное дело эпохи Инь-Чжоу (А.В. Варенов, С.А. Комиссаров); материальная культура династии Хань (С.Т. Кожанов); культуры неолита и палеометалла Северо-Восточного Китая (С.В. Алкин); маньчжурские средневековые летописи (Л.В. Тюрюмина, В.Е. Ларичев); история государства Си Ляо (Г.Г. Пиков). Историей древнего Чосона и периода Трех государств занимался Ю.М. Бутин, переводом и комментированием важнейших китайских материалов по исторической географии Центральной Азии в средние века (и особенно по истории Уйгурского государства) – А.Г. Малявкин; результаты их исследований были защищены в качестве докторских диссертаций. В последние годы одной из приоритетных тем сектора стало изучение ранней истории Восточного Туркестана, по которой было выполнено два проекта при поддержке РГНФ. Уделяется особое внимание истории археологического и этнографического изучения Маньчжурии русскими исследователями первой половины XX в. (С.В. Алкин). В.Е. Ларичев также изучал историю отечественного востоковедения, в частности, посвятил ряд крупных работ о Палладию (Кафарову), Г.Ц. Цыбикову, Н.К. Рериху и Ю.Н. Рериху. Последний факт заслуживает особого упоминания в связи с тем, что в этом году мы отмечаем также 100-летний юбилей замечательного деятеля науки Юрия Николаевича Рериха, которому будет посвящен целый ряд докладов в программе нашей конференции. Можно сказать, что соединение в одном научном событии нескольких знаменательных дат носит не случайный характер.

Большинство упомянутых исследований вошло в состав серийного издания «История и культура востока Азии» (ИКВА), первый том которого (посвященный Тибету) вышел в свет в 1972 г. А сегодня серия составляет библиотеку из 29 томов. Последний из них (увидевший свет в 1998 г.), содержит первую публикацию перевода с маньчжурского языка «Истории Золотой империи», выполненной еще в XIX в. Г.М. Розовым. Близится к завершению работа по подготовке к изданию комментированного перевода маньчжурского варианта летописной хроники «История империи Ляо».

Активно использовалось востоковедами и одно из периодических изданий Института «Известия СОАН СССР» (нынешнее название – «Гуманитарные науки в Сибири»), на страницах которого регулярно появлялись подборки статей по археологии и истории стран

зарубежного Востока. В рамках Комиссии по востоковедению при Президиуме СО РАН (под руководством В.Е. Ларичева) прошел ряд специализированных конференций с публикацией представленных материалов, в т.ч. пяти выпусков «Рериховских чтений». Активная издательская деятельность сектора и ее выраженная археологическая специфика позволили одному из взыскательных рецензентов еще в 1984 г. сделать вывод о том, что в Новосибирске сформировалась новая самостоятельная школа отечественной ориенталистики [Васильев, 1977]. Последующее развитие вполне подтвердило это авторитетное мнение.

В основу развития востоковедения в ННЦ в целом (и работы сектора Востока в частности) положены те же принципы, которые были сформулированы при создании первого в стране Академгородка: взаимодействие наук и комплексный подход, непосредственная связь с практикой, особое внимание к подготовке кадров.

Благодаря сотрудничеству археологов с обществоведами различных отраслей (этнографами, филологами, историками-медиевистами и др.) удалось в целом ряде сборников статей и монографий представить этнокультурную историю многих районов Центральной и Восточной Азии. Совместно с сотрудниками Института экономики и организации промышленного производства СО РАН был подготовлен и издан перевод китайского исследования специальных экономических зон, а со специалистами СО РАМН – монографий по основам традиционной китайской медицины. Практический выход научных разработок был реализован при создании учебных пособий и методических разработок. Но главным направлением в данной области стало издание научно-популярной литературы по различным аспектам археологии и духовной культуры древних и традиционных обществ, а также по современному экономическому и политическому развитию Китая. Для детей издано четыре сборника китайских, индийских и тибетских сказок.

Наиболее полно был реализован принцип подготовки научных кадров. С 1969 г. на гуманитарном факультете Новосибирского госуниверситета по инициативе д.и.н. В.Е. Ларичева и бывшего тогда деканом (ныне – проректор НГУ) проф. И.А. Молетотова было начато преподавание китайского и японского языков, а также истории и культуры этих двух стран. Обучение осуществлялось не только силами штатных преподавателей (в первую очередь – проф. О.П. Фроловой), но и в дальнейшем совместителями из числа сотрудников Сектора. Студенты с самых первых дней были сориентированы на те научные проблемы, которыми им предстоит заниматься в дальнейшем, что не замедлило сказаться на результатах. Уже работая в Институте археологии, выпускники НГУ защитили шесть кандидатских диссертаций по темам, связанным с археологией и этнологией Китая и Японии.

Следует специально отметить, что формированию нового востоковедного центра, особенно в деле подготовки кадров, неоценимую помощь оказали ведущие ученые Москвы и Санкт-Петербурга. Чтение основных и специальных курсов, консультирование и организационная поддержка со стороны таких известных востоковедов, как С.А. Арутюнов, Р.Ф. Итс, П.М. Кожин, С. Кучера, Е.И. Кычанов, В.С. Мясников, А.М. Решетов, Б.Л. Рифтин, Н.А. Симония, В.С. Стариков, М.Ф. Юрьев помогало и помогает студентам и аспирантам приобщиться к новейшим достижениям отечественной науки. Студенты-дипломники и соискатели имели возможность работать в библиотеках и фондах главных востоковедных центров страны. Большое значение имели проводимые ИВ РАН школы молодых востоковедов. Подготовка студентов-востоковедов осуществляется на кафедре археологии и этнографии гуманитарного факультета НГУ. В 1995 г. на основе накопленного опыта в НГУ было открыто отделение востоковедения со специализацией "История и культура стран Дальнего Востока (Китай, Япония, Корея)". Вполне закономерно, что в качестве ведущих преподавателей выступают выпускники первых востоковедных наборов, а ныне сотрудники сектора Востока – А.В. Варенов, С.А. Комиссаров, С.В. Алкин.

На базе Сектора более двух десятилетий существует Северохакасский археологический отряд Северо-Азиатской комплексной экспедиции (В.Е. Ларичев, Ю.Г. Белокобыльский). Основные работы по изучению древних памятников производились в

долинах рек Белый и Чёрный Июс (предгорья Кузнецкого Алатау). Исследовались верхнепалеолитическое поселение Малая Сья и памятники раннего железного века в Ширинском районе Хакасии.

Особая группа под руководством В.Е. Ларичева занята экспериментальными исследованиями на Июсском астроархеологическом полигоне в Орджоникидзевском районе. Эта работа включает в себя как исследования стационарного порядка в зоне так называемых Сундуков (череда возвышенностей по левому берегу Белого Июса в районе пос. Июс), так и разведка различных типов новых памятников в этом археологическом микрорайоне. Программа исследований осуществляется в рамках становления новой в археологии Сибири отрасли, которая именуется астроархеологией (или палеоастрономией). Сектор был в авангарде такого рода исследований в нашей стране. Сейчас актуальность проведения этой работы становится всё более очевидной, о чём говорит развёртывание работ по изучению астроархеологических компонент в древних культурах среди коллег в европейской части страны, а также в Якутии. Продолжение работ на Июсском полигоне благодаря, прежде всего энтузиазму всех сотрудников экспедиции, позволяет сохранять приоритет сибирской археологии в развитии российской палеоастрономии.

Северохакасским отрядом проводились широкомасштабные раскопки Ефремкинского могильника (Ю.А. Белокобыльский, С.В. Алкин), которые показали, что в I тыс. до н.э. носители карасукской, лугавской и тагарской культур, занимая определённые экологические ниши, сосуществовали на территории бассейна Среднего Енисея. Это способствовало размыванию этнических стереотипов, подготавливая почву для формирования новой культуры и нового этноса, представленного памятниками таштыкской археологической культуры. Материалы могильника дают основание предполагать участие в этом процессе других этносов, в том числе окуневцев.

Сотрудники Сектора трудились в археологических отрядах Института на Алтае, в Туве, в Приморье и Приамурье, проводили совместные полевые исследования с коллегами из Института истории и археологии народов Дальнего Востока ДВО РАН и Института археологии и изучения памятников материальной культуры автономного района Внутренней Монголии КНР. В 2002 г. на базе сектора создан новый археологический отряд для проведения стационарных исследований в Амурской области (С.В. Алкин), в рамках которых предполагается сотрудничество с археологами Цзилиньского университета (г. Чанчунь, КНР).

Будущее России в наступившем XXI веке неразрывно связано с Азиатско-Тихоокеанском регионом и, прежде всего с такими гигантами в экономическом и культурном отношении, как Китай, Япония, Корея. Исторический опыт (включая самое далекое прошлое) убедительно показывает, что совместное развитие всегда больше сближало, чем разделяло народы. Тем более, что современная геополитическая ситуация не оставляет нашей стране выбора: несмотря на все сложности, жизненно необходимо расширять долгосрочное и многокомпонентное сотрудничество, в первую очередь, с нашими ближайшими соседями на Востоке. Поэтому можно с уверенностью говорить не только о прошлых заслугах, но и о больших перспективах сибирского востоковедения.

Список литературы

Васильев Л.С. Исследования новосибирских востоковедов // Народы Азии и Африки. – 1977. - № 2.

Елизаветин А.И. Переговоры А.Н. Косыгина и Чжоу Эньлая в Пекинском аэропорту / Вступит. статья и коммент. к тексту С. Гончарова и В. Усова // Проблемы Дальнего Востока. – 1992. - №5.

*Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск*

**ИССЛЕДОВАНИЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ВОСТОЧНОЙ ИСТОРИИ
В СЕКТОРЕ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ СТРАН ЗАРУБЕЖНОГО ВОСТОКА
ИАЭТ СО РАН**

Сибирь всегда находилась в эпицентре евразийского региона, была своеобразным нервным центром, чутко реагирующим на малейшие изменения, происходившие в недрах метарегиона. Через ее территорию проходили и торговые пути, и маршруты продвижения армий гуннов, тюрок, монголов. Неудивительно, что характер взаимоотношений различных образований и культур на территории Восточной Азии всегда имел принципиально важное значение для этнокультурного и социально-политического развития России. Интерес к прошлому и настоящему сопредельных территорий оформился в ряд практических исследований историко-этнографического характера уже в XVII - XIX вв. (Н.Я. Бичурин, В.П. Васильев и др.). Оживление экономических, политических и культурных контактов Запада и Востока в послевоенный период непосредственно коснулось и СССР. Востоковедные исследования достаточно высокого уровня проводились в различных городах страны, хотя и сохраняли свое значение два традиционных центра – Москва и Петербург. Именно там аккумулировались наиболее квалифицированные кадры и проводились комплексные исследования. Но в конце 60 - х – начале 70-х годов в силу специфики взаимоотношений СССР и Китая, усложнения геополитической ситуации в Азии в целом появляется необходимость более основательного и широкого исследования специфики развития сопредельных территорий, прежде всего восточно и центрально-азиатских. Роль одной из важнейших составных частей востоковедения – китаеведения – резко повысилась. Одной из множества мер, направленных на решение остро вставших проблем, было создание при Институте истории, филологии и философии Сибирского Отделения АН СССР Сектора истории и археологии стран зарубежного Востока. Молодое Сибирское Отделение АН СССР призвано было налаживать и координировать научную работу разного профиля на широких просторах Азиатской части государства. Сразу необходимо отметить, что работе Сектора, хотя он и был сравнительно небольшим научным подразделением, изначально придавалось большое значение. Ситуацию отчасти можно даже назвать парадоксальной – Сектор должен был фактически выполнять ту же работу, какую брали на себя на протяжении нескольких столетий востоковедные центры обеих столиц! И он стал фактически общесибирским центром, значительно время выполнявшим работу целого института. Он не только справлялся и справляется с этой работой до сих пор, но и очень много способствовал созданию региональных и национальных центров востоковедных исследований (Якутия, Владивосток).

Традиционной особенностью отечественного востоковедения был особый интерес к средневековой истории сопредельных территорий и неудивительно, что в работе Сектора это направление всегда было одним из приоритетных. В этом плане нельзя не отметить, что достаточно успешной работе Сектора на протяжении прошедших тридцати лет способствовал и удачный подбор сотрудников, среди которых были опытные исследователи с большим стажем работы и практические работники (А.Г. Малявкин, А.Я. Кряжев, Б.Г. Григоренко, Т.И. Кашина), сумевшие воспитать целое поколение новых исследователей (С.Н. Гончаров, В.В. Евсюков, А.В. Варенов, С.Т. Кожанов, С.А. Комиссаров, С.В. Алкин и др.). Первые публикации работ сотрудников этого Сектора появились в начале 70-х годов XX в. на страницах журнала «Известия СО АН СССР. Серия общественных наук».

Большая помощь в налаживании работы Сектора и активное участие в различных ее формах принадлежат таким крупнейшим исследователям страны, как Е.И. Кычанов, В.С. Таскин, В.С. Кузнецов, М.В. Воробьев и др.

Разумеется, ключевую роль в работе Сектора сыграл его бессменный руководитель – Виталий Епифанович Ларичев. Назначение именно его на эту должность вполне логично и обоснованно. Уже ко времени создания этого подразделения он был одним из известных и разносторонних специалистов, автором большого количества работ по археологии, истории и историографии (Основные научные труды, 1992).

В.Е. Ларичев – выпускник Восточного факультета Ленинградского государственного университета, где специализировался по кафедре Истории Дальнего Востока, и аспирантуры Ленинградского отделения Института истории материальной культуры. Обе его диссертации (кандидатская «Древние культуры Северо-Восточного Китая. Каменный и бронзовый века», 1961 г. и докторская «Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. Формирование основ современных представлений о культурах древнекаменного века Азии: 1871–1960 гг.», 1971 г.) имели самое непосредственное отношение к региону, на изучение которого была нацелена деятельность подразделения.

В.Е. Ларичев имел большой опыт практической археологической работы: полевые исследования на территории Приморья, Приамурья (Осиповка, Кондон, Архаринская писаница), в Амурской области, Забайкалье и Прибайкалье, Красноярском крае (Ачинское поселение), Хакасии (Малая Сяя), Таджикистане, Узбекистане и Киргизии, а также в Монголии и на Алеутских островах. Он занимался исследованием ранних культур Азии, описал основные археологические и палеоантропологические теории исследователей Европы, Азии и Америки, детально проанализировал развитие индустрий культур древнекаменного века Северо-Восточного, Северного и Северо-Западного Китая, Монголии, Северной Кореи и Японии.

Воспитанный на лучших традициях Санкт-Петербургской востоковедной школы, знаток ряда восточных и западных языков, что само по себе неизбежно пробуждало в нем интерес не только к древней, но и средневековой истории русского Дальнего Востока и сопредельных районов Северо-Восточного Китая (Достаточно указать наиболее важные работы: [Ларичев, 1962; Ларичев. История чжурчжэней, 1964; Ларичев. Летописные известия, 1964].

В результате еще на этом этапе его привлекла политическая и культурная история народов Приморья, Приамурья и Маньчжурии (бассейны рек Нонни, Туманган, Сунгари, Уссури и Амура) с III–IV вв. до н.э. и вплоть до XIII в. н.э. (сушэнь, илоу, уцзи, бохайцы, кидани и чжурчжэни, племена Среднего и Нижнего Амура, Сахалина и Камчатки). Примером высокопрофессионального исследования является установление им имени и биографии выдающегося чжурчжэньского полководца и одного из соратников основателя Золотой империи Агуды – князя Эсыкуя (Дигуная). Погребальный памятник этого сановника с уничтоженным на стеле текстом жизнеописания в районе Уссурийска был тщательно изучен В.Е. Ларичевым и описан в ряде статей и одной книге. Тогда же у него появился интерес к первым русским исследователям средневековых памятников Дальнего Востока (Палладий Кафаров, Ф.Ф. Буссе, В.К. Арсеньев) и памятников древних культур Центральной и Южной Азии (Н.К. Рерих и Ю.Н. Рерих) [Ларичев. Потерянные дневники, 1966; Ларичев. Тайна, 1966; Ларичев. Посмертный дар, 1968; Ларичев. Путешествие, 1973; Ларичев. Памятник, 1974; Ларичев. Азия, 1968; Ларичев, Маточкин, 1993].

В 1967 – 70 гг. В.Е. Ларичев работал ответственным секретарем журнала «Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук», что также позволяло ему быть в курсе современных научных исследований.

С самого начала работа Сектора была связана с различными сферами науки – филологией, археологией, исторической этнографией, историографией и др. Акцент делался на дальневосточном и центральноазиатском регионах как безусловном центре сопредельного Востока.

За прошедшее время было осуществлено и осуществляется несколько больших программ концептуального характера, уже получивших достаточно высокую оценку специалистов [Васильев, 1977; Васильев, 1984].

Прежде всего, надо отметить серию сборников материалов Комиссии по востоковедению при президиуме СО АН СССР под общим названием «История и культура Востока Азии» (Вышли: [Центральная Азия, 1972; Сибирь, 1975; Дальний Восток, 1980; Восточная Азия, 1986; Центральная Азия, 1990; Северная Азия, 1992]. Хотя уже в первом сборнике «Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века» прямо было заявлено желание дать отпор «сторонникам маоизма», «которые не гнушаются передержками и фальсификациями самого беззастенчивого характера... для обоснования своих гегемонистских целей», выбран все же был предельно научный метод борьбы - «скрупулезная и многосторонняя детализация специалистами различных отраслей науки о человеке и обществе хода исторического процесса развития» [С. 5]. Методологически базовым стало представление о том, что не меньшим значением, чем великие цивилизации, в истории человечества обладал и «культурный пояс, окружающий их» [С. 6]. На его основе проводится достаточно глубокое сканирование средневековой истории народов юга Сибири, Дальнего Востока, Центральной и Восточной Азии на обширном временном промежутке, от древней Японии до минской династии. Уже в этом сборнике был сделан не менее принципиальный акцент на использовании первоисточников, в том числе письменных, на китайском, маньчжурском, японском, монгольском и тангутском языках.

Подобный подход был не только сохранен, но и принципиально усилен в последующих выпусках. В сборниках были представлены работы не только самих сотрудников Сектора (В.Е. Ларичев, А.Г. Малявкин, Л.В. Тюрюмина, В.В. Евсюков, С.Т. Кожанов, С.А. Комиссаров, А.В. Варенов), но и ряда крупнейших исследователей Института археологии и этнографии (А.П. Окладников, В.Е. Медведев, В.Д. Кубарев и др.) и других академических учреждений как нашей страны, так и зарубежных стран (В.С. Таскин, Е.И. Кычанов, С.А. Арутюнов, Г. Сухэбатор, Г.П. Супруненко, Б. Ринчен, Ч. Далай, В.С. Кузнецов, Б. Ширендыб, Л.И. Думан, А.Н. Хохлов, В.М. Воробьев и др.).

Внешняя пестрота статей сборников обусловлена сложившимися и устоявшимися в России традициями изучения самых разнообразных сфер истории и культуры восточноазиатских стран, высоким уровнем организации востоковедных исследований в стране, стремлением к глубокому и детальному изучению определенных тем и проблем, особенностями региональных и локальных научных центров и, конечно же, спецификой характера востоковедных исследований в мире в целом (рост интереса к средневековому периоду истории Евразии как времени оформления многих современных геополитических и макроэкономических реалий, усиление международных научных контактов и необходимость координации исследований).

Для всех сборников характерны охват значительного промежутка времени (до полутора тысяч лет), широкий круг проблем и тем, разнообразие использованных источников (археология, мифология, филология, палеоантропология, нумизматика), активное использование письменных источников, работа преимущественно с оригинальными текстами, а не переводами, новизна значительной части вводимых в научный оборот сведений, стремление подчеркнуть самобытность и оригинальность местных культур, высокопрофессиональный научный анализ, приведение убедительных доказательств того, что соседи китайцев не были лишь «донорами и реципиентами», стремление выявить магистральные тенденции в историческом процессе.

В Новосибирске интерес непосредственно к истории восточноазиатских государственных образований существует уже давно [Деревянко, Молодин, Ларичев, Худяков, Комиссаров, 1998], достаточно указать наиболее важные работы [Ларичев. История чжурчжэней, 1964; Ларичев. Летописные известия, 1964; Ларичев. Народы Дальнего Востока, 1980; Ларичев. Письменные источники, 1986; Ларичев. Путешествие, 1973; Малявкин. Материалы, 1974; Малявкин. Танские хроники, 1989; Малявкин. Уйгурские

государства, 1983; Медведев, 1977; Тюрюмина. К истории, 1969]. Начало основательному изучению в нашем городе различных аспектов киданьской истории и культуры заложили опять же работы В.Е. Ларичева [Ларичев, Тюрюмина, 1975; Тюрюмина, Ларичев, Лебедева, 1974]. За время существования Сектора, однако, вышло несколько монографий по различным аспектам средневековой восточноазиатской истории, что можно считать одним из приоритетных направлений в работе подразделения. Прежде всего, это работы старейшего востоковеда Малявкина А.Г. Ко времени начала работы в институте он был уже достаточно известным ученым (Наиболее важные работы: [Цзиньши, 1942; Китайские источники, 1961; Уйгурское, 1969]).

В Новосибирске первыми у него вышли «Материалы по истории уйгуров в IX-XII вв.» (1974). В книге на базе важнейших сведений из китайских источников освещается история уйгуров в особенно важный период (840 – 1209), когда они переходили от кочевого образа жизни к оседлому, строя свою собственную государственность и развивая буддийскую культуру. В монографии по исторической географии Центральной Азии [Историческая география, 1981] Малявкин А.Г. анализирует средневековые китайские тексты на предмет выявления сведений о расселении народов Центральной Азии в VII – VIII вв. использован обширный фактический материал, в основном впервые вводимый в научный оборот. В результате не только решен ряд важнейших вопросов истории взаимоотношений центральноазиатских народов с танским государством, но и уточнено расселение многочисленных племен и тем самым заложен фундамент для создания максимально точной этно-политической карты региона.

К периоду IX-XII вв. в истории уйгурских государств Малявкин А. Г. еще раз обратился в начале 80-х годов [Уйгурские, 1983]. В этой работе на основе традиционно тщательного анализа китайских письменных источников реконструируются сложнейшие отношения внутри восточноазиатского мира, прежде всего, между уйгурскими государствами и династиями Тан и Сун.

Последняя монография [Борьба Тибета..., 1992] А.Г. Малявкина касалась одной из интереснейших и малоизвестных страниц средневековой восточноазиатской истории – борьбе Танской империи с Тибетом за господство в Кашгарии, продолжавшейся почти 150 лет. Хотя тема практически не привлекала внимания ни отечественных, ни зарубежных исследователей, автор сумел доказать ее важность и актуальность, тщательно проанализировав китайские письменные источники и до малейших деталей точно восстановив положение оазисных государств в Кашгарии.

С начала 70-х гг. к истории киданей и их государств обратился Г.Г. Пиков, опубликовавший к настоящему времени несколько десятков работ по этой тематике (В их числе: [Буддизм, 1980; Западные кидани, 1986; Западные кидани, 1989; К проблеме влияния, 1992; Кидани и Сибирь, 1996; Некоторые вопросы, 1979; Некоторые вопросы экономики, 1980; О столице, 1986; Организация военного дела, 1983; Рабство, 1985; Семейно-брачное право, 1980]). Под его руководством, в тесном сотрудничестве с Сектором, в Кемеровском и Новосибирском университетах в рамках спецсеминаров по средневековой истории студентами обсуждались наиболее актуальные аспекты киданьской истории, результатом чего явилась защита ряда курсовых, дипломных и диссертационных работ (Даньшин А., Канаева Л., Зяблицева О., Алехин К., Морозов С., Халиулин Э. и др.) (Особенно: [Даньшин, 1985; Комиссаров, Алехин, 1998]. Своеобразным промежуточным результатом работы над сюжетами киданьской истории стала подготовленная на базе кандидатской диссертации (работа над ней осуществлялась в период обучения в аспирантуре при Секторе истории и археологии стран зарубежного Востока) монография «Западные кидани» [1989]. В ней на основе многочисленных китайских и мусульманских источников рассматривалась история основания государства Западное Ляо (Си Ляо, 1125 – 1218) на территории современных Средней Азии и Казахстана, его политика, отдельные вопросы культуры. Это было первое в отечественной исторической науке исследование, в комплексе рассматривавшее

политическую историю и социально-экономический строй западнокиданьского государства и затрагивавшее некоторые проблемы его культуры.

В серии «История и культура Востока Азии» (т. X) вышла монография В.С. Кузнецова «Цинская империя на рубежах Центральной Азии» [1983]. Эта книга удачно заполняла лауну в литературе, посвященной отношениям Китая с сопредельными странами. Как ни парадоксально, но прав ее научный редактор в том, что «политика цинского Китая, факторы, ее определявшие, не имеют комплексной разработки ни с точки зрения широты тематики, ни хронологически» [С. 7]. Работа В.С. Кузнецова в определенной степени подводила итог многолетней исследовательской работе автора над различными аспектами проблемы «Империя Цин и западные соседи».

В той же серии «История и культура Востока Азии» вышел и трехтомник известного сибирского исследователя А.Н. Алексеева [Алексеев. Древняя Якутия: неолит, 1996; Алексеев. Древняя Якутия: железный век, 1996; Алексеев. Первые русские поселения, 1996]. Эта монументальная по хронологическому охвату (от древнекаменного века до XVIII в.) и глубине исследования трилогия также подводила итог многолетним экспедиционным исследованиям автора, содержала целый ряд оригинальных концепций и гипотез и, действительно, стала «своего рода энциклопедией современных представлений о многогранных и сложных культурно-исторических и этнических событиях в этой части Северной Азии на протяжении тысячелетий» [Алексеев. Первые русские поселения, С. 5]. Работа любопытна и с точки зрения диалога культур, ибо показывает в деталях и беспристрастно процесс взаимодействия русских служилых и промышленных людей и местного населения.

Корейское «направление» в работе Сектора было представлено работами Ю.М. Бутина, подготовившего две монографии [Бутин, 1982; Бутин, 1984], в которых история Кореи рассматривалась на широком временном фоне от эпохи Чосона (VIII – II в. до н. э.) до Трех государств (IV в. н. э.). Проанализированы письменные источники и сопоставлены с новейшими археологическими материалами, полученными корейскими исследователями. Отдельное внимание уделено сложнейшей проблеме происхождения и этнического состава древнейшего населения «страны Утренней свежести».

В стенах Сектора начинал когда-то свою научную деятельность и С.Н. Гончаров, выпустивший впоследствии монографию, посвященную китайской средневековой дипломатии [Гончаров, 1986].

Некоторые авторы, принимавшие активное участие в сборниках серии «История и культура востока Азии», в частности В.С. Кузнецов и Е.И. Кычанов, опираясь на помощь Сектора, издали несколько научно-популярных книг, которые, как справедливо заметил В.Е. Ларичев [Предисловие, 1992, С.5], «составили небольшую библиотеку, которая... содействовала привлечению внимания специалистов и всех интересующихся Востоком к проблемам, которые в последние 15 лет наиболее активно разрабатывались в нескольких востоковедных центрах страны» [Кузнецов, 1980; Кузнецов, 1985; Кузнецов, 1987; Кычанов, 1980; Кычанов, 1986; Кычанов, 1991].

Закономерным этапом в исследовании восточноазиатской истории стала работа по изданию ряда принципиально важных текстов.

Первый крупный результат этой деятельности - публикация под редакцией В. Е. Ларичева, с предисловием и обширным историческим очерком «История чжурчженей до образования Золотой империи» русского перевода маньчжурского варианта «Аньчунь Гурунь» – «История Золотой империи» [1998]. Сама хроника – результат многолетней работы специальной комиссии при дворе монгольской династии Юань [Малявкин, 1977]. Составление исторических хроник было закончено в годы правления последнего монгольского императора Тогон-Темур (июль 1639 г.), а изданы они, в согласии с указом императора, в мае 1644 г. Русский перевод «История Золотой империи» был выполнен Георгием Михайловичем Розовым, сопроводившим маньчжурский текст своими примечаниями и извлечениями из китайских хроник. Публикация фундаментального

источника по средневековой истории Дальнего Востока снабжена обширными комментариями, жизнеописанием выдающегося русского востоковеда Г.М. Розова [Мясников, 1998] и очерком по истории чжурчжэней до образования Золотой империи [Ларичев. Краткий очерк, 1998].

В состав так называемого «киданьского проекта» (Рабочее наименование гранта. Полное название: Источники и материалы по истории киданей (перевод маньчжурского варианта «Ляо ши» и подготовка к изданию рукописей по истории киданей русских востоковедов 19 в.) входит перевод и комментирование маньчжурского варианта летописной хроники «Ляо ши» («Дайляо гуруни судури») и подготовка к публикации и комментирование двух рукописей исследователей XIX в.: М.Н. Суровцова «О владычестве киданей в Средней Азии» и М.Д. Храповицкого «Записки о народе Ляо» [Пиков. Изучение истории киданей, 1995; Пиков. Неизвестная страница, 1992; Пиков. Малоизвестная страница, 1995; Тюрюмина. К истории, 1969]. Эти рукописи, которые в некотором смысле можно считать источниками, имеют фундаментальную значимость, однако, остаются до сих пор не изданными. Они представляют особую ценность для анализа специфики истории кочевых государств на северных и западных окраинах Китая.

Работа над текстами сочинений М.Н. Суровцова и М.Д. Храповицкого включает в себя не только дешифровку рукописей, но и детальный анализ текстов, комментирование соответствующих разделов. Особое внимание уделяется выяснению эпизодов биографий М.Н. Суровцова, который осуществлял свое исследование под руководством академика В.П. Васильева, и М.Д. Храповицкого, студента Тринадцатой Российской духовной миссии, которую возглавлял Палладий Кафаров, а готовил к отъезду Н.Я. Бичурин. Итогом работы должна стать монография «История Железной империи» как аналог «Истории Золотой империи».

Акцент в исследованиях истории киданей отечественными историками до сих пор делается, в основном, на археологических материалах, объем которых, однако, скуден. Что касается письменных источников, то они достойно представлены только лишь переводом В.С. Таскиным «Истории государства киданей». В остальном же специалисты вынуждены использовать, главным образом, переводы зарубежных востоковедов XIX в., в значительной мере устаревшие. Маньчжурский вариант «Ляо ши» оставался практически вне внимания, прежде всего потому, что не было специалистов, свободно владеющих маньчжурским языком. Перевод «Дайляо гуруни судури» попытался осуществить в девятнадцатом веке Г.К. фон дер Габелентц. Но работа эта осталась незавершенной – в 1877 г. был издан практически черновой, предварительный и необработанный перевод отдельных разделов на немецкий язык. Его перевод был опубликован посмертно [Geschichte, 1887]. Введение в научный оборот этого ценного исторического документа – неоценимая заслуга Г.К. Габеленца. Однако перевод его не отвечает современным требованиям исторической науки. Следует заметить, что перевод его был опубликован посмертно и, видимо, при подготовке к изданию обработан литературно и отредактирован Г.А. Габеленцем, сыном маньчжуриста. Со второй половины XX в. сибирские востоковеды ставили задачу осуществить новый русский перевод маньчжурского оригинала хроники. В рамках проекта делается попытка сравнить конспективный перевод с немецкого труда Г.К. Габеленца [Тюрюмина. Gabelentz] с текстом «Дайляо гуруни судури».

Вследствие этого, проект перевода «Дайляо гуруни судури» и все, что будет его сопровождать, представляет собой возрождение важнейшей традиции российской маньчжуристики и китаеведения. Именно в силу сказанного «Дайляо гуруни судури» занимает особое место в данном проекте. Эта летопись является одним из маньчжурских вариантов летописных хроник «Цзинь ши», «Ляо ши» и «Юаньши» – «Дайляо гуруни судури», «Айсинь гуруни судури» и «Дайюань гуруни судури».

Эти династийные хроники – самые ранние из дошедших до нашего времени образцов маньчжурской литературы. Издание их было предпринято правящим двором маньчжурской династии Цин с целью демонстрации величия потомков, их преемников и продолжателей в

эпопеях завоевания Срединной империи. Определенно тенденциозный отбор исторических фактов, зафиксированных в китайских источниках, как и своеобразная редакция текстов составителей хроник диктовались откровенной задачей всемерно возвеличить империю Цин. Насколько можно судить по тексту этого же «Предисловия» к хронике, сочинение историй началось в 1636 г. в Мукдене и было закончено в 1639 г. Все три «Истории» вышли в свет в 1646 г., по-видимому, в Пекине. В работе по составлению «Историй» принимали участие многие лица. Вся работа проходила под наблюдением «Ученого комитета» и «Придворной канцелярии» (их отделениями были «Дорги кооли сэлгере ямунь» («Придворный законодательный приказ»), «Дорги нархунь битхэй ямунь» («Придворный секретный кабинет и библиотека государя») и «Дорги гуруни судури ямунь» («Придворный комитет ведения летописи и составления государственной истории») [Тюрюмина. К истории, 1969].

К настоящему времени перевод хроники фактически завершен. Предварительный анализ выявил сложный характер этого текста, для него характерны нередко отрывочность, невразумительность, нарушение порядка слов в предложении; некоторая сумбурность повествования; искажение имен собственных, терминов, географических и этнических названий. Но самым главным недостатком летописи является присутствие в ней многих непереведенных китайских текстов, «замаскированных» под имена собственные, термины, географические и этнические названия. Приходится буквально «вылавливать» эти тексты с помощью изданий «Ляо ши» на китайском, русском и западноевропейских языках (Е Лун-ли, 1979; Ляо ши, 1936; Stein, 1940; Wittfogel, Feng Chia-sheng, 1946 (1949), других письменных источников на русском (переводы), китайском и западноевропейских языках (латинский, староитальянский) [Абул-гази Багадур. Родословная история, 1770; Абулгази-Бахадур-хан, 1768; Алексеев, 1932; Алтан-Тобчи, 1858; Армянские источники, 1962; Бичурин. Собрание сведений, 1950-1953; История монголов, 1874; Книга Марко Поло, 1956; Кюннер, 1961; Материалы по истории, 1984; Материалы, 1973.; Материалы, 1990; Материалы, 1938; Матузова, 1979; Мен-да бей-лу; Мункуев. Китайский источник, 1965; Мэн-гу-ю-му-ци, 1895; Палладий. Старинное монгольское сказание, 1866; Плано Карпини., 1997; Плано Карпини., 1911; Путешествие, 1957; Пэн Да-я и Сюй Тин, 1960; Рашид-ад-дин, 1946-1960; Сокровенное сказание, 1941; Тюрюмина. Военное дело, 1992; Шэн-ву-цин-чжэн-лу, 1877; Roger Bacon, 1914; The Opus Majus of Roger Bacon, 1897 – 1900; The Opus Majus of Roger Bacon, 1928], сравнивать китайские иероглифы и их русскую произносительную норму, что позволяет нам более или менее свободно ориентироваться в лексическом материале «Дайляо гуруни судури», анализировать зачастую искаженные маньчжурские транскрипционные единицы, угадывать по контексту, какие именно китайские слова они передают.

Можно надеяться все же, что после издания маньчжурского варианта «Истории Золотой империи» подготовка к публикации маньчжурского варианта «Ляо ши» – «Дайляо гуруни судури» станет очередным шагом в расширении источниковой базы изучения средневековой истории народов российского Дальнего Востока и государств ближайшего к нему зарубежья – Китая, Кореи и Монголии. После завершения перевода «Дайляо гуруни судури» останется ввести в научный оборот третий источник – маньчжурский вариант «Юань ши» и такая цель ставится участниками проекта на отдаленное будущее.

Другим важнейшим блоком проекта является первая в русском востоковедении работа, посвященная истории киданей – «О владычестве киданей в Средней Азии». Автором ее был Михаил Николаевич Суворцов. Вплоть до недавнего времени пользоваться этой работой, хранящейся в фондах Архива Востоковедов СПбО ИВ АН РАН, могли только специалисты. Основательность и добросовестность метода работы М.Н. Суворцова, научная значимость проанализированных им сведений уже давно вызывали у исследователей желание познакомить самые широкие круги научной общественности с этим уникальным памятником русской синологии. Однако в силу целого ряда технических причин эта трудоемкая работа все время откладывалась. Мешало осуществлению этого необходимого и желанного мероприятия также полное отсутствие каких-либо сведений о самом М.Н. Суворцове, его жизни и деятельности. Не известны были даже его имя и отчество. В

настоящее время благодаря некоторым обнаруженным архивным материалам появилась возможность дать небольшой предварительный очерк о начальном этапе научной деятельности этого весьма интересного китаеведа прошлого столетия.

Сведения о нем, сохранившиеся в архивах и опубликованных материалах [Архив С.-Петербургского Университета; Главный Архив МИД; Протоколы, 1870; Протоколы, 1871], оказались действительно скудными и свелись к следующему. М.Н.Суровцов родился 20 октября 1850 г. в селе Кабанское Верхнеудинского округа Иркутской губернии. Благодаря стараниям матери и «собственному усердию» он получил неплохое по тем временам образование. М.Н. Суровцов был «награжден серебряной медалью, с правом, при поступлении в Гражданскую службу, на чин XIV класса». Хотя выпускники подобных гимназий обязаны были после получения образования прослужить шесть лет в Сибирских губерниях, «казенно-коштный воспитанник» Михаил Суровцов благодаря хлопотам матери был направлен «согласно его желанию в Санкт-Петербургский университет по факультету Восточных языков на имеющуюся вакантную стипендию Генерал-Адьютанта Игнатьева». Так он стал студентом первого курса китайско-маньчжурско-монгольского разряда.

После четырехгодичного курса обучения М. Н. Суровцов решил остаться в университете еще на один «прибавочный» год, в течении которого студенты обычно совершенствовали свои знания языков. Но в связи с тяжелым материальным положением он уже в октябре 1872 г. вынужден ходатайствовать об определении своем на службу в Азиатский Департамент Министерства Иностранных Дел. Получив диплом 2 января 1873 г., кандидат М.Н. Суровцов, по просьбе Министерства Иностранных Дел и с согласия Главного Начальства Восточной Сибири, отправляется на службу в Азиатский департамент. 25 января 1873 года Департаментом Личного Состава и Хозяйственных Дел Министерства Иностранных Дел было отправлено на рассмотрение в Правительствующий Сенат Представление «об утверждении чиновника сверх штата при Азиатском Департаменте Михаила Суровцова». Утверждение Сената последовало 22 марта 1873 г. Одновременно М.Н. Суровцов был утвержден в чине коллежского секретаря. Так закончился период его жизни, связанный с углубленной работой над китайскими источниками по истории Восточной Азии в средние века. Именно в это время, еще на студенческой скамье, и была написана им одна из первых в мировой синологии обобщающих работ по истории государства Ляо (907–1125 гг.). Государственная служба М.Н. Суровцова продолжалась недолго. К зиме 1873 г. он серьезно заболел. Дата смерти М.Н. Суровцова неизвестна, но можно предположить, что умер он в 1874 году.

Работа М.Н. Суровцова написана на основе «Ляо ши». Источник этот – наиболее важный, полный и разносторонний по содержанию. В нем содержится информация по самым различным аспектам общественной и политической истории киданей.

Работа над темой требовала кропотливого и огромного по объему труда. Необходимо было перевести «Ляо ши» с китайского на русский, что само по себе дело и ответственное и технически весьма сложное. Не так давно попытался проделать эту работу В.С. Таскин, но, столкнувшись с особыми трудностями средневекового китайского языка, отказался от этой идеи. М.Н. Суровцов же сумел достичь поставленной цели и работу сделал на высоком профессиональном уровне, доказательством чему может стать сравнение цитируемых им отрывков с переводами Г. Франке, К.А. Витфогеля, Фэн Цзяшэна, В.С. Таскина.

М.Н. Суровцов первым в истории европейской синологии сделал перевод с китайского сложнейшего текста «Ляо ши», которым пользовались В.В. Григорьев, А.М. Позднеев, Л.Н. Рудов и В.П. Васильев. Из сказанного можно сделать вывод о том, что М. Н. Суровцов в своем труде во многом следует за источником. Этот вывод особенно справедлив в отношении политической истории, которую он действительно описывает в хронологическом порядке, год за годом. Не отказывается он следовать и внутренней структуре той или иной главы источника (например, главы о церемониях и уголовном законодательстве «Ляо ши» и соответствующие разделы его работы).

Труд М.Н. Суровцова уже в процессе работы автора над темой вышел за рамки студенческой работы и сравнялся в методологическом и методическом отношении с образцовыми историческими трудами прошлого столетия. Принимая во внимание высокое качество перевода «Ляо ши» и монографический характер исследования, можно смело утверждать, что работа М. Н.Суровцова не утратила своего научного значения по сей день. Но помимо чисто практического интереса его работа интересна и как попытка проанализировать историю киданей с точки зрения более широкой и сложной проблемы - проблемы взаимоотношений различных культур и цивилизаций. Его исследование неординарно и ярко демонстрирует новые, подчас неожиданные возможности анализа киданьской истории.

Третья часть будущей книги связана с биографией и научной деятельностью Михаила Даниловича Храповицкого (1816 – 1860), автора рукописного очерка «Записки о народе Ляо». Как и в случае с М.Н. Суровцовым, таких материалов оказалось предельно мало. Авторы проекта тем не менее стараются выявить обстоятельства жизни М.Д. Храповицкого, малоизвестного русского востоковеда XIX в., который вписал заметную страницу в изучение истории киданей, не оставшуюся незамеченной и не оцененной последующими поколениями, занимаясь анализом истории Цинской империи (намеревался писать «этюды широкой картины цинской истории»), изучил в совершенстве китайский и маньчжурский языки (переводил с русского на маньчжурский и китайский и обратно текст договора России с Китаем от 1860г.).

Что касается непосредственно сочинения «Записки о народе Ляо», то оно заслуживает специального изучения под углом ценности раскрытия М.Д. Храповицким вопросов ранней истории киданей (их происхождения, установления первоначальной родины, уровня социально-экономического развития, взаимоотношений с Китаем, локализации во времени и пространстве отдельных фактов восточно- и центральноазиатской истории). Эта работа была в числе множества, так сказать, «этюдов» к намечавшейся им широкой «картине» цинской истории. В ней он пошел дальше Н.Я. Бичурина и начал разработку вопросов экономической истории, народных движений и т.д. В отношении собственно киданьской истории работу М.Д. Храповицкого можно считать началом цепи исследований, посвященной отдельным проблемам киданьской истории (М.Д.Храповицкий, М.Н. Суровцов, авторы 20 века). К чести М.Д. Храповицкого надо отметить и то, что он пытается строить работу на строго научной, экспериментальной основе, выдвигая на первый план построение истории Китая на основе китайских памятников, и потому отбрасывает стереотипное представление о китайцах как о «низшей расе», а их культуре как культуре «отсталого» народа. Хотя он и писал многие работы как своего рода «заметки для себя», но поднимал и разрабатывал проблемы актуальные, имевшие большое значение для понимания современности и специфики исторического процесса в Китае. Намеченная авторами проекта работа призвана подтвердить вывод П.Е. Скачкова о том, что публикация «Записок» М.Д. Храповицкого «принесла бы большую помощь науке» [Скачков, 1977].

Издание одного из основных письменных источников по истории киданей и работ востоковедов 19 в. закладывает основу для вывода истории кочевых государств на северной окраине Китая на более высокий уровень исследования. Основанием для такого вывода является и то, что работа ведется с использованием последних достижений как отечественного, так и зарубежного востоковедения, с тщательной проработкой соответствующей научной и справочной литературы. Сама по себе тема, заложенная для разработки в исследовательском проекте, позволит закрепить приоритет нашей исторической науки в этом разделе востоковедения, в котором она традиционно (с конца восемнадцатого века) была в авангарде науки мировой.

Предполагается, что работа над изданием переводов русскими синологами маньчжурских текстов будет продолжена выпуском перевода П.И. Каменского «Мунгальской истории о деяниях Чингисского рода» (перевод раздела «Бэнь цзи» из «Юаньши»).

Под руководством В.Е. Ларичева в Секторе были подготовлены кадры фактически особой научной школы (Васильев, 1984) – востоковедов-археологов, деятельность которых отчасти связана и со средневековой тематикой (См., например, последние работы: [Евсюков, Комиссаров, Кожанов, 1994; Евсюков, Комиссаров, Кожанов, 1990; Евсюков, Комиссаров, 1990; Нестеров, Алкин, 1999; Алкин, 2001]. Результаты деятельности сотрудников Сектора находили и находят отражение и в учебной литературе [Комиссаров, 1991; Комиссаров, Блюмхен, 1991; Комиссаров, 1992; Комиссаров и др. История Новосибирской области, 1996; Варенов, Комиссаров, 1997; Молодин, Комиссаров и др., 1997; История стран Востока, 1998; История стран Востока, 1999; Худяков, Комиссаров, 2002].

Работа подготовлена при поддержке РГНФ, грант 01-01-00450.

Список литературы

Абул-гази Багадур. Родословная история о татарах. Пер. С фр. В. Третьяковского. СПб., 1770.

Абулгази-Бахадур-хан. Перевод В. К. Тредьяковского. Т. 1. СПб., 1768.

Алексеев А. Н. Древняя Якутия: железный век и эпоха средневековья. Новосибирск, 1996.

Алексеев А. Н. Древняя Якутия: неолит и эпоха бронзы. Новосибирск, 1996.

Алексеев А. Н. Первые русские поселения XVII – XVIII вв. на северо-востоке Якутии. Новосибирск, 1996.

Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Введение, тексты и комментарий. Т. 1. XIII - XVII вв. Иркутск, 1932.

Алкин С.В. История изучения и современные представления о времени сооружения "вала Чингиз-хана" // Широкогоровские чтения (проблемы антропологии и этнологии). Мат. науч. конф. Владивосток, 2001, с.60–63.

Алтан-Тобчи. Монгольская летопись в подлинном тексте и переводе. Перевод ламы Галсана Гомбоева. СПб., 1858 (Труды Восточного отделения русского археологического общества, ч. 6).

Армянские источники о монголах. М., 1962.

Архив С. Петербургского Университета. Фонд 4, ед. хр. 3610, связка 3522; Фонд 14. Оп.3. Дело № 15533, 15534, 15539, 15547.

Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.1-3, М.-Л., 1950-1953.

Бутин Ю. М. Древний Чосон (историко-археологический очерк). Новосибирск: Наука, 1982.

Бутин Ю. М. Корея: от Чосона к Трем государствам. Новосибирск: Наука, 1984.

Варенов А.В., Комиссаров С.А. Рабочая программа по курсу "История стран Азии и Африки". - Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 1997. - Ч. 1.

Васильев Л. С. Исследования новосибирских востоковедов // Народы Азии и Африки. 1984. № 2.

Васильев Л. С. Труды востоковедов Сибири. // Народы Азии и Африки. 1977. №1. С. 159 – 163.

Восточная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск: Наука, 1986.

Главный Архив МИД, IV-I, 1872 - 1873. Дело № 2. Оп. 117.

Главный Архив МИД. Фонд Департамента Личного Состава и Хозяйственных дел. Исполнительное отделение, 1 стол, 1873.д. 151, л. 130.

Гончаров С. Н. Китайская средневековая дипломатия: отношения между империями Цзинь и Сун (1127 – 1142). М.: Наука, 1986.

Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск: Наука, 1980.

Даньшин А.В. Государство и право киданей. Диссертация на соискание уч. степени кандидата исторических наук. Л., 1985.

Деревянко А.П., Молодин В.И., Ларичев В.Е., Худяков Ю.С., Комиссаров С.А. Востоковедение в Новосибирском научном центре // Бюллетень общества востоковедов. - М., 1998. - Вып. 1. - С.58-69.

Евсюков В.В., Комиссаров С.А. Цун каогу цзыляо кань нюйчжэньцзу вэньхуа [Культура чжурчжэньского этноса по археологическим материалам] // Ляо Цзинь цидань нюйчжэнь ши цзэ вэньцзи. - Чанчунь, 1990. - Ди и цзи. - с. 199-215 (на китайском языке).

Евсюков В.В., Комиссаров С.А., Кожанов С.Т. История и культура чжурчжэней в советской литературе // Народы Азии и Африки. - 1990. - № 1. - С.169-177.

Евсюков В.В., Комиссаров С.А., Кожанов С.Т. Сулянь вэньсяньчжун дэ нюйчжэньжэнь лиши юй вэньхуа [Советская литература по истории и культуре чжурчжэней] // Бэйфан вэньху. - 1994. - № 3. - С.103-108 (на китайском языке).

Е Лун-ли. История государства киданей (Цидань го чжи). Перев. В. С. Таскина. М., 1979.

История Золотой империи / Пер. Г. М. Розова, коммент. А. Г. Малявкина. Новосибирск, 1998.

История монголов по армянским источникам. Перевод К. П. Патканова. СПб., 1874. Вып. 1-3.

История Новосибирской области с древности до наших времен: Очерки в помощь школьникам, изучающим краеведение. - Новосибирск: "Горница"; Литфонд, 1996 (Комиссаров С.А., составление; Молодин В.И., Комиссаров С.А., послесловие).

История стран Востока в новое и новейшее время // Программа вступительных экзаменов. - Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 1998. - С.76-82 (Варенов А.В., Комиссаров С.А., Лисс Л.Ф.)

История стран Востока в новое и новейшее время // Программа вступительных экзаменов. - Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 1999. - С.75-80 (Варенов А.В., Комиссаров С.А., Лисс Л.Ф.)

Книга Марко Поло. М., 1956.

Комиссаров С.А. Китайский цигун: Метод. указания. Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 1991.

Комиссаров С.А. Китайский цигун: проблемы адаптации: Метод. указания. - Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 1992.

Комиссаров С.А. Мастера китайского цигуна: Метод. указания. - Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 1992.

Комиссаров С.А., Алехин К.А. Юйвэнь юй юйвэньбу [Юйвэнь и племя юйвэней] // Хэйлунцзян миньцзу цункань. - 1998.- № 4. - С.66-67.

Комиссаров С.А., Блюмхен С.И. История изучения "И цзина" ("Книги Перемен"): Метод. указания. - Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 1991.

Кузнецов В. С. Амурсана. Новосибирск, 1980.

Кузнецов В. С. Нурхаци. Новосибирск, 1985.

Кузнецов В. С. От стен Новой столицы до Великой стены. Новосибирск, 1987.

Кузнецов В. С. Цинская империя на рубежах Центральной Азии (вторая половина XVIII – первая половина XIXв.). Новосибирск: Наука, 1983.

Кычанов Е. И. Повествование об ойратском Галдане Бошокту-хане. Новосибирск, 1980.

Кычанов Е. И. Абахай. Новосибирск, 1986.

Кычанов Е. И. Император Великого Ся. Новосибирск, 1991.

Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.

Ларичев В. Е. Азия далекая и таинственная. Очерки путешествий за древностями по Монголии. Новосибирск, 1968.

Ларичев В. Е. История чжурчжэней (XI – XII вв.) // Материалы по древней истории Сибири. Улан – Удэ, 1964.

Ларичев В. Е. Летописные известия о древних тунгусо-маньчжурских племенах сушень-илоу // Известия Сибирского отделения АН СССР. 1964. №11. Серия общественных наук, вып. 3.

Ларичев В. Е. Народы Дальнего Востока в древности и средние века и их роль в культурной политической истории Восточной Азии // Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1980.

Ларичев В. Е. Памятник князю из рода Ваньянь // Древняя Сибирь. Новосибирск, 1974. Вып. 4.

Ларичев В. Е. Письменные источники о племенах нижнего Амура и прилегающих к нему территорий в эпоху раннего средневековья // Восточная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1986.

Ларичев В. Е. Племена Приморья в ранний период истории Цзинь (по сведениям из «Цзинь ши» // Третья научная конференция по истории, археологии и этнографии Дальнего Востока. Тезисы. Вып. 2. Владивосток, 1962. С. 8 – 12.

Ларичев В. Е. Посмертный дар Ф. Ф. Буссе // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1968. Вып. 1.

Ларичев В. Е. Потерянные дневники Палладия Кафарова // Известия СО АН СССР (Сер. Общ. Наук). 1966. №1. Вып. 1.

Ларичев В. Е. Предисловие // Северная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск: Наука, 1992.

Ларичев В. Е. Путешествие в страну восточных иноземцев. Новосибирск, 1973.

Ларичев В. Е. Тайна каменной черепахи. Документальная повесть об одном археологическом поиске. Новосибирск, 1966.

Ларичев В. Е., Тюрюмина Л. В. Военное дело у киданей (по сведениям из «Ляо ши») // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 1975.

Ларичев В. Е. Краткий очерк истории чжурчжэней до образования Золотой империи. // История Золотой империи. Издательство Института археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск, 1998. С. 34-87.

Ларичев В. Е., Маточкина Е. П. Рерих и Сибирь. Новосибирск. 1993.

Ляо ши (История династии Ляо) // Сыбу бэй яо. Т. 33. Шанхай, 1936.

Малявкин А. Г. «Цзиньши», гл. 1. Пер. с кит. // сб. научных трудов пржевальцев. Харбин, 1942. С.41 – 58.

Малявкин А. Г. Борьба Тибета с Танским государством за Кашгарию. Новосибирск: Наука, 1992.

Малявкин А. Г. Историческая география Центральной Азии. Материалы и исследования. Новосибирск: Наука, 1981.

Малявкин А. Г. Китайские источники по истории уйгуров в IX-XII вв. // Изв. АН КазССР. Сер. Ист. №2 (16). Алма-Ата, 1961. С. 72 – 77.

Малявкин А. Г. Маньчжурский вариант хроники государства Аньчунь-Гурунь // Изв. СО АН СССР (сер. общ. наук). 1977. № 1. Вып. 1.

Малявкин А. Г. Материалы по истории уйгуров в IX-XII вв. Новосибирск: Наука, 1974.

Малявкин А. Г. Уйгурские государства в IX-XIII вв. Новосибирск: Наука, 1983.

Малявкин А. Г. Уйгурское турфанское княжество в XIII веке // Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН АзССР. Т. 1. Алма-Ата, 1969. С. 61-67.

Малявкин А. Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. Новосибирск, 1989.

Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. Перевод, предисловие, комментарии В. С. Таскина. М., 1984.

Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. М.: Наука, 1973.

- Материалы по истории кочевых народов в Китае III - V вв.** Вып. 2. Цзе. М., 1990.
- Материалы по истории туркмен и Туркмении.** Т. 1. М., Л., 1938.
- Матузова В.И.** Английские средневековые источники IX - XIII вв. Тексты. Перевод. Комментарий. М.: Наука, 1979.
- Медведев В. Е.** Культура амурских чжурчжэней. Конец X - XI вв. (по материалам грунтовых могильников). Новосибирск, 1977.
- Мен-да бей-лу** (Полное описание монголо-татар). Перевод, комментарии и приложение Н. Ц. Мункуева. М., 1975.
- Молодин В. И., Комиссаров С. А., Варёнов А. В., Соловьёв А. И., Новикова О. И.** Программа собеседования по древней и средневековой истории. Методические указания. - Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 1997.
- Мункуев Н.Ц.** Китайский источник о первых монгольских ханах. М., 1965.
- Мэн-гу-ю-му-цзи.** Записки о монгольских кочевьях. Перевод с кит. П. С. Попова. СПб., 1895.
- Мясников В. С.** Русский маньчжуровед Г. М. Розов // **История Золотой империи /** Пер. Г. М. Розова, коммент. А. Г. Малявкина. Новосибирск, 1998. С. 28 – 33.
- Нестеров С.П., Алкин С.В.** Раннесредневековый могильник Чалиба на р. 2-я Сунгари // Традиционная культура Востока Азии. - Вып. 2. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 1999. - С.153-176.
- Основные научные труды доктора исторических наук В.Е. Ларичева // Восток. - 1992. - № 6. - С.210-212.**
- Палладий.** Старинное монгольское сказание о Чингис-хане. Перевод с кит. // Труды членов российской духовной миссии в Пекине. Т. 4. СПб., 1866.
- Пиков Г. Г.** Буддизм в государстве киданей // Известия Сибирского отделения АН СССР. 1980. № 1. Серия общественных наук. Вып. 1. С. 149 – 155.
- Пиков Г. Г.** Западные кидани в истории Средней Азии и Казахстана (1125 - 1218). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Новосибирск, 1986.
- Пиков Г. Г.** Западные кидани. Новосибирск: НГУ, 1989.
- Пиков Г. Г.** Изучение истории киданей в дореволюционной России // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: История и современность. Доклады международной научно-практической конференции. 12 - 15 октября 1995 года. М., Иркутск, 1995. С. 86 – 90.
- Пиков Г. Г.** К проблеме влияния китайского права на уголовное законодательство киданей // Северная Азия и соседние территории в средние века. Сборник научных трудов. Новосибирск: Наука, 1992.
- Пиков Г. Г.** Кидани и Сибирь // Из прошлого Сибири. Вып. 2. Ч. 1. Межвузовский сборник научных трудов. Новосибирск, 1996.
- Пиков Г. Г.** Малоизвестная страница русского востоковедения (М. Д. Храповицкий) // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур. Тезисы Международной научной конференции. Новосибирск (Академгородок). 26 - 30 июня 1995г. Т. 2. Археология. Этнография. Новосибирск, 1995. С. 210 – 212.
- Пиков Г. Г.** Неизвестная страница русского востоковедения // Арсеньевские чтения. Тезисы докладов региональной научной конференции по проблемам истории, археологии и краеведения. Уссурийск, 1992. С. 237 – 239.
- Пиков Г. Г.** Некоторые вопросы государственного устройства Западной Ляо // Известия Сибирского отделения АН СССР. 1979. № 1. Серия общественных наук. Вып. 1.
- Пиков Г. Г.** Некоторые вопросы экономики западных киданей // Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск: Наука, 1980.
- Пиков Г. Г.** О столице государства западных киданей // Восточная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск: Наука, 1986.

Пиков Г. Г. Организация военного дела в государстве кара-киданей //Известия Сибирского отделения АН СССР. 1983. № 1. Серия общественных наук. Вып. 1.

Пиков Г. Г. Рабство в империи киданей //Социальные группы традиционных обществ Востока. Ч. 1. М.: Наука, 1985.

Пиков Г. Г. Семейно-брачное право у киданей. - В кн.: Дальний Восток и соседние территории в средние века., Новосибирск, 1980.

Плано Карпини. История монгалов. Рубрук. Путешествие в восточные страны. Книга Марко Поло. М.: Мысль, 1997.

Плано Карпини. История монгалов. СПб., 1911.

Протоколы заседаний Императорского Санкт-Петербургского университета за первую половину 1870-1871 академического года. С приложением №3. СПб., печатня В. И. Головина, Владимирская, № 15. 1871.

Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского Университета с приложениями. СПб., 1870. Д. №15.

Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.

Пэн Да-я и Сюй Тин. Краткие сведения о черных татарах //Проблемы востоковедения. 1960. №5.

Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. 1-3. М., Л., 1946-1960.

Северная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск: Наука, 1992.

Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск: Наука, 1975.

Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977. С. 157.

Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240г. Т. 1. М., Л., 1941.

Суровцов М. Н. О владычестве киданей в Средней Азии //Архив востоковедов ЛО ИВ РАН. Фонд А. М. Позднеева, № 44, ед. Хр. № 278.

Тюрюмина Л. В. Gabelentz C. von der. Geschichte der Grossen Liao. Spb., 1877. Перевод с немецкого языка. Рукопись.

Тюрюмина Л. В. Военное дело у маньчжуров (сведения из “Мань-вэнь лаодан”)//Северная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1992. С.93-99.

Тюрюмина Л. В. К истории создания маньчжурского перевода «Ляоши», «Цзинь ши» и «Юань ши» //Материалы конференции «Этногенез народов Северной Азии», вып. 1. Новосибирск, 1969. С. 139-140.

Тюрюмина Л. В., Ларичев В. Е., Лебедева Е. П. Гибель империи Ляо // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974.

Храповицкий М. Д. Записки о народе Ляо // Отдел рукописей Государственной библиотеки. Фонд 273. №2891. Л. 398 – 409.

Худяков Ю. С., Комиссаров С. А. Кочевая цивилизация Восточного Туркестана. Учебное пособие. Новосибирск, 2002.

Центральная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск: Наука, 1990.

Центральная Азия и Тибет. Новосибирск, 1972.

Шэн-ву-цин-чжэн-лу. Описание личных походов священно-воинственного (Чингисхана) //Восточный сборник. Т. 1. СПб., 1877.

Geschichte der Grossen Liao. Aus dem Mandschu übersetzt von H.A. der Gabelentz. St.-Petersburg, 1887.

Roger Bacon. Commemoration Essays. Ed. By A. G. Little. Oxford, 1914.

Stein R Leao-tsche. T'oung Pao. V.35, Leiden, 1940. P. 1 – 154.

The Opus Majus of Roger Bacon, ed. by J. H. Bridges. Vol. I – II. Oxford – London, 1897 – 1900.

The Opus Majus of Roger Bacon, transl. R. B. Burke. Vol. I – II. Philadelphia, 1928.

Wittfogel K., Feng Chia-sheng. History of chinese society: Liao (907 – 1125). Philadelphia, 1946 (1949).

НОВОСИБИРСКАЯ ШКОЛА АРХЕОЛОГОВ-ВОСТОКОВЕДОВ

Востоковедение работает с текстами, археология – со своими вещественными источниками, археологическими памятниками. От Причерноморья до Тихого океана археологам неизменно приходится обращаться к письменным и эпиграфическим источникам на древних и современных языках народов Азии, а востоковеды повсеместно сталкиваются с археологическими объектами. Взаимное притяжение наук возникло еще до их разделения в современной академической среде. Продуктивное соединение археологии и востоковедения отразилось в трудах петербургских востоковедов: М.В. Воробьева (япониста, корейста и китаиста) [1958; 1961; 1975; 1997], М.И. Никитиной (корейстки) 1982; 2001], Е.И. Лубо-Лесниченко (китаиста) [1975; 1994]. Выдающийся московский китаист М.В. Крюков в годы учебы в Пекинском университете в 1957-1962 гг. участвовал в раскопках иньских и чжоуских могильников. Богатейшая археология Китая отражена в книгах созданной им в соавторстве с коллегами серии трудов по этногенезу и истории китайцев 1978; 1983; 1984].

Уникальную, единственную в России школу археологов-востоковедов создал в Новосибирске Виталий Епифанович Ларичев. Как и М.В. Воробьев, он вошел в археологию как ученик и аспирант А.П. Окладникова, с 1953 года работал с ним в экспедициях на Дальнем Востоке, в Сибири и Монголии. В 1974 г. в группе А.П. Окладникова В.Е. Ларичев месяц работал в Пхеньяне, ознакомился с коллекциями, участвовал в раскопках. В 1972 г. в Институте истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР под руководством В.Е. Ларичева был создан сектор истории и археологии стран зарубежного Востока, а на гуманитарном факультете Новосибирского университета начата подготовка востоковедов-археологов. За 30 лет работы сектора создана единственная в России группа востоковедов-археологов, издана серия трудов по истории и археологии стран Дальнего Востока, Монголии и других стран Азии, а также Сибири, Приамурья и Приморья.

В моей и доступных мне библиотеках есть 25 томов серии “История и культура Востока Азии”. К сожалению, после первых четырех выпусков, они выходили без нумерации и общее их число мне неизвестно. Опубликованы в этой серии несколько авторских монографий. В.В. Евсюков [1988] на основе семантического анализа росписей северокитайской неолитической керамики культуры яншао выделил сюжеты космогонического мифа об отделении неба от земли с фигурой демиурга Паньгу; сюжеты, отразившие вертикальную (мировое дерево) и горизонтальную структуру мира (четыре стороны света). Здесь же прослеживается и мифологическая черепаха, занимающая центральное место в корейской мифологии. Обнаружилась в росписях и календарная графика. С.С. Комиссаров [1988] исследовал комплекс чжоуского оружия древнего Китая. Трудно переоценить значение этой работы для датировки бронз всего востока Евразии. Капитальное исследование археологии Якутии в 3-х томах опубликовал А.Н.Алексеев [1996].

Целый ряд исторических исследований в серии опубликовали виднейшие российские востоковеды Е.И. Кычанов, М.В. Воробьев, Е.И. Лубо-Лесниченко, В.С. Кузнецов, последний – автор монографии о политике Цин в Центральной Азии [1983]. Выходец из харбинской школы русских археологов А.Г. Малявкин опубликовал капитальную подборку материалов по истории уйгуров [1974]. Печатались в серии и другие представители этой школы: В.С. Таскин и Е.П. Момот.

Много материалов опубликовано по археологии Китая, здесь труды главы школы В.Е. Ларичева и его учеников: А.В. Варёнова, С.В. Алкина, В.В. Евсюкова, С.А. Комиссарова, С.Т. Кожанова, и плеяды китайских археологов Линь Юня, У Эня, Ян

Чжицюня, Фан Цидуна, Го Дашуня, Хао Сыдэ, Лю Сяодуна, Лю Цзинвэня, Ли Цзяна [Китай в эпоху древности, 1990; Древние культуры, 1994] Тематически археология Китая представлена от палеолита до средневековья. Работы новосибирских китаистов отличает гармоничное сочетание археологии и китаеведения, глубокое проникновение в специфику китайской культуры.

Серия исследований посвящена Монголии, рядом с русскими исследователями – труды монгольских коллег: Б. Ширендыба, В. Ринчэна, Г. Сухэбатора, Ч. Далай [Сибирь, Центральная..., 1975].

Среди авторов серии крупнейший авторитетнейший в мире специалист по палеолиту Центральной и Передней Азии В.А. Ранов, индийский археолог А.К. Гхош, этнограф и антрополог Н.Н. Чебоксаров, академики археологи А.П. Деревянко и В.И. Молодин.

В.Е. Ларичеву принадлежат опубликованные в серии исследования по археологии Кореи – от палеолита до бронзового века [1976, 1978]. В этой же серии опубликована и часть работ В.Е. Ларичева по астроархеологии [1992, 1994 а, б]. Открытая им в Хакасии палеолитическая обсерватория “Белая лошадь”, как минимум, втрое старше знаменитого Стоунхэджа.

Новосибирцы удачно сочетают экспедиционные полевые исследования, работу с письменными источниками и с научной литературой на дальневосточных языках. Новосибирск стал притягательным центром для археологов Кореи, Японии, Китая, Монголии. В этом немалая заслуга директора Института археологии и этнографии СО РАН академика Анатолия Пантелеевича Деревянко, не прекращающего полевые исследования в Монголии, Казахстане, Узбекистане, и востоковедного сектора во главе с В.Е. Ларичевым. Новосибирцы ввели в научный оборот огромный по объему материал по археологии Восточной Азии и целый ряд продуктивных идей.

В последние годы налажены совместные работы новосибирских археологов во главе с А.П. Деревянко и В.Е. Медведевым и археологов Республики Корея в низовьях Амура. Вслед за первым отчетом [2000] можно ожидать появления совместных исследований по археологии российского Дальнего Востока и Кореи.

Владивостоку создание подобного центра, как говорится, на роду написано, но, к сожалению, кроме отдельных археологов-востоковедов: Чан Су Бу, А.Л. Ивлиева, первых опытов П.Я. Афремова, сопоставимых с Новосибирском результатов пока нет.

В последнее время Амурский государственный университет в Благовещенске стал ежегодно проводить конференции “Россия и Китай на дальневосточных рубежах”, издавать доклады и сборники статей “Традиционная культура востока Азии”. Думаю, что пример Благовещенска и Новосибирска должен подтолкнуть востоковедов и археологов Владивостока к объединению усилий и интеграции своих дисциплин. Новосибирская школа показала, как продуктивна такая интеграция.

Список литературы

Алексеев А.Н. Древняя Якутия. Железный век и эпоха средневековья. – Новосибирск: Наука, 1996.

Алексеев А.Н. Древняя Якутия. Неолит и эпоха бронзы. – Новосибирск: Наука, 1996.

Алексеев А.Н. Первые русские поселения на северо-востоке Якутии. – Новосибирск: Наука, 1996.

Воробьев М.В. Древняя Корея. – М.: Изд. восточн. л-ры, 1961.

Воробьев М.В. Древняя Япония. – М.: Изд. восточн. л-ры, 1958.

Воробьев М.В. Корея до второй трети VII века: этнос, общество, культура и окружающий мир. – СПб., 1997.

Воробьев М.В. Культура чжурчженей и государства Цзинь (X-1234 г.). – М.: Наука, 1983.

- Воробьев М.В.** Чжурчжэни и государство Цзинь (X-1234 г.). – М.: Наука, 1975.
- Деревянко А.П.** Чо Ю-Чжон, Медведев В.Е., Ким Сон-Тэ, Юн Кын-Ил, Хон Хён-У, Чжун Сук-Бэ, Краминцев В.А., Кан Ин-Ук, Лискин А.Р. Отчет о раскопках на острове Сучу в Ульчском районе Хабаровского края в 2000 г. – Сеул, 2000 (на рус. и кор. яз.).
- Древние культуры Южной Сибири и Северо-Восточного Китая / История и культура Востока Азии.** – Новосибирск: Наука, 1994.
- Евсюков В.В.** Мифология китайского неолита по материалам росписей на керамике культуры яншао / История и культура Востока Азии. – Новосибирск: Наука, 1988.
- Китай в эпоху древности / История и культура Востока Азии.** – Новосибирск: Наука, 1990.
- Комиссаров С.А.** Комплекс вооружения древнего Китая. Эпоха поздней бронзы. – Новосибирск: Наука, 1988.
- Крюков М.В.,** Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос на пороге средних веков. – М.: Наука, 1979; они же. Китайский этнос в средние века (VII-XIII вв.). – М.: Наука, 1984.
- Крюков М.В.,** Переломов Л.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. – М.: Наука, 1983.
- Крюков М.В.,** Софронов Н.Н., Чебоксаров М.В. Древние китайцы: проблемы этногенеза. – М.: Наука, 1978.
- Кузнецов В.С.** Цинская империя на рубежах Центральной Азии / История и культура Востока Азии. – Новосибирск: Наука, 1983.
- Ларичев В.Е.** “Белая лошадь” Чёрной горы (астрономические аспекты памятника и астральная подоснова искусства древнекаменного века Сибири) // Древние культуры Южной Сибири и Северо-Восточного Китая / История и культура Востока Азии. – Новосибирск: Наука, 1994 а, С.9-40.
- Ларичев В.Е.** Богиня Луны // Древние культуры Южной Сибири и Северо-Восточного Китая / История и культура Востока Азии. – Новосибирск: Наука, 1994 б, С.40-52.
- Ларичев В.Е.** Неолит и бронзовый век Кореи // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности. Неолит и эпоха металла. / История и культура Востока Азии. – Новосибирск: Наука, 1978, С.9-87.
- Ларичев В.Е.** Палеолит Кореи // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности / История и культура Востока Азии. Т.IV. – Новосибирск: Наука, 1976, С.8-83.
- Ларичев В.Е.** Святилище созвездия Малая Медведица // Северная Азия и соседние территории в средние века / История и культура Востока Азии. – Новосибирск: Наука, 1992, С.8-23.
- Лубо-Лесниченко Е.И.** Китай на Шелковом пути. Шелк и внешние связи древнего и раннесредневекового Китая. – М.: Наука, 1994.
- Лубо-Лесниченко Е.И.** Привозные зеркала Минусинской котловины. К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири. – М.: Наука, 1975.
- Малявкин А.Г.** Материалы по истории уйгуров в IX-XII вв. / История и культура Востока Азии. – Новосибирск: Наука, 1974.
- Никитина М.И.** Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом. – М.: Наука, 1982.
- Никитина М.И.** Миф о Женщине-Солнце и ее родителях и его “спутники” в ритуальной традиции древней Кореи и соседних стран. – СПб: Петербургское Востоковедение, 2001.
- Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. / История и культура Востока Азии. Т.III.** – Новосибирск: Наука, 1975.

ВЕЧНЫЙ ПОИСК СОВЕРШЕНСТВА

В работах В.Е. Ларичева как исходный материал исследования и неизменный его фон присутствуют предметы материальной культуры, обнаруженные в памятниках от позднепалеолитического времени, вплоть до раннежелезного века. На поверхностях этих вещей, специально выбранных, тщательно подготовленных, нанесены те точно отмеренные группировки цифр, которые, как выясняется, близки, известны и понятны современным астрономам. Сама устойчивость этих многообразных числовых данных подчеркивает определенность передаваемой ими информации, ее строгое соответствие неизменным эмпирическим данным, зафиксированным в глубокой древности и с тех пор хранящимся в стойкой коллективной памяти духовного человеческого сообщества. Именно они оказываются предметом исследований В.Е. Ларичева.

Огромное преимущество и высокая результативность такого выбора предмета исследования и его целей заключается в том, что весь круг наблюдений и выводов осуществляется исключительно в умозрительной сфере и остается в ней, не требуя моделирования, материального воплощения. Все ограничивается четкой фиксацией данных, которые представлены в записях на вещах. Таким образом, сфера исследования непосредственно от архетипического замысла простирается в направлении достижимого в настоящее время конечного результата. Это резко отделяет данное направление исследований от обычной процедуры изучения предметов и явлений материальной культуры, происходящих из археологических контекстов [Кожин, 1998, с. 35-37].

В магистральных направлениях археологических исследований переход от архетипа к путям и видам воплощения архетипического эйдоса, идеи, непосредственного инженерного замысла, происходит в условиях сложных контекстов человеческих интересов; устремлений; возможностей материального, морального, познавательного планов; сомнений; противоречий; несоответствия индивидуальных планов и потребностей личности и нужд, возможностей общества. Поэтому материализуются в культуре длительные этапы развития определенных сторон человеческого быта, хозяйства, экономики, и самих предметов материальной культуры. Таким образом, те же предметы, которые служат для В.Е. Ларичева материалом археоастрономических наблюдений, могут в других сферах изучения представлять развитие материальной культуры, ее изменения под воздействием перемен технологий, производственных материалов, способов их обработки, трансформаций и открытий в сфере инженерной мысли. Эту область наблюдений, связанную с функциями предметов, с развитием технической культуры, а следовательно с типологией серий предметов материальной культуры и всего материального производства в целом, мне хотелось здесь затронуть (принципы подхода предложены: [Кожин, 1984, с.201- 206]).

Предметы материальной культуры всегда складывались в однотипные серии. Объемы серий возрастали, по мере того как все большее число людей пользовалось аналогичными изделиями, а продолжительность периода, когда такое использование осуществлялось, увеличивалась. Именно этими обстоятельствами обусловлена возможность построения структурной и генетической типологии материальной культуры. Разнотипные серии предметов первоначально выполнялись в рамках домашнего производства, где весь набор изделий производственного и бытового назначения исполнялся всеми взрослыми членами семейного коллектива. Затем изготовление их переходит на более обширный общинный уровень, когда появляется специализация трудовой деятельности. К базовым производящим

производственным отраслям (земледелию, скотоводству, охоте, собирательству, бытовому жизнеобеспечению) причастны так или иначе все члены общинного коллектива, тогда как технические, специализированные, требующие особой выучки работы, исполняются немногими членами общины, способными выполнять их наиболее высококачественно, надежно, в достаточном количестве для потребления членами коллектива и с максимальной быстротой.

Развитие материальной культуры во все времена шло в соответствии с потребностями общества, но и с учетом его возможностей (отсюда вечное расхождение между замыслом и исполнением – между архетипической идеей и ее воплощением). Оно зависело от сырьевых, производственных возможностей общества, уровня его технической культуры, выучки и мастерства исполнителей, степени экспериментальной проверки надежности вещей, их испытаний на прочность, длительность использования, функциональную целесообразность. Характерной чертой развития производства оказывается движение от первоначальной полифункциональности к возможно большему дроблению каждой производственной области с целью достижения наиболее высокого качественного совершенства изделий. Здесь проявляется одна из извечных альтернатив человеческой культуры: широта кругозора снижает качество отдельных наблюдений. Однако отсутствие широты затрудняет развитие делает его фрагментарным непоследовательным, часто односторонним. Но это касается, преимущественно, сфер, прямо связанных с материальным производством. Там, где дело касается чистого разума, трудов его, обусловленных практическими целями, но не ограниченных скудными возможностями материального производства, с его еще неразвитой инженерно-технической базой, недостаточным энергетическим обеспечением, слабым механическим снаряжением и массой других производственных препон, - возможности усвоения и постижения нового становятся поистине безграничны. Области духовной, в частности, археоастрономической культуры, которые приоткрывают исследования В.Е. Ларичева, представляют подтверждение этим выводам.

Возвращаясь к материальному производству непосредственно можно констатировать, что в нем (имея в виду периоды от палеолита до раннего железного века) слишком невелик еще зазор между прямыми целями производства и способами их достижения. Деятельность преимущественно сосредоточена на непосредственных целях производства, а не на промежуточных операциях, имеющих значение для инженерно – технического обеспечения самих производственных процессов. Так, все процедуры изготовления бытовой утвари, оружия, орудий труда, инструментов и т. п. сосредоточивались в одних руках, что создавало возможности для выработки производственных приемов, которые становились общими в несвязанных друг с другом функционально производствах. Такое единообразие приемов складывалось именно в силу того, что исполнителем предметов вооружения и украшений для одежды или прически являлся один и тот же работник. Это обстоятельство несомненно способствовало стандартизации производимой продукции в относительно больших (по разнообразию набора производимых изделий и их количеству) сферах производства, но одновременно консервировало (а тем самым и угнетало) производственную технику, лишая деятельность работников полета творческой фантазии, стремлений к совершенству. Таким образом, движение по пути специализации и индивидуализации творческих замыслов и действий оказывалось необходимой частью общего развития всей производственной продукции.

В недавно опубликованной книге В.Е. Ларичева [1999, с.180-182] подробно описано его «знакомство» с одним из шедевров коллекции предметов искусства со стоянки Мальта (мне как непосредственному свидетелю этого эпизода было особенно интересно читать о нем) – скульптурой женщины с детально проработанным изображением головы и лица (что является, как это общеизвестно, большой редкостью в палеолитическом искусстве). Прическа женщины и, в частности, шиньон послужили В.Е. Ларичеву для обоснования сложной системы археоастрономических наблюдений [1999, с.182-196]. Однако, сложная, тяжелая склоненная на одну сторону прическа женщины заставляет задуматься и о чисто

бытовых обстоятельствах. Допустимо, что основу прически составляла коса (или начесанные в одну сторону пряди), свернутая в пучок, закрепленный на левом виске. Способов закрепления волос прически на голове в ойкуменической этнокультурологии зафиксировано сравнительно немного. Они мало менялись на протяжении тысячелетий. Наиболее простой и, очевидно, надежный способ – это использование булавок- заколок, мелких или крупных. В Мальте, Бурети, и в европейских палеолитических памятниках типа Костенок 1, Авдеева, Мезина встречаются стержни и пластины разных форм и размеров, которые вполне могли служить заколками для волос [Абрамова, 1962, табл. XLVII, 4, 5, 9; LIII,7;LV,1-8; XIV,15-19; XXIX,3,4; XXX,1,2; XXXIII, 32-34], хотя для этих предметов нельзя исключить также иных вполне надежно выявляемых функций (см., например: [Кожин, 1999, с.230,250]. Однако, концепция В.Е. Ларичева, объясняющая группировки знаков на бытовых вещах как определенный способ фиксации жизненно важных для коллектива астрономических сведений заставляет и в отношении соответствующих бытовых предметов ставить вопрос об их особой функциональной значимости, об определенном социальном символизме, связанном не только с самими вещами, но и с лицами, которые этими (и подобными) вещами пользовались. Вопрос о причинах помещения священных, ритуальных предметов, значимых для коллектива, в детские захоронения, полагаю, мне удалось разрешить концептуально. Отмечая возможность того, что такие предметы оказывались собственностью определенных кровно - родственных жреческих (здесь использована, конечно, условно расширительная трактовка термина «жрец». Под этим термином следует понимать любое лицо или группу лиц, осуществляющих какие-либо наследственные управленческие функции в коллективе, притом связанные со специальными знаниями и действиями, признававшимися в данном обществе мистическими, священными [Кожин, 1999, с.32, 33] семей., можно полагать, что в них эти инсигнии передавались по прямому наследованию. Тогда помещение священных символов в могилу обозначало пресечение какой-то из прямых родственных нисходящих линий.

Развитие, прогресс – это всегда путь к совершенству, или хотя бы поиски этого совершенства. Как можно заметить в области развития материальной культуры, социальных структур – это долгий и извилистый, изнурительный и тернистый путь, пролегающий в условиях постоянного противоборства (и лишь редкого взаимодействия) идеального мира с материальным. И только в области чистых идей, как показывают работы В.Е. Ларичева, гармоническое совершенство может быть достигнуто единым быстрым и мощным волевым усилием, чему ярчайшим примером и образцом могут служить творения о мироздании И. Кеплера.

Список литературы

Абрамова З.А. Палеолитическое искусство на территории СССР. – САИ - Вып. А 4 – 3. – М., 1962.

Кожин П.М. Архетип и материальное воплощение идей // Архетипические образы в мировой культуре. - Спб.,1998.

Кожин П.М. Типология древней материальной культуры Евразии (неолит – железный век) // Типология основных элементов традиционной культуры. М., 1984.

Кожин П.М. Послесловие // Текстиль эпохи бронзы Евразийских степей / Труды ГИМ. - Вып. 109. - М., 1999.

Кожин П.М. Становление древнекитайской государственности // XXIX научная конференция «Общество и государство в Китае». – М., 1999.

Ларичев В.Е. Заря астрологии: Зодиак троглодитов, Луна, Солнце и «блуждающие звезды». - Новосибирск, 1999.

*Институт Дальнего Востока РАН,
Москва*

ЗАМЕТКИ К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЗНАНИЙ ЧЕЛОВЕКА

Познание начинается с удивления.

Аристотель

Вчерашняя «недопустимая» сказка
уже исследуется знанием.

Н.К. Перих

Среди многих слабо разработанных актуальных научных проблем этнографии, археологии, антропологии, биологии, пожалуй, самую последнюю позицию, к сожалению, занимают вопросы становления и развития этих наук, а в них – формирования знаний человека, начиная с самых ранних этапов его существования. Очевидно, одна из основных причин этого печального явления коренится в трудности самой темы, требующей неременного комплексного подхода к её исследованию. История развития любой науки знает немало имён учёных, которые в процессе целеустремлённого поиска ответа на волнующие его вопросы, может быть, даже неожиданно для себя, а тем более коллег выходят за традиционно установившиеся границы своей науки и далее увлечённо и самоотверженно ищут решения актуальных проблем, используя вдруг открывшиеся новые возможности, привлекая данные других, отнюдь не близких, а порой даже далёких наук. Именно такого рода проблемы, лежащие на стыке различных областей знаний, зачастую остаются в течение весьма длительного времени неисследованными, потому что представители каждой конкретной науки не считают их по сложившемуся стереотипу своими. Новаторы в науке, вошедшие в эту новую тематику и, осознавая со временем все сложности разработки проблемы, тем не менее, берущиеся за её разработку, далеко не всегда и, по крайней мере, не сразу встречают понимание со стороны своих коллег.

Как уже отмечалось выше, к числу самых слабо разработанных вопросов из-за их смежного положения среди наук относятся, с моей точки зрения, прежде всего, проблемы, связанные с историей формирования первобытной науки – знаний человека уже на ранних стадиях его существования и развития. Представляется, что процесс становления первобытной науки был таким же длительным, как и процесс формирования человека, оба процесса шли параллельно и в определённой степени были взаимосвязанными. Осваивая окруживший его мир, человек непрерывно совершенствовал свои знания и совершенствовался.

В этой связи мне представляется уместным обратиться к серии работ востоковеда и археолога В.Е. Ларичева, посвящённых выявлению информационных традиций в первобытном искусстве. Вот уже в течение почти четверти века он скрупулёзно, увлечённо и целеустремлённо разрабатывает методику извлечения календарной и астрономической информации из произведений искусства собирателей и охотников каменного века, эпохи бронзы и раннего железа. Как можно видеть из опубликованных им работ, ему удаётся обнаружить в зооморфных изображениях, широко представленных в археологических памятниках Сибири и других регионов, элементы солнечного и лунного цикла, выявить обширные знания в области астрономии и соответственно календаря древнего человека. Всем этим вопросам посвящена одна из его недавних обобщающих статей [Ларичев, 2000, с. 25–40]. Несомненно, что работы В.Е. Ларичева значительно расширяют наши

представления об астрономических и календарных знаниях первобытного человека уже в эпоху каменного века. Без наличия такого рода древней науки человек не мог обеспечивать своего устойчивого существования и совершенствовать свою хозяйственную деятельность, а именно эти обстоятельства привели, в конечном счёте, к появлению земледелия, ирригации и т. д. Все открытия человека взаимосвязаны и выстраиваются как бы в определённую цепочку.

Археологи хорошо изучили динамику знаний древнего человека о камне, об изготовлении орудий своей деятельности из различных материалов, о появлении и использовании огня в культуре и т. д. Хотя учёные задумываются над многими конкретными вопросами жизни первобытного человека, этапами формирования его знаний, однозначных ответов на многие вопросы нет. Так, нет удовлетворительного объяснения причин появления одежды у народов, живущих в тропическом поясе, где до сих пор отдельные племена не осознают её необходимости и целесообразности.

Признавая социально-биологическую двойственность природы человека, следует подчеркнуть, что на самых ранних этапах его истории (а она по современным данным насчитывает не один миллион лет) биологическое начало играло в его жизни ведущую роль. Первое время он по преимуществу оставался неотъемлемой частью природы. Однако инстинктивное поведение всё больше превращалось в осознанное, накапливались конкретные знания, накладывавшиеся на прежние навыки; вновь проверенные опытом поколений, они постепенно закреплялись традицией. Человек пришёл из животного мира вооружённый определёнными навыками, и они играли свою роль в его социализации.

Представляется, что изучение историко-стадиального формирования знаний у человека с привлечением данных смежных наук имеет громадное значение в первую очередь для этнографии и археологии. В этой связи целесообразно было бы обратить внимание на историю становления медицинских знаний у человека [Решетов, 1975, с. 18–20]. Давно замечено, что животные занимаются «самолечением». Несомненно, что наблюдение за их поведением в этот период расширяло медицинские знания человека. Очевидно, такого рода знания у них передавались по наследству, и они в свою очередь могли быть одним из факторов приспособления человека к среде и выживаемости. В процессе естественного отбора выявлялась ценность умения использовать те или иные определённые растения или минералы в качестве «лечебных препаратов». Такого рода избирательность вследствие её полезности и результативности постепенно закреплялась и в дальнейшем передавалась из поколения в поколение. Формированию медицинских знаний у человека способствовала его конкретная трудовая практика. Прежде чем остановить свой выбор на тех или иных видах окружающей его флоры и фауны, выделить и закрепить их для собирательства, человек в большом количестве перепробовал их. Например, в районах Тихого океана островитяне употребляли и употребляют в пищу насекомых и личинок, как установлено уже современной наукой, обладают большой пищевой ценностью. Можно предполагать, что некоторые растительные продукты питания были со временем отмечены человеком как целебные, дающие определённый эффект для укрепления здоровья. Употребление в пищу мяса, добытого в процессе охоты на диких животных, привело человека к использованию определённых частей туши в качестве лекарств, а постепенно и к изготовлению лекарств животного происхождения. Вообще изготовление лекарственных средств – это уже довольно высокая стадия формирования и развития медицинских знаний у человека. Переход к мясной пище, разделывание туш обогатило человека анатомическими знаниями.

Данные палеоантропологии свидетельствуют о том, что ещё в глубокой древности человек обладал разнообразными медицинскими знаниями, позволявшие ему, по крайней мере, уже в эпоху мезолита совершать хирургические вмешательства и добиваться благоприятного исхода, в том числе при трепанации черепа [Гохман, 1975, с. 11–12]. Человек довольно рано освоил массаж, иглоукалывание, прижигание и др.

Наука сегодня не располагает категорически однозначными ответами на такие принципиально важные вопросы как наличие у животных мыслительных способностей,

сознания, средств коммуникации и т. д. Очевидно, нельзя проводить резкую непроходимую грань между биологической жизнью животных и социальной жизнью человека: при всём качественном различии у первых есть своя социальная жизнь, а у других биологическое наследие. Например, детёныши животных, равно как и дети, играя, приобретают знания, оттачивают приёмы борьбы, умения защитить себя, выявляются заявки на лидерство, что необходимо и тем, и другим в их дальнейшей жизни.

Происхождение многих социальных институтов и аспектов духовной жизни человека до сих пор исследовано совершенно недостаточно. В отечественной науке ещё в 20-е гг. утверждалось, что хорошо исследована область религиозного творчества человека [Преображенский, 1929, с. 164], однако и в наше время наука всё ещё не может удовлетворительно объяснить происхождение многих явлений, которые принято называть суевериями, табу, приметами, обычаями. Конечно, то, с чем этнография сталкивалась в известное время, это разновременный по истории своего формирования материал, но с учётом именно этого обстоятельства не следует пренебрегать и им. Как можно предполагать с известной долей вероятности, они в той или иной степени несут элементы забытых и теперь неведомых, необъяснимых прежних практических знаний в самых разных областях. Многие из них, распространённые у самых различных народов, несомненно, заслуживают внимания учёных разных специальностей. В этнографии начала XX в., в частности, было зафиксировано весьма широко встречавшееся представление о существовании у мужчин боязни прикосновения к женщинам как к слабым существам, о передаче слабости через такое прикосновение. Высказывалась и иная точка зрения: речь идёт об избегании близких отношений с женщиной, а вовсе не о боязни их. Например, коми-зыряне считают, что при половом сожителе выработывается особое вещество *неж*, вредно влияющее не только на участников акта, но и на здоровье детей, на появление болезней, на количество рыбы, дичи и пушного зверя, на удачу в охоте и рыбной ловле и т. д. Чтобы снять вредоносность такого влияния не только на женщин, но и с других, специально установленных лиц, предпринимались особые обряды [Налимов, 1910, с. 155–156]. Аналогичные или близкие представления существовали у рыбаков Амура, охотников Алтая и т. д. Если такого рода представления являют собой по существу всеобщую черту человеческой мысли, то, как мне кажется, они заслуживают пристального внимания и обязательно должны изучаться их причины и истоки.

Учёные, занимающиеся этногенезом народов Мадагаскара, Океании и Америки признают факт древних морских миграций. Одним из центров таких передвижений была Юго-восточная Азия. Как можно предполагать, значительными навыками длительных морских путешествий обладали предки современных индонезийских народов. Однако их мореходные знания крайне слабо изучены, а они были наверняка значительными. Косвенно об этом могут свидетельствовать исследования российским этнографом Б.Ф. Адлером карт первобытных народов, который поставил также вопрос о картах доисторического человека [Адлер, 1910]. Многие путешественники обращали внимание на способность народов Океании, Азии и Америки к ориентированию, к фиксации знакомого рельефа и передаче таких сведений в форме картографического наброска. Так, один эскимос сделал рисунок известного ему отрезка берега, на котором обозначили 49 заливов, бухт, мысов и островов, причём каждый из них имел своё местное название. Зафиксирован набросок из палочек, служивший морскою картою у жителей Маршалских островов. Один из её видов – *маттанг* – своего рода учебно-вспомогательное пособие для плавания между островами, выполнявшее у туземцев по существу роль компаса. Маттанги, как считают специалисты, давали картину движения моря: гряд волн, бурунов, расстояний, с которых видны те или иные знакомые им острова и в меньшей мере фиксировали морские течения. Второй тип – *реббелиб* – это карты всей группы островов, а третий вариант – *меддо* – карты частей архипелага. Во втором и третьем случаях на схемах обозначено взаимное расположение островов и, по-видимому, течения между ними. В начале XX в., к сожалению, такого рода картографические наброски уже не употреблялись, и смысл их уже тогда был далеко не

всегда понятен местным жителям [Картографические наброски малокультурных народов, 1910, с. 58–62].

Своими разнотематическими заметками мне хотелось привлечь внимание коллег к актуальности проблем изучения формирования знаний человека. Конкретным воодушевляющим примером для нас могут служить работы увлечённого труженика науки Виталия Епифановича Ларичева, благодаря усилиям которого мы познаём мир знаний древнего человека.

Список литературы

Адлер Б.Ф. Карты первобытных народов // Известия Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. СХІХ. Труды Географического отделения Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Вып. 2. М.: изд-во Московского университета, 1910.

Гохман И.И. Палеоантропологический материал как источник знаний по народной медицине // Этнографические аспекты изучения народной медицины. Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции 1–12 марта 1975 г. Л.: Наука, 1975.

Картографические наброски малокультурных народов // Землеведение. Периодическое издание Географического отделения Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. ХVІІ. Кн. ІІІ. М.: Типолитография т-ва И.Н. Кушнарєв и К°, 1910.

Ларичев В.Е. Воплощения времени (к проблеме информационных традиций в первобытном искусстве) // История и археология Дальнего Востока. К 70-летию Э.В. Шавкунова. Владивосток: Изд-во ДалГУ, 2000.

Налимов В.П. К вопросу о взаимном избегании полов // Землеведение. Периодическое издание Географического отделения Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. ХVІІ. Кн. І. М.: Типолитография т-ва И.Н. Кушнарєв и К°, 1910.

Преображенский П.Ф. Курс этнологии. М., Л.: Государственное изд-во, 1929.

Решетов А.М. К истории формирования медицинских знаний у человека (к постановке вопроса) // Этнографические аспекты изучения народной медицины. Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции 1–12 марта 1975 г. Л.: Наука, 1975.

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера),
Санкт-Петербург*

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**ЮРИЙ НИКОЛАЕВИЧ РЕРИХ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ИСТОРИИ, КУЛЬТУР
И ЯЗЫКА НАРОДОВ ВОСТОКА АЗИИ
(к 100-летию со дня рождения)**

Ю.Н. Рерих. Нью-Йорк, США, 1929 г.
(фото из архива Музея Николая Рериха в Нью-Йорке)

В конце ноября 1923 г., когда пароход «Македония» с семейством Рерихов на борту вошел в зеленые воды Суэцкого канала, произошла первая встреча Ю.Н. Рериха с Востоком. Ему исполнился тогда 21 год. В этом возрасте многие только начинают искать настоящее жизненное поприще. Он же сделал свой выбор еще в гимназии: конечно же Восток, востоковедение и ничто иное. Неодолимое влечение юноши к Востоку, к его сказочно богатым истории и культуре, полным непередаваемого очарования, возникло под влиянием отца Николая Константиновича Рериха. Тягу к Востоку, постижению его культуры, философии и истории, традиционна для семейства Рерихов. Лидер его, Н.К. Рерих, великий художник, ученый, писатель и мыслитель, раздумывая над историческими судьбами России, часто обращал свой взор к глубинам Азии, пытаясь отыскать там истоки «неожиданных наслоений в лике русской действительной жизни». По его мнению, оттуда, с Востока, из его таинственных недр, пришли на Русь сокровища древнейших культур Азии. Как считал Н.К. Рерих, характер русской национальной культуры не может быть до конца понят без учета контактов народов России и Востока. Всестороннее изучение Азии всегда представлялось ему актуальной задачей. Насколько глубоко увлекал Н.К. Рериха Восток, свидетельствует круг близких ему лиц, среди которых неизменно находились известные востоковеды Б.А. Тураев, Ф.И. Щербатский, С. Ф. Ольденбург, А.Д. Руднев, а также В.В. Голубев.

В свете этого легко объяснить раннее увлечение Ю.Н. Рериха историей, археологией и этнографией Азии. С детских лет он общался с видными русскими учеными-востоковедами, а в доме его родителей часто велись разговоры о мотивах Востока в русской литературе и живописи, о востоковедении как важнейшей части культуры России, о путях синтеза культурных традиций Востока и Запада.

Следует также учитывать, что русское востоковедение конца XIX – начале XX в. достигло впечатляющих успехов. На небосклоне русской науки звездами первой величины сияли тогда имена Б.А. Тураева, Б.Я. Владимирцова, И.Ю. Крачковского, В.П. Васильева, Ф.И. Щербатского, П.А. Коковцева, В.С. Голенищева-Кутузова, С.Ф. Ольденбурга. С одним из представителей этого круга ученых, другом семьи монголистом А.Д. Рудневым, Ю.Н. Рерих еще будучи гимназистом приступил к изучению монгольского языка и литературы, а основы египтологии постигались им при личном общении с выдающимся знатоком древнейших цивилизаций Ближнего Востока Б.А. Тураевым. Юношу отличали исключительное трудолюбие и целеустремленность. Блестящее образование, которое он получил, свободное владение английским, французским и немецким языками, открыли ему доступ к западноевропейской востоковедческой литературе, а достижения отечественного востоковедения стали в последующем базой для его собственных научных исследований. Главную роль в судьбе Ю.Н. Рериха сыграло решение отца «пройти индийский и центральноазиатский пути». Именно это обстоятельство определило выбор учебного заведения – в 1921 г. он поступил в Школу восточных языков индо-иранского отделения Лондонского университета. Сын сознательно готовился стать опорой отца в одном из весьма эффектных русских научных предприятий первой четверти XX века.

Ю.Н. Рерих со свойственной ему основательностью приступил к изучению санскрита, занятия по которому проводил профессор Д. Росс, а также к живому овладению персидским языком. Лингвистическая подготовка была продолжена в 1922 г. в Гарвардском университете под руководством видного санскритолога Г. Ланмана. Ю.Н. Рерих в том же году окончил отделение индийской филологии и получил степень бакалавра. Помимо санскрита тогда же он осваивал пали и китайский язык. В 1923 г. Ю.Н. Рерих окончил Школу восточных языков при Сорбонне, где совершенствовал знания санскрита, иранских языков, а также китайского, монгольского, тибетского, ряда языков Индии и, кроме того, греческого и латыни. Среди его парижских наставников в монгольском языке был знаменитый Поль Пелльо. Ему он обязан тому, что «говорил по-монгольски как рожденный в юрте кочевник». В Сорбонне он стал магистром индийской филологии.

2 декабря 1923 г. Рерихи сошли с парохода и ступили на землю Индии, а в последующие месяцы начали путешествие по стране. Три тысячи километров преодолели они, посетив Калькутту и Бенарес, Джайпур и Сарнатх, Агру и остров Элефанта. Ими осмотрены были десятки древних памятников, сотни бесед провели они как с известными в стране учеными, художниками и писателями, так и брахманами, ламами и паломниками. Н.К. Рерих, описывая пребывание экспедиции в Лехе, сетовал на скрытность монахов. Чтобы раскрыть их «многозначительные тайны», следовало не только знать язык, на котором говорили ламы, но и достигнуть «внутреннего с ними понимания». Ведь сколько несуразностей было разнесено по свету европейцами, будто бы запросто познавшими «тайны» буддизма. Ю.Н. Рериху удавалось достичь этого «внутреннего понимания» довольно легко. Он умел вести со своими собеседниками доверительные беседы. Потому-то обычно скупой на похвалы отец записал однажды в дневнике: «Как прекрасно что Юрий знает все тибетские наречия! Только без переводчика люди здесь будут говорить о серьезных вещах. Сейчас нужно брать в полном знании, в ясном реальном подходе. Любопытство неуместно. Только настойчивая любознательность!»

В этих словах – ключ к пониманию задач Центральноазиатской экспедиции и объяснение ее успехов. 25 000 километров преодолели ее участники, штурмуя горные перевалы и пересекая просторы степей и пустынь. А сколько препятствий создавали на их пути те, кто хотел во что бы то ни стало выдворить из Тибета и Восточного Туркестана русских исследователей. Кажется, сама стихия, при всем ее могуществе, не могла бы состязаться с людьми, одержимых недобрыми замыслами. В такой обстановке постоянного ожидания неприятностей нужно было обладать не только незаурядным мужеством и отчаянной смелостью, но и неиссякаемым терпением, сдержанностью, хладнокровием и великим чувством такта. Этими качествами всецело обладал Ю.Н. Рерих.

В ходе работ экспедиции изучалась география мест, достичь которых мало кому удавалось прежде, в эскизах и этюдах запечатлевался художественный образ неведомой Азии, исследовались быт, обычаи, нравы и наречия жителей гор, степей и пустынь. Во время сотен встреч с людьми, которые принадлежали к самым разным социальным слоям и поклонялись разным богам, формировалось «видение Востока». И если преграды на пути экспедиции преодолевались, а задачи ее решались, то в том была и заслуга Ю.Н. Рериха.

С кем бы ни вступал он в контакт – с видным представителем интеллигенции страны или погонщиком верблюдов, с магараджей или обитателем юрты, с ламой или караванщиком, с пандитом, гуру или йогом, ему, человеку прирожденного обаяния, всегда удавалось создать редкостную по доверительности атмосферу общения. Его, исследователя глубокого и проникновенного, менее всего увлекала «азиатская экзотика». Ю.Н. Рерих стремился к постижению сущности религиозных и философских концепций Востока, к уяснению основополагающих традиций жизни коренного населения Азии. Он вел себя с монголами и тибетцами, киргизами и уйгурами как равный с равными. Он не рассматривал их как бы со стороны, а тем более сверху, как «этнографический раритет», вызывающий изумление «просвещенного европейского ума». В личности Ю.Н. Рериха восхищают ярко выраженное стремление к самосовершенствованию, к достижению высот духовной гармонии. Он служил науке истово и вдохновенно.

Работоспособность его была редкостной. Караваны экспедиции еще продолжали отмерять мили в бескрайних просторах Центральной Азии, а в Париже уже вышла в свет «Тибетская живопись», подготовленная им к изданию за время пребывания в Сиккиме, «заповеднике буддийской культуры». В 1931 г. в Лондоне была опубликована монография «По тропам Срединной Азии», своего рода летопись Центральноазиатской экспедиции. Этими публикациями завершился первый этап научной деятельности Ю.Н. Рериха, связанный с полевыми работами. В 1928 г., он возглавил созданный Н.К. Рерихом «Урусвати» – Гималайский институт научных исследований. Для него начался новый период деятельности, полный заметных свершений. Он не ограничивал свои исследования Индией. Под его руководством осуществлялись экспедиции в Тибет, Монголию, Маньчжурию и Китай. О результатах своих археологических, этнографических и лингвистических изысканий он сообщал в лекциях, которые читал в университете Калимпонга и в Сорбонне.

Однако главные свои усилия Ю.Н. Рерих направил на осуществление комплексного изучения Востока. «Урусвати» виделся ему центром международного сотрудничества исследователей Азии, результаты научных изысканий которых планировалось публиковать в «Журнале Урусвати». В Кашмире, в древней долине Кулу, в одном из самых почитаемых мест Индии, где, согласно легендам, жили великие подвижники и мудрецы, в том числе сам Будда и собиратель Махабхараты риши Вьяса, был зажжен «огонь дружбы и сотрудничества народов Востока и Запада». Ю.Н. Рерих, директор «Урусвати», искусно направлял деятельность немногочисленных сотрудников. Вызывает изумление - насколько разносторонней была она: в «Урусвати» за короткий срок сконцентрировались богатые ботанические и зоологические коллекции; собранный

«лекарственный материал» позволил составить первый в мире атлас тибетских лекарственных трав и приступить к обобщению сведений по тибетской фармакопее; были созданы показательные питомники, а местные «растительные экстракты» посылались в медицинские учреждения Европы для проверки силы их терапевтического воздействия; на основе обширных лингвистических записей был составлен уникальный англо-русско-тибетско-санскритский словарь; старинные рукописи и редкие издания переводились на европейские языки; готовились к изданию словари лахульского и амдоского диалектов тибетского языка; в высокогорьях Гималаев начались исследования космических лучей; начала работать биохимическая лаборатория, в состав которой входил специализированный отдел по изучению рака...

Сотрудники «Урусвати» редко появлялись в кабинетах института – их рабочим местом была вся нагорная часть Южной Азии. Караваны их отрядов пересекали в разных направлениях долину Кулу, Лахор, Ладак, Спит, Лахул и другие районы Гималаев. Оттуда в «Урусвати» потоком поступали всевозможные материалы, в том числе рукописи. Ю.Н. Рерих стремился установить по возможности более широкие международные связи Института с целью научного обмена. Результаты не замедлили сказаться – выдающийся русский ботаник и генетик Н.И. Вавилов запрашивал в «Урусвати» информацию по злакам и получал посылки с семенами для своей ботанической коллекции; материалами «Урусвати» пользовались сотрудники Пенджабского и Мичиганского университетов, ботанических садов Нью-Йорка и Ленинграда, музеев естественной истории в Париже и Нью-Йорке, а также Гарвардского университета. Не менее широкие связи осуществлялись через «Журнал Урусвати». С научным центром в Кулу связали свою жизнь русские ученые Г.Ф. Лукин, К.К. Лозина-Лозинский, В. Шибаев, ботаник Султан Ахмед, выдающийся индийский биолог Джагадис Чандра Бош, профессор Е.Д. Мерилл и Кашиап, буддологи Чомпел, Лобзанг Мингюр Дордже, Лобзанг Цондю, Дава Тензинг, махапандит Рахула Санкритияна. «Много, много ценных сотрудников», – писал о них Н.К. Рерих.

Деятельность Ю.Н. Рериха в «Урусвати» не ограничивалась организаторскими функциями. Исследования в области тибетологии и буддологии, монголоведения и индологии, результаты филологических, историко-культурных и археологических изысканий уже в тридцатые годы прочно утвердили его в ряду видных востоковедов. Особенно значительными оказались достижения Ю.Н. Рериха в разработке проблем тибетологии, которая увлекала его более, чем какая-либо иная отрасль востоковедения. Перу молодого ученого принадлежат поразительные по разнообразию тематики труды. В них освещались вопросы истории, археологии и этнографии Тибета, тибетской исторической литературы, искусства, религиозных ритуалов, тибетского буддизма и тибетского языкознания. Бесценными доселе остаются его описания материальной культуры древних кочевников Севера и Востока Тибета. Путешествие по ранее неисследованным местам высокогорий Центральной и Восточной Азии позволило Ю.Н. Рериху провести сравнение культур обитателей степей и пустынь Монголии и Восточного Туркестана и доказать родство их. Этим проблемам он посвятил многие страницы книги «По тропам Срединной Азии», а также ряда специальных публикаций (монография «Звериный стиль у кочевников Северного Тибета», статья «Кочевые племена Тибета»).

История Тибета неизменно интересовала Ю.Н. Рериха. Он с увлечением работал над переводом и комментариями одного из наиболее ценных трудов по средневековой истории этой страны – «Синего Тэптхэра», составленного в конце XV в. видным тибетским историком Го-лоцзавой Шоннупалом. В толкованиях этого источника он осветил вопросы периодизации тибетского средневековья и дал оценку материалам, положенным Го-лоцзавой Шоннупалом в основу «Синего Тэптхэра» – «Красному Тэптхэру» и хронике «Ба-ше». Перевод текста «Синего Тэптхэра» и введение к нему явились значительным вкладом в историческую литературу. Наряду с исследованиями

тибетского средневековья, а также истории сект и течений тибетского буддизма Ю.Н. Рерих изучал образ Гэсэра, популярного эпического героя монголо- и тибетоязычных народов Азии. Он опубликовал неизвестный ранее востоковедам вариант сказания о Гэсэре, написал исследование «Сказание о царе Кесаре Лингском», в котором подробно рассмотрел иные версии эпоса и высказал ряд соображений относительно времени и места его появления.

Не менее значительны заслуги Ю.Н. Рериха в изучении тибетского и монгольского языков. Особое внимание он уделял сбору и обработке материалов о современных наречиях Тибета, а также составлению лингвистической карты этого района Азии. Многочисленные записи живой разговорной речи, сделанные в различных областях *Тибетского нагорья, позволили ему выделить главные фонетические, морфологические и синтаксические особенности лхасского, северо-восточного и лахульского диалектов тибетского языка.* Вопросам его диалектологии посвящены три монографии Ю.Н. Рериха: «Лажульский диалект тибетского языка», «Учебник разговорного тибетского языка (центральный диалект)» и «Говор Амдо». Общие проблемы тибетского языкознания рассмотрены им в обобщающем издании «Тибетский язык».

В монгольском языкознании Ю.Н. Рериха особо привлекали вопросы взаимосвязей и взаимовлияний монгольского и столь отличного от него тибетского языков. Он связывал проникновение в монгольскую лексику тибетской философской и религиозной терминологии с переводом Ганчжура в эпоху позднего средневековья, когда монгольские ламы-переводчики подвергли тибетские термины фонетической обработке, приспособив их к монгольскому произношению. Громадный интерес вызывают также успешные попытки его восстановить фонетический строй и произношение древнемонгольского языка. Здесь ему помогло изучение лексики, заимствованной коренным населением Тибета в период, когда монголы осуществляли контроль над страной. Пригодилось и его знание тибетского и монгольского языков. Он в совершенстве владел ими и поэтому смог поставить и успешно решить ряд особо сложных филологических проблем.

Интересы Ю.Н. Рериха в области индологии отличались значительной широтой, но постепенно под влиянием отца они сконцентрировались на аспектах буддологии, а так же истории индийской философии. Успехи его в этой отрасли востоковедения производят сильное впечатление. Не случайно его собеседниками были выдающиеся мыслители Индии, в том числе Д. Неру и С. Радхакришнан. Во исполнение задуманного Ю.Н. Рерих перевел жизнеописание тибетского путешественника, «великого гуру» Дхармасвамина, *который посетил Индию в XIII в.; написал статью «К изучению Кала-чакры», положив в основу ее перевод сложного для понимания источника с изложением древнего философско-астрологического учения средневекового Тибета, которое неоднократно привлекало внимание востоковедов в связи с легендами о знаменитой Шамбале; издал перевод «Паралокасиддхи» — источник, в котором содержались редкие сведения об одном из направлений махаяны.*

Как видим, деятельность Ю.Н. Рериха как исследователя и организатора науки отличалась впечатляющим размахом. И все же, несмотря на предельную занятость, он находил время для общественной работы. В частности, известна его роль в отстаивании идей «Пакта охраны культурных ценностей в условиях военного времени»: «Образовательные, художественные и научные учреждения, научные миссии, персонал, имущество и коллекции таких учреждений и миссий будут считаться нейтральными и как таковые будут подлежать покровительству и уважаться воюющими...» Эти предостерегающие слова звучали на заседаниях постоянных комитетов «Пакта», в Комитете по делам музеев при Лиге наций, в Международной комиссии интеллектуального сотрудничества, на международных конференциях «Пакта» Рериха, в обращениях к правительствам и народам всех стран.

Находясь вдали от России, Ю.Н. Рерих оставался верным ее сыном. Известен четкий ответ его отца на вопрос - не собирается ли он перебраться в СССР. «Но я и не перебирался за границу, – отвечал Николай Константинович. – Я путешествую и намечаю новые путешествия, а совсем уезжать из России – такое вообще не приходило мне в голову». То же самое мог сказать и Ю.Н. Рерих. Именно чувство любви к России побудило его в июле 1941 г. обратиться к советскому послу в Англии И.М. Майскому с просьбой зачислить его добровольцем в Красную Армию. В дни, когда над Родиной нависла смертельная опасность, а недруги предрекали ей неминуемую гибель, Ю.Н. Рерих заявил о своей готовности отдать жизнь за нее. В годы войны дом Рерихов у подножия покрытых снегами Гималаев стал центром Индо-Русской культурной ассоциации. На весь мир раздавались отсюда призывы помочь России в борьбе с гитлеризмом. Осенью 1957 г. Ю.Н. Рерих осуществляя мечту отца возвратился в СССР и передал в дар народу завещанное Н.К. Рерихом собрание его картин (418 полотен), 60 из коих хранятся теперь в Сибири, составляя золотой фонд Новосибирской картинной галереи, а остальные в Музее искусств народов Востока. Бесценная коллекция произведений древней монгольской и тибетской живописи была передана им в Эрмитаж. Ю.Н. Рерих привез из Индии уникальную библиотеку – около 5000 томов редких книг и рукописей. Ученый совет Института востоковедения Академии наук СССР, учитывая выдающиеся заслуги Ю.Н. Рериха в развитии востоковедения, представил его к ученой степени доктора филологических наук, а Высшая аттестационная комиссия утвердила это представление без защиты диссертации. Он возглавил в Институте востоковедения АН СССР сектор истории религии и философии Индии.

Так начался третий, самый короткий, но весьма плодотворный период деятельности ученого и путешественника.

Возвратившись на Родину, Ю.Н. Рерих отдал много сил укреплению дружественных связей своей страны с народами Азии. В особенности весом вклад его в становление Советско-Индийского и Советско-Цейлонского обществ дружбы. В этих общественных организациях он продолжил благородные традиции семейства Рерихов и говорил так: «Заветной мечтой отца моего, Николая Константиновича Рериха, всегда была дружба между народами Советского Союза и Индии, дружба, основанная на взаимном понимании культурных сокровищ обоих народов. Только на этой основе заложится прочное сотрудничество обоих народов в великом деле построения мира во всем мире, деле, которому посвятила себя наша страна». Ю.Н. Рерих призывал всемерно помогать народам Азии в строительстве новой жизни, а также поддерживать их стремление сохранить национальное культурное наследие. Сотрудничество нашей страны со странами Востока способствует, как постоянно отмечал он, упрочению мира, развитию науки и становлению дружеских отношений между народами.

Ю.Н. Рерих считал, что труд востоковеда-исследователя должен служить углублению взаимопонимания народов Земли. В секторе истории, религии и философии Индии под его руководством велась напряженная работа. Он поставил перед сотрудниками задачу усилить изучение культурных традиций народов Индии, вызвать интерес к индологии у представителей смежных специальностей и в широких кругах общества. Забота Ю.Н. Рериха о возрождении и укреплении индологии как классической отрасли русского востоковедения вполне отвечала духу времени. За короткий срок ему удалось решить ряд важных задач. Он успешно продолжал научные исследования, подготавливал к изданию свои труды и осуществлял руководство по изучению, переводу и публикации памятников общественной мысли народов Востока. Но особой объект его внимания - молодые исследователи-индологи. Он преподавал им тибетский и три индийских языка. В лекциях и беседах со студентами и учениками Ю.Н. Рерих выступал как учитель, для которого не существовало тайн в самых

глубинных сферах индийской культуры. Они лишились им налета обывательской экзотики, а абстрактные категории преображались в живую конкретность.

За два с половиной года работы в Институте востоковедения АН СССР усилиями Ю.Н. Рериха была создана «рериховская школа» индологов и тибетологов. Ее отличал рериховский стиль исследований – высокопрофессиональный, творческий и глубокий.

Научный и жизненный подвиг Ю.Н. Рериха был высоко оценен в России и за рубежом. За выдающиеся заслуги в изучении культур Центральной и Южной Азии он был избран почетным членом Географического общества СССР, Королевского азиатского общества Лондона, Азиатского общества Бенгалии, Археологического и этнографического общества США, Парижского географического общества и ряда других научных организаций.

Ю.Н. Рерих скончался от сердечного приступа 21 мая 1960 г., немного не дожив до юбилейных торжеств, организованных по решению Президиума Академии наук СССР в Институте востоковедения. На могильной плите, установленной на Новодевичьем кладбище, выше надписи «Выдающийся востоковед профессор Юрий Николаевич Рерих. 16.VIII.1902 — 21.V.1960» выбит символ «синтеза жизни» – на белом фоне красная окружность с тремя кругами посередине. Один из вариантов толкования этой древней эмблемы – «Вечность (большая окружность), выраженная в Прошлом, Настоящем и Будущем человечества (три малых круга)». В изучении великого прошлого, воплощенного в области материальной и духовной культуры человечества, проявились жизненные устремления Юрия Николаевича Рериха, выдающегося востоковеда России.

*Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск*

**ЮРИЙ НИКОЛАЕВИЧ РЕРИХ –
ХУДОЖНИК, ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ИСКУССТВА АЛТАЯ**

2002-й год знаменателен не только 70-летним юбилеем Виталия Епифановича Ларичева, но и тем, что Россия отмечала 100 лет со дня рождения знаменитого востоковеда, великого путешественника и замечательного человека Юрия Николаевича Рериха. Надо сказать, что имена всех членов семьи Рерихов очень популярны у нас, в Сибири. Именно в Новосибирске впервые в нашей стране зародилась традиция проведения представительных Рериховских чтений – научных конференций, которые теперь так широко проводятся в Москве и Санкт-Петербурге. Первые же из них состоялись в 1976 году и были посвящены 50-летию пребывания Центрально-Азиатской экспедиции Рериха в Сибири, на Алтае [Рериховские Чтения. – Новосибирск: Комиссия по востоковедению при Президиуме СО АН СССР, ИИФиФ СО АН СССР, НКГ, 1976]. Надо отдать должное мужеству Председателя оргкомитета – академику Алексею Павловичу Окладникову, а также членам оргкомитета, в том числе и В.Е. Ларичеву – редактору трудов конференции, поскольку в те годы разработка научного наследия учёных, работавших какое-то время за границей, мягко говоря, не поощрялась.

Непросто было также впервые издать на русском языке к 80-летию Юрия Николаевича Рериха его главный труд – «По тропам Срединной Азии». Москва на такое решиться не смогла. Книга появилась в Хабаровске благодаря усилиям редактора В.С. Шевченко и наших смелых сибиряков – А.П. Окладникова и В.Е. Ларичева, написавших предисловие к книге. В.Е. Ларичевым был также написан для неё довольно значительный по объёму очерк о Ю.Н. Рерихе.

Ну а далее прошли ещё несколько Рериховских Чтений, в том числе в 1979 году, посвящённые 50-летию института «Урусвати», в 1982 году, посвящённые 80-летию Ю.Н. Рериха, в 1984 году, посвящённые 110-летию Н.К. Рериха и 80-летию С.Н. Рериха, появилась книга «Рерих и Сибирь» (1993), авторами текста которой были В.Е. Ларичев и Е.П. Маточкин. Готовятся следующие издания по рериховской тематике, вслед за этим Сборником, посвящённый 100-летию со дня рождения Ю.Н. Рериха. Сегодня сибирское рериховедение является признанным научным направлением и в Новосибирске постоянно отмечаются памятные даты, связанные со всеми четырьмя представителями семьи Рерихов. Нынче в Новосибирске, Москве, Санкт-Петербурге и Окуловке Новгородской области, где родился Ю.Н. Рерих, прошли юбилейные конференции, вскрывшие огромный вклад Ю.Н. Рериха в мировую науку и культуру.

Юрий Николаевич Рерих обладал талантом не только крупного учёного, исследователя, полиглота, но и вообще был богато-одаренной художественной натурой. Его способности в области искусства имели в детстве особо благоприятную почву для своего развития. Его родители Николай Константинович и Елена Ивановна были страстными коллекционерами и в их доме находилось большое собрание картин западноевропейских художников. Царившая же атмосфера творчества немало способствовала раннему проявлению эстетических влечений Юрия. Он был постоянным свидетелем того, как под кистью отца – великого русского живописца Н.К. Рериха создавались новые полотна, что пробуждало и в нем желание творить.

И Юрий, и его младший брат Святослав, ставший впоследствии профессиональным художником, в детстве очень любили рисовать. Елена Ивановна Рерих писала о своих сыновьях, что они «оба необыкновенно даровиты, талантливы, но каждый идет своим путем... Старший проявляет любовь к истории и к оловянным солдатикам. Он имел их тысячами. Стратегия – его конек, кровь прадедов сказывается в нем» [Рерих Е.И., 1994, с. 7].

Действительно, в ранних рисунках Юрия немало сюжетов, связанных со сражениями, рыцарскими турнирами, конными атаками. Его увлекал азарт боя, дух вольности, простор азийских степей. Ощущение бесконечности пространства сочетается в его работах с формами и линиями напряженными, острыми, динамичными. На одном из рисунков изображен всадник с копьем возле холма на фоне далекого горизонта. Можно представить, что вот так, наверное, выглядел скиф среди алтайских предгорий. По-видимому, его детское воображение было настолько сильным, что извлекало из глубин памяти образы далёкого прошлого, которые, созревая, просились быть выраженными кистью, пером, карандашом или ритмами стихов.

В то же время его произведения отличает поразительная художественная зрелость. Миниатюрная картина маслом «Благовещение» оригинальна и по своей иконографии, и по исполнению. Дева Мария с архангелом Гавриилом написаны на фоне городского пейзажа с пламенеющими вспышками. Им посылает луч Святого Духа Отец-Саваоф, восседающий на троне. Впечатляет экспрессия, с какой написана живопись небесных сфер.

Юношеские работы Юрия Николаевича 1917 – 1918-х годов отражают его романтическую взволнованность и философские размышления. В них он выступает уже почти сложившимся художником, которому доступны и различные виды техники, и различные жанры. Подчас его произведения довольно заметно отличаются друг от друга, но при всём при этом в них всегда есть ярко выраженная художественная идея. Они мене всего связаны с перипетиями окружающей действительности; в них проявляется богатая духовная жизнь и глубокие переживания автора.

Графическая серия из трёх листов «В замке»¹ производит странное, противоречивое впечатление. С одной стороны, в них строгое построение интерьеров с безупречно решённой перспективой стен, арок, колонн. Однако весь этот величавый парад архитектурных форм сопровождается таинственными, нередко жуткими сценами. То здесь бродит, словно привидение, чья-то тень, быть может, жаждущая отмщения. То разыгрывается кровавая дуэль, напоминающая о библейском убийстве Авеля Каином. Персонаж же во власянице среди животных по внешнему облику близок Иоанну Крестителю; в то же время он подобен Даниилу во рве, окружённому львами. Внутренний диссонанс этих работ проявляется и в чисто изобразительной сфере, где торжественная и строгая линия сводов соседствует с нарочито свободной трактовкой объёмов в виде небрежной штриховки, а мягкие тени заменены зловещими пятнами туши совершенно абстрактных очертаний. Весь этот драматический контраст, видимо, отражал размышления автора над трагедийными началами жизни, его разочарованность в идеалах западной цивилизации.

Карандашный «Портрет Н.К. Рериха» исполнен в целом живописно с моделировкой форм в виде отдельных, чётко очерченных плоскостей определённой свето-тональной интенсивности. Примечательно, что все они композиционно увязаны авторским замыслом, вызывающим ассоциации с огненным цветком. Лепестки его уверенно лепят объём головы и в то же время являются символом пламенного озарения, охватившего портретируемого. Создаётся образ человека, охваченного

¹ Описываемые в статье художественные работы Ю.Н. Рериха см.: [Юбилейная выставка, 1999].

всепоглощающим процессом творчества. И эта череда световых плоскостей – своего рода аллегория нагромождения мыслей, мощной интеллектуальной работы, в которую погружён его отец. Возможно, таким виделся юноше идеал современного человека, быть может, наставника и Учителя.

Пожалуй, самое исповедальное произведение Юрия Николаевича – «Девушка в саду», выполненное тушью на серой бумаге. Оно пронизано настроением грусти и печали. Архитектурные окружение подавляет своими жёсткими и холодными очертаниями. Героиня словно бы сторонится мира людей и тянется к природе. Но и тут, в резких силуэтах деревьев, в изломанных и колких по рисунку стволах с безжизненно свисающими ветвями, нет успокоения. Её фигура, почти бестелесная, застыла в немом оцепенении. Перед ней камень, а далее уходящий куда-то путь...

Полнее понять философию его искусства помогает написанная Юрием Николаевичем в 1921 году «Беседа с Наставником о дверях премудрости». В ней он с необычной для своего возраста глубиной выразил своё понимание жизни. Нельзя не увидеть в этом сокровенном литературном эссе тяготение к духовным традициям Востока. «Путь жизненный – путь скорби странника духа. Жизнь духовная в отрицании себя». И всё же, сколько бы ни было троп страданий, под руководством Учителя деяния могут обратиться в подвиг. Тогда радость победит скорбь и начнётся восхождение. Тогда исполнится заветная мечта – стать «совершенным в совершенстве» [Рерих Ю.Н., 1998, с. 8-9].

Юрий Николаевич не стал живописцем, однако его талант художника не исчез бесследно. Он помогал ему осознать красоту и значение искусства Востока, с которым он соприкасался во время Центрально-Азиатской экспедиции [Roerich G.N., 1931]. Так появились его путевые зарисовки, так рождались его искусствоведческие исследования «Тибетская живопись» (1925) и «Звериный стиль у кочевников Северного Тибета» (1930).

В поисках единства, в попытках наведения новых мостов для объединения народов, как считал Юрий Николаевич, нам не следует забывать уроки прошлого. Эта идея уже начинает овладевать умами человечества и «на наших глазах возникает новая отрасль исторической науки, задачей которой станет нахождение законов, обусловивших возникновение кочевых государств, и изучение древностей великого позабытого прошлого» [Рерих Ю.Н., 1994, с. 110]. Служению этой новой отрасли науки он отдал немало своих духовных и физических сил. Его постоянно увлекал «вопрос об исторической роли и культурном влиянии кочевых племён Средней Азии» [Рерих Ю.Н., 1992, с. 22].

Важной для Центрально-Азиатской экспедиции Рерихов была поездка "в чудесную страну Алтай, уникальный район и один из крупнейших центров древней кочевой культуры" [Рерих Ю.Н., 1999, с. 242]. Действительно, чем далее, тем более Алтай предстаёт сокровищницей древнего искусства с характерными историческими ландшафтами, в которых с далёких времён сохраняются и каменные изваяния, и святилища с петроглифами, и могильные курганы.

На интересные размышления навели Юрия Николаевича каменные человеческие фигуры, которые в изобилии встречались ему на степных просторах к северу от гор Тянь-Шаня. Эти изваяния он отнёс к категории надгробных памятников вождям. Немаловажную обязательную деталь – горящую чашу в руках – Юрий Николаевич расценил как символ, связанный с древним культом огня [Рерих Ю.Н., 1994, с. 174].

Определённую ценность представляют мысли Юрия Николаевича, связанные с изучением наскальных изображений. Он отмечал, что они «являются памятниками старины и связаны с древними формами шаманизма, повсеместно распространённого в высокогорных районах Азии». Его наблюдения над тем, «что их высекают на камнях и по сей день» являются важным научным свидетельством, поскольку бытует

мнение, что в XX веке наскальное искусство прекратило своё существование. Что касается семантики петроглифов, то здесь им высказано интересное соображение по поводу изображения горных козлов, которые, как он считал, «играли важную роль в культе огня» [Там же, с. 47].

Юрий Николаевич констатировал, что «археологические раскопки в этом интересном районе находятся на начальной стадии» [Рерих Ю.Н., 1999, с. 242]. Он отмечал первые изыскания в Русском Алтае академика В.В. Радлова у деревни Катанда и работы профессора С.И. Руденко [Рерих Ю.Н., 1992, с. 22]. Действительно, их исследования известны тем, что дали начало изучению курганных захоронений на Алтае, раскрытие которых значительно обогатило представление об историческом прошлом Центральной Азии.

«Одной из задач нашей экспедиции, писал Юрий Николаевич, - была регистрация обнаруженных нами могильных курганов и других следов кочевой культуры, расположенных вдоль северной границы Тянь-Шаня, Джаириковых гор и Алтая, ещё не описанных в научной литературе» [Рерих Ю.Н., 1994, с.110]. К сожалению, на сегодня мы не имеем сведений о могильниках, обнаруженных экспедицией Рериха на Алтае. Не исключено, что записи на этот счёт ещё где-то хранятся в каких-то архивах и, возможно, будут обнаружены в будущем. Во всяком случае, Юрий Николаевич констатировал, что «археологические раскопки в этом интересном районе находятся на начальной стадии» и полагал, что на Алтае «можно ждать крупных открытий в будущем» [Рерих Ю.Н., 1999, с. 242].

Предсказания Юрия Николаевича вполне оправдались. Раскопки пазырыкских курганов, проведенные С.И. Руденко и М.П. Грязновым, прославили Алтай на весь мир как район замечательных памятников скифской культуры. В последние годы значительные открытия в области изучения алтайских скифов были сделаны сибирскими учёными, в том числе В.Д. Кубаревым и Н.В. Полосьмак. Ими раскопаны курганы Уландрыка, Юстыда, Укока и других мест. Извлеченные из вечной мерзлоты предметы искусства дали в руки учёных новый материал, проливающий свет на культурное наследие пазырыкцев и семантику произведений, выполненных в «зверином стиле».

Проблема так называемого «звериного стиля» в искусстве и его распространения по всей Центральной Азии была постоянно в поле внимания Юрия Николаевича. Его открытия в Тибете предметов, выполненных в канонах звериной орнаментики, продвинули границу бытования этого стиля далеко на юго-восток [Рерих Ю.Н., 1930]. Учёный пришёл к мысли, что «центр этой культуры кочевников, которая так сильно повлияла на искусство более цивилизованных соседей, находился в Алтайских горах – области, изобилующей золотом и металлической рудой, и фауна которой часто отображается в предметах в «зверином стиле» [Рерих Ю.Н., 1999, с.337].

Юрий Николаевич проницательно отмечал, что в наши дни возрождается народное творчество, иногда в виде пророчеств, легенд или напутствий. «Не следует недооценивать значения этой разбуженной силы, таящейся в юртах кочевников...» [Рерих Ю.Н., 1994, с. 138]. События последних лет на Алтае убеждают в правоте его слов.

В 1993 году на плато Укок новосибирскими археологами было сделано сенсационное открытие. Ими исследовалось погребение незаурядной пазырыкской женщины, чье мумифицированное тело сохранилось в древнем льду в погребальной камере кургана №1 могильника Ак-Алаха-3. Весть эта быстро облетела весь Горный Алтай, что привело к возникновению среди алтайцев совершенно самостоятельной мифологии вокруг этой женщины. В газетах появились сообщения, что археологи работали «на месте древнего святилища, которому поклоняются народы Алтая, и

откопали саму «княжну Кадын» – прародительницу алтайцев...» [Молодин, 2000, с. 84].

Наследие скифской культуры в последние годы активно возрождается к современной жизни алтайцев, а «новый звериный» стиль, как и в Тибете, о чём писал в своё время Юрий Николаевич [Рерих Ю.Н., 1999, с. 43], остаётся и поныне любимой орнаментацией предметов декоративно-прикладного искусства у мастеров Горного Алтая.

Список литературы

Ларичев В.Е., Маточкин Е.П. Рерих и Сибирь. - Новосибирск, Новосибирское книжное издательство, 1993. – 192 с.

Молодин В.И. Древности плоскогорья Укок: тайны, сенсации, открытия: Научно-популярные очерки. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2000. – 192 с.

Рерих Е.И. Цит. по: Орловская И.В. Страницы жизни // Ю.Н. Рерих: материалы юбилейной конференции. – М.: Международный Центр Рерихов, 1994. - С.7-14.

Рерих Ю.Н. Звериный стиль у кочевников Северного Тибета, - Прага, 1930.

Roerich G.N. Trails to Inmost Asia. – London, 1931.

Рерих Ю.Н. По тропам Срединной Азии. – Хабаровск: Кн. изд., 1982. – 304 с.

Рерих Ю.Н. Звериный стиль у кочевников Северного Тибета. – М.: Международный Центр Рерихов, 1992. – 40 с.

Рерих Ю.Н. По тропам Срединной Азии. – Самара: Агни, 1994. – 480 с.

Рерих Ю.Н. Беседа с наставником о дверях премудрости // Звезда героя. – Львов: оргкомитет конференции «Звезды Гор», 1998. – С. 8-10.

Рерих Ю.Н. Тибет и Центральная Азия: Статьи, лекции, переводы. - Самара: Издательский дом «Агни», 1999. – 368 с.

Юбилейная выставка произведений Рерихов из частных собраний. Каталог. – М.: МЦР, 1999.

*Республиканский краеведческий музей,
Горно-Алтайск*

ИСТОРИОЛОГИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ М.Н. СУРОВЦОВА

Одним из пионеров изучения истории киданей в России, вслед за Н.Я. Бичуриным (Иакинфом) увидевшим необходимость тщательного изучения письменных источников и разработки проблем киданьской истории прежде всего на их основе, был ныне почти не известный даже специалистам М.Н. Суровцов. Он первым в истории европейской синологии сделал перевод самого авторитетного и полного источника по истории Ляо – династийной истории “Ляо ши”. Этим переводом пользовались в свое время такие крупнейшие специалисты по истории Центральной Азии, как, например, В.В. Григорьев, А.М. Позднеев, А.Н. Рудов. Основываясь на своем переводе, М.Н. Суровцов написал работу по истории киданей, которая была высоко оценена руководством восточного факультета и кафедры китайской словесности Санкт-Петербургского Университета. Произошло это в 1869/70 учебном году [Суровцов М. Н. О владычестве киданей в Средней Азии // Архив востоковедов ЛО ИВ РАН. Фонд А. М. Позднеева, № 44, ед. Хр. № 278. Далее ссылки на эту работу даются прямо в тексте с указанием лишь листов рукописи. О М.Н. Суровцове и его работе см.: Пиков, 1992, С. 237 – 239].

Необходимо отметить также, что в данном случае принципиальна важна и методологическая основа данного исследования, историко-философские и социально-политические взгляды ученого, позволившие ему создать первое в истории кочевниковедения монографическое исследование, посвященное истории одной из крупнейших в мировой истории империй.

К началу работы М.Н. Суровцова над темой в европейской науке уже существовала некоторая традиция их изучения. Интерес к киданям в западной литературе появляется в 18 веке, что было связано с существенным расширением политических, экономических и культурных связей с Востоком. На работах первых авторов, предпринявших попытки обобщения данных источников о киданях, лежит печать филоориентализма, стремившегося обнаружить во вновь открываемых культурных ценностях восточного мира идейную опору в борьбе с феодальной «реакцией» и «мракобесием» духовенства. Вводя в научный оборот известия восточных авторов, европейские исследователи на первых порах заимствовали их из книг средневековых путешественников (М. Поло, П. Карпини, Г. Рубрук) и антологического плана исторических сборников, созданных китайскими («Ляо ши ши» / “Подборка пропущенного в истории династии Ляо” / Ли Э, «Ляо ши ши бу» / “Дополнение к сочинению “Подборка пропущенного в истории династии Ляо” / Ян Фуцзи) и мусульманскими историками (Ибн аль-Асир, Рашид ад-Дин). Однако интересы Д’ Эрбло, К. Видлу и других авторов той эпохи (Дегинь, Гобиль, Грозье. Ж.Б. Дюгальд, Ж. Де Майя) никогда не замыкались лишь на истории киданей. Они описывали более обширный период, нежели время правления киданьских династий. Их книгам были свойственны описательность, комплексность, не перевод, а пересказ источников. Эти авторы, не обладавшие еще навыками строгого научного анализа фактического материала, стремились примирить разнородные источники, путались в именах, династиях. Во второй половине XVIII века происходит знакомство с историей киданей и в России. К этому времени трудами первых русских путешественников и дипломатов в Китае был заложен фундамент отечественной синологии. Развитие отношений с Китаем, формирование различных участков русско-китайской границы, ведение торговых дел требовали специальных знаний и компетентных людей. Первые упоминания о киданях в отечественной литературе основываются на работе западных авторов. Именно в переведенной известным

отечественным поэтом В. Я. Третьяковым на русский язык «Родословной истории о татарах» Абулгази-хана [Абул-гази Багадур, 1770] впервые были упомянуты кидани. Был накоплен значительный фактический материал по истории дальневосточных стран и в начале следующего столетия в фокусе оказались уже отдельные проблемы. Таким образом, к началу работы М.Н. Суровцова над темой уже существовала определенная традиция изучения истории киданей, особенно если вспомнить имена Н.Я. Бичурина, В.П. Васильева [Бичурин, 1828; Бичурин, 1829; Бичурин, 1960; Бичурин, 1950-1953; Васильев, 1886; Васильев, 1857; Васильев, 1859; см. также: Скачков, 1975], но сколько-нибудь основательных и концептуальных исследований не было. Одной из существеннейших причин их отсутствия и было отсутствие определенной и тщательно разработанной методологии. В исторической науке первой половины XIX столетия и происходила выработка первых научно-мировоззренческих систем. Об отсутствии таких необходимых «руководящих основ» как недостатке, присущем многим серьезным ученым, говорит и сам М.Н. Суровцов (л. 2).

Несомненное влияние на этот процесс оказали первые культурологические (Л. Мечников, Н.Я. Данилевский, Г.В. Гегель и др.), социально - политические, философские и экономические концепции (марксизм, немецкая классическая философия, английские экономисты и пр.). Особо, разумеется, надо упомянуть сложно и неоднозначно развивающийся процесс выработки цивилизационного подхода к истории, пытавшийся заменить религиозный (христианский), культурологический (гуманистический) и этноцентричный методы историописания.

Об историко-философских взглядах Суровцова можно судить на основе общего Введения к сочинению и небольших вступлений к его отдельным разделам. Он не ставил перед собой задачи разработать собственную историческую концепцию, а все свое внимание уделяет взаимоотношениям кочевых и оседлых обществ. Нехватка времени и напряженная и сложная работа с источником отразилась на взглядах этого исследователя. Они несколько эклектичны и туманны, но весьма интересны.

Сразу же необходимо отметить, что М.Н. Суровцов, вслед за великим о. Иакинфом и своим учителем В.П. Васильевым, а в конечном итоге одним из первых в европейской исторической науке того времени, основывается на представлении о взаимосвязанности и в какой-то степени взаимообусловленности всех исторических событий («участие в общечеловеческой работе») и в этом плане, безусловно, может быть назван одним из отдаленных и, разумеется, не прямых, предшественников таких концепций будущего столетия, как евразийство (особенно русское) и «мир-системный анализ». Он хотел «прояснить знаменательный век Чингиса, конечно, настолько, насколько это можно сделать через обзор деятельности первой маньчжурской народности - киданей, смененных чжурчжэнями, защищавшимися против ополчений сказанного завоевателя» (л. 3), «но тот век, в котором мы встречаем грозные полчища Монголов, двинувшихся в Европу и поработивших Россию - век Чингисханидов был подготовлен в глубине Азии собственными историческими событиями, исходная точка которых лежала у Великой стены, в двух маньчжурских народностях, сменивших одна другую» (л. 2).

Почти на все эти вопросы М.Н. Суровцов отвечает в самом начале своей работы. Начинает он с критики весьма распространенного в то время пренебрежительного отношения к Востоку: «Немало найдется людей в нашем обществе, которые как-то узкопедантически относятся к Востоку и его изучению. Они не находят ничего, что бы могло занять внимание Европейского ума, считают его сборищем каких-то варваров, не имеющих никакой доли участия в общечеловеческой работе. Во 1-х, нет ничего в мире, что бы ни было достойно изучения, ибо наука - вечное стремление человека к истине - охватывает все, что только имеет жизнь или жило. Во 2-х, очень большой интерес представляет нам Азия в научном отношении, как колыбель европейских народов, откуда они вынесли основные формы мирозерцания, и разнообразившейся только под влиянием других географических условий. В 3-х, изучение переходных форм, встречающихся нам в Средней Азии, столько же вечно, как и изучение установившихся. В 4-х, изучение китайского мира, правда

однообразного по своим формам, но зато много способствующего развитию благосостояния самой Европы, важно как никогда больше. В 5-х, для нас, Русских, вынесших на своих плечах иго монголов, и, может быть, на долгие времена поставленных в коммерческо-политические связи с Средней Азией и Китаем, изучение этих стран, и изучение самое широкое, компетентное во всех отношениях, становится неизбежным и час от часу ощутительным. Не указываю на значение Китая и важность его изучения для будущих политических комбинаций, при наших современных событиях, стремлении к расширению политического и торгового горизонтов, для которого мы предпринимаем постройку железных дорог и пр. Этими постройками, связующими разнообразные национальности и интересы, конечно, в недалеком будущем, мы свяжемся еще крепче с Китаем и Индией, естественные богатства которых превосходят все другие страны. Что произойдет дальше - ответ на это в будущем, а я - не пророк" (л. 1). Здесь ярка видна его социально-политическая позиция. Человек, близко соприкасавшийся на своей родине, в Сибири, с загадочным азиатским миром, несомненно, полюбивший и уважающий его культуру, он не может сдержатъ своего негодования перед примитивным европоцентризмом и в выражениях своего негодования не стесняется: «Азия - не Европа, там народ живет под другими условиями, при другой обстановке и требовать от него Европейских взглядов - слишком педантично и бессмысленно» (л. 74). Влияние широкого распространенного в 19 - первой половине 20вв. китаецентризма на работу М. Н. Суровцова бесспорно: "...весьма естественно встречать в истории народов стремление к большему развитию материальных средств, высказывающееся в различных постановлениях более или менее обуславливающих правильный процесс обогащения государства. Кидани в этом отношении не отставали от других народов и стремились по возможности развивать свое материальное богатство, лучшим доказательством чего может служить ряд императорских указов и постановлений... Но надо заметить, что собственными, единичными силами они сделали бы весьма мало и только при посредстве цивилизованного Китая, его вековых опытов, им удалось довести свое материальное положение до более или менее удовлетворительных результатов..." (л. 56). В наши дни эта же мысль звучит несколько иначе: «Кочевые империи возникали как средство адаптации к крупным земледельческим государствам» [Крадин, 1995]. Конечно, только чрезмерной увлеченностью можно объяснить его представление об Азии как "колыбели европейских народов". Но зато заслуживает всяческого внимания указание его на "Среднюю Азию" как регион существования так называемых переходных форм, это хорошо напоминает современные наши представления о контактных зонах. Он предвидит, что "коммерческо-политические связи" со странами Восточной Азии, особенно с Китаем, будут установлены "на долгие времена", что Китаю, этой одной из самых отсталых в те времена восточных стран, предстоит сыграть важную и большую роль в "будущих политических комбинациях". Имея в виду именно практические и научные цели изучения Китая и его соседей, он и анализирует переведенный им источник.

Здесь сказываются, вероятно, и его политические настроения как представителя класса буржуазии, недаром он ратует за "расширение политических и торговых горизонтов" до Китая и Индии, с некоторой долей киплингского, колониального энтузиазма восторгается он их естественными богатствами. Это подтверждается его собственным примером "бунта Киргизов". Он обвиняет "власть имущих... нашего отечества" в том, что они пытались насильно русифицировать киргизское население и ввести у них "формы европейской администрации", но делает это не из жалости к киргизам, а лишь с целью предостеречь в будущем от подобных, как он пишет, "ошибок". "Немалую услугу, - советует он, - человечеству и особенно нам, Русским, оказал бы Китай своими тонко-дипломатическими изворотами в сношении с кочевниками Средней Азии, оседавшими у его стен, если бы мы покороче познакомились с ним. Это, говорю, потому важно для нас, для наших дальнейших видов в Средней Азии, что некоторые из "власть имущих" институтов нашего отечества наделали множество ошибок при сношении с оными кочевниками, при установлении у них форм Европейской администрации. Я разумею бунт Киргизов, по поводу

введения высших присутственных мест. Между тем как Китайское правительство никогда не делало таких ошибок и, если не всегда умело справляться с кочевыми ордами дипломатически, то, по крайней мере, действовало естественным, более надежным путем поселением между ними своих подданных, как торговцев, ученых, жрецов, ремесленников и пр. И таким образом, втянув их в свои сети, окончательно смыв их индивидуальные черты превращало кочевника в оседлого Китаецца” (л. 1, 9 об).

Из приведенных цитат мы видим, что его исторические взгляды отличаются известной наивностью и эклектизмом, характерными для «научного» и «исторического» девятнадцатого века. Так, например, сравнивая Китай с Грецией и Римом, он приходит к выводу, что “Китайский мир своим тысячелетним существованием доказывает нам, что государство тогда только может жить долгие времена, когда оно будет обладать высшей перед другими - соседними цивилизацией и не будет бессмысленно стремиться к восприятию чужих элементов, часто разлагающих самый состав государственного строя” (л. 2) Подтверждение этой мысли” автор видит в истории древней Греции и Древнего Рима, которые “пали под давлением чуждых элементов, принятых ими”. С одной стороны, здесь традиционное, идущее еще из средних веков, объяснение гибели великих государств и культур вмешательством варваров, но, с другой, и нечто большее, а именно попытка поставить проблему взаимодействия, прежде всего, культурного, различных цивилизаций. Вопрос этот особенно актуален в наши дни. А “вековую привязанность народа к известному строю” обуславливают, по его мнению, “географические причины” и прежде всего “климатические особенности”.

Он не всегда последователен в своих утверждениях, не всегда видит истинную подоплеку тех или иных событий. Так, например, высказывая великолепную мысль о том, что “главная причина падения династии (а не народа) заключается в том, что между правительством и народом не было внутренней связи, взаимной поддержки”, он далее совершенно наивно проводит аналогию между киданьской империей и Францией времен Франко-Прусской войны 1871 г., считает, что Бисмарк в отличие от Наполеона III и Тяньцзо пользовался такой “поддержкой” (л. 77).

Несомненно, его историологические взгляды прочно были связаны с его происхождением из разночинской среды («мещан») и самой национальностью, не случайно он при малейшей возможности проводит аналогии с русской историей и современными ему проблемами российского государства. Это своеобразное и неизбежно усиливавшееся к середине века продолжение традиций русской историографии (Н.Я. Бичурин) и литературы (А.С. Пушкин). В этом плане его особенно интересует проблема взаимоотношения «правительства и массы», «государя и народа» (л. 24, 77 и мн. др.). Одну из основных причин падения империи Ляо Суровцов связывает с национальным вопросом, в котором проявлялись «насилие, жестокость Киданьских правителей». «Жестокость Чжурчженей вызвала на сцену и Чингисхана» (л. 25). На примере «бунта киргизов» он предостерегает Россию от подобных «ошибок», приводящих к тому, что «правительственная власть» может превратиться в «тот же парализующий тормоз, какой мы встречаем и в других, Европейских государствах, например, во Франции после падения «правительственного протекторицианизма» времен Кольбера, когда определялась самая мера производства и т. д.» (л. 56 об). Как тут не вспомнить высказанные тогда же знаменитые слова М. Бакунина о том, что «хорошее государство - это мертвое государство». Подобный подход был достаточно широко распространен в разночинской среде, к которой принадлежал и М.Н. Суровцов.

Характерными язвами общества в это время становятся запрет частной инициативы в промышленности», госрегулирование всей экономической жизни, коррупция, кумовство, «московское волокитство», «канцелярская тайна» европейского законодательства, поляризация верхов и низов общества (он приводит китайскую пословицу о том, что «верх и низ должны пользоваться удобствами) (л. 56 об, 61, 73 об, 74). В подобных случаях, как он считает, «высказывается и отчуждение высших слоев от массы и, пожалуй, непонимание законов развития торговли, для которой нельзя класть рамок» (л. 60 об). «Главная причина

падения» Киданьской «династии (а не народа) заключается в том, что между правительством и народом не было внутренней связи, взаимной поддержки, той солидарности, которая так резко высказывается в Европейских государствах (указываю на современное событие: войну Пруссии и Франции, где в одной из сторон, Прусской, так сильно проявилась эта поддержка... Династия же Наполеонидов пала потому, что воинственное настроение было только в высших сферах, представителем которых явилось воинственное министерство» (л. 77 об).

Достаточно прогрессивным для своего времени нужно признать стремление Суровцова объяснить политическое могущество того или иного народа его «материальным положением» (л. 56). Он не пользуется таким понятием как «исторический прогресс», но, судя по некоторым высказываниям, данная проблема его занимает. Он близок к формирующейся в его время циклической теории, представленной, в частности, немецким историком Леопольдом фон Ранке («каждая эпоха находится в непосредственной связи с Богом»). Киданьская династия «вызвана была на историко-политическую сцену той же самой силой, за счет которой она возросла и которой была задавлена в период своего владычества за Великой стеной, в период развития китайской гражданственности и ее усыпляющей обстановки» (л. 11). Сравнивая двух киданьских императоров Дао-цзуна и Ши-цзуна, живших с интервалом в столетие, он видит то, что их объединяет: оба стремились «поднять национальный дух, засыпавший под влиянием окружающей обстановки» (л. 21). История государства чжурчжэней повторяет историю государства киданей, но чжурчжэни были менее китаизированы и потому сохранили свой «воинственный дух». Это проявилось, по мнению Суровцова, даже в поступках их последних правителей: изнеженный, испорченный китайским влиянием киданьский император Тянь-цзо бежал из осажденного города, а чжурчжэньский Ай-цзун предпочел самосожжение (л. 77). Думается, что перед нами все же не простое подражание западной или восточной историко-философским традициям, а попытка разобраться в этой ситуации самостоятельно. Автор «Цидань го чжи» Е Лунли гибель киданьской династии объяснял вмешательством Неба и развитием государства подобно любому биологическому организму. В соответствии с давней китайской исторической традицией он отмечает, что «как говорит предыдущая история, если гибнет одна деспотическая династия, на смену ей обязательно приходит другая, поэтому Агуда, живший при императору Тянь-цзо, - это тот же Абаоцзи, живший при Поздней династии Тан. Когда кончается момент наивысшего подъема, в реке Цзин начинают течь грязные воды, а в это время такими же грязными становятся дела людей... Наблюдая за неразумным правителем, можно сказать, что о нем болит сердце, но разве его существование, гибель и замена другим не зависят от воли Неба?» [Е Лун-ли. 1979]. Суровцов же в первую очередь выделяет влияние китайской культуры и, как следствие, утрату киданями их самобытности и разрыв связи между народом и правительством (л. 77). Под отсутствием связи между народом и правительством он подразумевает прежде всего возникшее глубокое противоречие между китаизированной аристократической киданьской верхушкой и остающимися верными народным обычаям племенными массами.

История киданей рассматривается М.Н. Суровцовым в неразрывной связи с историей дальневосточного региона в целом и Китая в частности. Это обусловлено не только его общеисторическими воззрениями, но и тем, что в данном случае он основательно зависел от своего основного источника «Ляо ши», а составителей этой хроники интересовали прежде всего взаимоотношения Китая и киданей. Китай для М.Н. Суровцова не только «колыбель европейских народов, откуда они вынесли основные формы миросозерцания» и некоторые великие изобретения (книгопечатание, бумага, компас), но и мощный очаг цивилизации, по влиянию которого находились соседние государства и многочисленные кочевые роды племена. Это не менее мощный очаг, чем западноевропейский, ведь и «на пресловутом Востоке могут родиться и действовать такие же люди, как и на Западе» (л. 17). И здесь развивается «городская жизнь», которая порождает порок. Поэтому, хотя миросозерцание китайцев и «нехитрое», но сами они «не совсем безупречные». Чем цивилизованнее

государство и образованнее общество, тем оно порочнее, но и долговечнее, ведь они не стремятся к “бессмысленному” копированию чуждых элементов культуры (л.6). Кидани же, по его мнению, понимали «различие начал, на которых основывали свой быт две национальности», и стремились отделить себя, устраняя, таким образом, тот диссонанс, который всегда ведет к печальным результатам» (л. 75 об).

Таким образом, автор достаточно отчетливо демонстрирует свой цивилизационный подход, подробно отмечая особенности китайского, а, по его мнению, практически дальневосточного «мира»: замкнутость («замкнутый, узкий мир огромной части человечества, жившего и доселе живущего на одних и тех же основах, на глубокой привязанности народной массы к заветам древности и на небольшом нравственно-политическом кодексе «уважения к старшим»), географическая и климатическая локальность («обусловленность географическими причинами»), китаецентризм, т. е. этноцентризм (Киданьская империя, по его мнению, тоже создала свой «мир», став «коренным государством» («бэнь-го») для своих соседей. Этот факт и само выражение «коренное государство» неоднократно встречаются на страницах рукописи), традиционализм, стабильность существования («неизменяемость»), его длительность («тысячелетняя»), «древность» зарождения, самобытность и оригинальность, позволявшие «отчуждать» «посторонние элементы», уникальность исторического развития, цивилизационно-культурный экспансионизм («общение с другими, посторонними элементами, из которых он может почерпнуть новую энергию и обновление своим силам»), привлекательность своего «имиджа» для других, не только «соседних», но и отдаленных («Запад») цивилизаций, умение «уживаться» с ними, наличие «истинного просвещения», которое способствовало развитию всех форм общественной жизни и, в то же время, являлось «сдерживающей силой», удерживающей народ от преступлений, особое значение литературы и письменности, предельная централизация государства и особая сила «верховой власти», не нуждавшейся в «увекочении понятия о себе такими постройками», как в древнем Египте (л. 2,3, 25, 45 об, 46, 71).

Перед нами в некотором смысле одна из первых попыток дать описание «цивилизации» («мира») как феномена. Разумеется, она далека от научного идеала и достаточно случайна, ибо сам Суровцов перед собой такой цели не ставил, но отказать ему в профессиональной зоркости и исторической наблюдательности нельзя.

Порочной оседлой цивилизации Суровцов противопоставляет “первобытные нравы” кочевников, которые «чисты и безыскусственны», хотя, отчасти противоречит он себе, тоже стремятся к «благоустроенной, гражданской жизни» (л. 64). Вслед за Монтескье, Суровцов заявляет, что «восточные деспоты» «вообще избегают раздражать народ» (л. 64 об) и потому, вероятно, Восток не знает революционных потрясений. Он не раз высказывает мысль о том, что кочевые народы не только не уступают в чем-либо земледельческим, но и в определенном смысле выше их. Воинственность кочевников противостоит “китайской трусости” и “китайской гражданственности”, культура их не примитивна, а своеобразна и воинственность - один из элементов этой культуры. Эти культуры не просто сосуществуют, они противостоят друг другу. Кочевникам он явно симпатизирует, а историю Китая его интересует лишь как дополнение к истории киданей. Рассматривая доимперский период истории киданей, он особое внимание уделяет методам китайских правителей по “привлечению Среднеазиатцев в сети своей обстановки”. Насильственные методы, как, например, “бумажное разделение на округа (по образцу Китая) и введение на землях кочевников китайской администрации, не приводили к желательным результатам”, а “подарки и посулы”, торговля, приемы при дворе, поселение среди китайского населения почти всегда оправдывали себя. Оседлый образ жизни и “другие роды деятельности” кидани заимствовали от Китая. М.Н. Суровцову неплохо удалось показать конфликт двух миров и в период существования империи Ляо. В целом, по его мнению, китайское влияние на киданей носило разрушительный характер. Хотя слияние китайского и национального элементов, с точки зрения отдельных киданьских правителей, позволяли ослабить влияние первого “и

таким образом парализовать его мощное, усыпляющее влияние на дух первенствующей нации” (л. 75), кидани постепенно утрачивали национальные особенности своей культуры, что и было “причиной их скорого исчезновения с политического, а затем и с физического горизонтов” (л. 21). Между тем, с точки зрения М.Н. Суворцова, кочевники внесли немалый вклад в развитие всего человечества и создали свой вариант развития, в частности, свой вариант государственности, который планомерно уничтожался китайцами. Кстати, пожалуй, именно Суворцов впервые употребил в литературе в качестве особого термина выражение «кочевая империя», которое так популярно стало на исходе XX века (л.32, 32 об). Как синоним он употребляет и выражение «инородческие империи» (л. 45 об).

Большое значение придает исследователь роли личности в истории. Для него крайне «занимателен» тот «факт, который так часто встречается на Востоке и особенно в Средней Азии, а именно, значение вождя, полководца, энергия одного лица, обладающего железной волей и быстротой в натиске» (л. 7). Идеалом такого рода, естественно, для него являлся Чингисхан. Суворцов характеризует каждого из киданьских правителей предельно подробно и с достаточно глубоким знанием не только индивидуальной (л. 77), но и социальной психологии. У него есть «любимые» императоры, т. е. те, кто оказал наиболее существенное влияние на развитие государства и «заботился о благе людей». Именно с этой точки зрения, он практически идеализирует Абаоци: “Все это делалось живо, умно, конечно, иногда не без недостатков, свежо, с явным сознанием утвердить новый начавшийся строй, вести народ к славе и материальному обогащению” (л.12). Деятельность же его преемника Дэгуана (Тай-цзуна) “на сцене внутреннего устройства государства, достигшего при нем апогея своего территориального притеснения, заключалась в развитии тех зачатков, которые были положены его отцом” (л. 13). В «постановлениях правительства» видит он «то направление характера Шен-цзуна, которое создано под благотворным влиянием его матери. Истинное понимание нужд народа, заботливость, мягкость в применении уголовных наказаний, неподдельное желание правительства довести граждан до возможного совершенства путем пресечения распрей и тяжб между его членами, облегчение участи заключенных в тюрьмах - вот отличительные черты всей деятельности императора» (л. 17). Последний киданьский император, в отличие от своих предшественников, не обладал необходимой долей пассионарности и для него была характерна «китайская трусость» и «поразительное отсутствие энергии, которая так часто встречается на Востоке» (л.22 об).

Свой вывод о глубоком отличии мировоззрения кочевников и оседлых китайцев М.Н. Суворцов проводит с помощью обзора жизни и деятельности отдельных высокопоставленных женщин киданьской империи. С его точки зрения, женщина «женщина имеет громадное значение в развитии государств и своим положением в данном обществе указывает на самое состояние этого общества, или, выражаясь более наглядно, можно сказать, что женщина есть пульс общественной артерии» и по ее положению можно судить о характере общества: «изолированное, келейное положение женщины в среде общества есть признак усиления единичной, монархической власти и... напротив, там, где женщина пользуется большею свободой, единичная власть немыслима и государство управляется многими равноправными лицами, по республиканскому принципу, ибо... там, где женщина пользуется свободой монархическое начало не находит себе поддержки со стороны вельмож, для жен которых, как лиц, одаренных от природы большим честолюбием, невыносим монархический порядок вещей, при котором они совершенно теряются» (л. 83). Такой панегирик в адрес женщины кажется наивным и забавным, однако, Суворцов приводит ряд достаточно убедительных примеров в его защиту. Если вначале женщины, как, например, императрица Шулюй, могли основательно влиять на политические события, то по мере усиления китайского элемента положение женщин при дворе ухудшается, их дразги и интриги начинают отрицательно сказываться на общем состоянии дел в государстве. Именно в разделе о положении женщин М.Н. Суворцов излагает свою концепцию истории киданей и даже приводит свою периодизацию истории Ляо по императрицам династии: первый период

– Шуллой — Жуй-чжи; второй период – Жуй-чжи — Цинь Ай; третий период – Цинь Ай — Вень-фэй.

Как видим, в определенном отношении М.Н. Суровцов отошел от той тематики, которую ему рекомендовали на кафедре и пошел по своему пути, считая, видимо, культурологические и социально-экономические вопросы более важными. Это, разумеется, связано с его особым интересом к экономике и социальным отношениям. Он видит прямую зависимость между уровнем экономического развития государства и его ролью на международной арене: “с развитием материальных сил развиваются и другие силы: умственные, этические, нравственные и т. д., что и дает возможность народу играть более или менее активную роль в среде других соседних государств”. Развитие же экономики напрямую связано с развитием наук, т. е., иначе говоря, с научно-техническим прогрессом (л.56, 56 об). Сфера же науки, «при известном направлении, не усыпляет деятельность гражданина, а, напротив, порождает ее еще в больших размерах, давая пищу его уму» (л. 75). Подобный подход только намечался в тогдашней науке и М.Н. Суровцов был одним из его пионеров. Подробно освещая додинастийный период истории киданей, он наибольшее внимание уделяет именно «внутренней жизни» этих племен. Описывая события VI века, он рассказывает о их разделении сначала на 10, а потом на 8 “аймаков” (кочевий). Появляющихся в это же время да-жэней (букв. - большие люди) Суровцов характеризует как сеймовых начальников, т. е. отмечает социальные изменения в киданьском обществе, связанные со значительной эрозией родового строя. Вместо “старшин” народными собраниями киданей начинают “заведовать” “богатые” и “могущественные” да-жэни. Изменяется и характер отношений между да-жэнями и остальной массой киданей т. е. идет процесс разложения прежней социальной структуры и складывание характерной для феодального общества “вертикальной” монархической структуры. Однако кидани смогли заложить основы для своего будущего взлета, заняв такую территорию, которая, в соответствии с «законом равновесия», обеспечивала «равномерность» населения и скота «с тем количеством пищи, которую может давать ему известная местность» (л. 62 об). Такая, говоря современным языком, мальтузианско-евразийская методология, помогла исследователю представить крайне подробный рассказ об экономическом развитии киданей. Таким образом, М.Н. Суровцов может быть признан первым исследователем в отечественной науке, попытавшимся осветить и понять “темные века” киданьской истории. Он отвечает и на все вопросы, связанные с границами киданьской империи, политической историей и т. д., но акцент он все же делает именно на социально-экономической проблематике (этому посвящена вся работа, кроме первой тетради). С сожалением приходится констатировать, что после него снова возобладал интерес преимущественно к политической истории. В европейской синологии лишь К.А. Виттфогель и Фэн Цзяшэн впервые обратили особое внимание на экономику, в Японии – Симада Масао, а в нашей – Л.И. Думан в середине 50-х годов, если не считать небольшой обобщающей статьи Л.Н. Рудова [Wittfogel, Feng Chia-sheng, 1946; Рудов, 1961].

Четко прослеживаются в работе и религиозные воззрения исследователя. С его точки зрения, религия имеет крайне важное значение для всей культуры того или иного народа и даже цивилизации в целом. Что хорошо, скажем, для китайской цивилизации (религиозный синкретизм), пагубно для киданей и кочевников в целом. Именно распространение различных учений в империи Ляо, по его мнению, приводило в расколу общества и исчезновению самобытности и целостности киданьской культуры: “отсутствие единства в религиозных воззрениях народа - причина его упадка, как политического, так и физического (утрата национальных особенностей массы)... Таков взгляд мой на значение религии” (л.82, 37 об). В то же время он видит противоречивость конфессиональной ситуации в государстве и в ином: “То, что получено извне, никогда не может создать из народа крепкое, государственное тело, и только то, что выработано веками народной жизни есть основной рычаг, поддерживающий самый состав государства. Таким рычагом и была отчасти шаманская религия”, но, с другой стороны, шаманизм “не предписывает никаких

нравственных тенденций, не может сплотить народ и следовательно создать из него единое крепкое государственное тело” (л. 82). Причина этого в том, что “религия для Востока не играла той роли, какая ей выпала на Западе. Здесь полный индифферентизм, равнодушие, крайнее игнорирование единства религии, между тем, как у нас, на Западе, на этом, кажется, и держится вся государственная жизнь. Восточное государство держится до поры до времени другими рычагами: единством закона, единством крови, единством верховной власти, но не религией. Так что, не ошибаясь, можно казать, что религиозная сфера киданей была широка (четыре религии), но она не имела никакого значения для государственной жизни, и мы видим, что при первом толчке, при первом крике (выражение китайской истории) Северных варваров, государство (династия) пала политически, а народ должен был подпасть под иго победителей” (л.82). Мысль далеко не бесспорная, тем более, что речь идет не о Востоке вообще, а, по сути, лишь о Дальнем Востоке.

Таким образом, можно сделать вывод. При всей противоречивости методологического подхода к данной исторической проблематике, М.Н. Суровцов провел последовательный в методическом отношении ее анализ и, имея собственное представление об истории киданей и их “быте”, создал вполне оригинальное научное сочинение, значительно обогатившее тогдашнюю историческую науку знаниями об одной из интереснейших страниц восточно-азиатской истории в средние века.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, грант №01-01-00450.

Список литературы

- Абул-гази Багадур. Родословная история о татарах / Пер. С фр. В. Третьяковского. СПб., 1770.
- Бичурин Н. Я. Записки о Монголии, сочиненные монахом Иакинфом. Т. 1. Ч.1-2. СПб., 1828.
- Бичурин Н. Я. История первых четырех ханов из дома Чингисова. СПб., 1829.
- Бичурин Н. Я. Собрание сведений по исторической географии Восточной и Срединной Азии. Чебоксары, 1960.
- Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.1-3, М.; Л., 1950-1953.
- Васильев В. П. Записка о монголо-татарах. СПб., 1886.
- Васильев В. П. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века // Труды восточного отделения Русского Археологического Общества. Т.3-4. СПб., 1859.
- Васильев В.П. История и древности восточной части Средней Азии то 10 до 13 века. СПб., 1857.
- Е Лун-ли. Цидань го чжи. М., 1979.
- Крадин Н. Н. Кочевничество в цивилизационном и формационном развитии //Цивилизации. Вып. 3. М., 1995.
- Пиков Г. Г. Неизвестная страница русского востоковедения //Арсеньевские чтения. Тезисы докладов региональной научной конференции по проблемам истории, археологии и краеведения. Уссурийск, 1992. С. 237 - 239.
- Рудов Л.Н. Кидани. - В кн.: Дальний Восток. 1961.
- Скачков П. Е. “Бичуринский период” русской синологии //Проблемы Дальнего Востока. 1975. № 1.
- Суровцов М. Н. О владычестве киданей в Средней Азии //Архив востоковедов ЛС ИВ РАН. Фонд А. М. Позднеева, № 44, ед. Хр. № 278.
- Wttfogel K. A., Feng Chia-sheng. History of Chinese Society - Liao (907 - 1125) Philadelphia, 1946.

ИСТОРИОГРАФИЯ РОССИЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ В КИТАЕ (XVIII – начало XX в.)

Деятельность Российской духовной миссии в Китае по-разному оценивалась в церковной и светской исторической литературе XVIII – начала XX в.: от признания ее больших успехов до утверждения «ничтожности» ее результатов. Неоднозначность оценок порождалась сложностью процесса взаимодействия православия с другими мировыми религиями, отличием миссионерской практики Русской православной церкви от миссионерства католического и протестантского.

Первоначально изучение истории Пекинской миссии сосредоточилось в ее стенах. «Выписка из замечаний о пекинских духовных миссиях» [Материалы... 1905. С.65-71] иеромонаха 4-й миссии (1745-1755 гг.) Феодосия (Сморжевского) была первой попыткой описать и оценить деятельность православных миссионеров в Китае. «Замечания» выполнены в форме хронологических записок и доведены автором до 1751 г. Основное внимание о. Феодосий обратил на негативные стороны жизни и неприглядные черты в характерах миссионеров с 1-ой по 4-ю миссии, что, по его мнению, объясняло причину того, что среди духовных лиц XVIII в. не было ни одного, кто бы основательно изучил китайский и маньчжурский языки. Работа заслужила характеристику «бранного произведения». Известный археограф XIX в. Г.И.Спасский, объясняя подобный тон «Замечаний» о. Феодосия, писал: «Молодость лет, сатирический дух, а может быть отчасти и свойство самих предметов были причиной колких его отзывов на членов миссии, до него находящихся в Пекине» [Материалы... 1905. С. VI]. Феодосием (Сморжевским) впервые был дан критический анализ деятельности миссии. Рукопись была вывезена из Пекина в Петербург приставом Е.Ф. Тимковским в 1821 г., а опубликована только в 1905 г.

Значительный интерес представляет собой «Уведомление о начале бытия россиян в Пейдзине и о существовании в оном грекороссийской веры» [Материалы... 1905. С. 1-45] архимандрита Софрония (Грибовского), начальника 8-й миссии (1794-1808 гг.). Исследование основывалось на архивных материалах миссии. В их числе была и рукопись Феодосия (Сморжевского). В «Уведомлении...» рассказывается о первых русско-китайских контактах и об образовании колонии албазинцев в Пекине. Автор отметил, что потомки пленных албазинцев быстро натурализовались в Пекине и что «здешние крещеные албазинцы ни мало от некрещеных китайцев касательно святой религии не различаются». В «Уведомлении» даются подробные характеристики начальников Российской духовной миссии, приводятся сведения о самом о. Софронии (Грибовском), а также имеются списки учеников, посылавшихся в Пекин с 1-й по 8-ю миссии.

Описание миссий в Пекине на ранней стадии развития русско-китайских отношений встречается так же у архимандрита Амвросия [Амвросий, арх. 1810], архимандрита Аполлоса [Аполлос, арх. 1830], архиепископа Нила [Нил, архиеп. 1861].

Наиболее полное описание первых духовных миссий в Китае было сделано иеромонахом Николаем (Адоратским), членом 16-й и 17-й миссий (находился в Пекине в 1882-1886 гг.). Работа, задуманная как простые записки, вылилась в серьезное церковно-историческое исследование «Православная миссия в Китае за 200 лет ее существования» [(Адоратский) Николай. 1887]. В 1887 г. по этой теме о.

Николай защитил диссертацию и получил степень магистра богословия. В течение всего года труд печатался в журнале «Православный собеседник».

Автор сравнивал историка с художником-мозаистом, «подбирающего цвета к картине и из отдельных частиц составляющего целостное произведение, которое должно отображать положенную в основу его идею». Свою задачу он видел, «при строго православной точке зрения», «в спокойном и объективном изображении событий и лиц» на основе критического отношения к источникам: «...подбирал исторические факты, группировал их для исторической картины, стараясь совершенно ступать своей личности. Не задаваясь совершенно никакими особенными тенденциями и предубеждениями... чтобы... получалось ясное впечатление и складывался определенный взгляд на то или другое событие и на ту или другую описываемую личность, равно как на связь их с предыдущими и последующими явлениями и лицами» [(Адоратский) Николай. 1888. С. 155].

В своей диссертации Николай (Адоратский) использовал материалы архивов (духовной и дипломатической миссий в Пекине (документы XVIII-XIX вв.), Министерства иностранных дел в Москве (конца XVII – начала XIX вв.) и Петербурге (XIX в.), Св.Синода (XVIII-XIX вв.)) и библиотек (в Пекине – духовной и дипломатической миссий, католических миссионеров северной коллегии, в Тяньцзине – А.Д.Старцева по китаеведению, в Шанхае – северно-китайской секции королевского Азиатского общества (North-China-Branch of the Royal Asiatic Society), в Москве – архива МИДа, в Петербурге – Азиатского департамента МИДа, имп. Публичной библиотекой, Синодальной, в Казани – Духовной Академии). Церковный историк разделил источники на две группы: рукописные и печатные на русском, китайском, латинском, французском, немецком, итальянском и английском языках. По многим вопросам исследователь консультировался с начальниками миссий (Флавианом (Городецким), Амфилохием (Лутовиновым)), консулом в Пекине (П.С. Поповым), китаеведами (Э.В. Бретшнейдером, В.П. Васильевым), представителями протестантского и католического духовенства.

Автор труда подробно описал первые восемь духовных миссий, историю создания и состав каждой, привел краткие биографии ее членов с описанием их занятий и трудов. Им была предложена первая периодизация деятельности духовной миссии в Китае. Начало миссии о. Николай относил к 1685 г., когда албазинцы вместе со священником о. Максимом были взяты в плен маньчжурскими войсками. Максим (Леонтьев), в представлении церковного историка, стал первым православным миссионером в Китае. В основу деления на периоды Николай (Адоратский) положил два критерия: национальный (XVIII век – малороссийский состав миссии, XIX век – великорусский) и по задачам, возложенным на миссию (1685-1745 гг. и 1745-1808 гг.). Гранью между двумя периодами автор поставил 1745 г. – начало деятельности четвертой миссии. С этого времени, по мнению о. Николая, изменились отношения между Россией и Китаем, началась правильная отчетность миссии, к «первым задачам деятельности Пекинской духовной миссии – пасению албазинского стада и подготовке в синологии учеников – добавилась еще одна – служение дипломатическим и научным интересам».

«Оригинальное положение» русских представителей православия в Китае он объяснял тем, что «в глазах китайцев наша миссия не имела политического характера», «бескорыстно благодетельствуя своим пасомым, она ограничивалась одной задачей: учила их послушанию... и повиновению». Исследователь высоко оценил усилия миссионеров в деле урегулирования русско-китайских отношений: «Через связи с членами Пекинского Трибунала наши миссионеры вовремя узнавали о предметах более или менее важных для сношений России с Китаем и заблаговременно могли предвзвешивать обо всем российское правительство». Однако необходимо осторожно подходить к сведениям, приводимым автором, так как в них встречаются

неточности. Например, труды Алексея Владыкина, члена 2-й миссии (1729-1735 гг.), приписаны Антону Владыкину, члену 7-й миссии (1781-1794 гг.). Подобные ошибки в работе не редкость.

Диссертации предшествовал ряд статей Николая (Адоратского) о положении дел в миссии в 80-е гг. XIX в. [(Адоратский) Николай. 1884] и о миссионерстве в Китае вообще [(Адоратский) Николай. 1885], очерк о 9-й миссии (1808-1821 гг.) и ее начальнике Иоакимфе (Бичурине) [(Адоратский) Николай. 1886]. Публикации говорят о намерении исследователя довести свою работу до 17-й миссии (1884-1897 гг.). Однако труд так и остался незаконченным. Николай (Адоратский) оставил заметный след в изучении истории православной миссии. Им были найдены неизвестные ранее рукописные труды миссионеров (например, работа Палладия (Кафарова) «Китайская литература магометан» [Палладий, арх. 1887]). Это была первая попытка дать объективный анализ деятельности миссии на основе богатой источниковой базы. Все последующие поколения исследователей при характеристике миссионеров и их трудов ссылались на Николая (Адоратского).

Ценность вышеприведенных работ заключается в том, что в них цитируются документы и материалы архива миссии, сгоревшего во время восстания ихэтуаней (1900 г.).

Юбилейное издание «Краткая история Русской православной миссии в Китае» [Краткая история... 1916] сохранило принцип изложения материала, предложенный Николаем (Адоратским), и продолжило характеристику миссий до 1916 г. Периоды выделены в зависимости от того, какому ведомству была подотчетна миссия: в 1715-1745 и 1864-1914 гг. она находилась в ведении Святейшего Синода, в 1745-1864 гг. – Коллегии иностранных дел (затем Азиатского департамента МИД). За год основания миссии принят 1713 г., когда был утвержден штат 1-й духовной миссии в Китае.

Появление во второй половине XIX – начале XX в. значительного числа трудов церковных и светских миссионерских деятелей о внутренних и внешних миссиях [Ешевский. 1867; Тихомиров. 1900; Ромашков. 1903; Василий, иером. 1906 и др.] было связано с пересмотром системы миссионерской работы в России. Многих исследователей интересовала история распространения христианской проповеди в Китае. Авторы отмечали «ничтожные» результаты проповеди православия в сравнении с деятельностью католических и протестантских миссионеров. Основные причины, по их мнению, заключались в недостаточном количестве средств, отпускавшихся на миссию, и в «устойчивости форм китайской жизни» [Мальшевский. 1860; Сергей (Страгородский). 1892, 1893; Липранди. 1898; Архангелов. 1899; Мальцев. 1906; Троицкий. 1910 и др.]. В ряде публикаций представлены биографии миссионеров, как образцы служения Церкви [Можаровский. 1912; Соколов. 1872; Александров. 1904 и др.].

Среди светских исследований рассматриваемого периода можно выделить только две работы, посвященные Российской духовной миссии в Китае. Это краткий обзор деятельности духовной миссии российского посланника в Пекине И.Я. Коростовца [Коростовец. 1898] и приложение к «Новейшей истории стран Дальнего Востока» профессора Восточного института Н.В. Кюнера. В последней перечислены опубликованные источники по истории миссии до 1905 г. Большинство публикаций носили биографический характер и были связаны с научно-исследовательской деятельностью православных миссионеров. Особое внимание уделялось преподаванию миссионерами восточных языков в Казанском и Петербургском университетах [Веселовский. 1879-1880].

Миссия упоминалась чаще всего на страницах монографий, посвященных русско-китайским отношениям [Венюков. 1874; Мартенс. 1881; Сапожников. 1901; Буксгевден. 1902 и др.]. Ф.Ф. Мартенс, профессор Петербургского университета, положительно оценивал Пекинскую миссию: «Характеристическая черта, отличающая

во всех отношениях Пекинскую православную миссию от других духовных миссий и от всех религиозных конгрегаций, основавшихся в Китае, есть самое тщательное наблюдение со стороны миссии автономии китайского правительства. Миссия никогда не старалась вызвать неудовольствие или злоупотребить своим нравственным влиянием» [Мартенс. 1881. С. 47]. Видный публицист, путешествовавший по многим странам Востока, генерал-майор М.И. Венюков отмечал книжный характер знаний миссионеров: «Сильные в археологии, истории и отчасти географии Китая, они слабы везде, где нужно не книжное учение, а знакомство с действительностью» [Скачков. 1875. С. 133].

Таким образом, история Русской православной миссии в Китае наиболее полно отражена в дореволюционной церковной историографии. Не умаляя достижений миссии в дипломатической и научной сферах, православные историки видели именно в них причины неудач в деятельности по распространению православной веры среди китайцев.

Список литературы

(Адоратский) Николай. Настоящее положение и современная деятельность православной миссии в Китае. Казань, 1884. 18 с.

(Адоратский) Николай. Об источниках истории православной духовной миссии в первый и второй периоды ее деятельности. Казань, 1888. 9 с.

(Адоратский) Николай. Отец Иакинф Бичурин. Исторический этюд. Казань, 1886. 120 с.

(Адоратский) Николай. Положение миссионерства в Китае. Казань, 1885. 29 с.

(Адоратский) Николай. Православная Миссия в Китае за 200 лет ее существования: Опыт церковно-исторического исследования по архивным документам. Казань, 1887. 367 с.

Александров Я.А. Незабвенной памяти члена Пекинской духовной миссии иеромонаха о. Платона, в мире Петра Васильевича Александрова. 1878-1902. Казань, 1904. 12 с.

Амвросий, арх. (сост.). Краткое описание Пекинского монастыря // История российской иерархии, собранная Новгородской семинарии ректором и богословом учителем Антониева монастыря архимандритом Амвросием. М., 1810. Ч. II. С. 439-500.

[Аполлос, арх.]. Записка о посольствах Российских в Китай. Почерпнуто из Иркутского Архива архимандритом Аполлосом // Историко-статистический и географический журнал. 1830. Ч. I. № 2. С. 120-138; № 3. С. 214-229.

Архангелов С.А. Православная миссия в Китае // Архангелов С.А. Наши заграничные миссии: Очерк о русских духовных миссиях. СПб., 1899. С. 3-37.

Буксгевден А.О. Русский Китай. Порт-Артур, 1902.

Василий, иеромонах. О сущности православно-русского миссионерства // Китайский благовестник. 1906. Вып. 31 (30 июня). С. 8-16.

Венюков М.И. Очерки современного Китая. СПб., 1874. 250 с.

Веселовский Н.И. Сведения об официальном преподавании восточных языков в России // Труды III Международного съезда ориенталистов. Т. 1. СПб., 1879. С. 97-256; Т. 2. СПб., 1880. С. 605-606.

Ешевский С.В. Миссионерство в России // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 135. 1867. № 7. С. 58-90.

Коростовец И. Русская духовная миссия в Пекине // Коростовец И. Китайцы и их цивилизация. 2-е изд. СПб., 1898. С. 384-412.

Краткая история Русской православной миссии в Китае, составленная по случаю исполнившегося в 1913 году 200-летнего юбилея ее существования. Пекин, 1916.

Кюнер Н.В. Новейшая история стран Дальнего Востока. Ч. II: Обзор сношений Китая с европейскими державами с XVI ст. до 1842 года. Вып. 3: Сношения с Россией. С приложением «Истории Пекинской Духовной Миссии». Владивосток, 1910. 90 с.

Липранди А.П. Православие в Китае: 1698-1898 // Русский вестник. 1898. Июль. С. 355-371.

Малышевский, проф. Исторический очерк христианской проповеди в Китае // Труды Киевской духовной академии. 1860. Т. 3. С. 112-172; Т. 4. С. 241-366.

Мальцев А.Н. Пекин и Китайская миссия // Мальцев А.Н., протоиерей. Православные церкви и русские учреждения за границей. СПб., 1906. С. 279-299.

Мартенс Ф.Ф. Россия и Китай. СПб., 1881. 200 с.

Материалы для истории Российской Духовной Миссии в Пекине / Под ред. Н.И. Веселовского. Вып. 1. СПб., 1905. VII + 71 с.

Можаровский А.Ф. Архимандрит Петр Каменский, начальник десятой Российско-Императорской миссии в Пекине. Пекин, 1912. 55 с.

Нил, архиепископ. Эпизод из жизни Святителя Иннокентия // Ярославские епархиальные ведомости. 1861. Неофициальная часть. № 48. С. 502-507.

Палладий, арх. Китайская литература магометан. СПб., 1887. 334 с. (Рукопись хранится в РГИА. Ф. 796. Оп. 448. Д. 63).

Ромашков Д. Связь внешней и внутренней миссии и условия успехов той и другой. М., 1903. 11 с.

Сапожников А.А. Судьбы Китая. СПб., 1901. 54 с.

Скачков К.А. «Очерки современного Китая» г. Венюкова. М., 1875.

Соколов А. Ярославцы, жившие в Китае, или ярославские синологи // Ярославские губернские ведомости. Неофициальная часть. 1872. № 3. С. 7-9; № 4. С. 11-12.

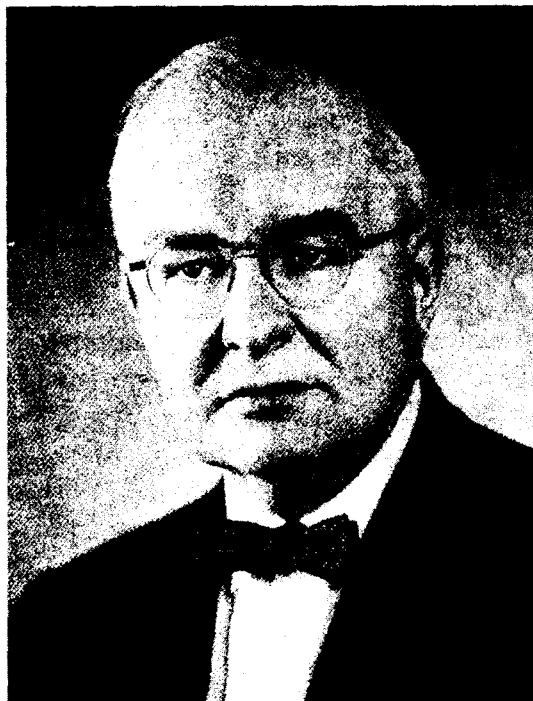
(Страгородский) Сергей. Христианская проповедь в Китае и Японии // Русский вестник. 1892. Декабрь. С. 7-31; 1893. Февраль. С. 11-32.

Тихомиров Л.А. Христианские задачи России и Дальний Восток. М., 1900. 47 с.

Троицкий С.В. Содержание инославного и православного духовенства за границей. СПб., 1910. 68 с.

*Ярославский государственный университет,
Ярославль*

ВЫДАЮЩИЙСЯ РУССКИЙ ВОСТОКОВЕД С.Г. ЕЛИСЕЕВ

Последнее десятилетие прошлого века стало временем формирования нового направления в изучении истории российского востоковедения. Особое значение приобретает восстановление имён российских востоковедов, которые были репрессированы в годы коммунистического правления или были вынуждены покинуть Родину. Вычеркнутые и официальной истории отечественного востоковедения теперь они должны по праву занять своё место. В этом нравственный долг нынешнего поколения востоковедов.

Одно из незаслуженно забытых в нашей стране имён – Сергей Григорьевич Елисеев. Он был выдающимся русским учёным, сыгравшим уникальную роль в мировом востоковедении, и который, к сожалению, смог полностью реализоваться только на чужбине.

Получив образование в ведущих университетских центрах России, Европы и Японии С.Г. Елисеев стал зачинателем научного японоведения в Западной Европе и США. Нельзя сказать, что до него никто не занимался изучением Японии. На Западе и в США такие люди были и до Елисеева, но это, как правило, дипломаты, миссионеры и любители Востока, для которых изучение стран Дальнего Востока являлось скорее увлечением. Наш соотечественник поставил это дело на настоящую профессиональную и научную основу.

С.Г. Елисеев родился в Петербурге 13 января 1889 г. в семье крупного российского купца Григория Елисеева, занимавшегося винным делом и имевшего знаменитые в Москве Петербурге «Елисеевские магазины». Сергей с раннего детства изучает иностранные языки. С гувернёрами начал заниматься французским, немецким, английским языками, а в гимназии к ним прибавились греческий и латынь. Тогда же просыпается интерес к живописи французской, японской эпохи Токугава и китайской гохуа. Осознанный интерес к Востоку молодого Елисеева появился в 1900 г., когда он вместе с отцом посетил Международную

выставку в Париже. Там он знакомится с корейскими юношами-буддистами и двумя юношами-исламистами. Дружба с ними избавляет молодого человека от тех предубеждений, которые в то время существовали в Европе по отношению к Востоку. Русско-японская война ещё более подогревает интерес Елисеева к Востоку. Именно в это время он решает посвятить свою жизнь его изучению.

В 1906 г. С.Г. Елисеев знакомится с известным российским востоковедом академиком С.Ф. Ольденбургом и консультируется с ним о своих дальнейших планах. Сергей Фёдорович решительно советует заняться Японией, мотивируя это тем, что исследования по Китаю в той или иной мере уже имеются и ими заняты авторитетные учёные. Что касается Японии, то на тот момент желаемых результатов в её изучении нет. Дальновидный С.Ф. Ольденбург советует Елисееву поступить в Берлинский университет, с тем, чтобы позже продолжить образование в Японии. Целесообразность этого плана заключалась в том, что система образования в Японии того времени находилась под сильным влиянием немецкой.

В Берлинском университете С.Г. Елисеев знакомится с авторитетными японскими филологами Уэда Маннэн и Симмура Идзуру, которые, увидев в Елисееве талантливого и пытливого юношу, дают ему рекомендации на поступление в Токийский университет. В 1908 г. на помощь Елисееву вновь приходит С.Ф. Ольденбург, который не только даёт свою рекомендацию, но и знакомит с известным японским русистом Ясуги Садатоси. Сергей Григорьевич отправляется в Японию. С успехом преодолев ряд трудностей становится студентом отделения филологии Токийского императорского университета и первым иностранцем, который был принят в этот престижный университет. Елисеев необыкновенно счастлив и сразу с головой погружается в учёбу.

С первого года обучения Елисеев приступает к изучению древнеяпонского памятника Кодзики, слушает лекции по японской литературе с VIII в. по 1600 г., по общему языкознанию и введению в западную философию. Все занятия проводились на японском языке. Помимо университетских он берёт частные уроки по каллиграфии, чтению древних текстов, а вечерами занимается разговорным японским языком. Вместе с профессором Ясуги Садатоси публикует статью на тему о современной русской поэзии.

На втором году обучения С.Г. Елисеев трудится с ещё большим упорством. Он изучает историю японского языка, литературу эпохи Муромати, а также начинает читать пьесы Но, Кёгэн, Кабуки, сближается с актёрами этих жанров, знакомится и активно общается с популярным тогда писателем Нацумэ Сосэки.

С.Г. Елисеев считал, что язык надо изучать, находясь под влиянием традиций и обычаев. Он любит ходить в театры, общается с гейшами и пользуется у них большой популярностью. Занимаясь разговорным японским языком, Елисеев заметил в нём сходство с музыкой. Выражается оно в том, что как одна и та же мелодия может меняться в зависимости от музыкального инструмента, так и в речи есть различия в произношении у мужчин и женщин. Он так же отметил, что в отличие от западных языков, в японском существует развёрнутая система вежливости, которая весьма сложна для усвоения западным человеком. Даже способный к языкам Елисеев несколько растерялся от выявившихся трудностей. Тем временем авторитет Елисеева среди японцев повышался. Его стали принимать за своего. А с этим пришла и уверенность в своих силах.

Третий год был посвящён курсам по грамматике и синтаксису поэтической антологии VIII в. «Манъёсю», изучению поэзии эпохи Хэйан. Поступив в Токийский университет, Елисеев вскоре пришёл к пониманию того, что без знания классического китайского языка и истории Китая, достаточно трудно стать специалистом по Японии. Поэтому, освоившись в университете, Сергей Григорьевич начинает уделять много времени этому аспекту своей подготовки. Он совершенствуется в чтении древнекитайских текстов, изучает китайскую поэзию. Тогда же С.Г. Елисеев приступает к курсовой работе на тему о творчестве Басё. Берётся за изучение корейского языка, слушает курсы по айнскому языку. У себя дома ежемесячно устраивает для молодых японских писателей «встречи за чаем», где обсуждались в основном вопросы русской, французской и немецкой литературы.

На четвёртом году обучения Елисеев посещает лекции по литературе эпохи Камакура, языку эпохи Муромати, по роману эпохи Токугава. Курсовая работа по поэзии Басё переходит в разряд дипломных. Он посещает места, связанные с жизнью и творчеством поэта. В конце учебного года Елисеев сдает экзамен по японскому языку и литературе, получает высокий балл – 82 из возможных ста и отмечается как третий по успеваемости. На церемонии окончания университета удостоивается права находиться в первой шеренге. На церемонии присутствовал император Мэйдзи, который обращает особое внимание на русского выпускника.

Вслед за окончанием университета в 1912 г. С.Г. Елисеев поступает в аспирантуру Токийского университета, где продолжает заниматься китайским и японским языком, участвует в семинаре по китайской и японской живописи, интересуется творчеством Ихара Сайкоку и других писателей эпохи Эдо. Новое направление в его профессиональной подготовке – занятия с преподавателем маньчжурским языком. Особое внимание уделяется произношению и тональной системе. Круг интересов Елисеева множится: он занимается танцами Кабуки, собирает коллекцию каллиграфии и керамики, берёт интервью о театрах Японии, знакомит японцев с русской литературой.

В 1914 г. Елисеев возвращается в Россию и женится. По предложению профессора китайского языка Санкт-Петербургского университета А.И. Иванова Сергею Григорьевичу было предоставлено место в университете. Условием была сдача квалификационных экзаменов по японскому и китайскому языкам, истории и культуре Японии и Китая. В 1916 г. С.Г. Елисеев был назначен приват-доцентом по японскому языку и тем начал свою педагогическую деятельность. Вскоре Елисеев становится официальным переводчиком в Министерстве иностранных дел, избирается вице-президентом Дальневосточной секции Коммерческой палаты. Он вступает в Археологическое общество и в Общество русский ориенталистов, где становится председателем японской секции. Позже он также стал профессором Института истории искусств и читает там курс по китайской живописи. Но основной задачей была подготовка докторской диссертации по творчеству Басё. С этой целью лето 1916 и 1917 гг. Елисеев проводит в Японии, где завершает свою диссертацию. К сожалению, при возвращении в Россию, её рукопись вместе с другими документами была конфискована и утрачена.

У Елисеева складывались непростые отношения с советской властью. Он лишается своей работы в МИДе. Должность же приват-доцента не позволяла поддерживать достойный уровень жизни. Он работает в Азиатском музее, включается в проект М. Горького по выпуску Всемирной литературы. Гонения на интеллигенцию, аресты, голод принуждают Сергея Григорьевича решиться для спасения семьи на эмиграцию. В январе 1921 г. Елисеевы добираются до Парижа. Там он начинает работать в музее Гимэ, а затем через друзей-японцев устраивается в посольство Японии переводчиком. Затем Елисеева приглашают на работу в Сорбонну, где он читает лекции по истории японской литературы эпохи Токугава и курс по грамматике японского литературного языка. Кроме того, Сергей Григорьевич преподаёт в школе живых восточных языков, а в специальной школе Лувра – историю японского искусства.

Новый переломный момент в жизни С.Г. Елисеева наступает в 1932 г. Он получает приглашение в США для создания специального дальневосточного подразделения в Гарвард-Яньцзинском институте. Институт был основан в 1928 г. и перед ним ставились задача всесторонней помощи Китаю в развитии науки, высшего образования и в подготовке кадров. В качестве базы в Китае выступал располагавшийся недалеко от Пекина Яньцзинский университет. В первую очередь сотрудниками института готовились программы и методические рекомендации для шести христианских миссионерских организаций, которые к тому времени уже обосновались в Китае. С.Г. Елисеев виделся руководству Гарварда именно тем специалистом, которому была бы по плечу поставленная задача. В 1932 – 1933 гг. он читает лекции в Гарварде и становится профессором этого университета.

В 1934 г. С.Г. Елисеев назначается директором Гарвард-Яньцзинского института и приступает к созданию центра дальневосточных исследований в лучших традициях европейской синологии. Сергей Григорьевич преподаёт восточные языки, ведёт исследовательскую работу, работает с большим энтузиазмом, восхищая студентов своей эрудицией и прививая им любовь к Востоку.

Вторая мировая война прервала обычную деятельность института. Работа Гарвардского университета по большей части была трансформирована на военную программу обучения японскому языку. С.Г. Елисеев оказал неоценимую помощь США как эксперт по японским делам и в качестве преподавателя по подготовке военных переводчиков для армии США. Будучи консультантом Стратегической службы в Вашингтоне, он организовал в Гарварде и сам принял непосредственное участие в специальной программе по обучению японскому языку морских офицеров и других специалистов, в которых было заинтересовано Военное ведомство Соединённых Штатов.

После окончания войны в 1945 г. деятельность института быстро восстанавливается. С.Г. Елисеев углубляется в науку и подготовку научных кадров. Он считал, что будущий востоковед не только должен знать историю, культуру и язык исследуемого региона, но обязан быть в курсе всего того, что было наработано его предшественниками, как на Западе, так и на Востоке. С.Г. Елисеевым была проведена огромная исследовательская работа в области классической китайской лексикографии. Он возобновил прерванное войной издание «Harvard Journal of Asiatic Studies», публиковал серии исследований Гарвард-Яньцзинского института и постоянно заботился об увеличении фондов институтской библиотеки по Дальнему Востоку. В настоящее время это собрание является одним из лучших в мире.

В 1955 г. С.Г. Елисеев избирается почётным членом Королевского азиатского общества Великобритании и Ирландии, становится кавалером ордена Почётного легиона, избирается президентом Американского ориентального общества. Его любимый ученик Эдвин О. Райшауэр (посол США в послевоенной Японии), следующим образом отозвался о Елисееве: «Это был первый профессиональный японист, который появился на Западе. Он был первым основателем востоковедения в Америке». В 1955 г. Елисееву исполнилось 66 лет. Это был возраст для ухода в отставку. Однако, учитывая чрезвычайную физическую энергию и потрясающую интеллектуальную мощь, руководство Гарварда попросило Елисеева ещё два года поработать в качестве профессора Гарвард-Яньцзинского института.

В июне 1957 г. Елисеев и его жена Вера покидают США и возвращаются в Париж. В семье Елисеев было два сына. Старший Никита стал профессором-арабистом по истории арабских стран, работал в Дамаске. Младший Вадим специализировался в археологии Китая, стал директором музея Сэрнюш в Париже, а также был директором по науке в Высшей школе Сорбонны.

Наш выдающийся соотечественник Сергей Григорьевич Елисеев завершил свой яркий жизненный путь 13 апреля 1975 г. в Париже на 87 году жизни. В историю мирового востоковедения С.Г. Елисеев вошёл как специалист чрезвычайной эрудиции, учёный и педагог, бывший в авангарде изучения Китая и Японии, который первым засеял целину японоведения в Европе и США.

Новосибирский государственный университет

МОНГОЛИСТ ВАСИЛИЙ НОВОСЁЛОВ И ЕГО ПЕРЕВОД “ЛИФАНЬЮАНЬ ЦЗЭ-ЛИ”

Россиянам-исследователям Монголии и Китая давно известно “Монгольское уложение”, опубликованное Н. Я. Бичуриным (1777 – 1853) в четвертой главе своей книги “Записки о Монголии”, вышедшей в свет в 1828 г. под его монашеским именем Иакинф. Судя по содержанию этого сборника законов маньчжурской династии Цин, правившей Китаем с 1644 г. по 1912 г., основой для перевода известного востоковеда послужило составленное в 1789 г. в Пекине правительственной комиссией уложение на китайском языке под названием “Лифаньюань цзэ-ли” (“Уложение Палаты по делам зависимых владений”).

Не менее известен российским исследователям-востоковедам перевод С. В. Липовцова (1774 – 1841), вышедший в свет в том же 1828 г. под названием “Уложение Палаты внешних сношений”. В основу данного перевода с маньчжурского языка также был положен текст цинского уложения под названием “Лифаньюань цзэ-ли”, опубликованного в 1818 г. Как и Н.Я. Бичурин, С. В. Липовцов опубликовал свой перевод с небольшими сокращениями и собственной структурой публикуемого восточного текста.

Как свидетельствуют материалы, отложившиеся в центральных и местных архивах России, задолго до появления упомянутых трудов Н.Я. Бичурина и С.В. Липовцова переводом указанного уложения – “Лифаньюань цзэ-ли” занимался В.С. Новосёлов, служивший переводчиком маньчжурского и китайского языков в Иркутске – сначала в ведении сибирского генерал-губернатора М.М. Сперанского, а позднее иркутского генерал-губернатора А.С. Лавинского.

Как видно из архивных данных, экземпляры этого уложения на монгольском и маньчжурском языках были приобретены в Пекине Е.Ф. Тимковским, прибывшим туда 1 декабря 1820 г. с новым составом духовной (православной) миссии во главе с архимандритом Петром Каменским (в миру – Павел Иванович Каменский, 1765 – 1845). Помощь Е.Ф. Тимковскому в приобретении китайских книг оказывал Михаил Сипаков, живший в Пекине с 1808 по 1821 г. в качестве “студента” Российской духовной миссии. Им, в частности, были куплены книги для Школы азиатских языков, организуемой при Иркутской гимназии. Об этом свидетельствует его личная расписка в получении серебра на покупку книг для “иркутского заведения азиатских языков” от 4 мая 1821 г. [См.: АВПРИ, ф. Главный архив I–5, 1817–1840, д. 1, п. 3, л. 105].

После более пятимесячного пребывания в цинской столице Тимковский вместе со старыми членами миссии отправился в Кяхту, а затем в Иркутск, куда вскоре была доставлена и коллекция китайских, монгольских и маньчжурских книг, купленных им в Пекине. Вместе с книгами, приобретенными в цинской столице для планируемой Школы азиатских языков при Иркутской гимназии¹, Тимковский по просьбе местного начальства оставил здесь и два экземпляра “Лифаньюань цзэ-ли” с тем условием, что один из них на маньчжурском языке будет затем послан в Петербург, в Азиатский департамент МИД. Сообщая о доставке в Иркутск восьми ящиков с китайскими, монгольскими и маньчжурскими книгами, приобретенными Тимковским для Азиатского департамента и для

¹ Некоторые из этих книг на китайском и маньчжурском языках, купленных для Школы азиатских языков в Иркутске, находятся сейчас в научной библиотеке Иркутского государственного университета. Среди них “Да Цин люй-ли” на маньчжурском языке, “Бацзи тун-чжи” (“Описание восьми знамен”) на маньчжурском языке и некоторые другие. На этих книгах сохранилась старая печать библиотеки Иркутской мужской гимназии.

Имп. Публичной библиотеки, иркутский гражданский губернатор И. Цейдлер в письме от 4 февраля 1822 г. доносил в Азиатский департамент: "... нужным считаю присовокупить, во-первых, что бывшие в числе прочих книг, вывезенных Тимковским же и оставшихся здесь, два экземпляра монгольских законов на маньчжурском и монгольском языках, по предложению г-на сибирского генерал-губернатора (М.М. Сперанского. – А.Х.) вручены г. переводчику Новосёлову для перевода на российский язык, хотя, впрочем, по отношению г. ассессора Тимковского, один из сих экземпляров на маньчжурском языке должно было отправить в Азиатский Департамент" [АВПРИ, ф. Главный архив I–5, 1817–1840, д. 1, п. 3, л. 28].

Согласно формулярному списку, составленному в 1818 г., переводчик маньчжурского и китайского языков, титулярный советник Василий Семенович Новосёлов был родом из служилых казаков и ему было тогда 46 лет. Он начал службу в Троицкосавской пограничной канцелярии в 1794 г. учеником монгольского языка, и в том же году его произвели в толмачи [АВПРИ, ф. Главный архив IV–1, 1809–1824, д. 5, л. 6]. Отправившись в конце 1794 г. в Пекин с новым составом духовной миссии во главе с архимандритом Софронием Грибовским в качестве переводчика монгольского языка, он 9 апреля 1795 г. подал просьбу об оставлении его в цинской столице при российской духовной миссии вместо заболевшего ученика Карпа Круглополева для изучения маньчжурского и китайского языков [АВПРИ, ф. Сношения России с Китаем, оп. 63/3, 1792–1800, д. 1, л. 203].

После возвращения на родину в 1808 г. Новосёлова после сдачи экзаменов при Коллегии Иностранных дел указом от 13 апреля 1809 г. произвели в переводчики и направили в распоряжение сибирского генерал-губернатора. В мае 1810 г. он принимал участие в переговорах иркутского губернатора Н.И. Трескина с ургинскими правителями в Кяхте. В феврале 1823 г. Новосёлов был награжден бриллиантовым перстнем за обучение двух учеников, присланных в Иркутск из Омской школы азиатских языков для усовершенствования в монгольском языке [АВПРИ, ф. Главный архив III–1, 1822–1835, д. 2, л. 15].

Выполняя обязанности штатного переводчика маньчжурского языка в Главном Управлении Восточной Сибири, В.С. Новосёлов в свободное от службы время занимался переводом "Лифаньюань цзэ-ли" вплоть до своей кончины, последовавшей в марте 1824 г. Когда известие о смерти Новосёлова пришло в Петербург, в Азиатском департаменте вспомнили о поручении, данном ему М.М. Сперанским относительно перевода "Лифаньюань цзэ-ли". В связи с этим К.В. Нессельроде 24 июня 1824 г. направил запрос иркутскому губернатору А.С. Лавинскому, в котором говорилось следующее: "Находя и с моей стороны весьма полезным видеть перевод монгольского уложения на русском языке я с прискорбием принял дошедшее сюда известие о смерти Новосёлова, подававшего к тому самую лучшую надежду по известным его основательным познаниям. Обстоятельство сие побуждает меня обратиться к Вам, милостивый государь мой, с покорнейшею просьбою уведомить меня, в каком положении остается перевод монгольских законов. В случае совершенного окончания сего труда Ваше Превосходительство весьма обяжете меня доставлением копии с перевода... Если же означенное намерение еще не исполнено, и ежели между чиновниками вверенного Вам края не предвидится переводчика с достаточными способностями, то не угодно ли будет Вам, согласно первоначальному мнению (Тимковского. – А.Х.), экземпляр монгольских законов приказать доставить в библиотеку Азиатского департамента МИД, который имеет особенную надобность в сей книге и при удобном случае немедленно распорядится о переводе оной для общего сведения на российский язык" [АВПРИ, ф. Главный архив I–9, 1824–1828, д. 7, л. 5].

В ответ на этот запрос в Петербурге от А.С. Лавинского было получено письмо от 22 августа 1824 г., в котором, в частности, говорилось: "После смерти... Новосёлова осталась жена с малолетним сыном. Все достояние, какое получила она в наследство от умершего, заключается в одних токмо книгах на маньчжурском и монгольском языках, которые и

представляет она в распоряжение правительства, испрашивая с тем вместе внимания к судьбе своей и малолетнего ее сына...

Вместе с сим имею честь препроводить реестр представленных Новосёловой книг. В числе их есть довольно редкие.., которые и в самом Пекине покупаются только случайно, а всего более замечателен составленный самим Новосёловым лексикон монгольского языка с русским переводом, который с большою пользою может послужить к познаниям сего языка” [АВПРИ, ф. Главный архив IV-1, 1809-1824, д. 5, л. 15; ф. Главный архив II-26, 1824, д. 2, л. 1].

Касаюсь перевода “Лифаньюань цзэ-ли”, порученного Новосёлову М.М. Сперанским, иркутский губернатор в письме от того же числа (за №947) сообщал следующее: “...по сделанной выправке в домашних бумагах умершего переводчика маньчжурского языка титулярного советника Новосёлова найдено из числа 61 тетради монгольских законов на маньчжурском языке переведенных уже вчерне на русский язык только 10 тетрадей, которые заключают в себе:

1) общее уложение и штат трибуналов, 2) разделение Монголии на дзасаки, или родовые управления, 3) и 4) наследственные чины, 5) обязанности начальников, 6) определение чиновников к должностям, 7) повышение в чины тайдзигов, поставленных в родовые управители, 8) свидетельство казенных стад чрез каждые три года, 9) приведение в меру мужского пола и 10) запрещение переходить за границу для распаивания земли. Вероятно, Новосёлов не успел окончить совершенно сего перевода потому, что был беспрерывно занят разными делами по должности своей.

Представляя при сем означенные 10 тетрадей в том самом виде, как найдены оные по смерти Новосёлова, вместе с подлинною книгою монгольских законов, я обязываюсь присовокупить, что между переводчиками, в Восточной Сибири состоящими, нет теперь ни одного, которому бы можно было поручить окончание перевода оных” [АВПРИ, ф. Главный архив I-9, 1824-1829, д. 7, лл. 7-8].

После того, как в Азиатском департаменте был получен перевод В.С. Новосёлова вместе с маньчжурским подлинником, было решено передать его для завершения С. В. Липовцову, состоявшему на службе в МИД.

Работа над переводом “Лифаньюань цзэ-ли” потребовала от переводчика немало усилий и времени. Сообщая царю о завершении перевода и ходатайствуя о напечатание его за счет казны, К.В. Нессельроде в докладной записке особо подчеркивал: “Сей перевод – плод трехлетнего труда – окончен с желаемым успехом и расположен удобным систематическим порядком в трех томах. Поднося оный на благоусмотрение Вашего Императорского Величества, осмеливаюсь испрашивать высочайшего соизволения напечатания сей полезной книги под непосредственным распоряжением департамента: на каковой предмет отпустить в оный из Главного казначейства восемь тысяч рублей, из коих возвратить и издержки, употребленные ныне переводчиком на бумагу и переписчиков. По напечатании же... в числе 600 экземпляров, 200 из оных имеют быть представлены в пользу переводчика, а прочие поступят в ведение МИД для рассылки” [АВПРИ, ф. Главный архив I-9, 1824-1829, д. 7, лл. 3-4].

Николай I положительно отнесся к докладу своего министра и начертал на нем 6 августа 1827 г. резолюцию: “исполнить”, после чего переводчик “Лифаньюань цзэ-ли” был представлен “в воздаяние засвидетельствованной начальством отлично ревностной его службы и за труды при переводе монгольского учреждения” к ордену Св. Владимира III степени. В феврале 1829 г. Азиатский департамент направил в Центральный комитет

предисловие к переводу, написанное Липовцовым¹, а в марте типография прислала последние чистые листы с оригиналом. В официальном письме от 13 марта типография сообщала, что из Цензурного Комитета “получен билет на выпуск из типографии” перевода Липовцова. Из 300 экземпляров книги 200 получил переводчик, а остальные в сафьяновых или иных дорогих переплетах были разосланы Азиатским департаментом высокопоставленным влиятельным лицам и руководителям университетских библиотек.

О реакции первых читателей на вышедший перевод “Лифаньюань цзэ-ли” можно судить, например, по отзыву Д. Дашкова, изложенному в письме от 12 апреля 1829 г. к К.К. Родофиникину: “... в сем переводе, – писал он, – я вижу новое доказательство неусыпной ревности [Азиатского – А.Х.] Департамента, Вам вверенного, к распространению полезных сведений об Азии. Сие уложение китайское по многому есть столь ясный отпечаток состояния народов, подвластных китайской империи, что оно без сомнения обратит на себя внимание европейских ориенталистов; и они по справедливости будут одолжены начальству Азиатского Департамента новыми сведениями о юриспруденции края столько любопытного, сколько еще мало известного” [АВПРИ, ф. Главный архив I–9, 1824–1829, д. 7, л. 74].

*Институт востоковедения РАН,
Москва*

Писарский беловик (с пометами С. В. Липовцова, издательского редактора и цензора в двух томах (т. 1, лл. 1–60; т. 2, лл. 1–429) см.: АВПРИ, ф. Библиотека Азиатского департамента, оп. 505, д. 56№ д. 126. Судя по справлениям, внесенным С. В. Липовцовым в свой перевод, его труд был, очевидно, просмотрен Н. Я. Ичуриным, влияние которого особенно чувствуется в переводе отдельных терминов. Так, знамя (ци), ереведенное вначале как полк, исправлено на дивизию, рота (цзолин) – на эскадрон, т. е. русские эквиваленты, характерные для терминологии Н. Я. Ичурина.

ПРОБЛЕМЫ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ПРИМЕЧАТЕЛЬНАЯ ОСОБЕННОСТЬ ИДЕОЛОГИИ ДРЕВНЕЙШИХ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ

В качестве древнейшего этапа этногенеза китайцев, документированного письменными источниками, принято выделять время потестарных образований Инь и Чжоу конца II– начала I тысячелетий до н.э. По мнению авторитетных синологов, особенность данного этапа состояла в том, что контроверза «мы-они» определялась не этническими, а политико-религиозными мотивами. «Мы» – это все признающие власть сакрального верховного правителя – вана, обеспечивающего жертвоприношения богам и духам предков. «Они» – это любые группы за пределами юрисдикции данного правителя», причем «четкой границы между подчиненными и враждебными племенами не существовало» [Крюков, 1984, с. 148, 149].

Во многом сходная картина складывается и при рассмотрении древнеегипетских материалов Старого и Среднего царств. Но это совпадение и даже сама данная особенность египетской идеологии пока не были должным образом отмечены и объяснены в специальной литературе.

Для III тысячелетия до н.э. наиболее пространным свидетельством древнеегипетской контроверзы «мы-они» остается известное рассуждение об «азиатах»¹ в «Поучении царю Мерикара», составленном в первой трети XXI в. до н.э. Автор сочинения, царь Гераклеопольской династии, чье имя, к сожалению, не сохранилось, помимо прочего предупреждал сына об опасности набегов с северо-востока и при этом писал: «Воистину, мерзкий азиат – это (воплощение) тягот места, в котором он (пребывает), страдая от того, что вода труднодоступна, а деревья многочисленны. Пути там тягостны из-за гор, (но) он не сидит на одном месте: [нужда в пропитании] влечет его ноги прочь, и он сражается со времени Хора. Он не побеждает, и он не бывает побежден; он не объявляет день сражения, точно вор, отгоняемый стражей» [Golenischeff, 1913, pl. XII; Quack, 1992, S. 183-184; Демидчик, 2002, с. 17-23; ср. Loprieno, 1988, S. 21-28; Demidchik, 1993]. Ссылаясь на данный отрывок, египтологи нередко приписывают древним египтянам «гордый изоляционизм» и «эгоцентрическое чувство обособленности», объясняя таковые своеобразием природных условий и обособленностью Нильской долины [напр., Уилсон, 1984, с. 47, 48]. Но такое толкование справедливо лишь отчасти.

Склонность чужеземцев к бродяжничеству и грабежу, действительно, представлены в «Поучении» как естественное следствие условий их обитания, столь отличных от благодатной Нильской долины. К примеру, если египтяне неизменно видят рядом с собой полноводную реку, то от «азиатов» Восточного Средиземноморья пресная вода по большей части «скрыта»: поселения часто расположены там вдали от заметных рек или ручьев. Привыкшие к нильским разливам египтяне, видимо, не представляли себе, как можно заниматься земледелием в условиях, когда пресная вода «прячется» в земле, обнаруживая себя лишь родниками, или падает с неба редкими дождями. Помехой для оседлого существования должны казались египтянам и лесные заросли горных склонов Восточного Средиземноморья. Создав рукотворный ландшафт Нильской долины, египтянин неизменно «испытывал чувство клаустрофобии в любой стране, где не было бескрайних плоских

¹ Общепринятый перевод «азиат», конечно же, условен. Какое-либо совокупное обозначение для всех обитателей Азии у египтян в ту пору еще отсутствовало [ср. Erman, Garrow, 1955, Bd. IV, S. 348.6]. Слово же, употребленное в данном тексте, родственно топониму «Кѣнаан (Ханаан)» и относилось изначально лишь к жителям азиатских территорий неподалеку от Египта: Восточное Средиземноморье, Палестина.

равнин, где нельзя было проследить весь дневной путь солнца» [Уилсон, 1984, с. 51]. Даже под конец Нового царства египетский писец с содроганием рассказывал о «стране Мегер [в Сирии], где небо сумеречно (даже) днем: она заросла миндалем и дубом и кедром, причем (деревья) достигли небес (в высоту)» [Уилсон, 1984, с. 51, 52, перевод О.Д. Берлева]. Корчевать такие леса под посевы при собственном Египту дефиците рабочего скота и медных орудий казалось делом непосильным. Поэтому «азиаты», по мнению автора «Поучения», обречены скитаться в поисках пищи, несмотря даже на то, что горные тропы в их краях труднопроходимы, особенно в сравнении с такой превосходной транспортной артерией, как Нил.

Следует, однако, подчеркнуть, что собственное благоприятное географическое положение, отличавшее их от остального человечества, сами египтяне III тысячелетия до н.э. объясняли причинами, в конечном счете, политико-религиозными. Государственная доктрина Египта предполагала, что не только Нильская долина, но *все* мироздание создано и управляется Солнцем (Ра, Атумом и т.п.) и почитавшимися в Египте богами. Божества чужеземцев при этом считались ни чем иным как частными, «локальными», проявлениям богов, чтимых в Египте [Демидчик, 2001, с. 86]. Сотворенная этим вселенским пантеоном земная твердь представляла собой «Пустыню», «Нагорье» – каменистую лепешку, присыпанную песком. Но чтобы получать необходимые яства боги создали еще Реку и «Черную (землю)» – Нильскую долину, единственное исконно плодородное место на Земле, «Страну возлюбленную (богами)» [Erman, Grapow, 1955, Bd. V, S. 223-224.9]. С этой же целью – ради производства жертвенной пищи – было создано в Долине человечество [Берлев, 1999]. Надзор за приготовлением пищи богам был поручен воплощению Солнца, его «сыну» на Земле – египетскому царю.

Оказалось, однако, что не все люди согласны повиноваться священному владыке. О начале этого раскола, видимо, и вспоминает автор «Поучения», говоря, что «азиат» «сражается со времени Хора». Речь идет о том времени, когда власть над людьми была передана богу Хору, «проявлявшемуся» на земле в обликах египетских царей. Люди, отказавшиеся признать власть последних, естественно, были изгнаны из Долины в «Пустыню». Они-то и стали «чужеземцами» – буквально «людьми пустыни», «пустынниками» [Erman, Grapow, 1955, Bd. III, S. 234.14-236.1], северо-восточную разновидность которых составили упомянутые в «Поучении» «азиаты», порой пытающиеся проникнуть в Долину, «точно вор, отгоняемый стражей».

Однако даже при этом все люди, где бы они ни проживали, номинально продолжали считаться подданными царя-бога [Демидчик, 2001]. Сами по себе расовые отличия или особые обычаи чужеземцев не побуждали египетскую государственность непременно видеть в них потенциальных врагов. Главным признаком разделения человечества на «мы-они» была лояльность к египетскому правителю. Со времени Старого царства существенную часть войска и основу полицейских сил Египта составляли нубийцы. Под конец Среднего царства египетские государи способствовали переселению в Дельту множества «азиатов», не мешая им сохранять культурные отличия [Головина, 2000]. С ограничениями в карьере на египетской службе урожденные чужеземцы обычно не сталкивались.

Второстепенным в сравнении с критерием покорности божественному царю казался, в конечном счете, и фактор географической удаленности от Нильской долины. Несмотря на то, что египтянин Синухет тайно бежал из своей страны и долго жил среди «азиатов», он продолжал считаться принадлежащим к египетскому «мы», поскольку оставался лояльным государю.¹ Подобно автору «Поучения царю Мерикара», египтяне, конечно, признавали, что неблагоприятные природные условия «Пустыни» подталкивают её обитателей к грабительским набегам на Долину. Но вместе с тем считалось, что ради египетского царя боги порой даруют плодородие тем областям «Пустыни», куда простирается его власть [Демидчик, 2001, с. 86, 87], и потому у её обитателей может не быть причин для агрессии. За

¹ Перевод данного текста с перечнем необходимой литературы и комментариями теперь см. [Томашевич, 1998; Демидчик, 1999].

исключением периодов крайнего ожесточения, терминология царских надписей обычно предполагала, что подлежащими уничтожению врагами являются не племена «Пустыни» как таковые, но лишь «бунтовщики» среди них. Принципиального различия между «бунтовщиками» из числа людей долины и «бунтовщиками» «Пустыни» при этом не делалось. В Новом царстве, со середины правления XVIII династии провозглашалось, что государь должен быть «пастырем добрым, бодрствующим для всех людей», как бы далеко от Долины они не проживали. Чужеземцев при этом нередко называли тем же термином «люди», которым обычно обозначали жителей Долины [Дейнека, 1992, с. 21-26]. И даже боги должны были предоставить покорным царю обитателям дальних стран такую же счастливую загробную участь, какой удостаивались египтяне [Maistre, Piankoff, 1961, P. 274-277].

Отмеченное типологическое сходство китайских и древнеегипетских материалов не случайно. В обоих случаях мы имеем дело, в конечном счете, с *идеологией* древнейших в своих регионах «территориальных» государств,¹ возникших непосредственно из поздней первобытности. Несомненно, что идея весьма ограниченной кровнородственной общности, доминировавшая в общественном сознании этой эпохи, должна была во многом препятствовать складыванию обширных политических образований. Противопоставить же ей консолидирующую идею более широкого, но так же ограниченного, *этнического* единства возникавшее государство еще не могло. Категории типа «общность языка/культуры», «народность», «народ» и т.д. были слишком общими и абстрактными для того, чтобы существенно влиять на поведение людей или даже просто возникнуть на исходе первобытности [Дьяконов, 1963].

В этих условиях идее тесного кровного родства возникавшее территориальное государство, видимо, могло противопоставить лишь идею единства *безграничного*, потенциально охватывающего всех людей, т.е. единства *политико-религиозного*. Последнее же сводилось к тому, что предназначением всего человечества являются жертвоприношения богам и предкам, и что ради этого все люди должны являться подданными сакрального правителя. Похожие идеологемы, кстати, распространялись и при складывании территориального государства в Месопотамии (III династия Ура). Об отдаленном же типологическом сходстве можно говорить и применительно к периодам гораздо более поздним. В VII в. н.э. при отсутствии развитого этнического сознания государственное объединение бедуинских племен Аравии происходило также на основе учения о всечеловеческом (исламском) религиозно-политическом единстве. Правда, в этом случае вместо обязанности жертвоприношений уже постулировался долг религиозно-нравственного служения, а место единого для всех людей сакрального правителя занял единственный Бог.

Список литературы

Берлев О.Д. Наследство Геба // Подати и повинности на Древнем Востоке. Сб. статей. - СПб.: «Петербургское востоковедение», 1999. - С. 6-33.

Головина В.А. Три десятилетия деятельности австрийской археологической экспедиции в Телль эль-Даба (восточная часть дельты Нила): новая книга Манфреда Битака // Вестник древней истории. 1999. № 3. С. 191-208.

Дейнека Т.А. Обоснование внешней политики Египта в царских надписях XVIII династии. Автореф. дис...канд. ист. наук. СПб., 1992. 33 с.

Демидчик А.Е. «Дал я дорогу своим ногам...» («Рассказ Синухе» – древнейшие воспоминания эмигранта // Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья. - М.: Алетейа. 1999. - С. 237-258.

Демидчик А.Е. Староегипетская печать «правителя Нагорья» и письмо Синухета царю // Вестник древней истории. 2001. № 2. С. 79-88.

¹ О концепции «территориального государства» см. [Дьяконов, Якобсон, 1982].

- Демичик А.Е.** «Поучение гераклеопольского царя своему сыну Мерикара // История Древнего Востока. Тексты и документы. - М.: Высшая школа, 2002. - С. 17-23.
- Дьяконов И.М.** Этнический и социальный факторы в истории древнего мира (на материале Шумера) // Вестник древней истории. 1963. № 2. С. 3-17.
- Дьяконов И.М., Якобсон В.А.** «Номовые государства», «территориальные царства», «полисы» и «империя». Проблемы типологии // Вестник древней истории. 1982. № 2. С. 3-21.
- Крюков М.В.** Этнические и политические общности: диалектика взаимодействия // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. - М.: Наука, 1982. - С. 147-162.
- Томашевич О.В.** «Странствия Синухе» // Сказки Древнего Египта. - М.: Алетея, 1998. - С. 18-32, 193-218.
- Уилсон Дж.** Египет: природа вселенной. Географические факторы // В преддверии философии. Духовные искания древнего человека / Г. Франкфорт, Г.А. Франкфорт, Дж. Уилсон, Т. Якобсен. - М.: Наука, 1984. - С. 45-47.
- Demidchik A.** A Note to § 141 of Sir A.H. Gardiner's "Egyptian Grammar" // Göttinger Miszellen. Beiträge zur ägyptologischen Discussion. 1993. Ht. 134. S. 29, 30.
- Erman A., Grapow H.** Wörterbuch der aegyptischen Sprache. Unveränderter Neudruck. - Berlin: Akademie-Verlag, 1955. - Bd. I-V.
- Golénischeff W.S.** Les papyrus hiétiques de № 115, 1116 A et 1116 B de l'Ermitage imperial à St. Pétersbourg. - SPb., 1913. - 8 p., 28 pl. et pl. suppl. A-D.
- Loprieno A.** Topos und Mimesis: Zum Ausländer in der ägyptischen Literatur. - Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1988. - VIII, 125 S.
- Maistre Ch., Piankoss A.** Le Livre des Portes. T. II. Le Caire: Institut Francais d'Archéologie Orientale, 1961. 117 p.
- Quack J.F.** Studien zur Lehre für Merikare. - Wiesbaden, 1992: O. Harrassowitz, 1992. - 200 S.

Новосибирский государственный педагогический университет

ДИНАСТИЯ ЛЯО КАК КОЧЕВАЯ ИМПЕРИЯ

Киданьская империя Ляо открыла новый этап во взаимоотношениях между Китаем и соседними народами. Впервые под властью восточных "варваров" оказалась почти вся территория Северного Китая. В этом многонациональном государстве скотоводы кочевники кидани ("ядро – метрополия") составляли всего пятую часть населения (750 тыс. чел.). Кроме них в состав империи входили земледельцы китайцы – более половины населения (2400 тыс. чел.), бохайцы (450 тыс. чел.), некиданьские (так называемые "варварские") скотоводческие и охотничьи (200 тыс. чел.) народы. Общая численность населения державы составляла 3 млн. 800 тыс. чел. [Wittfogel, Feng 1949, p. 58].

Социальная структура империи Ляо имела сложноставной характер. Высший уровень социальной пирамиды империи занимали император и его родственники (род Елюй), а также представители рода Сяо, родом из которого были императрицы. Представители этих кланов занимали большую часть наиболее важных военных и гражданских постов в администрации империи и являлись самыми знатными лицами в государстве. Существовал сложный, скрупулезно разработанный дворцовый церемониал, который тщательно описывают китайские хроники [Е Лунли, 1979]. Императоры вели подвижный образ жизни, переезжая из столицы в столицу, из дворца во дворец. В империи имелось пять столиц.

Следующую ступень иерархии занимали представители знатных киданьских родов и кланов, племенные вожди, предводителей разных рангов. Кочевая аристократия (кит. цзи) обладала значительным богатством, так как постоянные войны и взимание дани обеспечивали приток большого количества ценностей из-за границы в метрополию, а самые высшие сановники даже имели свои многочисленные дружины. Этот социальный слой был главной опорой династии и имел определенные привилегии. его представители занимала большую часть военных и гражданских постов в Северной администрации империи, а также наибольшее число ключевых должностей в Южной администрации.

Кидани были разделены на племена, которые являлись основными административно-политическими единицами северной части страны. Каждое племя имело свою определенную территорию кочевания. У каждого племени была своя организация управления, возглавлявшаяся традиционным вождем (илицинем). Во время войны каждое племя выставляло воинское подразделение. Положение простых номадов (кит. шужэнь), по всей видимости, оставалось примерно таким же, как и до создания империи. Кочевники составляли основу киданьского войска, а необходимость держать в подчинении более чем 4/5 населения империи вынуждала киданьскую элиту ограничивать притеснение своих соплеменников.

На протяжении многих лет киданьская держава была основана, главным образом, на внешней эксплуатации соседних государств. Данничество и вымогаемые от китайских государств "подарки" приносили Ляо огромную прибыль. Так, например, после подписания мирного договора в 1005 г. Сунская династия согласилась выплачивать ежегодно Ляо 100 тыс. монет серебра и 200 тыс. кусков шелка. После новой военной кампании 1042 г. выплаты были увеличены до 200 тыс. монет и до 300 тыс. кусков шелка (Franke 1990, p. 409 и многие др.). Длительное время эти доходы оставляли основу бюджета престижной экономики империи.

По мере включения в состав империи значительных земледельческих территорий появилась потребность создания более сложного управленческого механизма. Традиционные догосударственные институты управления конфедерации "восьми племен" киданей не были

приспособлены для управления сложной экономикой земледельческой цивилизации с многочисленными городами. Это привело к созданию уже в 947 г. дуальной системы администрации, разделенной на северную и южную части. Северная администрация считалась по рангу выше Южной, хотя, как по численности аппарата, так и по квалификации бюрократии, уступала последней.

Северная администрация возглавлялась "северным канцлером", который, как правило, назначался из представителей кланов Елюй и Сяо. В его компетенцию входил контроль за киданями – титульным этносом многонационального государства. Южная администрация структурно копировала бюрократическую систему империи Тан и состояла из чиновников китайцев. Однако все высшие должности были в руках завоевателей киданей. Среди важнейших составных частей Южной администрации упоминаются институты "трех наставников", "трех князей-советников", различные советники с починенными им департаментами, цензорат, академия наук, департамент государственной историографии, а также шесть важнейших министерств: 1) чинов; 2) наказаний; 3) налогов; 4) религиозных церемоний; 5) общественных работ; 6) военных дел. Территория южной части страны была разделена на округа (дао), префектуры (фу), области (чжоу), уезды (сянь). На каждом уровне иерархии существовал свой управленческий аппарат. Кроме центральных, региональных и местных органов власти имелись административные органы пяти столиц империи [Wittfogel, Feng 1949, p. 434-450].

В отличие от большинства средневековых обществ, китайская цивилизация отличалась высокой вертикальной мобильностью. Это было связано с существованием в Китае системы экзаменов на должность. Данная система была перенята киданями и с 988 г. введена в Ляо. Согласно установленным правилам раз в три года проводились экзамены в волостях, областях и при управлении государственной канцелярии. Положение и доходы, а также частные состояния китайцев чиновников были намного выше положения простых китайцев, а иногда и даже представителей верхушки киданей, не говоря уже о простых кочевниках. Известно, что китайские бюрократы были освобождены от всеобщих общественных повинностей, к которым в завуалированной форме (воинская служба) привлекалось и население кочевой метрополии.

Положение китайских крестьян общинников было, по всей видимости, несколько более стесненным из-за этнического угнетения. Источники перечисляют многочисленные формы податей и повинностей, которыми облагалось оседло-земледельческое население империи: налог государству за пользование землей, промысловая подать, налог с жилья, налог с сельскохозяйственных орудий и др. Кроме того, китайцы привлекались к ирригационным работам, к строительству городов, дворцов, административных учреждений, храмов, дорог, валов и других фортификационных сооружений [Wittfogel, Feng 1949, p. 194, 312-313].

Свободные китайские ремесленники и торговцы занимали более привилегированное положение в сравнении с крестьянами земледельцами. Они составляли основную часть населения в городах юга, а также и в новых городах севера, превращая их в настоящие китайские города с многочисленными лавками и многолюдными рынками. Такое положение объясняется заинтересованностью метрополии в развитии собственного ремесла в стране и внутреннего экономического рынка. Особенно высокое экономическое положение и значительное имущественное достояние имели ростовщики (юнь-вэй).

Внизу социальной лестницы находились различные категории зависимого населения и рабы. Зависимые категории могли зависеть как от отдельных лиц (буцзюй), так и от государства. В последнем случае они были приписаны к императорским дворцам, ставкам (ордо) киданей. В рабы попадали военнопленные, должники, лица совершившие тяжкие (чаще всего антигосударственные) преступления. Сфера применения собственно рабского труда у киданей была ограничена у частных лиц домашним хозяйством, у государства – обслуживанием императорских гробниц, дворцов, административных учреждений, монастырей. Рабов также могли приписывать к ордо кочевников, использовать при

строительных работах или даже иногда на службе в армии [Wittfogel, Feng 1949, p. 196, 231, 335, 569, 576, 583; Пиков 1985; Кычанов 1986 и др.].

Наиболее часто в научной литературе киданьское общество характеризовалось как феодальное. Но это мало что объясняет. Социально-экономическая и политическая организация династии Ляо была намного более сложной, чем примитивная формула "феодал – крепостной". Целесообразнее анализировать особенности эволюции киданьского общества, исходя из разработки понятия кочевая империя. Можно выделить ряд признаков характерных для империй кочевников: многоступенчатая социальная организация, пронизанная племенными и надплеменными генеалогическими связями; дуально-крыльевая или триадная административная система; десятичная система; ямская служба; особая система наследования (алтан уруг, соправительство, курултай); особый "экзополитарный" или "ксенократический" способ изъятия прибавочного продукта и др. [Крадин 1992; 1996; 2001; и др.].

Выделяются три модели кочевых империй: (1) типичные империи - кочевники и земледельцы сосуществуют на расстоянии, получение прибавочного продукта номадами осуществляется посредством дистанционной эксплуатации: набеги, вымогание "подарков" (в сущности, рэкет, неэквивалентная торговля) и т.д.; (2) даннические империи - земледельцы зависят от кочевников, форма эксплуатации - данничество; (3) завоевательные империи - номады завоевывают земледельческое общество и переселяются на его территорию, на смену грабежам и данничеству приходит регулярное налогообложение земледельцев и горожан [Крадин 1992, с. 166-178; 2001].

Типичные кочевые империи, такие как Хуннская держава, являлись суперсложными вождествами. Это уже реальный прообраз раннего государства [Крадин 1996]. Гораздо сложнее с теми империями кочевников, которые подчиняли земледельческие общества и эксплуатировали их за счет внимания дани или обложения налогами. Включение в их состав земледельческого населения стимулировало важные изменения в среде кочевников. Развивалась внутренняя стратификация, необходимость управления более сложными обществами земледельцев и горожан стимулировала развитие административных институтов. Так постепенно на место суперсложному вождеству приходила государственная организация.

Именно так происходило развитие киданьского общества. Первоначально империя Ляо развивалась как "данническая империя". Для лучшего управления подчиненными территориями в империи сформировалась дуальная система управления (номадной "метрополией" на севере и завоеванными китайцами на юге). По мере завоевания новых земель начинают проявляться черты "завоевательной" модели. Для последних империй характерно постепенное формирование и развитие налогообложения не только покоренных земледельцев, но и кочевников из числа этноса завоевателей. Все это можно проследить и у киданей. Притеснения кочевников вызвали уклонения от уплаты податей, бегство с облавных охот, требование отмена налогов и несправедливых законодательных актов. Непокорные кочевники со временем становились обузой для имперского правительства и оно постепенно начало переселение в маргинальные экологические зоны Маньчжурии на территории традиционного занятия кочевниками земледельческого населения с юга, а также проводить частичное оседание среди самих кочевников [Симада Масао 1952, с. 301-314].

Итогом подобных процессов могло быть продолжение седентеризации киданей, оттеснение оппозиционных племен на окраины, превращение страны сначала в комплексное земледельческо-скотоводческое государство, а позднее в типичную китайскую династию. Однако это только предположение, высказанное в сослагательном наклонении. История распорядилась, как всегда, по своему. Восставшие чжурчжэни разгромили империю Ляо - своего некогда грозного сюзерена. Впрочем, с гибелью династии черты киданьской политической системы не были преданы забвению. Они проявились уже в административно-государственном устройстве чжурчжэньской империи Цзинь, а позднее – в политических преобразованиях Елюя Чуцяя при дворе монгольских хаанов.

Список литературы

- Е Лун-ли. История государства киданей (Цидань го чжи) / Пер. В.С.Таскина. М.: Наука, 1979.
- Крадин Н.Н.** Кочевые общества. Владивосток: Дальнаука, 1992.
- Крадин Н.Н.** Империя Хунну. Владивосток: Дальнаука, 1996 (2-е изд. М.: Логос, 2002).
- Крадин Н.Н.** Кочевые империи: генезис, расцвет, упадок // Восток, 2001. № 5. С. 21-32.
- Кычанов Е.И.** Собственность на людей в киданьском государстве Ляо (916-1124 г.) // Рабство на Востоке в средние века. М.: Наука, 1986 С. 185-192.
- Пиков Г.Г.** Рабство в империи киданей // Социальные группы традиционных обществ Востока. Ч. 1. М., 1985, с.31-41.
- Симада Масао.** Рёдай сянай си кэнкю [Исследования социальной истории Ляо]. Сиото, 1952 (на яп. яз.) [пер. А.Л. Ивлиева].
- Franke H.** The forest peoples of Manchuria: Kitans and Jurchens // Cambridge History of Early Inner Asia. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 400-423.
- Wittfogel K.A., Feng Chia-Sheng.** History of Chinese Society. Liao (907 – 1125). Philadelphia, 1949.

*Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН,
Владивосток*

ЛАМАИЗМ — ОСНОВА ЖИЗНИ ТРАДИЦИОННОГО ТИБЕТА

В силу ряда обстоятельств в XX в., век технического прогресса и глобальных социальных изменений, Тибет вступил с традиционной социо-политической структурой общества, основу которого составлял ламаизм. По всей стране были возведены монастыри, четверть мужского населения, в конечном счете, стала монахами, и религия, культура и национальная идентичность сплелись в уникальное и нераздельное целое. Ламаизм был образом духовной жизни тибетцев и составлял суть их миропонимания и смысл существования. При ламаизме для мирянина не было прямого подхода к божественному. Опосредующим звеном между рядовым человеком и проявлением божественного промысла выступал священнослужитель. Ламаизм определил не только менталитет тибетцев, но и формы их социальной организации.

По характеру власти Тибет был теократическим государством. В самой форме тибетской государственности нашла выражение его религиозная природа. Во главе Тибета стоял далай-лама, первосвященник и светский правитель в одном лице. Царь – Бог. Сакральная природа авторитета далай-ламы усматривалась в признании его реинкарнацией (539 по счету) Ченрези, божества покровителя Тибета и прародителя тибетцев, манифестацией Авалокитешвары, Будды милосердия. В земных ипостасях он выступал как Опекун мудрости, Защитник веры, олицетворение национального единства. Своеобразие политико-религиозной системы Тибета, существовавшей на протяжении веков, заключалось именно в сакральной природе личности далай-ламы как инкарнации, что обуславливало восприятие его власти как божественной. На протяжении веков система управления Тибетом была санкционирована религиозным авторитетом далай-ламы, который являлся абсолютным и основывался на его уникальном положении как наивысшей инкарнации святого, положении, которое не могло быть оспариваемо извне или изнутри. Теократический характер политико-административной системы Тибета определялся не только тем, что его верховным правителем выступал далай-лама в ипостаси первосвященника, но наличием монашеской бюрократии на всех административных уровнях сверху донизу. В этом заключалось не только своеобразие административных порядков в Тибете. Но здесь, очевидно, следует искать причину известной социальной бесконфликтности, смазанности социальных противоречий, присущих тибетскому обществу. Религия и ее служители выступали в качестве амортизатора социальных конфликтов, противоборства верхов и низов. Работая на всех уровнях управления, монахи обеспечивали сплоченность политической структуре.

Монастырь был составной, органической частью тибетского общества, будучи связан кровно-родственными узами со многими тибетскими семьями. Пожалуй, сыскалось бы немного тибетцев, не имевших хотя бы одного монаха среди своих близких родственников и не считавших себя, таким образом, близко и благотворно связанными с монастырями. В результате этого между монастырями и мирянами создавались тесные отношения, и масса тибетцев рассматривала монастыри как почти свое, как путь к преуспеянию в этой жизни благодаря монашеству одного из членов семьи и как источник надежд в будущем. Другое дело, в каких условиях пребывал в монастыре представитель того или иного семейства, что не в последнюю очередь зависело от материального достатка и социального статуса последнего. Нет, конечно, оснований идеализировать монастырские порядки. Они не обеспечивали равенство и взаимное уважение. Монастырь вовсе не был сообществом равных, там были свои верхи и низы, как и за его стенами. Но и в любой семье младший ее член далеко не всегда пользуется вниманием и расположением старших в роде.

Благодаря монашеству, которое выступало как элита тибетского общества, обеспечивалась его социальная мобильность, поскольку монашество рекрутировалось не по наследственному принципу или социальному положению, но из всех социальных слоев. Многие из религиозных руководителей, включая перевоплощения, вышли из низших слоев общества благодаря процедуре выборов, которыми занимались сами монахи. В системе верований, где каждое человеческое существо имело свою собственную карму, не было никакого оправдывающего обстоятельства для кастового или общества наследственного класса. Ламаистское духовенство выступало как несущее звено в архитектонике тибетского общества. Лама, священнослужитель, будучи подлинным властителем души тибетцев, регулировал все стороны их быта и социальной деятельности. Лама был сопричастен к тому, в какой именно семье суждено появиться на свет человеку. От совета ламы зависело, вступать ли именитой семье в переговоры о выдаче замуж своей дочери. Со дня рождения и до кончины лама довлел над мирянином. Давать имя ребенку было действием культурного и религиозного порядка. Обычно этот обряд исполнялся ламой. Традиционный обычай “предания небу” тела усопшего совершали ламы. Слово ламы довлело над всеми процессами поддержания существования человеческой особи. Один из них — обеспечение пропитанием. И здесь никак не обходилось без благословения священника.

Монастырь являлся основным очагом духовности, будучи органом народного просвещения. Религиозное образование, таким образом, было главным фактором в деле распространения грамотности по всему Тибету. Так как монастырские ордена и женские монастыри были открыты для всех тибетцев, безотносительно их социального происхождения, то этот большой сектор тибетской жизни предоставлял всеобщую мобильность всем слоям населения, и образование было доступно людям из всех классов. Но, конечно, реальные возможности определялись социальным положением и достатком. Религиозное образование являлось главным фактором в распространении грамотности по всему Тибету. Религиозное образование, будучи таковым уже по местонахождению образовательного очага (монастырь) и принадлежности учителя к разряду духовенства, в то же время не было однозначным по содержанию. Однако религиозное образование служило светским, равно как и религиозным целям, и оно включало такие предметы, как арифметика, геометрия, управление, а также финансы, чтобы готовить религиозную элиту для мирской части своей службы. Той же самой цели служило образование значительного количества тибетцев, как мужчин, так и женщин, которые не были частью религиозного истеблишмента.

Для тибетца (тибетки) познания сами по себе не были самоцелью или средством преуспевания в жизни. Религиозность составляла характерную и определяющую особенность менталитета тибетца. Получение знаний мотивировалось не простой любознательностью, но стремлением удовлетворить религиозное рвение. Религия выступала определяющим мотивом стремления тибетцев к образованию. Овладение грамотой — исходное начало образованности, но для тибетца она означала, прежде всего, способность самостоятельно приобщаться к буддийской духовности, выраженной в письменном виде. Даже среди тибетцев-мирян основной резон учиться — религиозный — желание читать многочисленные молитвы, заклинания и поучения в буддийских текстах и религиозные наставления. И в удовлетворении этих стремлений мирянина посредником выступает опять же монастырь. Он держал монополию на издательское дело. Монастыри были единственными центрами книгопечатания в Тибете. Все, выходящее из стен типографии, было связано с религией.

Если патриотизм предстает как элемент политической культуры и в его основе у тибетцев лежит религия, то она выступает и доминантой отношения тибетца к иным обществам и идеологии. То, что будет благоприятствовать сохранению религии в ее обычных проявлениях — основное соображение, которое определяло отношение тибетца к другим обществам и идеологиям и общение с ними.

ТУРФАН И СИ СЯ (X-XIII вв.)

В X-XIII вв. к западу от сунского Китая существовали два государства, между которыми было немало сходства. И государство Кочо (Турфан, Сичжоу) и государство Великое Ся (Си Ся) возникли на территориях со смешанным населением как многонациональные государства. И в Кочо и в Ся в XI-XIII вв. протекали ассимиляционные процессы, господствующие народности – уйгуры и тангуты (миняги) – внедряли свой язык и письменность в государственное делопроизводство, в религиозную и обыденную жизнь. Этому способствовало то, что в том и другом государстве господствующей религией был буддизм, велась интенсивная переводческая деятельность с китайского и тибетского языков. Плоды этой деятельности сохранились в переводах буддийского канона на уйгурском и тангутском языках. Можно ожидать, что появятся и такие специалисты, которые сумеют сопоставить эти переводы.

Однако в конечном итоге население того и другого государства оказалось обращенным в ислам. Население Турфана стало новыми уйгурами мусульманами, население Ся – этно-конфессиональной общностью – мусульманами с китайским языком.

Переживая подъем на развалинах династии Тан, оба народа – уйгуры и тангуты поначалу враждовали. Серия войн завершилась в пользу тангутов включением в территорию государства Ся уйгурских ханств Ганьчжоу, Сучжоу и Шачжоу. Ся вышло на границы Турфанского оазиса. Но сохранились большие группы уйгурского по преимуществу населения, которые расселялись по обеим сторонам границы между двумя государствами. Отношения между Турфаном и Ся постепенно налаживались и даже стали в XII в. дружественными. Это отразилось в отношении тангутов к проживавшим на территории Ся уйгурам в том, что послы и купцы из Сячжоу (Турфана) в некоторых случаях имели небольшие привилегии перед послами и купцами из других стран.

Возвышение монголов, смерть Чингис-хана на территории Ся на фоне добровольного подчинения уйгуров монголам решило судьбы народов, государство Ся погибло в пламени монгольских нашествий.

Различие было и в том, что Турфану-Кочо не пришлось вести вековых изнурительных войн с Сун, Ся прикрывало Турфан и весь Западный край (Си юй) от китайских притязаний в эпоху Сун.

Китайские источники почти единогласно повествуют о давней вражде уйгуров и минягов (тангутов) еще до выхода тангутов на арену центральноазиатской истории. Несколько реже, но речь шла постоянно о тибетско-тангутской вражде. Достаточно уверенно можно говорить о том, глубинные корни этой вражды проистекали из последствий распада Танского Китая и из-за контроля над Ганьсуйским коридором, территорией между горами Наньшань и пустыней Гоби, через который шел торговый путь из Китая (из Центральной равнины Чжунюань) в Западный край (Си юй).

Если на территории будущего государства Ся тангуты-миняги в конце IX-X вв. составляли стойкое большинство в юго-западной части Ордоса и восточной части Алашани (например, в округе Сячжоу на середину X в. проживало 19200 семей тангутов и только 2091 семья китайцев), то область Лянчжоу (Увэй) была в основном заселена тибетцами, а районы Ганьчжоу (Чжанье), Сучжоу (Цзююань), Шачжоу были территориями уйгурского ханства. Начало XI в. ознаменовалось войнами между тангутами и уйгурами. Война 1008-1010 гг. была тангутами проиграна, в этой войне едиными силами выступали против тангутов уйгуры и тибетцы. Но к 1016 г. уйгуры и тибетцы поссорились и уйгуры заняли Лянчжоу. В 1026 г.

кидани и тангуты напали на Ганьчжоу. Уйгуры отразили это нападение. В 1028 г. тангуты атаковали Лянчжоу и Ганьчжоу и овладели этими областями. В 1036 г. они завоевали регион Сучжоу, Гуачжоу и Шачжоу, в состав тангутского государства вошел комплекс буддийских пещерных храмов Дуньхуана. Тангуты за все время контроля над Дуньхуаном по современным подсчетам отремонтировали более 70 старых пещер и небольшое число соорудили заново.

Далеко не все уйгуры и тибетцы покинули тангутское государство, которое в 30-х гг. XI в. сформировалось как государство полиэтничное, основные этнические группы которого составляли миняги-тангуты (при их правящей династии), тибетцы, уйгуры и китайцы. С 1125 г. после разгрома Ляо чжурчжэнями в Ся переселилась часть киданей. Были и другие мелкие этнические группы, о которых мы практически ничего не знаем. Как писал тангутский поэт:

Тангуты бодро идут вперед,
Кидани шагают медленным шагом,
Тибетцы почитают Будд и монахов,
Китайцы любят светскую литературу,
Уйгуры пьют кислое молоко!

На фоне чжурчжэньско-цзиньских этнических сословий с разными правами различных этносов Великое Ся представляло уникальное явление, когда в правовом отношении все этносы имели практически равные права. «Если тангут, китаец, тибетец, уйгур служат вместе, и если они занимают неодинаковые должности и имеют различные поручения, то их субординация определяется ... в зависимости от занимаемого каждым положения». Закон предусматривал лишь одно – если чиновник или военачальник, тангут и не тангут, имели равные чины, то в определенной ситуации, когда надо было выявить старшего, начальником должен был стать тангут.

Уйгуры в массе своей были буддистами, и известно, что когда в 1038 г. в Ся была создана официальная комиссия и рабочая группа по переводу буддийского канона с китайского на тангутский язык, уйгурские монахи участвовали в этом мероприятии. Пока неизвестно, чтобы на тангутский язык переводились буддийские тексты с уйгурского языка, да в этом, очевидно, не было и нужды, основными языками, с которых и уйгуры и тангуты делали переводы, являлись китайский и тибетский, если была возможность, то производилась сверка с текстами на санскрите. И у уйгуров, и у тангутов первоначальными и популярными стали переводы на родные языки «Лотосовой сутры» и «Сутры золотого блеска». Несмотря на значительное уйгурское население в Ся, тангутские источники не упоминают уйгурские или смешанно тангутско-уйгурские буддийские общины, при том, что имелись общины тангутские, китайские, тибетские и смешанные – тангутско-китайские. Трудно поверить, чтобы уйгурских буддийских общин не было.

Судя по сирийскоязычному источнику «История Мар Ябалахи и раббан Саумы» на территории Ся могли быть еще в домонгольское время уйгурские христианские несторианские общины. Христианство было распространено и в Турфане (Кочо).

Уйгуры жили в западных областях Ся, значительная часть их занималась преимущественно скотоводством и вела кочевой или полукочевой образ жизни («уйгуры пьют кислое молоко»). Кочевники уйгуры не очень строго соблюдали государственную границу между Ся и Кочо (Турфан), часть их признавала подданство Ся, а часть – нет. Это очевидно из статьи тангутского «Измененного и заново утвержденного кодекса» (1149-1169 гг.), в которой говорится: «Если окажутся перешедшие западную границу и живущие вдоль границы уйгуры, которые хотя и считаются подведомственными нам, но о которых говорят, что они являются как подчинившимися нам, так и непокорными, то [о совершении преступления таким уйгуром] необходимо своевременно доложить в вышестоящие инстанции и следует поступать в соответствии с полученными указаниями», т.е. законодатель признавал за такими уйгурами наличие некоторых особых прав, которые следовало принимать во внимание, нечто вроде двойного гражданства – турфанско-сяского.

Кочевой образ жизни вела и часть населения Турфанского государства. Все исследователи указывают на два типа хозяйственной жизни Турфана – оседлого и кочевого. Население Турфана, как и Ся, было полиэтничным, основное различие было между коренным индоиранским по языку населением и тюркоязычными пришельцами. В сфере этнических отношений в Турфане X-XIII вв. шел процесс тюркизации, а в сфере хозяйственной деятельности – постепенный переход кочевой части населения, представленной прежде всего уйгурами, к оседлости.

Не исключено, что уйгурская знать, оказавшаяся в Ся, пользовалась своим старым высоким положением. В числе фресок Дуньхуана, относящихся ко времени Ся, есть фрески с изображениями дарителей уйгуров – Могаоку пещера № 409, изображение уйгурского хана и двух ханш, пещера № 39 – изображение двух уйгуров-мужчин. Неясно, были ли это уйгуры-пришельцы из Турфана, или, как говорилось ранее, местная уйгурская знать, мы только что упоминали об известной прозрачности границ между двумя государствами. В 1995 г. в Могаоку найдены новые фрагменты буддийских текстов на тангутском, тибетском и уйгурском языках. Не подлежит сомнению наличие в государственном аппарате Ся чиновников-уйгуров. Документ №2736 из собрания СПб филиала ИВ РАН на тангутском языке упоминает под 1224 г. перед вторжением монголов в Ся в числе военачальников г. Эдина (Хара-Хото, Хэйшуйчэн) уйгура по имени Тимур (Железо). Было лишь одно ограничение по национальной принадлежности – иноплеменники, в то числе и уйгуры, не могли нести службу во внутренних покоях дворца, при особе государя.

В тангутских текстах Турфан именуется Сичжоу, тем наименованием, которое одно время закрепилось за ним в эпоху Тан. Границы Ся, особенно с Сунским Китаем, Ляо, а позже с Цзинь, были строго демаркированы, почти по современному образцу. Но в полупустынных и пустынных местностях на севере и северо-западе сплошной линии пограничных караулов не было. Там, «на отдаленных границах с другими государствами, где строгого разграничения нет, а полагаемся на мирные отношения, установленные с тибетцами, уйгурами, татарами... наши караулы, если к границе с обеих сторон подойдут *кочевники, ... должны возвращать их обратно, задерживать и не позволять им переходить границу*».

Турфанские (Сичжоуские) послы и купцы рассматривались в Ся как гости. Существовала государственная монополия на торговлю с зарубежными странами. В Ся было запрещено продавать в другие государства людей, коней, коров и быков, верблюдов, доспехи для воинов и коней, оружие – луки, стрелы, копья, мечи, орудия для вспарывания доспехов, деньги. Нарушения запрета сурово наказывались. Но известно, что послы из Даши и Сичжоу (Турфана) имели некоторые привилегии. Закон устанавливал: в случае покупки в Ся представителями этих государств запрещенного к продаже товара, что если речь идет о купцах из государства Даши и Сичжоу, то, поскольку они являются гостями, они наказываются [только] наложением на них штрафа, размеры которого не установлены, а та сумма, которую они дали за товар, должна быть возвращена им. А в некоторых случаях купцы из Даши и Сичжоу имели возможность купить запрещенные к продаже иностранцам товары: «Если в караване купца из государств Даши и Сичжоу погибнут животные и погонщики, товаров, которые они могли бы продать, очень много, а караван окажется без должной охраны, и такой купец заявит: “Желаю [купить] для охраны [каравана] луки и стрелы!”, то об этом следует сообщить должностному лицу и на основании ранее установленных правил [нуждающийся купец] может приобрести необходимое. Если он после этого не станет возвращаться обратно, то ему надлежит иметь разрешение на закупку зерна и иного продовольствия».

Хотя текстов для сопоставления нет, но, кажется, что послы и купцы из Сичжоу (Турфана) и Даши имели некоторые преимущества перед таковыми из Сун и Цзинь, а запреты на продажу товаров татарам, т.е. на территорию Монголии, как мы знаем, были более жесткими, чем в отношении других соседей.

За ограбление чужеземного купца кодексом Ся было предусмотрено более суровое наказание, чем за аналогичное преступление против подданного Ся.

Таким образом, мы должны отметить, что, возможно, еще со второй половины XI в. отношения между тангутским государством Великое Ся и государством Кочо (Турфан, Сичжоу) становятся все более мирными, переходя даже в дружеские. Оба государства одновременно сотрудничают с киданьским Государством Ляо, оба после гибели в 1125 г. государства Ляо оказали помощь Еллой Даши. Оба государства контролировали самые удобные традиционные пути из Китая на Ближний Восток, имелись условия, таможенные и иные, которые оформляли этот транзит, к сожалению, об этом у нас нет никаких сведений.

Оба государства роднило то, что они являлись многонациональными в современном понимании. Но на территории и Ся и Турфана проживал один народ — уйгуры. В Ся этот народ или был в подданстве Ся или жил просто в неких формах подчинения местным властям, в Турфане же это была господствующая народность. И в том и в другом государстве проживали китайцы и тибетцы. Обе страны были буддийскими, и там и там господствующая народность активно принимала буддизм, велела переводческую деятельность и деятельность по распространению текстов на родном языке. Основными текстами для перевода и в Ся и в Турфане были тексты буддизма на китайском и тибетском языках.

И в Турфане и в Ся происходили процессы ассимиляции: в Турфане уйгурский, торкский язык становится господствующим, и вместе с ним уйгурское письмо. Это господствующий язык. Государственным языком Ся был и тангутский язык, предполагалось двуязычие или даже утрата родного языка частью не тангутского населения.

Несмотря на то, что Турфан и Ся по-разному коснулось плеча монгольского нашествия и его последствий, судьбы их населения оказались и во многом схожими. Население Турфана и население Великого Ся утратили буддизм, оно стало мусульманским. Уйгуры или, как иногда говорят и пишут, «новые уйгуры» как симбиоз древнего индоевропейского (иранского) населения Турфана и уйгуров-пришельцев, стали уйгурами-мусульманами с уйгурским языком, а население Ся, обращенное в ислам в конце XIII в. монгольским принцем Ананда, постепенно превратилось в нынешнее мусульманское население Нинся — мусульманского автономного района КНР и мусульман провинции Ганьсу, общим языком которого стал язык китайский.

Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН

ПУТИ И ВРЕМЯ МИГРАЦИИ ХЭЙШУЙ МОХЭ В ЗАПАДНОЕ ПРИАМУРЬЕ

Археологические исследования последних лет в Амурской области позволили говорить о том, что в постурильское время, примерно до конца VII – начала VIII вв., Приамурье в этнокультурном плане не представляло собой единый регион. В Западном Приамурье в этот период последовательно существовали родственные талаканская и михайловская культуры (последняя соотносится с монголоязычной северной группой шивэй), а в Восточном Приамурье – польцевская культура и найфельдская (тунжэньская на китайской территории) группа мохэской культуры (или тунгусоязычные хэйшуй мохэ). Естественной границей между ними были горные хребты Малого Хингана. Начало этнокультурному объединению двух ареалов (а вернее мохэская ассимиляция аборигенного населения Западного Приамурья), которое растянулось примерно на три века (до X в.), положила миграция в западный регион Приамурья хэйшуй мохэского населения.

Ввиду наибольшей территориальной распространенности памятников найфельдской группы, ее можно считать основной для Восточного Приамурья, части Приморья и Маньчжурии (в пределах пров. Хэйлуцзян) до VIII в. (т.е. до появления в этом регионе памятников троцкого и бохайского типов). Радиоуглеродным методом ее нижняя граница определяется V в. [Кузьмин, 1993, с. 189, 190]. И, тем не менее, нельзя быть уверенным в том, что найфельдский вариант мохэской культуры сформировался только в V в., тем более, нижний интервал некоторых радиоуглеродных дат лежит в самом начале данного века. Во многих работах начало мохэской культуры датируется IV в. Данный рубеж во всех случаях определен по сообщению письменных источников об уцзи и мохэ эпохи Южных и Северных династий (V - VI вв.) “или даже более ограниченно - Северной Вэй” (конец IV - середина V вв.) [Воробьев, 1994, с. 108]; а также по некалиброванным радиоуглеродным датам жилищ Куркунихи-1 в Приморье (1560±60 л.н., РУЛ – 287, 390±60 г.) и Благословенного II в Восточном Приамурье (1600±20 л.н., СОАН – 1615, 370±20 г.). Исходя из этого, начало эпохи раннего средневековья также определяется IV в.

К памятникам хэйшуй мохэ в Западном Приамурье, которое изначально не входило в зону расселения этих племен, относятся могильники Новопетровский, Шапка, сезонная стоянка Усть-Талакан (жилище 2 и яма-погреб 2), возможно Завитинский и Сергеевский могильники, поселение на горе Шапке. Все они локализируются от бассейна речки Маньчжурки на западе до р. Буреи на востоке. Согласно радиоуглеродным датам их появление в этом районе произошло не ранее второй половины VII в. (80-е годы) [Нестеров, 1998, с. 55]. Возможными причинами миграции части хэйшуй мохэ в этот регион, скорее всего, из центральных районов Маньчжурии (бассейна средней Сунгари) в конце VII - начале VIII вв., являются непростые политические отношения с государством Бохай.

Согласно последним исследованиям по административно-политическим рубежам государства Бохай, его северо-восточная граница проходила по долине Уссури, “скорее всего, до устья р. Бикин, где она резко поворачивала на юго-запад и по долине р. Мулинхэ уже на территории Северо-Восточного Китая доходила, по-видимому, до современного г. Боли. Во всяком случае, здесь в VIII в. находилась ставка предводителя племен хэйшуй, которые затем были подчинены Бохаю. Отсюда, судя по всему, граница проходила в северо-западном направлении в сторону современных городов Саньсин и Тели, а дальше она шла по долине р. Хуланьхэ до ее впадения в Сунгари, затем по долине этой реки она проходила до устья р. Нонни...” [Государство Бохай..., 1994, с. 40]. Несколько иначе выглядят северные рубежи Бохая на карте М.В. Воробьева. Он считает, что “из-за обилия разнородных племен и

отдаленности северная граница Бохая определяется труднее. По-видимому, она проходила по р. Сунгари, приближаясь к Амуру или даже выходила на правый его берег и шла по нему на северо-восток, возможно где-то сворачивая и выходя на морское побережье, а возможно, продолжаясь до впадения Амура в море” [Воробьев, 1994, с. 123]. Аналогичным образом северную пограничную линию представлял профессор А.В. Гребенщиков. Он считал, что она “начиналась от устья Нонни, шла по Сунгари... и от пункта несколько выше нынешнего Саньсина направлялась на северо-восток параллельно Сунгари и правому берегу Амура через восточную часть владений Чернореченских Мохэ (хэйшуй мохэ - С.Н.), далее охватывала устье Уссури и, проходя несколько ниже Хабаровска, подходила к побережью Японского моря около 45 параллели...” [Гребенщиков, 1916, с. 56]. Известно, что в бассейне Муданьцзяна в танское время было основано “главное управление Хуханьчжоу”, называемое также “главное управление Бохая”, просуществовавшее 200 лет [Чжан Тайсян, 1979, с. 23]. Об этом же свидетельствуют найденные в этом районе захоронения бохайцев (например, мог. Хунсюньюйчан [Цзинь Тайшунь, Чжао Чжэфу, Ван Сянбин, 1979, с. 2 - 16]).

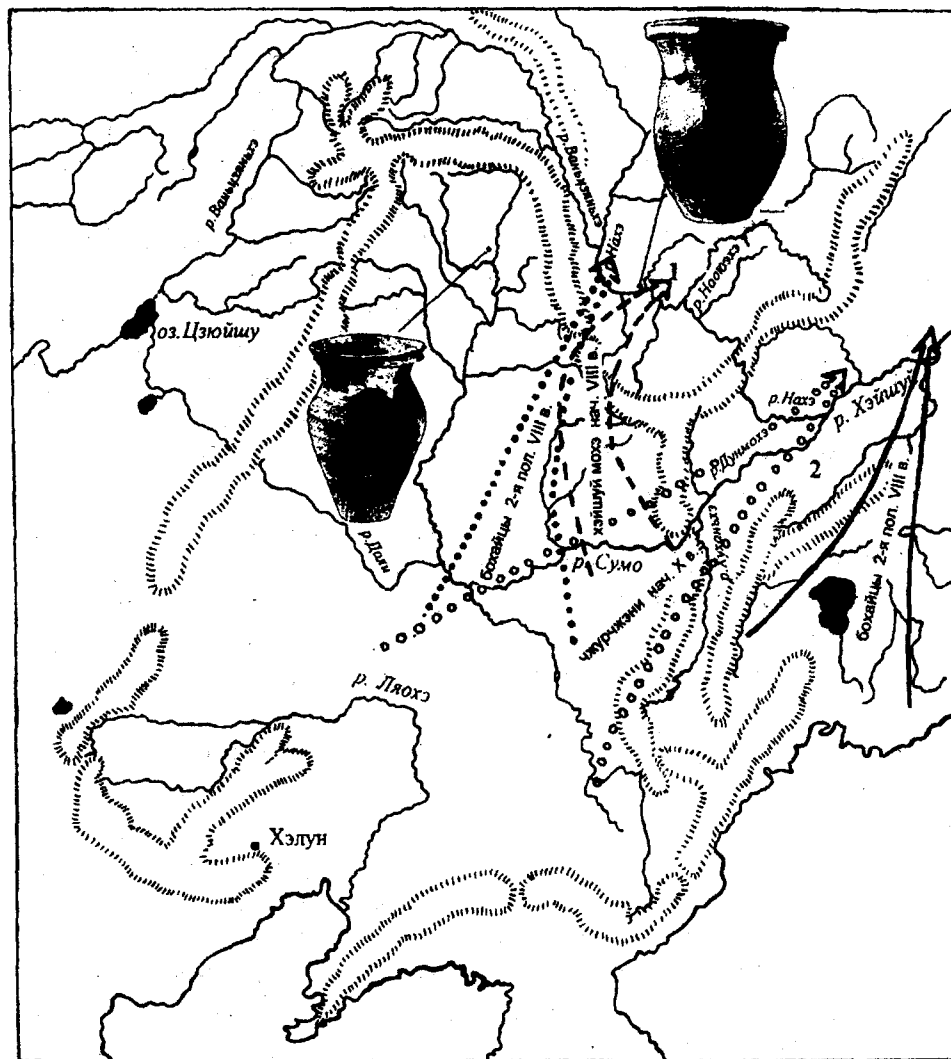
Таким образом, часть территории расселения хэйшуй мохэ (в Приханканье, долинах рек Уссури, Сунгари, Муданьцзяна, Ашихэ) были подчинены Бохаю. Не исключено, что “юрисдикция Бохая” распространялась и на правобережье Амура. Несмотря на потерю значительной территории и части населения, хэйшуй мохэ составляли значительную оппозицию королевству Бохай, чем воспользовался китайский император Сюань-цзун, спровоцировав агрессию бохайцев против хэйшуй [Государство Бохай..., 1994, с. 33-34].

Нестабильная политическая обстановка в отношениях хэйшуй с государством Бохай, способствовала миграционным процессам, в результате которых беженцы-хэйшуйцы появились на берегах Амура, к западу от Малого Хингана. Путь хэйшуй из Маньчжурии, скорее всего, проходил через бассейн верхней Нонни, через плато, расположенное между Ильхури-Алинем и западными отрогами Малого Хингана (единственный удобный проход через данную горную систему [Глушаков, 1948, с. 19]). Возможно, часть мигрантов осела на р. Ганьхэ, правом притоке р. Нонни на землях улохоу. Э.В. Шавкунов, разбирая иероглифическую транскрипцию этнонима “улохоу, улохунь”, ближайшим фонетико-семантическим эквивалентом ему считает эвенкийское *урка, орка* - “силоч, петля” или *буркэ* - “изгородь, закол, запор для ловли рыбы”. По его мнению, улохоу в своей основе были тунгусоязычными, но поскольку территория их расселения “совпадает с районом бывшего расселения ухуаней”, то можно допустить, что пришедшие сюда тунгусоязычные племена смешались с монголоязычными аборигенами, заимствовав их имя, фонетически изменили его в соответствии с нормами древнетунгусского языка [Шавкунов, 1976, с. 57]. Возможно, обнаруженные на р. Ганьхэ сосуды (см. рис.), которые Чжан Тайсян отнес к уцзи и сяньби [1988, с. 32-33], подтверждают высказанное Э.В. Шавкуновым предположение о происхождении улохоу. Мохэская керамика представлена найфельдским типом и демонстрирует наиболее ранние формы посуды с “блюдовидно расширенной горловиной”, сопоставимые с материалами памятников Благословенное II, могильников Кочковатка, Найфельд, Туаньцзе [Дьякова, 1984, с. 89, 157, 158 и др; Цзу Яньлин, Хань Шимин, Ли Чэнци, Чжан Тайсян, 1989, с. 723].

Если правобережье Амура действительно вошло в состав Бохая в результате завоевания, то переселение (точнее бегство) части приамурских хэйшуй на северо-запад за Хинган шло и по Амуру (Нахэ), где они столкнулись с местными племенами михайловской культуры.

Некоторые материалы из Западного Приамурья свидетельствуют о возможном влиянии аборигенного михайловского населения на культуру пришлых мохэ. Так, на Завитинском могильнике в устье р. Завитой, на правом берегу (в 6 км южнее могильника Шапка), в разрушенном погребении найдены: костяной наконечник стрелы, фрагменты керамики и целый сосуд. Последний представляет собой горшок найфельдского типа, у которого тулово полностью покрыто вафельным орнаментом (см. рис.) [Новиков-Даурский, 1961, с. 46]. Среди орнаментальных мотивов найфельдской керамики данный тип орнамента

зафиксирован только на могильнике Шапка, для которого и он - редкое явление. Для более ранних памятников найфельдской группы данный орнамент не характерен [Деревянко, Богданов, Нестеров, 1999, рис. 41], но он был присущ керамике михайловской культуры. В данном случае, сосуд сформован согласно найфельдским керамическим традициям, но украшен михайловским орнаментом. Проявление данного синтеза могло произойти только при сосуществовании на одной территории населения с различными гончарными традициями.

Подобного слияния не произошло между гончарством найфельдской и появившейся в Западном Приамурье не ранее второй половины VIII в. троицкой групп мохэской культуры (благовещенские археологи считают, что “культура троицких мохэ - часть большой мохэской общности, сформировавшейся на основе сумо-мохэской этнической культуры и аборигенных амурских культур” [Болотин и др., 1999, с. 281]), хотя и в Приамурье, и в Маньчжурии они были достаточно близкими соседями. Для троицких мохэ вафельный орнамент был характерен изначально, что хорошо видно по материалам троицкой группы в Западном Приамурье, бохайцев и культуры амурских чжурчжэней [Дьякова, 1993, ч. III, с. 345 - 346].

Однако предложенная схема последовательности переселения мохэ в Западное Приамурье, по которой первыми сюда пришли хэйшуй мохэ, а затем бохайские (сунгарийские сумо) мохэ, была пересмотрена Д.П. Болотиным в пользу приоритета бохайских мохэ [2001, с. 158 - 159]. В основу удревнения миграции сунгарийских мохэ

минимум на 100 лет он положил две новые радиоуглеродные датировки [Джалл и др., 2001, с. 48]. Дата с городища Шапочка (СОАН – 4171, 1365 ± 40 л.н., кал. 604 - 762 гг.) не исключает приход именно бохайских мохэ в VIII в. Необходимо помнить, что дата того или иного объекта, ограниченная определенными хронологическими рамками, свидетельствует лишь о том, что он, согласно калиброванному интервалу, находится в границах данного хронологического диапазона, но в нем может занимать конкретную “узкую” позицию. Конкретная же дата объекта может быть определена дополнительно археологическими методами (по стратиграфии, по хорошо датированному инвентарю, монетам, надписям на погребальном сооружении и отдельных предметах). Что касается даты по нагару на фрагменте троицкой керамики, найденной в шурфе поселения Осиновое Озеро (АА – 27539, 1495 ± 45 л.н., кал. 446 - 640 гг.), то нужно отметить следующее. В 1965 г. на Осиновом озере было исследовано мохэское жилище с троицкой керамикой. В нем были найдены две китайские монеты “*кайюань тунбао*”, которые, по определению Э.В. Шавкунова, вошли в обращение в первой половине VIII в. [Деревянко Е.И., 1975, с. 46]. И только сравнение этих материалов позволит оценить новую радиоуглеродную дату. При этом необходимы раскопки нового поселения и дополнительные радиоуглеродные даты, т.к. только даты, полученные из археологического комплекса (могилы, жилища) могут быть оценены адекватно.

Таким образом, местом исхода хэйшуй мохэ в Западное Приамурье, в основном, является Маньчжурия (совр. пров. Хэйлуцзян) и, не исключено, Восточное Приамурье. Нужно заметить, что миграция носителей найфельдской (тунжэньской) группы мохэ шла не только в северо-западном направлении, но и на северо-восток, на побережье Охотского моря, где в токаревской культуре имеются черты найфельдской керамической традиции [Понкратова, 2002, с. 116-118]. В танское время (VII - X вв.) из семи ранее называвшихся в китайских хрониках мохэских племен осталось только два: хэйшуй и сумо мохэ. Первые на западе граничили с шивэйцами, на северо-востоке достигали моря, на юге соседствовали с сумо мохэ. Существует мнение о том, что уже примерно к середине VII в., за полвека до официального провозглашения государства Чжэнь (в 698 г.), или Бохай, сумо мохэское общество достигло уровня раннего государства и у древних тюрков было известно как “Боклийский каганат” [Крадин, 1995, с. 92]. Сложная политическая обстановка, сложившаяся в этом районе в конце VI - начале VII вв., по-видимому, и явилась тем фактором переселения части хэйшуй мохэ в Западное Приамурье, которое фиксируется со второй половины VII в. Образование государства Бохай этот процесс только усилило. Возможно, эти же политические катаклизмы способствовали появлению в Западном Приамурье и сунгарийских сумо мохэ, положивших начало формированию в Приамурье троицкой группы населения, но это уже другая проблема.

Список литературы

Болотин Д.П., Сапунов Б.С., Сапунов И.Б., Коробий Е.Б. Новый средневековый могильник на Среднем Амуре // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. - Новосибирск, 1999. - Т. V. - С. 275-282.

Болотин Д.П. Происхождение дючеров // Традиционная культура востока Азии. - Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2001. - С. 154 - 172

Воробьев М.В. Маньчжурия и восточная Внутренняя Монголия (с древнейших времен до IX в. включительно). - Владивосток: Дальнаука, 1994. - 410 с.

Глушаков П.И. Маньчжурия: экономико-географическое описание. - М.: Гос. изд-во географ. лит., 1948. - 264 с.

Государство Бохай (698-926 гг.) и племена Дальнего Востока России. - М.: Наука, 1994. - 219 с.

Гребенщиков А.В. К изучению истории Амурского Края по данным археологии // Юбилейный сборник Музея Общества Изучения Амурского Края за первые 25 лет своего существования. - Владивосток, 1916. - С. 50-75.

Деревянко А.П., Богданов Е.С., Нестеров С.П. Могильник Найфельд. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. - 96 с.

Деревянко Е.И. Мохэские памятники Среднего Амура. - Новосибирск: Наука, 1975. - 252 с.

Джалл Э.Дж.Т., Деревянко А.П., Кузьмин Я.В., Орлова Л.А., Болотин Д.П., Сапунов Б.С., Табарев А.В., Зайцев Н.Н. Новые радиоуглеродные даты археологических памятников Среднего Приамурья // Вестник Амурского государственного университета. - 2001. - Вып. 12. - С. 47 - 48.

Дьякова О.В. Раннесредневековая керамика Дальнего Востока СССР как исторический источник IV - X вв. - М.: Наука, 1984. - 206 с.

Дьякова О.В. Происхождение, формирование и развитие средневековых культур Дальнего Востока (по материалам керамического производства). - Владивосток: Дальнаука, 1993. - Ч. I - III. - 408 с.

Крадин Н.Н. Этюд о Боклийском каганате // Традиционная культура востока Азии: археология и культурная антропология. - Благовещенск, 1995. - С. 87-94.

Кузьмин Я.В. Сопоставление хронологий средневековых памятников юга Дальнего Востока России // Российская археология. - 1993. - N 3. - С. 189 - 192.

Нестеров С.П. Народы Приамурья в эпоху раннего средневековья. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. - 184 с.

Новиков-Даурский Г.С. Историко-археологические очерки, статьи, воспоминания. - Благовещенск: Амурск. кн. изд-во, 1961. - 192 с.

Понкратова И.Ю. Керамический орнамент Северо-Восточной Азии. - Владивосток: Изд-во ДВО РАН, 2002. - С. 116 - 126.

Чжан Тайсян. Первобытная стоянка у деревни Дункан уезда Нанъань // Культурное наследие древности пров. Хэйлунцзян. - Харбин, 1979. - С. 23 - 26 (на кит. яз.; перевод Е.Э. Войтишек).

Чжан Тайсян. Рассказы по истории Хэйлунцзяна // Хэйлунцзян хуабao. - 1988. - № 5. - С. 32 - 33.

Цзинь Тайшунь, Чжао Чжэфу, Ван Сянбин. Раскопки могильника Хунсюньюйчан (г. Нинъань, пров. Хэйлунцзян) // Каогу. - 1997. - N 2. - С. 1 - 16 (97 - 112) (на кит. яз.; перевод С.В. Алкина).

Цзу Яньлин, Хань Шимин, Ли Чэнци, Чжан Тайсян. Раскопки могильника Туаньцзе в уезде Лобэй пров. Хэйлунцзян // Каогу. - 1989. - N 8. - С. 719 - 726.

Шавкунов Э.В. Опыт реконструкции древних этнонимов в иероглифической записи // Новейшие археологические исследования на Дальнем Востоке СССР. - Владивосток, 1976. - С. 52 - 70.

*Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск*

ПРОБЛЕМА РАННИХ КОНТАКТОВ КОГУРЁ СО СТРАНАМИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

С образованием централизованного государства, охватывающего значительную площадь полуострова, Корея включилась в более широкую систему международных отношений, не ограничиваясь контактами с ближайшими соседями. В хрониках VII века говорится, что корейский государь часто присылал посланника в Кижиневу орду. Корейский монах посетил в 727 году Бамиан (Афганистан). Росписи помещения №1 дворцового комплекса городища Афрасиаб, по мнению Л.И. Альбаума, запечатлели приезд в столицу Согда корейского посольства [Альбаум, 1975, с. 74-75].

Погребальные памятники Когурё, как считают ряд отечественных и корейских учёных, свидетельствуют о возможности более ранних корейско-среднеазиатских контактов. Специфика археологического источника заставляет исследователей рассматривать эту проблему через призму так называемого среднеазиатского влияния на погребальную обрядность когурёсцев.

Возникшее в III – IV вв. н.э. древнекорейское государство Когурё занимало особое место в восточно-азиатском регионе, благодаря географическому расположению когурёсцам пришлось столкнуться с разными культурными традициями. При этом всеохватывающее влияние на культуру Когурё оказала китайская цивилизация. Ярко китайское влияние выражено в погребальной обрядности когурёской знати, для которой возводились каменные гробницы, украшенные настенной живописью (пёкхвабун). В культурах других народов, контактировавших с Китаем, археологи также находят следы китайского влияния на погребальный обряд знати. Катакомбные сооружения Турфана – результат скрещивания китайских и местных погребальных обычаев, что прослеживается и в погребальном инвентаре, и в ряде погребальных обычаев. Представители знати Турфанского оазиса стало использовать китайскую иконографию и образы китайской мифологии. В могильниках (Астана, Караходжа) найдены ткани с изображением китайских божеств-демиургов Фуси и Нюйва [Восточный Туркестан, 1995, с. 329, 259]. В результате археологических исследований памятников хунну найдены материалы, свидетельствующие о широких связях между хунну и Китаем. С.И. Руденко при обобщении коллекции из Ноин-Улы отметил наличие в культуре хунну не только привозных предметов китайской работы, но и значительный спектр следов китайского культурного влияния (на примере конструкции погребальных камер, палочек для еды, некоторых типов керамики, одежды, украшений, средств передвижения и др.). В ранних работах А.В. Давыдова указывала на значительное количество следов китайского влияния на материалах Иволгинского городища. Китайские параллели подчёркивались практически во всех основных сферах материальной культуры [Филиппова, 2000, с. 213-214]. Когурё, как и многие области Средней Азии, было включено в процесс распространения буддизма. Когда достигли своего расцвета буддистские культовые центры Бактрии-Тохаристана Кара-тепе и Фаяз-тепе, в Когурё были построены первые буддистские храмы Ибульлан[са] и Сомун[са]. В когурёской настенной живописи исследователи выделяют два аспекта, связанных со среднеазиатской тематикой. По мнению Р.Ш. Джарылгасиновой, в гробнице Анак №3 нарисован «танцор, приехавший из какой-то среднеазиатской страны», а ширмообразный орнамент когурёских фресок имеет аналогии в живописи Согда [Джарылгасинова, 1959, с. 117, 118].

Дискуссия о среднеазиатском влиянии среди корейских археологов во многом связана с проблемой происхождения колодезной формы сводов когурёских гробниц (тип пхёнхенсамкаккоим). Если северокорейские учёные настаивают на автохтонном

происхождении свода, то южнокорейский археолог Ким Воллён считает, что этот конструктивный элемент был принесен китайцами, которые заимствовали его из «Средней Азии» [Когурё мунхва, 1972, с. 131-143; Ким Воллён, 1996, с. 45; Ким Воллён, 1989, с. 157]. Поиски среднеазиатских корней колодезного потолка пока безрезультатны, поскольку в интересующий период среднеазиатский, как и восточнотуркестанский, погребальный обряд связан с подбойно-катакомбными могилами [Восточный Туркестан, 1995, с. 255-359; Горбунова, 1991]. Схема эволюции ханьских погребальных сооружений, предложенная Тереховой, также не предполагает заметного западного влияния [Терехова, 1959, с. 28-47]. Кассетные перекрытия характерны для некоторых восточнотуркестанских пещерных сооружений (Безеклык, Туяк-мазар, Мингой), но в настоящее время самая ранняя пещера (№275 из Дуньхуана) датируется серединой 5 века, а наиболее ранние когурёские гробницы относятся ко второй половине IV века [Восточный Туркестан, 2000, с. 21, 46].

Обе концепции корейских учёных представляют собой узкий подход к изучению гробниц. Пёкхвабун является сложным сооружением, поэтому исследование устройства свода не должно быть оторвано ни от других элементов конструкции, ни от характера настенной живописи.

Наиболее ранние когурёские гробницы со сводом колодезного типа, Анак №3, Тхэсонни №1, Пхёнян пёкчон и Ёдонсончхон (IV век), обнаруживают множество черт, сходных с китайскими каменными или кирпичными склепами ханьского времени. Гробницу Анак №3 объединяет с ханьскими склепами одинаковая ориентация основных и дополнительных камер, расположение входа с южной стороны, восьмигранные каменные колонны [Терехова, 1959, с. 40, 41]. Коридор Анак №3 выложен мелкими плитами, которые словно имитируют по форме кирпичи, являвшиеся тогда основным материалом для возведения китайских погребений. Восьмигранные каменные колонны, найденные в Анак №3, часто встречаются и в китайских склепах. Фрески Анак №3 подчёркивают хозяйственную роль каждой камеры. На стенах западной камеры Анак №3 нарисованы хозяин гробницы с жёнами и его дом. В восточной камере на западной стене изображены служанки, толкущие зерно в ступке, веющие зерно, достающие воду из колодца, на восточной – кухня, где кухарки разжигают огонь в очаге и готовят пищу, а во дворе видны собаки и птицы, мясная кладовая, стойла. В ханьских погребениях особая роль каждой комнаты выражалась как стенописью и рельефными изображениями, так и характером размещения погребального инвентаря. В ханьской могиле №30.14 в одной комнате помещался кухонный инвентарь, и даже была сложена из маленьких кирпичей печь, на которой стояли железный котёл и керамические сосуды, в другой – находились детали украшения лошадей и колесниц, модели кормушек для лошади, в третьей – стояли сосуды для хранения зерна, модели амбаров, в результате чего склеп напоминал большой жилой дом. В одной комнате каменного склепа в уезде Инань провинции Шаньдун изображены сцены приготовления пищи, в другой – сцены трапезы, в третьей – жертвоприношения и т.д. [Терехова, 1959, с. 40, 41].

Фресковая живопись Анак №3 сопоставима по сюжетам с ханьскими рельефными изображениями. В китайских погребениях рельефы с картинами земной жизни играют доминирующую роль, обязательным элементом являются изображения кортежей; картины поклонения вельможе в павильоне развились от более ранних изображений сцен пира [Сычев, 1970, с. 9, 19-20].

В конструктивном плане гробницу Тхэсонни №1 с Анак №3 сближает наличие восьмиугольной колонны и одинаковое устройство свода. Кроме того, на фресках Тхэсонни №1, как и в Анак №3, представлено хозяйственное деление пространства камер.

При строительстве пола Пхёнян пёкчон был использован кирпич, несвойственный для когурёской архитектуры материал. Кирпичные ханьские погребения появились в Китае во втором веке до н.э. [Воробьёв, 1961, с. 77-78] Также традиционен для китайских погребений куполообразный свод, схожий со сводом Пхёнян пёкчон.

Пятикомнатная конструкция гробницы Ёдонсончхон сильно отличается от стандартного для когурёских погребений расположения камер. Сходные многокамерные

склепы найдены в Китае. Ряд элементов конструкции погребения Саньдаохао (III век н.э.) сопоставимы с Ёдонсончхон: преобладающая южная ориентация, вход с юга, большое количество камер, их порядок расположения, наличие ниш, колонн; уровень пола западной части передней камеры выше уровня пола самой камеры [Ким Ёнчун, 1958, с. 14-16].

Свод Самсильчхон (V век) отражает тенденцию рассматривать его как имитацию небесного свода, места существования духов. Новое видение погребальной камеры не предполагает отказа от китайских мотивов, поскольку постепенно вместо привычных изображений кортежей, сцен поклонений в павильоне на первый план выходит ханьский мотив четырёх мифических животных, имеющий сложный геомантический смысл (памятники Кансо тэмё, Чинпхари №1, 4). Каждое животное связывалось с особой стороной горизонта, а все четыре в совокупности олицетворяли окружающий мир. Строгое их размещение должно было свидетельствовать о правильном выборе места для погребения. Каждое существо заключало в себе комплекс благожелательных идей. Расположение их на стенах перед газами умершего должно было обеспечить ему мир и безопасность [Воробьёв, 1961, с. 94]. Мотив четырёх гениев не является специфически когурёским, живописцы Когурё, очевидно, переняли эти образы от ханьских мастеров, вложив в них новое содержание. Изображение четырёх мифических животных встречается на ханьских кирпичках, черепице, зеркалах, стенописи погребений, хотя возникли эти образы гораздо раньше. Обычно феникс или феникс и дракон высекались уже на пилонах, затем они или все четыре зверя изображались на дверях могилы, как на створках дверей из ханьского некрополя в Сиане, и повторялись множество раз в самой гробнице. Образы четырёх гениев продолжали существовать в Китае и позже. В Хакасском областном краеведческом музее хранится зеркало с изображением сышен и животных зодиака № 290-53, найденное в Минусе. Зеркало датируется VI – VII веками [Лубо-Лесниченко, 1975, с. 54-55]. Изображение двух противостоящих друг другу Красных птиц в Кансо тэмё обнаруживает большое сходство с образами птиц, вырезанных на дверях ханьского склепа в Сиане, а также с изображением двух фениксов на китайском зеркале VIII века, найденном в деревне Саянская [Лубо-Лесниченко, 1975, с. 54-55]. В ханьских письменных источниках сасин (кит. сышен) связываются с астраханским культом и культом сторон света. Согласно «Хуайнаньцзы» (2 в. до н. э.), существовало пять небесных сфер (восток, запад, север, юг, центр), каждая из них была воплощением одного из пяти первоэлементов, имела своего главного бога, бога-помощника, духа, отождествляемого с одной из планет. Каждая сфера была связана со временем года и священным животным.

Восходящие к китайским образцам конструктивные особенности когурёских гробниц и мотивы настенной живописи позволяют говорить о китайском характере колодезного свода когурёских склепов.

Государство Когурё не было изолировано от других районов Азии, поэтому возможность контактов со среднеазиатским регионом, как свидетельствует изображение танцора на стене Анак №3, нельзя исключать. В то же время они изначально должны были быть опосредованы китайским участием, что прослеживается на примере проникновения буддизма или музыкальной культуры оазисов Восточного Туркестана.

Список литературы

Альбаум Л.И. Живопись Афрасиаба. Ташкент: «Фэн», 1975. 112 с.

Воробьёв М.В. Древняя Корея: Историко-археологический очерк. М.: Изд-во восточной литературы, 1961. 147 с.

Восточный Туркестан в древности и средневековье. *Архитектура. Искусство. Костюм*. М.: Издательская фирма «Восточная лит-ра», 2000. 510 с.

Восточный Туркестан в древности и средневековье. *Хозяйство, материальная культура*. М.: Издательская фирма «Восточная лит-ра», 1995. 526 с.

Горбунова Н.Г. О подбойно-катакомбных погребениях ранних кочевников Средней Азии // СА. 1991. №3. С. 20 – 30.

Джарьлгасинова Р.Ш. Монументальная живопись древнекогурёских гробниц // Проблемы востоковедения. 1959. Вып. 1. С. 113 - 119.

Ким Воллён. Ханкук кокохак кэсоль (Основы археологии Кореи.). Сеул. 1989. 295 с. (на кор. яз.).

Ким Воллён. Ханкук пёкхвакобун (Погребения с настенной живописью Кореи). Сеул. 1996. 159 с. (на кор. яз.).

Ким Ёнчун. Когурё кобун пёкхва ёнгу. (Изучение живописи погребений Когурё.). Пхеньян. 1958. 189 с. (на кор. яз.).

Когурё мунхва (Культура Когурё). Пхеньян. 1972. 339 с. (на кор. яз.).

Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины. М.: Наука, 1975. 167 с.

Сычев В.Л. Погребальные рельефы Китая 1 – 2 вв. н.э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М, 1970.

Терёхова Н.Н. Погребальные конструкции эпохи Хань в Китае // СА. 1959. № 3. С. 28 – 47.

Филиппова И.В. Взаимоотношения между кочевниками и земледельцами на примере хунну и Китая по археологическим материалам (к постановке проблемы) // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии: Материалы 40-й региональной археолого-этнографической студенческой конф. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2000. – т. 1. С. 212-214.

Новосибирский государственный университет

О МНИМОМ И РЕАЛЬНОМ СООТНОШЕНИИ МЕЖДУ ЯЗЫКОМ ТЕКСТОВ МАЛОГО ЧЖУРЧЖЭНЬСКОГО ПИСЬМА И ПИСЬМЕННЫМ МАНЬЧЖУРСКИМ ЯЗЫКОМ

Как сообщается в китайских исторических источниках, так называемое малое чжурчжэньское письмо было создано в первой трети XII века. В “Истории Золотой Империи” говорится: “Сначала в государстве Цзинь не было письменности и когда при постоянном усилении государства оно вступило в дружественные связи с соседственными дворами, в сношениях с ними употреблялись письма дайляоские [киданьские – А.Б.]. Государь Тай-Цзу поручил вельможе Сиинь составить буквы национальные и постановить для оных правила. Сиинь, держась формы полууставных букв китайских и следуя правилам письма дайляоского, сообразно с наречием своей нации составил письма нюй-чжи” [История Золотой Империи, 1998, с. 102-103]. По другим данным, малое чжурчжэньское письмо (МЧП) было создано человеком по имени Ваньянь Сиинь позднее, при императоре Шицзуне, в 60-е годы XII века [Ларичев, 1966, с. 237, 239-240]. Так или иначе, это письмо довольно скоро, уже в начале XIII века, вышло из употребления, однако языковые материалы, записанные этим письмом, продолжали использоваться в XV-XVI веках. До сих пор основным источником материалов по языку малого чжурчжэньского письма (МЧП) является словарь “Хуа-и и-юй”, составленный в XV-XVI веках, в котором записанные знаками МЧП слова снабжены транскрипцией и китайским переводом. Обработка этого источника позволила В. Грубе в конце XIX века идентифицировать язык, который был записан знаками МЧП, как тунгусо-маньчжурский язык, относящийся к маньчжурской ветви и весьма близкий маньчжурскому языку [Grube, 1896.], и с тех пор это утверждение никем из исследователей не было взято под сомнение. Таким образом, если под дешифровкой письма понимается среди прочего установление характера языка, пользовавшегося данным письмом, то однозначная дешифровка малого чжурчжэньского письма была осуществлена именно В. Грубе, и альтернативная дешифровка, которая приводила бы к иной идентификации языка, скрывающегося за графикой МЧП, видимо, невозможна в принципе. Соотнесение графем МЧП с фонетическими структурами, равными словам, слогам или (в редких случаях) отдельным фонемам, что составляло предмет занятий многих ученых (Л. Лигети, Т. Хироаки, Г. Киесе, Цзинь Цицун, О.А. Мудрак, А.М. Певнов) в целях корректности использования терминологии следует, на наш взгляд, называть не дешифровкой, а фонетической реконструкцией – однако, как становится ясно из особенностей самого материала, едва ли такая реконструкция может иметь под собой какие-либо реальные основания.

В настоящее время в научный оборот в основном введены те тексты на языке МЧП, которые являются билингвами или трилингвами или же те памятники языка МЧП, которые имеют транскрипции слов, выполненные китайскими иероглифами, а также и китайский перевод. Одноязычные тексты в записи знаками МЧП в наши дни по существу не читаются – исключение составляют отдельные слова из эпиграфических находок, чтение и установление значений которых в равной мере не поддается проверке. Следовательно, пока не имеется оснований сомневаться в результатах трудов В. Грубе, которые полностью сохраняют свое значение до наших дней. Достаточно по этому поводу сказать, что любая фонетическая реконструкция языка МЧП в той или иной степени основывается либо непосредственно на китайских транскрипциях слов, записанных знаками МЧП, либо на возможных одновременных чтениях транскрипционных иероглифов, передающих звучание слов языка МЧП, либо на данных сравнительно-исторической фонетики тунгусо-маньчжурских языков, в которой используются те же транскрипции, и вследствие этого все специфические черты

“чжурчжэньского” языка, которые когда-либо приводились в работах по этому языку, так или иначе имеют аналогии в транскрипциях В. Грубе или в фактах сравнительной фонетики тунгусо-маньчжурских языков, в основном в исторической перспективе эволюции звукового строя маньчжурского языка. Собственно говоря, и это хорошо заметно из различных прочтений “чжурчжэньских” слов, предлагавшихся разными авторами, каждый из исследователей как бы приспособлял свое понимание “чжурчжэньского” языка к уровню своих познаний в области сравнительной фонетики тунгусо-маньчжурских языков, и едва ли не намеренно уводил “чжурчжэньский” язык подальше в сторону от маньчжурского.

Что касается соотношения “чжурчжэньского языка”, документированного образцами малого чжурчжэньского письма, и маньчжурского языка, то анализ морфологических элементов в сочетании с данными анализа лексики однозначно свидетельствует о том, что “чжурчжэньский язык” и маньчжурский язык – это одна и та же языковая формация, для которой в разные исторические периоды использовались разные виды письма. Малое чжурчжэньское письмо, смешанное словесно-морфемно-слоговое по своему характеру, не выдержало конкуренции с китайским и монгольским письмом (разнотипными, но не смешанными системами письма, и что очень важно, имеющими жесткие орфографические нормы, которыми не обладало чжурчжэньское письмо) и в начале XIII века было выведено из употребления. Маньчжурское алфавитное письмо было создано в конце XVI века по образцу монгольского письма, и имело весьма жесткие орфографические нормы. В данном случае итоги лингвистического анализа хотя и расходятся с имеющимися представлениями языковедов, но однозначно согласуются с фактами истории. Ведь замена наименования “чжурчжэни” на наименование “маньчжуры”, произведенная в 1636 году в соответствии с указом императора Хунтайцзи [Пан, 2000, с. 263; Воробьев, 1983, с. 271-272] не влекла за собой ни смены этноса, ни смены языка, ни изменений в языке под воздействием межэтнических контактов. В свое время М.В. Воробьев, отметив значительное число сходных элементов в “чжурчжэньском” и маньчжурском языках (в том числе сходства таких грамматических показателей, которые определяют специфику маньчжурской ветви тунгусо-маньчжурских языков по отношению к тунгусским языкам), оставил решение вопроса о реальном соотношении “чжурчжэньского” и маньчжурского языков на усмотрение лингвистов [Воробьев, 1983, с. 150]. В настоящее время можно со значительной уверенностью говорить о том, что “чжурчжэньский” и маньчжурский языки – это один и тот же язык [Burykin, 1999, р. 29-39]. Основные различия между материалами, документирующими эти языковые формации, сводятся к особенностям графики и степени точности передачи звукового состава слов, а также в объеме и качестве словарной документации лексического материала. Последнее обстоятельство даже не то чтобы осложняет, но существенно затемняет реальное сущностное соотношение между языком текстом малого чжурчжэньского письма и маньчжурским языком. Наблюдаемые различия по существу не касаются грамматической структуры этих языковых формаций, лексические различия между “чжурчжэньским” и маньчжурским языками оказываются мнимыми и чаще всего проистекают из не вполне точных определений слов, записанных знаками чжурчжэньского письма, в источниках. Единственное, что потенциально может различать две рассматриваемые языковые формации – это результаты фонетической реконструкции “чжурчжэньских” слов, которые реально различаются в трудах разных авторов, и слов маньчжурского языка. Как отмечено выше, вид “чжурчжэньских” слов потенциально зависит от предполагаемого чтения чжурчжэньских графем, предполагаемого архаического или диалектного чтения китайских иероглифов, использовавшихся для транскрибирования слов, записанных этими графемами, наконец, возможностью соотношения полученных таким образом чтений с десятью различными тунгусо-маньчжурскими языками.

Настоящая работа имеет своим предметом рассмотрение чтений нескольких “чжурчжэньских” слов, которые в транскрипциях демонстрируют однотипные отличия от маньчжурского языка, и преследует цели как разобраться в хитросплетении вопросов, связанных с чтением и транскрибированием чжурчжэньских графем разных типов

(идеограмм и силлабограмм), так и оценить общие перспективы сепаратной фонетической реконструкции “чжурчжэньского” языка, дифференцирующей этот язык от маньчжурского языка. Непосредственным объектом внимания в ней являются соответствия слов, содержащих слог -shen- в языке образцов МЧП и этимологически тождественных им слов, содержащих слог -си- в маньчжурском языке и тунгусских языках – таким образом, автор задается целью проследить, существует ли на самом деле соответствие маньчжурского -си- и “чжурчжэньского” -shen-. Подобная корреспонденция наблюдается в шести примерах, которые будут рассмотрены далее.

1. **muh-shen**, *mushen* или *musi* ‘мука поджаренная’. Ср. ма. муси ‘мука поджаренная для чая, питье из воды, смешанной с поджаренной мукой’. (ССТМЯ I, 560б муси). Слово записано двумя графемами, вторая совпадает со второй графемой в слове **to-shen-** ‘входить’ (Цзинь 169), о котором пойдет речь ниже. В принципе перед нами почти явный случай системных фонетических расхождений между “чжурчжэньским” и маньчжурским языками, которые могут быть обоснованы или опровергнуты другими фактами.

2. **nu-shen**, *pecin* ‘согласие, гармония’. Есть только в. указателе: (ССТМЯ II, 9256). Отсылка к статье [нэчин], ср. ма. нэчин прямой, ровный, ... 3. Покой, тишина, мир. (ССТМЯ I, 626б нэчин). Такая же отсылка имеется и при слове. **nu-shih-yin**, *pecin* ‘согласие, гармония’, которое является иным графическим вариантом записи того же слова. В интересующем нас первом примере двусложная “чжурчжэньская” морфема записана одной графемой-идеограммой, которую Цзинь Ци Цун (Цзинь 183) читает как *nushi*, только чтение Л.Лигети *peci* приближено к звучанию маньчжурского слова, как и чтение, предлагаемое нами. Наличие в альтернативном написании самостоятельной графемы с чтением -yin ничего не дает для решения нашей проблемы.

3. **oh-shen**, *esi*, *ese* ‘нет’. Ср. эвенк. ачин ‘нет (именное отрицание)’; орок. э(си)- ‘не делать чего-л.’, уд. эси- ‘не делать чего-л.’, эвенк. э(си) ‘не делать чего-л.’ + п.-мо. *ese*, *esegsen* ‘не - глагольное отрицание’ (ССТМЯ II, 432а-433а э-). Здесь одной чжурчжэньской графемой записана форма служебного глагола, состоящая из двух морфем – корня е- и основообразующего суффикса. Цзинь Ци Цун, Т.Хироаки, Г.Киее читают эту форму как *eshi*, Л.Лигети – как *esi* (Цзинь 132), но Цзинь Ци Цун ошибочно приписывает В.Грубе чтение этого знака как е-, в то время как второй транскрипционный знак тогда не соответствует в графике ничему.

4. **shen-koh**, *shingge* ‘мышь’. Ср. ма. син”гэри ‘мышь’, нан., орок., ульч. син”гэрэ ‘мышь, крыса’, уд.син”э ‘мышь, крыса’, эвенк. син”эрэкэ:н ‘мышь, крыса’ (ССТМЯ II, 92а син”эрэкэ:н). Только в этом слове этот слог соответствует самостоятельной графеме, которую все авторы читают как *shin*, а В.Грубе – как *shen*¹ (Цзинь 85).

5. **shen-nah-lah**, *shina(ha)la* ‘печальный’. Ср. ма. синагала, синагала- ‘налагать траур, соблюдать траур’, синашила- ‘надевать траурное платье’, уд. сине^hае ‘траур’ (ССТМЯ II, 89а сине^hае). В этом слове в первом слоге присутствует иная графема, нежели в предыдущем примере, и эту графему исследователи транскрибируют как *sin* или *shin*, а В.Грубе – идентично как *shen*¹ (Цзинь 158).

6. **to-shen**, *doshen*, *dosi* ‘входить’. Ср. ма. доси- ‘входить вовнутрь’ (ССТМЯ I, 210б. до: I). В цитируемой статье Сравнительного словаря более нет ни аналогичных глаголов, ни глаголов, образованных от исходной именной основы по конверсии. Это слово также записано двумя знаками, причем второй знак этого слова все авторы читают как *shin*, а В. Грубе как *shen*¹ (Цзинь 169) – это тот же знак, который присутствует в слове **muh-shen**, *mushen* или *musi* ‘мука поджаренная’.

Итак, на шесть слов, в которых может наблюдаться корреспонденция маньчжурского слога -си- и “чжурчжэньского” слога -shen-, что на основании данных примеров можно было бы вполне принять за регулярное фонетическое соответствие, приходится изображение слов с этим слогом при помощи пяти разных графем, из которых три являются силлабограммами и две – идеограммами (причем одна из них соответствует двум морфемам сразу!). Для озвучивания этих графем или частей идеограмм применяется как минимум два

транскрипционных знака-иероглифа - в четырех примерах (примеры 1 4, 5, 6) это знак shen¹ 'to state, выражать, объяснять', в двух примерах – (примеры 2 и 3) – знак shi¹ 'терять', При этом в четырех случаях (примеры 1, 3, 5, 6) в соответствующих маньчжурских словах мы имеем слог си- или закрытый слог с инициальным комплексом си-, в примере 2 мы имеем слог –чи- и в третьем примере не имеем надежных параллелей ни в маньчжурском языке, ни в тунгусских языках, поскольку неясны отождествления основообразующих глагольных суффиксов. Что касается тунгусских лексических параллелей, пригодных для анализа маньчжуро-тунгусских соответствий, то они имеются у нас как достаточно надежные только для примеров 4 и 5 (хотя в обоих случаях “чжурчжэньская” огласовка первого слога не поддерживается тунгусскими данными, полностью совпадающими с маньчжурскими, а в примере 5 удэгейское слово, видимо, заимствовано из маньчжурского языка), и ненадежные данные, оставляющие возможность выбора для сопоставлений – для примера 3.

Попытаемся подвести итоги. В примерах 1 и 6, в которых совпадает написание “чжурчжэньских” слогов, их транскрипция как -shen- и маньчжурские соответствия –си-, налицо поразительная контроверза: очевидно, здесь неверной является китайская транскрипция чжурчжэньского знака, который на основании маньчжурского соответствия должен читаться как -shi-. Невозможно допустить переход shi>shen для “чжурчжэньского” языка, поскольку он не находит ни механизма обусловленности, ни тунгусских аналогий, и тем более невозможно допустить переход shen>shi для маньчжурского языка, который должен быть потомком “чжурчжэньского”. В примере 2 транскрипционный знак shen, озвучивающий один из слогов идеограммы, соответствует маньчжурскому слогу –чин, что нарушает регулярность “чжурчжэньско-маньчжурских” консонантных соответствий, наконец при наличии альтернативных написаний мы не имеем возможности установить, какое из них является орфографически корректным и какое из них точнее отражает звучание слова. В остальных случаях мы имеем единичные факты в графике и в межъязыковых соответствиях, которые для проверки возможных гипотез в принципе не выстраиваются в систему и оставляют возможности для совершенно произвольной “штучной” интерпретации, которую будет невозможно проверить ни на уровне системных отношений в графике, ни на уровне регулярных межъязыковых соответствий.

Из сказанного следует, что во всех возможных попытках сепаратной фонетической реконструкции “чжурчжэньского” языка невозможно полагаться ни на чжурчжэньскую графику, ни на ее китайские транскрипции. Графика МЧП не является надежным источником для озвучивания “чжурчжэньских” слов ввиду отсутствия орфографических норм и факта наличия альтернативных написаний слов – по этим причинам мы не можем установить: насколько точно в графике передано звучание тех или иных слов, какие из вариантных написаний точнее передают звучание слов, и являются ли написания тех слов, которые известны нам в одном варианте написания, в достаточной мере корректными, а не, например, случайными. В китайских транскрипциях, как показывают факты системных соответствий написаний и звучания аналогичных слогов в маньчжурском языке, возможны ошибки и аппроксимации – а это значит, что у нас нет возможности доверять транскрипциям графем, встречающихся по одному разу, и даже транскрипции графем, встречающихся два-три раза, имеют недостаточную надежность. Если же написание и транскрипция не проверяются межъязыковыми соответствиями или тем более если чтения “чжурчжэньских” слов не дают системных соответствий даже в маньчжурском языке, не говоря о тунгусских языках, то такая фонетическая реконструкция “чжурчжэньского” языка будет заведомо маловероятной.

На сегодняшний день единственно разумной интерпретацией языкового материала, записанного знаками малого чжурчжэньского письма, является озвучивание этого материала в строгом соответствии с аналогичными фактами (словами и морфемами) маньчжурского языка. Этот подход позволяет изучать как качественные, так и статистические характеристики малого чжурчжэньского письма как отдельной системы письма, что представляет интерес для исторической и типологической характеристики средневековых

письменностей Дальнего Востока. В этом случае можно строго доказать, что “чжурчжэньский” и маньчжурский – это один и тот же язык, для которого использованы две разнотипные графические системы, одна из которых, более архаическая и смешанная по характеру, к тому же не была нормирована. Наш нынешний уровень знаний в области чжурчжэньской графики и словаря языка МЧП позволяет это делать более или менее успешно. Очевидно, более нет смысла пытаться идти от графики к языку и при этом доказывать, что “чжурчжэньский” и маньчжурский языки должны быть разными языками. Для доказательства этого тезиса в результате исследования должны быть представлены идеальные системные отношения между чжурчжэньскими графемами, их китайскими транскрипциями и соответствующими слогами или фонемными комплексами маньчжурского языка и тунгусских языков, подтверждаемые более чем тремя примерами. На уровне современных знаний о языке МЧП эта задача совершенно нерешаема, а рассчитывать на значительное увеличение корпуса памятников чжурчжэньского письма нам пока не приходится.

Сокращения

ССТМЯ – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т.1-2. Л., 1975, 1977.

Цзинь – Цзинь Ци Цун. Нюйчжэнь цыдянь. Пекин, 1984.

Список литературы

История Золотой Империи. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998.

Ларичев В.Е. Тайна каменной черепахи. Новосибирск: Западно-Сибирское книжное изд-во, 1966.

Пан Т.А. Система терминов родства маньчжур // Алгебра родства. Вып. 5. СПб., 2000.

Воробьев М.В. Культура чжурчжэней и государства Цзинь. М.: Наука, 1983.

Burykin A. Morphological Aspects of the Language of the Jurchen Script // Writing in the Altaic World (Studia Orientalia, 87). Helsinki, 1999. P.29-39.

Grube W. Die Sprache und Schrift der Juchen. Leipzig, 1896.

*Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург*

К ПРОБЛЕМЕ НАЧАЛА «НОВОЙ ИСТОРИИ» КИТАЯ. НОВЫЕ ПОДХОДЫ В КИТАЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В харбинском научном журнале «Бэйфан вэньу» в 1993 г. была опубликована статья Гао Шэндоу «К вопросу о начале новой истории Северо-Восточного Китая – дискуссия с господином Ван Чжэнкэ». В этой работе поднимаются и анализируются общие теоретические проблемы новой истории и предлагается оригинальная периодизация новой истории, как Маньчжурии (Северо-Восточного Китая), так и всего Китая. Статья была предложена для обсуждения и построена в форме полемики. Гао Шэндоу пишет, что в китайской историографии с 60-х гг. сложились три подхода по вопросу о критериях выделения периода новой истории. Первый основывается «на проявлениях классовой борьбы и изменениях общественно-экономической формации» [Гао. 1993. С.93], автор называет это теорией двойного стандарта. Второй подход берет за основу «качественные изменения классовой борьбы» как «основание разделения различных периодов истории». Говоря о третьем подходе, автор цитирует Ван Чжэнкэ: «Необходимо провести верхнюю и нижнюю границу новой истории Северо-Востока на основании общественно-экономических формаций» [Гао. 1993. С.93].

Отвергая первый и третий подходы, Гао Шэндоу полагает, что за основу можно взять второй, базирующийся на классовой борьбе, подход. Однако автор считает необходимым переработать данный критерий и вводит понятие «общественно-политическая формация» (шэхуй чжэнчжи синтай) [Гао. 1993. С.93]. На примерах истории китайский историк доказывает, что экономическая основа капитализма появляется и существует в недрах феодального общества, но лишь после политических революции можно говорить о создании нового, капиталистического общества. Автор статьи не согласен со следующими положениями Ван Чжэнкэ, - в основе периодизации истории должна лежать общественно-экономическая формация; начало полукOLONиального и полуфеодального общества является началом новой истории; японо-китайская война и интервенция восьми держав являются событиями, отражающими характер новой эпохи. Автор же дает определение периода новой истории Маньчжурии на базе других 4-х положений: периодизация на основе общественно-политических формаций; не смешивать новую историю с полукOLONиальной; во 2-й пол. XIX века «помещики» предпринимали шаги по развитию Маньчжурии; антироссийское движение - заря новой истории Маньчжурии. Гао Шэндоу делает заключение, что «новая история Маньчжурии началась одновременно с новой историей Китая, а именно основание китайского союза «Тунмэнхуй» в 1905 году является началом новой истории и Китая и Северо-Восточного Китая» [Гао. 1993. С.93].

Для обоснования своей точки зрения автор доказывает несостоятельность существующей периодизации новой истории Маньчжурии на основе общественно-экономической формации. Открытие Северо-Восточного Китая для иностранной торговли в 1860 г., даже экономическое развитие региона после включения его в мировое разделение труда не вели к качественным изменениям в уровне развития производительных сил и смене производственных отношений. Элементы новой общественно-экономической формации в экономике Маньчжурии появляются в 80-х гг., в связи с созданием военной промышленности, и начинают активно развиваться с середины 90-х годов, с началом активных инвестиций зарубежного капитала в экономику региона. Развивая свой тезис о необходимости положить в основу периодизации новой истории понятие «общественно-политическая» формация, автор статьи говорит, что развитие экономики, новые

общественно-экономические отношения и борьба цинского правительства против иностранной агрессии использовались для укрепления старого «феодального» режима. Лишь начало организованного движения буржуазии против старого «феодального» правительства является началом новой истории.

Гао Шэндоу приходит к заключению, что: «Широкое всекитайское антироссийское движение 1901-1905 гг. стало для всей страны, а также для Северо-Востока расцветом новой эпохи» [Гао. 1993. С.96], формируясь как антироссийское по форме, это движение стало буржуазно-революционным по сути. Антироссийские группировки переросли в революционные организации, на базе которых был создан «Объединенный союз» (Тунмэнхуй). Таким образом, автор еще раз подтверждает свой вывод: «...новая история Китая и новая история Маньчжурии начались одновременно в 1905 году с образованием «Тунмэнхуя» [Гао. 1993. С.97].

Анализируя содержательную часть рассуждений китайского историка, следует согласиться с тем, что российская оккупация Маньчжурии стала важным фактором внутреннего развития Китая. Однако абсолютизировать его нельзя, о чем говорят документы. В рапорте Е.И. Алексееву военный агент в Южном Китае Десино в 1901 г. писал: «2/15 марта в Шанхае состоялся митинг китайской интеллигенции с целью обсуждения будто бы состоявшегося отдельного русско-китайского соглашения относительно Маньчжурии... О сем было опубликовано в газетах с добавлением о единодушиности китайцев и высказывалась надежда, что митинг послужит началом для последующих свободных выражений политических взглядов китайцев. По сведениям из весьма достоверных источников, сказанный митинг, хотя и был исключительно китайский, но инициатива в собрании его принадлежала не китайцам Шанхая, совершенно не интересующихся Маньчжурией по ее отдаленности, а англичанам и немцам ... Wang K'ang-nien в угоду англичанам и немцам собрал митинг, но его успех был более чем сомнительный, потому что присутствовавшие, которых пришло очень мало, относились безучастно к тому, что говорили и многие в конце концов отказались подписать проектированные телеграммы. В результате набралось около 60-ти подписей» [РГВИА. Ф.14370. Оп.1. Д.3. Л.203]. Подобные митинги состоялись в Ханчжоу, Гуанчжоу, Фучжоу, Макао, Сингапуре и других городах. Но современники отмечали: «Все эти митинги собирались под влиянием англичан, и потому не могут выражать общественного мнения Китая, которого, кстати, здесь и не существует; кроме того, большинство китайцев не только не заботится о Маньчжурии, но даже высказывает желательность отделения от нея ... Протесты вице-королей и губернаторов китайского происхождения то же были деланы, в большинстве случаев, под давлением иностранцев и нисколько не отражают истинного взгляда этих чиновников» [РГВИА. Ф.14370. Оп.1. Д.3. Л. 216]. Военный агент писал, что лишь чиновники - маньчжуры были против установления русского контроля над Маньчжурией.

Таким образом, русская оккупация Маньчжурии не привела к «организованному движению буржуазии против старого «феодального» правительства». События свидетельствовали о сближении проанглийской компрадорской буржуазии с цинским правительством на почве общности их интересов в борьбе с русской экспансией. Активное антирусское сопротивление в самой Маньчжурии не выходило за пределы традиционных форм и принципов: выступления сельского ополчения, хунхузничество, тайные религиозно-политические общества. Русская оккупация Маньчжурии вызвала усиление антирусских настроений и выступлений в регионе и даже некоторую активизацию общественно-политической жизни во всем Китае. Однако документы не дают оснований говорить о «качественных изменениях классовой борьбы» и начале новой «общественно-политической формации».

Хотелось бы отметить, что автор крайне преувеличивает место антироссийской борьбы в процессе формирования буржуазно-демократического движения. Если раньше, во многих работах, например, у Мао Цзэдуна, замалчивалось роль движения против российской оккупации Маньчжурии, то Гао Шэндоу впадает в другую крайность. Тем более, автор в

подтверждение своих выводов приводит факты из общественно-политической жизни Южного Китая, как выясняется не очень убедительные, но не представляет подобных примеров в самой Маньчжурии. Поэтому тезис, что именно борьба против российской оккупации явилась базой для формирования буржуазно-демократического движения в Маньчжурии представляется совершенно не убедительным и не обоснованным. Данный пример не является исключительным, а довольно типичен для современной историографии КНР, склонной преувеличивать масштабы и, главное, идейно-политический уровень народных выступлений, особенно на территории Маньчжурии. Таким образом, статья Гао Шэндоу отражает не только достижения, но и серьезные недостатки современного уровня исторической науки в Китае. Кроме того, становится ясно, что для серьезных концептуальных обобщений пока нет достаточной фактологической базы.

Статья Гао Шэндоу является показательной для рассмотрения состояния исторической науки в КНР. Концептуальные проблемы анализировались историком, работающим в партшколе Муданьцзянского горкома компартии, автор дискутирует со статьей, опубликованной в журнале «Ученые записки Цзилиньского пединститута», в работе постоянны обращения к материалам дискуссии историков провинции Хэйлунцзян, при полном отсутствии ссылок на столичные или всекитайские научные авторитеты. В этой, как, впрочем, и других статьях, опубликованных в Харбине, явно прослеживается не только самостоятельное развитие и высокий уровень «провинциальной науки», но какая-то, своего рода, научная автономия Маньчжурии. Кроме того, преподаватель партшколы не цитирует и даже не обращается в своей работе к классикам марксизма-ленинизма, к документам партийных съездов и проч., хотя, в конце работы автор все же приводит точку зрения (или, точнее, две точки зрения) по этому вопросу Мао Цзэдуна.

Данная статья показывает, что проблемы содержания и периодизации новой истории Китая остаются спорными и привлекают внимание китайских историков. По-прежнему при периодизации используется понятийный аппарат, выработанный исторической наукой на Западе на основе европейской истории, содержание понятия новая история связывается с учением об общественно-экономических формациях. Китайские ученые в своих работах отказались от начетничества, схематизма, они анализируют факты, не прячутся от проблем, ищут нестандартные решения. Содержание дискуссии ясно показывает, попытки разрешения противоречий в старой схеме периодизации новой истории, в конечном итоге, бесперспективны. Понятие новой истории раскрывать через учение об общественно-экономических формациях вряд ли правомерно, по той простой причине, что возникли они в различные исторические эпохи и отражают как различный уровень исторической науки, так и различные аспекты обществоведения. Статья Гао Шэндоу показывает, что в историографии КНР идет постепенный процесс (базирующийся на развитии науки, а не в виде модного веяния или политической компании) отказа рассмотрения науки о человеке и обществе только через якобы «марксистские догмы», тем самым теория общественно-экономических формаций освобождается от извращающих ее наслоений. Таким образом, данная статья является довольно интересной попыткой решения проблемы периодизации новой истории Китая через более обоснованное содержание этого понятия. Она отражает современный уровень исторической науки в КНР и показывает перспективы ее дальнейшего развития.

Список источников и литературы

РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив). Ф.14370. Оп.1. Д.3.

Гао Шэндоу. Гуанььюй Дунбэй цзиньдай ши дэ кайдуань вэнъти (К вопросу о начале новой истории Маньчжурии). - Бэйфан вэнью. - 1993. - №3. - С.93-97.

О НОВОЙ КНИГЕ ПРОФЕССОРА ХАО ЦЗЯНЬХЭНА

В мае 2000 года в издательстве «Просвещение» провинции Хэйлунцзян вышел словарь «История китайско-российских отношений. Словарь иноязычных названий» [Чжуньэ гуаньси, 2000] главный редактор которого – член постоянного правления Китайского общества истории китайско-российских отношений, главный научный сотрудник Академии общественных наук провинции Хэйлунцзян, почетный доктор Института Дальнего Востока Российской академии наук профессор Хао Цзяньхэн.

Настоящий словарь интересен не только тем, что это первый опыт создания такого рода словаря, но еще и тем, что выход его – это определенный этап в науке. Выраженная во введении авторская идея о создании новой исторической дисциплины – истории границы – делает данный словарь не просто справочным пособием.

Настоящий словарь – первый и, пожалуй, самый важный шаг на пути становления новой научной дисциплины. Он устраняет существовавшую прежде путаницу в названиях, возникшую вследствие перевода с одного языка на другой, закладывает основы терминологического аппарата, унифицирует исторические названия.

Научный контакт российских и китайских историков ведется давно, однако возникающие при этом трудности лингвистического характера замедляют диалог. Известно, что любое иноязычное слово осваивается языком графически, фонетически, морфологически. Китайский язык в силу законов своей фонетики предпочитает осмысливать или переосмысливать новые слова, а не транслитерировать их. В результате появляется огромное количество слов-названий, переведенных на китайский язык и с китайского языка несколькими способами или неточно. К тому же законы перевода иноязычных слов на китайский язык в прошлом и в настоящее время разные. В результате огромное количество названий существуют во множестве вариантов, а исследователи, как русские, так и китайские, не всегда понимают, что имеют в виду одно и то же.

Создавшаяся ситуация с названиями не только затрудняет исследование, но зачастую просто вводит в заблуждение читателя. Выход в свет словаря названий решает эту проблему.

Впервые в историографии российско-китайских отношений создано нормативное общедоступное пособие, призванное содействовать развитию исторической науки в данной области и быть руководством к правильному употреблению и отождествлению исторических названий.

В «Словаре иноязычных названий» собраны, переведены на китайский язык, а также прокомментированы русские слова-названия, касающиеся международных отношений Китая с Россией. Исторический период, охваченный в словаре – время правления династии Цин в Китае (1644 – 1911 гг.) и период правления династии Романовых (1613 – 1917 гг.) в России.

Словарь включает статьи об именах и фамилиях исторических деятелей, названиях национальностей, духовных званиях, структурах государственного аппарата, названиях церквей, соборов, исторических документах и др. В книге, объемом 217 страниц, собрано более 4300 русских слов, а также слов, переведенных с китайского языка на русский, с комментариями на китайском языке. В словаре представлено также небольшое количество слов на английском и французском языках с пояснениями на китайском языке.

Основную часть словаря составляют статьи и справки по 9 разделам. Самыми объемными являются главы «Фамилии исторических деятелей» и «Географические названия». В них собрано около 1,5 тысяч имен исторических лиц и около тысячи географических названий.

В статьях раздела «Фамилии исторических деятелей» содержатся краткие биографические справки об историческом лице. Читатель найдет здесь имена всех российских государей, крупных государственных деятелей этого периода, имена крестьян, казаков, фигурирующих в исторических документах. В комментариях внутри каждой статьи приводятся все варианты перевода имени и фамилии на китайский и русский языки, должность названного лица, его основные заслуги.

В главе «Географические названия» в комментариях указывается китайский эквивалент русского географического названия, приводятся варианты названия и варианты перевода, если они есть, указывается месторасположение данного географического объекта.

Большое место в словаре занимает материал о православных храмах. Словарь в основном содержит информацию о китайских православных церквях, однако в словник включены и самые известные российские соборы. В словарной статье соответствующего раздела дается справка о дате строительства собора, его месторасположении, иногда комментируются основные понятия православия.

Особую ценность представляет глава «Исторические документы», в которой собраны все двусторонние трактаты, договора, разменные письма и др. документы начиная с «Нерчинского договора» 1689 г., кончая «Контрактом о железнодорожном займе для Харбин-Хейхоской линии» 27 марта 1916 г. В комментариях к этим документам содержится полное и краткое название документа на двух языках, оригинальное русское и оригинальное китайское название, а также название, переведенное с русского на китайский язык. Иногда дата российского и китайского документа расходятся на несколько дней. Автор словаря дает объяснение каждому такому расхождению.

Весь материал внутри глав, кроме раздела «Исторические документы», расположен в алфавитном порядке. Содержащиеся в словаре маньчжурские, монгольские, китайские названия, как правило, выносятся в отдельную словарную статью, иногда приводятся внутри словарной статьи в качестве справки. Варианты перевода одного и того же названия приведены внутри статьи.

«Словарь иноязычных названий» ценен обилием справочного материала. В Приложении содержатся сведения о времени правления династий в Китае, таблицы правления российских императоров, табель о рангах с переводом на китайский язык, таблица православных праздников, таблицы мер веса, длины, денежных единиц, большую ценность представляет таблица перевода слогов на китайский язык.

Кроме профессора Хао Цзяньхэна - составителя словаря, автора вступительного слова и разделов «Названия национальностей и национальных меньшинств», «Названия соборов, церквей», «Названия исторических документов», в составлении словаря участвовали: научный сотрудник Ван Цзин - автор раздела «Фамилии исторических лиц», Сун Сыси - автор раздела «Географические названия», Цян Янцзо - автор разделов «Названия должностей государственного аппарата», «Названия духовных званий», «Названия государственных ведомств», «Названия речных судов». Русскую часть словаря редактировала кандидат филологических наук, доцент Владимирского государственного педагогического института Китунина Н.Н.

В качестве замечаний к «Словарю иноязычных названий» можно высказать следующее: многие статьи содержат только китайский эквивалент слова, не предлагая никаких справок и комментариев. Это делает информацию по разным статьям словаря неоднородной. К сожалению, не удалось избежать очевидных для российского читателя опечаток, которые не так очевидны для говорящих на китайском языке.

Кроме основного корпуса словаря, состоящего из комментариев-справок, большой интерес представляет статья профессора Хао Цзяньхэна, в которой он анализирует современное состояние науки о границе.

Российско-китайские отношения, пишет профессор Хао Цзяньхэн, зародились еще в XVII веке, насчитывают уже почти 400 лет. Российско-китайская граница была и остается одной из самых спокойных и стабильных участков границы. Однако складывался этот

социальный институт долго и не без конфликтов. Практически все современные пограничные противоречия имеют историческое объяснение. Задача исторической науки на сегодняшнем этапе – глубокое, всестороннее изучение российско-китайской границы как сложного социального института.

С древнейших времен приграничные территории и внутренние земли развиваются в тесной взаимосвязи, но с точки зрения политики, экономики, культуры, национальных отношений приграничные территории, вне всякого сомнения, обладают некоторой спецификой. С точки зрения автора словаря, отличия развития приграничных территорий и особенности их становления могут быть объектом отдельного научного исследования и даже отдельной исторической дисциплины, в рамках которой изучаются история границы, география, политика, экономика, культура приграничных территорий.

По мнению профессора Хао, китайская историография наработала уже значительное число работ по истории границы для того, чтобы говорить о качественно новом уровне этой науки. Китайская историография зародилась еще в эпоху правления династии Цин, тогда в Китае появляются первые книги о его северном соседе. Кроме того, в архивных данных, описаниях и других документах того времени содержится немало сведений по истории китайско-русских отношений. Однако научное изучение этого вопроса началось только в начале XX столетия.

В период с 1911 года по 1949 год в Китае вышло около 20 работ по этому вопросу. Одна из них «Китайско-российские отношения в эпоху Цин». После установления КНР в 1949 году в 50-е годы выходит монография «История китайско-советской дружбы» и некоторые другие работы.

Только с начала 60-х начинают появляться серьезные научные исследования по истории китайско-русских отношений, происходит двусторонний научный обмен информацией, переводятся работы советских ученых и другие материалы, имеющие отношения к этому вопросу. К 70-м годам число написанных работ намного увеличивается, растет и число переводных книг. Кроме крупных работ в этот период опубликовано более 1000 статей. Все эти работы внесли свой вклад в развитие исторической науки, расширили сферы исследовательских интересов, поставили науку о границе на новый этап.

С доводами профессора Хао трудно не согласиться. Понятие граница шире, чем территориальная граница или таможня, это огромный институт, складывавшийся столетиями. Удаленность от центра, постоянные контакты с другой культурой, особое административное устройство этих территорий и многие другие факторы говорят о том, что приграничные территории развивались во многом по-другому, не так, как внутренние территории. К тому же эти пространства до сих пор мало заселены и по-прежнему мало изучены. Проблемы границы освещаются в отечественных работах по истории регионов, в обобщающих исследованиях по истории России и Китая. Однако ни в одних, ни в других работах граница как социальный институт в качестве объекта исследования не рассматривается. Только в последнее время появляются такие исследования, в которых изучается весь комплекс проблем, связанный со становлением и существованием границы. В частности, в работах Дацышена В.Г. граница рассматривается именно с этих позиций. Можно сказать, что современные отечественные исследования о границе движутся в том же направлении, о котором говорит профессор Хао.

Список литературы

Чжунъ гуаньси ши имин цыдянь. Чжубянь Хао Цзяньхэн – Харбин: Харбин цзяюй чубаньше, 2000.

Красноярский государственный педагогический университет

СТРАТАГЕМЫ И БУДДИЗМ В КИТАЕ

Стратегическое мышление формировало нестандартный подход к критическим ситуациям, требовавший не только достижения желаемого результата, но и соблюдения принципа экономии средств. Его идеологическую и методологическую основу составляют тексты философских школ военных и дипломатов. Область применения стратегий достаточно широка, но, тем не менее, в первую очередь они применялись именно в военной и дипломатической практике.

На первый взгляд, наиболее конфликтующей со стратегическим мышлением религиозной и идеологической системой является буддизм. Несмотря на то, буддизм исторически представлен достаточно сильно различающимися школами и течениями, тем не менее «основы учения буддизма» [Торчинов. 2000, с.19; Фочзю шоуцэ. 1991, с. 36], характерные для всех его направлений включают положения, напрямую запрещающие обман. «Буддист (как монах, так и мирянин) должен воздерживаться от занятий любой формы деятельности, несовместимой с правильным поведением. Он должен воздерживаться, например, ...от занятий любыми профессиями, связанными с обманом» [Торчинов. 2000, с.29]. В текстах «школы военных» и реальной тактике ведения войны в традиционном Китае необходимость использования «непрямых путей» являлась приоритетной. «Если в Китае и существовал когда-либо основополагающий принцип, на котором настаивал все древние трактаты по военному искусству, то это было предписание всячески избегать прямого столкновения с войском противника» [Жюльен. 2001, с. 30]. В одном из самых авторитетных военных трактатов «Сунь-цзы бин фа» говорится: «Война – это путь обмана» [Конрад. 1995, с. 27; Суныцзы бинфа. 1995, с. 5].

Общим местом в буддологических работах и российских и китайских исследователей является утверждение о тотальности влияния буддизма на все сферы жизни и культуры китайского общества [Жу фо дао. 1995, с. 8; Янгутов. 1991, с. 17]. Таким образом, логично предположить наличие взаимодействия и взаимовлияния (даже в конфликтной форме) содержания буддийского учения и теории применения стратегий как двух универсалий китайской культуры.

Процесс адаптации буддизма в Китае проходил достаточно сложно [Островская, Рудой. 1994, Островская. 2000]. Положения идейной доктрины буддизма вступили в противоречие не только с традиционными устоями жизни китайского общества, но и с традиционными воззрениями китайцев [Янгутов. 1991, с. 11]. «Буддизм как религия столкнулся в Китае непосредственно с двумя социальными, но высоко сакрализованными институтами – семьей и государством, отношения с которыми не всегда удавалось отрегулировать к удовлетворению обеих сторон» [Островская, Рудой. 1994, с. 108]. Несколько раз трансформировался статус буддизма в рамках государственной идеологии, периодически государство использовало в своих целях буддийские обрядность, культы, философские построения в своих мероприятиях (например, танский Тай-цзун, императрица У Цзэтянь [Янгутов. 1991, с. 27], буддисты принимали участие в Синьхайской революции [Янгутов. 1991, с. 34]). Кроме этого, последователи учения были вынуждены решать проблемы политического характера (например, вопрос взаимоотношений сангхи и государства, вопрос о статусе ученых-упасака). Ряды последователей буддизма пополнялись выходцами из разных социальных слоев. В «Жизнеописаниях буддийских монахов» («Гао сэн чжуань») указывается, что многие монахи были выходцами из чиновной среды, а также из семей потомственных военачальников и чиновников военного ведомства [Островская. 2000, с. 269-270]. Таким образом, последователи буддийского учения не были изолированы от политической жизни китайского общества, кроме этого, они вынуждены были вступать в

активное противоборство со своими противниками. Данный факт позволяет сделать предположение о возможности знакомства членов сангхи с культурой стратагем как из непосредственных контактов с политическими противниками, так и благодаря чиновничьему и военному образованию некоторых своих представителей.

Кроме непосредственно политической борьбы, члены сангхи вынуждены были вести борьбу интеллектуальную, что также не исключает возможности их знакомства с культурой стратагем, адаптации некоторых стратагемных приемов к своей практике.

Проследить взаимодействие буддизма и культуры стратагем возможно в первую очередь в буддийских текстах. Как правило, стратагема включает в себя формулировку принципа, комментарий, разъясняющий принцип и иллюстративные примеры. Начальные условия реализации стратагемы, конфигурация процесса реализации, разные точки восприятия происходящего в текстовом варианте стратагемы иногда представлены в сжатом виде (в разделе «иллюстрации»), иногда редуцированы до нуля. Разные структурные части стратагемы описаны в разных понятийных системах (образной, метафорической, языка практической теории, метатеоретического языка гексаграмм, языка исторической хроники). Если учитывать временной фактор и развернуть текстовое описание реализации стратагемы в развернутое повествование с линейным временем и написанного в одной понятийной системе, то полученный текст будет иметь вид рассказа или новеллы.

По формальным признакам можно выделить два вида литературных текстов, жанровая специфика которых предоставляла возможности для восприятия элементов стратагемности буддийской традицией и обладающих типологическим сходством, в первую очередь со стратагемными примерами-иллюстрациями. К первым относится литература сяшо, основные жанровые признаки которой сложились задолго до того, как начался процесс проникновения и адаптации буддизма в Китае. Эта литературная форма встречается уже в библиографическом разделе династийной истории «Хань шу», написанной Бань Гу. «В период Шести династий термином «сяшо» обозначается короткий сюжетный рассказ... Короткий рассказ III – VI вв. запечатлевает занимательное как бы само по себе» [Островская. 2000, с. 281]. В этот период появляются сборники Лю Ицина, Ван Яня, Хоу Бо [Торчинов. 2001, с. 405]. Как отмечают исследователи, авторы этих сборников являлись «в своем большинстве чиновниками если не высшего, то определенно высокого ранга, причем своей образованностью этому рангу соответствовали» [Островская. 2000, с. 286]. Из этого следует, что авторы, писавшие сяшо, в обязательном порядке изучали канонические произведения, служившие базисом, в том числе, для формирования стратагемного мышления (например, «И цзин»). В данном случае элемент стратагемности несет в себе литературная форма данных произведений, предназначенных для читателя средне образованного, которому необходимо представить достоинства учения буддизма через метафору (например, рассказы Лю Ицина «Попугай, погасивший пожар» или «Милосердие фазана» [Торчинов. 2001, с. 415-416]) или описание событий экстраординарных, основной пафос которых – показать иную сущность и смысл ординарных событий, несоответствие внешней формы и внутреннего смысла. Уже в этот период развития буддийской литературы проявляется ее «просветительский» настрой, стремление донести до читателя глубинные принципы правильного поведения, полезность которых неочевидна, а соблюдение не приносит быстрой выгоды сразу, но потом обязательно вознаграждается. Например, в рассказе «Петух со свитком в клюве» Лю Ицина в завершении говорится, что после увиденного во сне петуха со свитком, герой рассказа Сичжи «больше не убивал, верил искренне, как никто другой. А потом он стал богат и знаменит» [Торчинов. 2001, с. 419]. Как правило, в рассказах связываются два типа ситуаций: трудности в реальной жизни (болезнь, бедность, смерть) и чудесные способы их преодолеть (молитва Будде, дар монастырю, прекращение дурных деяний). Важным для возможности рецепции прозой данного типа элементов стратагемности является формирование в мышлении читателя способности связывать элементы действительности, связи между которыми не даны в непосредственном чувственном ощущении. Кроме этого, подобным образом, вероятно, создавался механизм осмысления и

практического применения к оценке своих поступков и жизненных планов Закона Причинности. Таким образом показывалось, что любой поступок имеет следствие, не всегда проявляющееся после его совершения. В явном виде это положение сформулировано в трактате «Тридцать шесть стратагем»: «Уловки и интриги в искусстве войны всегда проистекают из естественного хода событий и человеческих чувств. Малейшая неловкость в их применении неминуемо зародит подозрение и повлечет брожение в умах» [Малявин. 1997, с. 16].

Другим типом литературы, включающим притчи, являются сутры, в том числе авадана-сутры (сутры притч). Именно в них в более явном виде проявляется излюбленный прием буддийской проповедности – «средство» или «приемлемое средство», «уловка» [Торчинов. 2001, 378].

В «Сутре ста притч» текст имеет все формальные признаки стратагемы. Основным принципом, функционально совпадающим с положениями «И цзина» об универсальности перемен, является Вторая Благородная Истина – истина о причине страдания (о ней говорится во вступлении). Далее в каждой притче приводится модель поведения и разъяснение смысла данной модели. Например, в «притче о восхвалении отцовской добродетели» слова дурака служат для иллюстрации принципа поступков людей, лишенных разума. «Он хочет воспеть добродетели человека, но так как не разбирается в существе дела, то его похвала превращается в хулу» [Бай юй цзин. 1986, с. 58]. Притча о брахмане, убившем сына, объясняет сущность поведения людей, «принадлежащим к четырем общинам: во имя собственной выгоды они похваляются, будто обрели истинный путь. Но действуют они по закону глупцов» [Бай юй цзин. 1986, 59] Таким же образом построены все остальные притчи. Специфика содержания «Сутры ста притч» состоит в том, что приводимые в ней модели поведения людей иллюстрируют неадекватные способы достижения недостойной цели.

Структурные признаки, подобные «Сутре ста притч» имеет «Сутра закона причинности в трех мирах» [Инь го цзин, без года]. Сутра начинается с вопроса к Будде о причинах существования богатых и бедных, счастливых и несчастных, здоровых и больных. В ответе Будда формулирует основной принцип: «Все в трех мирах, мужчины и женщины, молодые и старые, бедные и богатые, счастливые и несчастные получили в этой жизни воздаяние за дела прошлых рождений» [Инь го цзин, без года, с. 9]. Далее следует описание поведенческих моделей, связанных с этим общим принципом и одновременно заключающих иллюстрацию-пример. «Почему нет ни отца, ни матери? В прежней жизни это был человек, убивающий птиц. Почему имеется многочисленное потомство? В прежней жизни это был человек, отпускавший птиц» [Инь го цзин, без года, с. 14].

Таким образом, в буддийской литературе можно выявить элементы стратагемности. Существует структурное и функциональное сходство между текстами, посвященными стратагемам и буддийской литературой. Данное сходство обусловлено культурно-историческим контекстом существования буддизма (необходимостью вести борьбу с интеллектуальными оппонентами) и целевой направленностью проповеди. Все приведенные примеры относятся к литературе сутр, основное назначение которой – пробудить разум читателя и любыми средствами внушить ему спасительную истину. Главным приемом подобной литературы является изложение буддийского учения не в форме строгих умозаключений философского трактата, недоступных для адекватного восприятия неподготовленным читателем, а в виде занимательного повествования, иллюстрирующих основные категории буддийской философии. «Согласно понятию «средство», сложные буддийские термины и идеи, недоступные посвященным и нерадивым, получают воплощение в конкретных и простых сюжетах бытового или сказочного свойства» [Торчинов. 2001, с. 378]. Рассмотренные примеры показывают, что явление стратагемности, как и в автохтонной китайской культурной традиции, возникает при необходимости реализации положений учения высокой степени абстрактности в конкретной социальной практике противоборства. Теперь ясно, что правомерно исследование проблемы соотношения стратагемного мышления и буддизма. Вопрос о влиянии таких элементов

философской доктрины буддизма, как закон причинности, на формирование методологических средств стратегического мышления в китайской культуре, требует дальнейшего исследования.

Данное исследование выполнено в рамках проекта, поддержанного Программой «Межрегиональные исследования в общественных науках», Институтом перспективных российских исследований им. Кеннана (США), Министерством образования Российской Федерации за счёт средств, предоставленных Корпорацией Карнеги в Нью-Йорке (США), Фондом Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров (США) и Институтом «Открытое общество» (Фонд Сороса). Точка зрения, отражённая в данном документе может не совпадать с точкой зрения вышеперечисленных благотворительных организаций.

Список литературы

- Бай юй цзин (Сутра ста притч) / Перевод с кит. яз. Гуревич И.С. М., 1986.
- Буддийский взгляд на мир / Под ред. Островской Е.П. и Рудого В.И. СПб., 1994.
- Введение в буддизм / Под ред. Рудого В.И. СПб, 1999.
- Жюльен Ф. Путь к цели: в обход или напрямик. М., 2001.
- Категории буддийской культуры / Под ред. Островской Е.П. СПб., 2000.
- Малявин В.В. Тридцать шесть стратегем. М., 1997.
- Мир Будды и китайская цивилизация / Под ред/ Григорьевой Т.П. М., 1996.
- Письмена на воде / Пер. Маслова А.А. М., 2000.
- Религии Китая. Хрестоматия / Под ред. Торчинова Е.А. СПб., 2001.
- Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве // Конрад Н.И. Избранные труды. Синология. М., 1995
- Сутра Лотоса сокровенного закона // Религии Китая. Хрестоматия / Под. ред. Торчинова Е.А. СПб., 2001.
- Торчинов Е.А. Введение в буддологию. Курс лекций. СПб., 2000.
- Янгутов Л.Е. Китайский буддизм: тексты, исследования, словарь.
- Бай юй цзин // Байхуа фоцзин (Буддийский канон на современном языке). Аньхойское народное издательство. 1992.
- Байхуа саньшилю цзи (Изложение «Тридцати шести стратегем» на современном языке), Сиань, 1997.
- Жу фо дао. Байкэ цыдянь. (Конфуцианство, буддизм, даосизм. Энциклопедический словарь). Гуйлинь. 1995.
- Инь го цзин (Сутра закона причинности в трех мирах). Тайчжун. Без года.
- Лэн Чэнцинь. Чжюань (Лэн Чэнцинь. Источники мудрости. В 4 тт.). Пекин. 1998.
- Мяофа лянхуа цзин. (Сутра Лотоса сокровенного закона). Чэнду. Без года.
- Суньцзы бинфа юй саньшилю цзи («Военный трактат Сунь-цзы» и «36 стратегем»). Гуанси, 1995.
- Фоцзяо шуоцэ (Справочник по буддизму). Пекин, 1991.
- Чжунго молюэ дадянь (Большой словарь китайских стратегем). Пекин, 1995.

Новосибирский государственный университет

СТЕРЕОТИПЫ МЫШЛЕНИЯ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ВЫБОР ИМЕНИ В КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Имя – это отличительное личное обозначение человека, даваемое при рождении [Ожегов, 1995, с. 240]. В Китае не существует готового списка имен, утративших первоначальное смысловое значение, как, например, на Западе. Имена у китайцев всегда семантически значимые и составляющие их знаки выбираются из обычного словарного запаса с учетом значения, благозвучия и красоты иероглифического написания. Имя ребенку выбирают, а точнее сказать – сочиняют, его родители, исходя из определенных правил и традиций. Зачастую такие имена заключают пожелания благополучия самому носителю имени, семье или государству, так что изучение имен, господствовавших в ту или иную эпоху, позволяет судить о жизненных, общественных, этических, эстетических и других ценностях китайцев.

Часть китайских имен можно достаточно легко разделить на мужские и женские, основываясь на значении входящих в них иероглифов. Однако справедливо и то, что большой процент имен не содержит очевидных указаний на то, кому может принадлежать такое имя – мужчине или женщине. В китайских источниках [Гуань Сихуа, 1999; Цюймин сюэ, 1999 и др.] нами выделено пятнадцать основных стереотипов мышления и принципов формирования смысловых комбинаций (сылу), справедливые как для женских имен, так и для мужских.

1) Обращение к названиям цветов

По издревле укоренившимся в Китае обычаям принято употреблять названия цветов в женских именах, сравнивая девушку по красоте с цветком. Среди наиболее часто используемых – названия семи из десяти «национальных цветочных символов»: 梅花 (цветы сливы), 牡丹 (пион), 菊花 (хризантема), 兰花 (орхидея), 杜鹃 (азалия), 荷花 (лотос), 桂花 (душистый османтус). Камелия (山茶花), нарцисс (水仙), чайная роза (月季) встречаются в именах намного реже. В то время как на территории Китая произрастают тысячи видов цветущих растений, цветок сливы, орхидея и хризантема наиболее часто участвуют в процессе имяречения, поскольку эти цветы популярны среди широких масс и наиболее общеизвестны. Мужские имена с названиями цветов и трав встречаются крайне редко, т.к. такие имена – женская прерогатива. В традиционном обществе растения ассоциировались с цветением, а цветы, в свою очередь – с женской красотой, что и обусловило практически полное отсутствие мужских имен с использованием названий цветов и трав.

2) Названия трав и деревьев в именах

В наше время встречается достаточное количество имен, в состав которых входят названия трав и деревьев. Такой достаточно популярный принцип формирования имени придает ему ощущение жизненной энергии и природной красоты. По данным материалов Пекинских паспортных служб, на сегодняшний день максимально часто используемые именованья деревьев и трав включают следующие названия: 松 (сосна), 杨 (тополь), 柏 (кипарис), 芝 (кунжут), 苹 (яблоня), 萍 (ряска), 槐 (японская софора), 树 («дерево») и 林 («лес»). Эти знаки уже превратились в наиболее употребляемые и являются причиной образования массы идентичных имен.

3) **Природные явления в китайских именах**

Наиболее распространены: 风 (ветер), 霜 (иней), 雨 (дождь), 雪 (снег), 雾 (туман). По данным паспортных служб, имена, в которые входят эти знаки, часто повторяются. Гораздо реже встречаются: 露 (роса), 霞 (заря), 霄 (небо), 霖 (продолжительный дождь, ливень), 霓 (вторая радуга), 霭 (дымка) и т.д.

4) **Обращение к названиям гор**

Сам иероглиф «гора» (山) уже является одним из наиболее часто встречающихся имен. Не редки в составах имен и названия конкретных горных вершин. Наиболее известны использования в именах названий пяти «священных пиков». Это горы Суншань (嵩山, пров. Хэнань) – «центральный пик»; горы Тайшань (泰山, пров. Шаньдун) – «восточный пик»; горы Хэншань (衡山, пров. Хунань) – «южный пик»; горы Хуашань (华山, пров. Шэньси) – «западный пик»; и горы Хэншань (恒山, пров. Шаньси) – «северный пик» [Цюймин сюэ, 1999; Кравцова, 1994 и др.].

5) **Имена, включающие отрывки из древних поэм**

Большое количество имен образуется из основных смысловых иероглифов знаменитых стихотворных произведений древности. В таком случае считается, что содержание и смысл стихотворения в целом переносится на имя и его носителя. Таким образом, подобные имена несут глубокую смысловую нагрузку, что соответствует одному из основных требований китайской антропониимии.

6) **Употребление в именах названий местности**

Такой способ создания имени встречается повсеместно. Часто используются не полные названия местностей, а сокращенные их обозначения, пришедшие из прошлого. Односложные «уменьшительные названия» (简称, *цзяньчэнь*) имеются не только у всех провинций и крупных городов в Китае, но и у многих более мелких территориальных единиц. В качестве примера можно привести имя гражданина Лю Юйчуань (刘豫川), проживающего в Пекине. Юй – короткое обозначение местности в провинции Хэнань, откуда родом был его отец, а Чуань – короткое название провинции Сычуань, где родилась и выросла его мать [Цимин шоуцэ, 1999; Чжунго цимин гаймин... и др.]

7) **Использование в именах названий животных и птиц**

Широко используемыми иероглифами в именах являются названия двух мифологических животных персонажей – феникса (凤) и дракона (龙), олицетворявших женское и мужское начало, императрицу и императора, соответственно. Не уступают им по частоте употребления такие иероглифы, как 虎 (тигр), 鹰 (орел), 鸿雁 (дикий гусь), 莺 (иволга), 燕 (ласточка) и др.

8) **Обозначение года рождения человека в его имени**

Таким образом, еще один из способов достойных упоминания – использование в имени человека иероглифов, обозначающих год, в который он появился на свет. К таким знакам относятся названия двенадцати животных зодиакального круга и соответствующие им двенадцать циклических знаков (地支, дословно: «земные ветви»).

9) **Имена персонажей известных произведений**

Данный способ выбора имени заключается в обращении родителей к выдающимся литературным произведениям и заимствовании имени героя, произведшего глубокое впечатление. Наиболее традиционным из таких «справочников имен» стал классический китайский роман Цао Сюэциня «Сон в красном тереме».

10) «Скромные» имена

К ним относятся имена, состоящие из максимально простых иероглифов. Хотя иероглифы в таких именах и весьма незатейливы, все же их никак нельзя назвать приевшимися, поскольку они не так часто встречаются в составе имен. К таковым относятся: 人 (человек), 一 (один; единица), 丁 (совершеннолетний; мужчина), 大 (большой), 小 (маленький), 干 (ствол; работать, делать), 万 (десять тысяч), 千 (тысяча), 正 (прямой, главный, правильный, чистый) и т.д.

11) Подражание иностранным именам

К этой группе относятся имена, фонетически имитирующие иностранные, однако отвечающие требованиям к тональному рисунку и сочетаемости иероглифов. Такие имена могут не иметь глубокого смысла, поскольку являются лишь имитациями западных имен, которые сами по себе в китайском языке значения не имеют. Чаще всего употребляются следующие знаки: 娜 (на), 斯 (сы), 曼 (мань), 克 (кэ), 沙 (ша), 乔 (цяо), 丝 (сы). Например, *Е Линна* (叶林娜, похож. на Елена), *Ли Цюньсы* (李琼丝, похож. на Джонс) и т.д.

12) Имена из четырех иероглифов

В основном, четырехкомпонентные имена принадлежат носителям двухсложных фамилий. Однако в последние несколько лет стали появляться четырехкомпонентные имена с односложной фамилией, хотя таких крайне мало. Наиболее распространены двусложные фамилии *Сыма* (司马), *Оуян* (欧阳), *Чжугэ* (诸葛), *Шангуань* (上官) и др. Преимущество четырехсложных имен в том, что вероятность встретить второе такое же крайне мала.

13) Чайцзы (拆字, дословно: «разобрать иероглиф по частям»)

Этот способ подразумевает использование сложных иероглифов, состоящих из нескольких графических элементов, каждый из которых может являться отдельным словом. В таких случаях смысл иероглифа истолковывается, исходя из значений его составляющих. Например, иероглиф *си* (玺) состоит из знаков *эр* (尔) и *юй* (玉). *Эр* в древнем китайском языке имеет смысл местоимения «ты», *юй*, дословно «яшма», может объясняться как упоминание о девушке. Исходя из графического расположения элементов, это имя можно истолковать как «после тебя будет младшая сестра». Такой способ интерпретации знаков очень похож на древнее гадание по иероглифам. К способу *чайцзы* относится и обратная операция, т.е. не сборка самостоятельных знаков в один сложный иероглиф, а наоборот, расчленение на более простые.

14) Имена, отражающие особенности времени

При выборе имени на родителей зачастую оказывают влияние некоторые события и реалии эпохи, в которой они живут. Политические события в стране, приводящие к изменениям в жизни людей, отражаются в именах их детей. Так, в новейшее время появились имена: *Цзяньго* (建国, «образование государства»), *Дацин* (大庆, «великое торжество»), *Вэйго* (卫国, «защитник отечества»), *Баи* (八一, «народно-освободительная армия») и др.

15) Традиционные имена

На выборе имени сказываются и некоторые традиционные взгляды. Ещё в недавнем прошлом появление в семье мальчика-наследника ценилось выше, чем рождение девочки. Если первой рождалась дочь, то ей могли дать имя *Чжаоди* (招弟, «манящая младшего брата»), *Лайди* (来弟, «звущая младшего брата»), *Мэнди* (梦弟, «мечтающая о брате») или *Паньди* (盼弟, «ожидаящая младшего брата») в надежде, что следующим родится сын. В

наше время семья может завести только одного ребенка и, конечно, подобных имен больше не встречается.

Семантические значения китайских имен очень разнообразны. Невозможно сколь угодно полно охватить и классифицировать все существующие смысловые комбинации. В характерных женских именах выражаются эстетические взгляды китайской культуры. В мужских именах находят отражение общественные, моральные и сакральные ценности. Формирование семантических комбинаций иероглифов имени неслучайно, за значением каждого имени стоит определенная логика.

Список литературы

- БКРС (Большой китайско-русский словарь в 4-х томах) / Под ред. И.М. Ошанина. М., 1983
- Гуань Сихуа. Цзэнмэ гэй хайцзы ци минцзы (Как назвать ребенка). Пекин, 1999.
- Кравцова М.Е. Поэзия древнего Китая. Спб., 1994.
- Ожегов С.И., Швецова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1995.
- Сяньдай ханьюй цыдянь (Нормативный словарь современного китайского языка), Пекин, 2000.
- Цимин сюэ (Антропонимика). Пекин, 1999.
- Цимин шуоуцэ (Справочное пособие при выборе имени). Пекин, 2000.
- Чжунго цимин гаймин шиюн цюаньшу (Практическое пособие по выбору и изменению имен). Б/г (Электронный вариант).

Новосибирский государственный университет

РОССИЙСКАЯ ДИАСПОРА В КИТАЕ

ОЦЕНКА ЧИСЛЕННОСТИ РУССКОЯЗЫЧНОГО И ЯПОНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ КИТАЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В. СОВРЕМЕННОЙ КИТАЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИЕЙ

Приоритетными направлениями китайской историографии последнего десятилетия стало изучение колониальной проблематики, региональной истории, а также исследование процессов формирования и развития национальных меньшинств. История отдельных этнических групп (ирригент и диаспор), именуемое в западной историографии «ирредентизмом», исследуется китайскими учеными в русле этнической истории в рамках программы изучения национальных меньшинств провинции Хэйлунцзян. За последнее время появился значительный массив работ, посвященных российской эмиграции, среди них монографические исследования и коллективные работы [У Вэньсянь, Чжан Сювань, 1993; Ши Фан и др., 1998; Ван Чжичэн, 1993; Ли Сингэн, 1997 и др.]; статьи [Ли Шилян, 1994; Ши Янь, Сунь Гуанмэй, 1997; Жао Ланлунь, 2000 и др.], посвященные взаимоотношениям России и Китая, в том числе истории КВЖД, Харбина и русской эмиграции в Китае. Традиционно широко в китайской историографии представлена японская колонизация северо-восточного Китая. За последнее десятилетие опубликовано несколько монографий по истории Маньчжоу-го [Сунь Банчжу, 1993; Гао Лэцай, 2000]. В целом для китайской историографии характерна негативная оценка последствий как российской, так и японской колонизации.

Работы китайских историков, как правило, основаны на обширной источниковой базе, что позволяет существенно расширить тематику исследования, сопоставить оценки масштабов миграции на Северо-Восток Китая с позициями российских и западных историков, более основательно изучить демографическую структуру эмигрантских колоний, правовой статус и основные направления экономической, политической и культурной деятельности мигрантов.

Исследование Ван Чжичэна построено преимущественно на русскоязычных материалах, в том числе эмигрантской и иностранной периодике г. Шанхая. В работе анализируются также статистические отчеты китайских морских таможен и Главного полицейского управления Особого Района Восточных Провинций о численности иностранного населения. В работе Ши Фана, Гао Лина и Лю Шуана систематизированы данные по русскоязычному населению г. Харбина, в т.ч. по численности эмигрантов и советских граждан. Источниковой базой работы стала китайская периодика (преимущественно газета «Юаньдунбао», издававшаяся на китайском языке Обществом КВЖД с 1906 по 1921 г.), русскоязычные материалы, сконцентрированные в Хэйлунцзянской провинциальной библиотеке и библиотеке Института истории Хэйлунцзянской академии общественных наук, а также материалы из архивов Харбина и провинции Хэйлунцзян.

Особо следует остановиться на статье Жао Ланлуна «Общие сведения о русских эмигрантах в Харбине в период 1917-1931 гг.», опубликованной в журнале «Бэйфан Вэнь» (North culture relicts), который издается Управлением памятников материальной культуры провинции Хэйлунцзян. Автор приводит статистику численности русскоязычного населения, основываясь на обследованиях, проводившихся издававшимся в Харбине на японском языке «Экономическим ежегодником Маньчжоу». Источниковая база монографии Гао Лэцай

включает в себя материалы Центрального архива Китая и Цзилиньского провинциального архива, документы командования Квантунской армии, различных отделов административного аппарата Маньчжоу-го; статистические данные отделов управления железной дорогой; документы японского министерства колонизации; отчеты обществ, занимавшихся переселением; сообщения токийского информационного агентства конца 1930-х гг., японские периодические издания, издававшиеся в Маньчжурии, в том числе «Маньчжурская ежедневная газета», «Маньчжурское обозрение» (ежемесячный журнал Маньчжурского агентства новостей, издававшийся в 1940-х гг.), а также периодические издания общества ЮМЖД. Большинство этих материалов недоступно российским исследователям.

Наплыв русских в Маньчжурию пришелся на период строительства КВЖД, военного присутствия России в регионе во время восстания ихэтуаней и русско-японской войны. Численность русских на Северо-Востоке Китая в начале XX в. оценивается российскими исследователями в пределах 60–100 тыс. человек. Пик присутствия русских в регионе пришелся на время русско-японской войны и составил, по китайским данным, более 100 тыс. чел. [Жао Ланлунь, 2000, с. 81]. Русскоязычное население было компактно расселено вдоль полосы отчуждения КВЖД и в Хулунбуирском округе (Барга). В 1903 г., к моменту введения в эксплуатацию КВЖД, русских в Харбине было более 20 тыс. [Жао Ланлунь, 2000, с. 81], хотя первая перепись населения Харбина фиксирует около 15 тыс. человек. Спустя десятилетие численность подданных Российской империи в г. Харбине составила чуть больше 43 тыс. [Жао Ланлунь, 2000, с. 81], что соответствует данным переписи 1913 г. В 1912 г. в Маньчжурии проживало 68,5 тыс. русских. [Жао Ланлунь, 2000, с. 81].

С конца XIX в. началось проникновение Японии на Северо-Восток Китая. По данным, которые приводит Гао Лэцай, в 1902 г. во всей Маньчжурии насчитывалось более 5200 японцев [Гао Лэцай, 2000, с. 27]. После русско-японской войны значительно увеличилась численность японского населения в арендованной Квантунской области и полосе отчуждения ЮМЖД. К 1907 г. численность японцев составила почти 38 тыс. чел., большинство из них были чиновниками, служащими концерна ЮМЖД, торговцами, незначительный процент составляло сельское население [Гао Лэцай, 2000, с. 27]. Южная Маньчжурия стала зоной японского влияния, что вызвало в дальнейшем трудовую миграцию японского населения. К 1917 г. численность японцев в Маньчжурии достигла почти 70 тыс., что превысило численность российской диаспоры, составлявшей около 50 – 60 тыс. чел.

Миграционные потоки на Северо-Восток Китая из России становятся более интенсивными и массовыми с началом мировой и гражданской войн. Имеющиеся в отечественной литературе оценки масштабов эмиграции русскоязычного населения в Китай на рубеже 1910–1920-х гг. значительно расходятся, количество эмигрантов оценивается в пределах от 100 до 300 тыс. чел., при этом максимальная цифра основывается на данных статистического обследования Земельного отдела КВЖД за 1921 г. Обследование зафиксировало наибольший приток мигрантов в Маньчжурию, преимущественно в г. Харбин и полосу отчуждения КВЖД, пришедший в 1920–1922 гг. Жао Ланлунь приводит следующие данные: в 1917 г. в Харбине проживало более 60 тыс. русских эмигрантов, 1920 г. – 131 тыс. чел., 1922 – 155,4 тыс. чел., 1924 г. – 58,6 тыс., 1925 г. – 92,5 чел., 1927 г. – почти 56 тыс., 1929 г. – 57 тыс., 1931 г. – около 62 тыс. чел. [Жао Ланлунь, 2000, с. 81]. Сложности с определением количества русских эмигрантов в Маньчжурии в 1924–1935 гг. вызваны тем обстоятельством, что часть русскоязычного населения составляли граждане СССР. Согласно японской статистике, распределение между советскими гражданами и эмигрантами было следующим: в 1927 г. – 25,6 тыс. советских граждан и 30,3 тыс. эмигрантов, в 1929 г. – 26,7 тыс. и 30,4 тыс., в 1931 г. – 27,6 тыс. и 34,5 тыс. соответственно [Жао Ланлунь, 2000, с. 81]. Отечественные исследователи, волею за эмигрантскими источниками, оценивают общую численность русскоязычного населения на начало 1930-х гг. в пределах 110 – 130 тыс. чел., в том числе эмигрантов – 60–80 тыс. чел. Согласно данным, которые приводит Ван Чжичэн, на основании отчетов китайской морской таможни, в конце 1920-х гг. в Китае находилось от 76

до 88 тыс. русских; по количеству эмигрантов Китай занимал четвертое место после Франции, Германии и Польши [Ван Чжичэн, 1993, с. 73–74].

В 1932 г. в северо-восточном Китае проживало почти 60 тыс. русских белоэмигрантов, из них в Харбине и в полосе отчуждения КВЖД – 45 тыс. чел., в Барге – 6 тыс. чел., в районах, прилегающих к р. Хэйхэ и р. Амур – 500 чел., в г. Шэньян (Мукден) – 2 тыс. чел., в Далине – 200 чел., в Инькоу и Фушуне – 200 чел., в остальных районах – 6 тыс. чел. [Ли Сингэн, 1997, с. 106]. Если в 1934 г. в Харбине проживало почти 25 тыс. советских граждан (по другим данным, 20,8 тыс. чел. [Ши Фан, 1998, с. 153]), то в к февралю 1936 г. их насчитывалось всего 7,8 тыс. человек [Ли Сингэн, 1997, с. 111]. По данным полицейского управления, которые приводит Ван Чжичэн, к маю 1934 г. в северо-восточных провинциях проживало в общей сложности порядка 70 тыс. человек [Ван Чжичэн, 1993, с. 76]. Китайские исследователи отмечают мощные реэмиграционные волны, пришедшиеся на 1923 г., 1935–1937 гг., но масштабы реэмиграции пока полностью не изучены. Эмигрантские источники оценивают численность репатриантов, выехавших в СССР в связи с продажей КВЖД, в 25–35 тыс. чел.

Период существования Маньчжоу-го – с 1932 по 1945 гг. – характеризуется резким увеличением численности японского и корейского населения в Маньчжурии. Началось массовое выселение этнических китайцев и заселение данной территории японцами и корейцами в рамках японской государственной программы «переселения миллиона дворов». До 1932 г. японская колонизация на Северо-Восток Китая не имела массового характера по данным Гао Лэцай за период «военной колонизации» с 1932 по 1936 г. в Маньчжурию было переселено около 3 тыс. японских семей (около 8 тыс. человек). Согласно плану «переселения миллиона дворов», начиная с 1937 г. за 20 лет планировалось переселить в Маньчжурию 1 млн. крестьянских семей из островной Японии [Гао Лэцай, 2000, с. 15]. Таким образом, доля японского населения в Маньчжоу-го могла составить пятую часть населения региона, что изменило бы демографическую ситуацию [Гао Лэцай, 2000, с. 5]. За первый пятилетний период (с 1937 по 1941 гг.) было переселено всего 42635 дворов, что составило менее 50% от первоначального плана (100 тыс. дворов). В 1937 г. был переселен 3741 двор (79.8% от плана), в 1938 г. – 4689 дворов (78.2%), в 1939 г. – 7334 двора (59.8%), в 1940 г. – 9091 двор (47.6%), в 1941 г. – 17780 дворов (58.2%) [Гао Лэцай, 2000, с. 119]. Пик переселения пришелся на 1942 г. и составил 20636 дворов. В последующие три года было переселено примерно равное количество дворов: 12895 дворов в 1943 г., 12787 дворов – в 1944 г., 12597 дворов – в 1945 г. Всего за четыре года было переселено 59015 дворов, что составило лишь 26.8% от плана [Гао Лэцай, 2000, с. 151, 158]. Всего за два периода «переселения миллиона дворов» с 1937 по 1945 гг. в Маньчжурию было переселено 101550 крестьянских семей [Гао Лэцай, 2000, с. 151, 158] и 86,5 тыс. чел. из «Добровольческой молодежной армии», что вместе составляет около 391180 человек (в среднем по три человека на семью). Прибавив к этому числу 8 тыс. человек, переселившихся в 1932–1936 гг., мы получим, что за весь период существования Маньчжоу-го (с 1932 по 1945 гг.) на его территорию было переселено около 400 тыс. японских крестьян. Таким образом масштабы японской колонизации северо-востока Китая в 1930 – первой половине 1940-х гг. оцениваются в 800 тыс. чел., из которых 350 тыс. были переселены в рамках программы сельскохозяйственной колонизации Маньчжурии.

После ввода советских войск на северо-запад Китая в августе 1945 г. и завершения второй мировой войны, СССР с ноября 1945 г. объявил новый этап восстановления советского гражданства. Это привело к скачкообразному росту, почти в 10 раз, численности советской диаспоры в Китае. В 1940–1950-е гг. имела место массовая репатриация советских граждан из Китая, когда выехало порядка 200 тыс. чел. Единовременно с репатриацией советских граждан имела место массовая иммиграция русскоязычного населения с тихоокеанского побережья Китая, в первую очередь из Шанхая, в США, Австралию, Канаду.

Список литературы

- Ван Чжичэн.** Шанхай эцяоши (История русской эмиграции в Шанхае). - Шанхай, 1993 *(на китайском языке)*.
- Гао Лэцай.** Жибэнь «Маньчжоу иминь» яньцзю (Исследование японского переселения в Маньчжурию). - Пекин, 2000 *(на китайском языке)*.
- Жао Ланлунь.** Общие сведения о русских эмигрантах в Харбине в период 1917 – 1931 гг. // Бэйфан вэнью. - 2000. - № 1 *(на китайском языке)*.
- История Маньчжоу-го.** – Харбин, 1990 *(на китайском языке)*.
- История русской эмиграции в Харбине.** – Пекин, 1997 *(на китайском языке)*.
- Ли Сингэн.** Фэньюй фупин: эго цяоминь цзай Чжунго, 1917 – 1945 (Ряска на ветру: российская эмиграция в Китае, 1917 – 1945). – Пекин, 1997 *(на китайском языке)*.
- Ли Шилян.** Исторические условия (факторы) становления Харбина как крупного международного города в 20-е годы XX в. // Бэйфан вэнью. – 1994. - № 3; *(на китайском языке)*.
- Сунь Банчжу.** Экономическое вторжение. – Цзилинь, 1993 *(на китайском языке)*.
- У Вэньсянь, Чжан Сювань.** Хоэрватэ юй чжундун телу (Хорват и КВЖД). - Чанчунь, 1993 *(на китайском языке)*.
- Ши Фа, Гао Лиин, Лю Шуан.** Хаэрбин эцяо ши (История русской эмиграции в Харбине). Харбин, 1998 *(на китайском языке)*.
- Ши Янь, Сунь Гуанмэй.** Становление и характер структуры Управления КВЖД // Бэйфан вэнью. – 1997 - №1 *(на китайском языке)*.

*Институт истории СО РАН, Новосибирск
Новосибирский государственный университет,*

THE RE-EMIGRATION OF RUSSIANS FROM CHINA (1921-1960)

On several occasions, beginning at the end of the nineteenth century and ending in the early 1930s, hundreds of thousands of residents of the Russian, later Soviet, empire left their homeland and for a time made their homes in China. The first influx came before the revolutions of 1917 to build and run the Chinese Eastern Railroad (CER). Construction and operation of the CER brought over 15,000 Russians to Harbin and several thousand more to the CER right-of-way before the Russo-Japanese War. About 80,000 soldiers, support personnel, and businessmen flocked to Manchuria during that war, but most of them evacuated when the war was over. Between 1906 and 1914 the railroad, the region, and the city of Harbin prospered. On the eve of World War I, Harbin's population exceeded 67,000, of whom approximately 43,500 were Russian. The largest influx to northern and eastern China occurred toward the end of the Russian civil war, mostly in 1920-21, when over 200,000 refugees fled to the relative safety of Manchuria. All of them were citizens of tsarist Russia (*rossiiskie*, not just *russkie*), which would cause them considerable inconvenience a few years later when tsarist Russia ceased to exist. A similar number of refugees, most of whom were Kazakh, Uigur, and Kirghiz herdsmen and Russian farmers fleeing Soviet collectivization near Chinese borderlands, flooded into Xinjiang province of northwestern China in the early 1930s. Most of those who arrived in China in the first two waves sooner or later re-emigrated to other nations. A smaller number returned to the Soviet Union. Most of those who came during collectivization later returned to the USSR.

Almost all Russian emigres left China by 1960. Large numbers of those living in eastern China re-emigrated between the 1920s and 1949 to the United States, Australia, Canada, Brazil, and a few other countries. Tens of thousands also returned or emigrated to the USSR in two large waves in 1935 and 1954-1955. Between 1955 and 1961 smaller numbers of people continued to leave from eastern China and several hundred thousand left Xinjiang to return to Siberia, Kazakhstan, and other Central Asian territories. Why did such large numbers return to the Soviet Union?

Operation of the CER and the economy of Manchuria were shaken by the Russian civil war and the massive emigration. In 1921, when Soviet Russia laid claim to the CER, the area received a further shock. When Soviet administrators took over, they declared that only Soviet or Chinese citizens could work for the CER. As the railway was the largest employer in the region, particularly of Russians, this threatened to throw thousands of people out of work. At a time when the city teemed with refugees, this threatened hardship for thousands of families. Some took Chinese citizenship. Many more retained their jobs by accepting the Soviet consulate's offer of Soviet citizenship, some from conviction, others from convenience.

The first "returns" might be said to have occurred in 1921. As they were able to, the Soviet government identified leaders of the White cause in Manchuria, arrested them, and took them back to Soviet territory where most were shot after perfunctory trials. This did not involve a large number of people. Another small number of Russians were assisted by the Nansen Commission to return freely to Soviet Russia at this time. (Archive of the Ministry of Foreign Affairs [AVPRF], f.100, o.7, d.15)

Between 1921 and 1931 life was not as comfortable in Soviet-dominated Manchuria as it had been before 1921. Unemployment remained higher than it had been. The levels of prosperity reached between 1907 and 1920 did not return, and there was considerable tension between Soviet and non-Soviet Russians who lived as neighbors. During those years the city's population declined considerably from its post-civil war peak. Most of the decline can be accounted for by Russians who chose not to accept Soviet citizenship and left Manchuria. Some wound up in other Chinese

cities, including that most cosmopolitan of Chinese cities, Shanghai. Others moved south along the CER's southern branch line. More left China for other countries.

The next major change came in 1931 when the Japanese expanded their conquest of Manchuria to the north. By 1932 they and the Chinese puppet government of Manchuria, called Manchukuo, began to make life more difficult for the Russians in Manchuria, particularly for Soviet citizens. Raids on the railroad and the Russian population by local bandits called *hunhuzi*, which were possibly abetted but were certainly undeterred by the new government, became more frequent. The Great Depression also had a serious negative impact on the economy in these years. By 1935 the Soviet government had had enough and sold the CER to the Manchukuo government at a fire sale price. This precipitated the first of three large repatriations to the USSR.

As it shut down its railway operations, the Soviet government arranged for Soviet employees to go home. Some of these people had come to Manchuria after 1921 already possessing Soviet citizenship. Others were first- or second-generation Russian residents of Manchuria who had taken up Soviet citizenship in order to keep working for the CER. They did not have to return in 1935 — some chose not to — but their choices were few and difficult. Soviet citizens were not likely to be treated well by the Japanese, the Chinese, or the non-Soviet Russians remaining in Manchuria. 21,343 people returned in 1935. (AVPRF, f.99, o.2, d.7, l.12)

A very large proportion of the adult males who had worked on the CER and who returned to the USSR in 1935 were "repressed." Most of them were then shot. Those who weren't usually received long terms in the labor camps. Some of their wives were also arrested but a much smaller proportion were shot or incarcerated. Many children were orphaned as a consequence or taken from their mothers after their fathers were shot and turned over to state institutions. This group of repatriates returned to the Soviet Union at a most unfortunate time, just as the Great Terror was getting under way. Moreover, as railwaymen, most of them worked in a branch of the economy that came under particular suspicion and scrutiny. At the same time that the net of repression was widening and the NKVD was beginning to look for groups it could identify as dissident or criminal, accidents and thefts of industrial supplies on the railroads increasingly came to be called acts of sabotage. These charges were soon linked to the presence of the "alien" element who had recently joined the workforce, and an order was issued in 1937 for the arrest of all the so-called *kitaitsy*. As most worked in very visible places on the railroads of Asiatic Soviet Union, they were easy to find and arrest. (Records of repressed *kitaitsy* who were later rehabilitated are in the Archive of Political Repression in Perm.)

Living and working conditions for Russians in Manchuria continued to deteriorate for those who remained after the 1935 exodus. As the Great Depression took its toll and the Japanese milked the Manchurian economy to support their domestic economy and their war effort, living standards fell. Japanese-owned firms were given preferments; non-Japanese businesses suffered. Many emigres chose to leave the area. Between 1931 and 1941 the Russian population at Shanghai swelled at the expense of the Manchurian population. As in the previous decade other Russians re-migrated from China to other nations.

For those who remained in Manchuria, particularly in Harbin, life also became more regimented. The Japanese occupiers required the Russian community to create an organization to help control and administer the Russian population. This Bureau of Russian Emigres in Manchuria (or BREM), which had close ties to Japanese and Manchukuo officials, was dominated by individuals who were also leaders of Russian fascist organizations. Most Russians who joined BREM were neither fascist nor Japanese sympathizers, but like residents of many other occupied areas during the war, most did what they had to do to support their families in safety. Any Russian resident hoping for consideration in hiring or ration coupons or other forms of assistance during the war had to register. Consequently, the great majority of the Russian population did. From the Soviet perspective, this made BREM's leadership traitors and its members suspect. At the end of the war when the Red Army occupied Manchuria, they arrested many BREM leaders and tried them. They read BREM's files to learn about residents' memberships, associations, and beliefs and within a few months arrested hundreds of "collaborators" and removed them to the Soviet Union. The suspicion

that there might be more Japanese sympathizers among the Russian population of the Japanese-occupied north probably helps explain why few Russian residents of Manchuria were permitted to return to the USSR during the next wave of re-emigration, most of whom came from Shanghai.

A basic question about the second wave of repatriation has to be, Why would people choose to move to the Soviet Union in 1947? We who know what horrors had occurred there in the previous two decades must find a voluntary return difficult to understand. When we know what happened to many of the re-emigrants, the answer will seem more elusive and ironic. There are, however, clear answers. First, life in China was very difficult during the war, and there seemed to be no reason to think it would soon become easier. The economy was in shambles, a civil war was under way, and neither the Chinese nationalists nor the communists particularly welcomed foreigners. The reasons to leave were strong. The more pressing question for many people was, Where to go? Besides the repatriation to the USSR, there were sizeable Russian emigrations to Australia and the U.S. after the world war. To a certain degree income helped determine where people went. It was considerably cheaper to return to the USSR. The consulate offered free transportation, and life in the USSR, where higher education and medical care were provided by the state, promised to be more affordable. It was often those who could not afford to go elsewhere who went to the Soviet Union.

A larger part of the explanation for those who went "home" was patriotism. Having read and heard about the suffering of Russia during the war, living as strangers in a foreign and then hostile land, they wanted to live where their families had lived, to do their part to rebuild the war-torn nation, or in some cases to die where their ancestors had died. Ironically, this feeling seems to have been stronger in the second generation, that is, in Russians who had been born in China. Patriotism had grown throughout the war. Many young men had petitioned the Shanghai consulate to send them home to fight, but their petitions had been rejected. That was not possible in Japanese occupied Manchuria, of course. The feeling grew stronger after the war, fueled by pride in victorious Russia and by a propaganda campaign waged from consulates in China and elsewhere that proclaimed the Soviet Union to be a changed and powerful nation ready to welcome home its wayward children. The full truth of what had occurred there in the 1930s was not known. What people thought they knew was minimized by the patriots. Russians who left for other countries argued vehemently with the patriots but did not convince them. In some instances parents who thought they knew better reluctantly accompanied their children "home."

The number of repatriates in 1947-48 totaled 5960. (AVPRF, f.100, o.44, d.53, l.15) This group met a fate similar to but not as grim as the group that returned in 1935. A considerable percentage of the men were arrested and tried as enemies of the people. In this instance with few exceptions they were not shot but were sentenced to labor camps. (Many of the records and stories of this repression are found in Ekaterinburg in the State Archive of Administrative Organs of Sverdlov Region and in the emigres' newsletter "*Russkie v Kitae*.")

Between 1947 and 1949 when the Chinese civil war was at its peak, many more Russians left China for countries other than the USSR, but a sizeable community remained in Harbin and a smaller group in Shanghai. Several hundred repatriated in 1951-52. Many more applied to the Soviet consulate, but their petitions were denied, perhaps fortuitously, until 1954, a year after Joseph Stalin died. In that year the Soviet government conducted another campaign, urging Russians living abroad to return. In the case of the Russians in China, one major reason for this campaign seems to have been to find people to work on the Virgin Lands project that was just beginning. In a very orderly exodus in 1954-55 26,966 emigres, almost all of the Russians remaining in eastern China, were brought to the Soviet Union and given residence in towns and villages in the Virgin Lands. (AVPRF, f.100, o.42, d.15, l.1) In many instances their assignments there had very little to do with the education and work experience they brought with them, but in most of those cases the *kitaitsy* were able to remove themselves to more suitable jobs and locations within a year or two. Unlike earlier re-emigrants from China this group suffered from very little persecution or even hostility, and many fared very well in Soviet society, in part because they had on average better education, higher technical skills, and a stronger work ethic than the people they

settled among. Within a few years they congregated in Novosibirsk, Omsk, and a few other Siberian population centers.

The planned repatriation from western China became significant in 1955. By that time the new People's Republic of China had won military control of Xinjiang province and was strengthening its political control of the region by moving in large numbers of ethnic Chinese settlers and replacing non-Chinese administrators. Kazakh, Uigur, Russian, Uzbek, and other emigres from the USSR felt increasingly unwelcome. Between 1954 and 1960, approximately 190,000 left China to resettle in Siberia, Kazakhstan, and other Central Asian regions. (AVPRF, f.100, o.47, d.23, l.3; o.50, d.34, l.1; o.52, d.54, l.15).

*University of Louisville,
Kentucky, USA*

ЖУРНАЛ «АРХИТЕКТУРА И ЖИЗНЬ» В АРХИТЕКТУРНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ РУССКОГО ХАРБИНА

Двадцатые годы XX столетия – переломные для русской колонии Маньчжурии во всех отношениях. В беженской волне, хлынувшей в дальневосточное зарубежье, было немало прекрасных специалистов, в том числе зодчих, получивших солидное образование в столице и порой имевших хорошую практику на родине. «...Сейчас Харбин переживает какую-то «весну» надежд на обновление, на внедрение жизни в уклад закономерностей» [А. К-в, 1921. С. 109], «...зодческий облик Харбина приобретает ту нарядность, которая стала обычным достоянием крупных населенных центров», - отмечает профессиональная печать за 1921 г. [Частное..., 1921. С. 105-106]. Этот момент – пополнение архитектурных кадров Харбина, явное оживление архитектурно-строительной деятельности, смена акцентов в градостроительстве и благоустройстве города – неоднократно отмечался в различных источниках. Организуются выставки, профессиональная общественная организация – Союз инженеров, проводятся конкурсы, начинает издаваться профессиональный журнал. Потом, в 1931 г., В. Сербский напишет: «А спросите, когда интересней жилось, какая полоса жизни кажется сейчас наиболее красочной, яркой, колоритной, наиболее привлекательной, и все скажут – 1920-й. Голодный, оборванный, без надежд, без настоящего, жуткий беженский год на новом месте в изгнании» [Сербский, 1931].

В архитектурной историографии русского зарубежья выделяется своей уникальностью и, без преувеличения, исключительной источниковой значимостью одно малоизвестное издание. Другого такого нет не только на территории Китая, но полагаем, во всем русском зарубежье, либо оно пока нам неизвестно. Речь идет об архитектурном и художественно-литературном журнале «Архитектура и жизнь» (далее – «Архитектура и Жизнь» или *АиЖ*). Ныне он практически никому неизвестен, включая представителей архитектурно-строительной среды бывших русских харбинцев. В фундаментальных трудах по издательской деятельности русской эмиграции в Китае китайских ученых упоминаний об *АиЖ* не оказалось. В последнем труде известного исследователя российской эмиграции в Азии О.М. Бакич (Канада) библиографическое описание *АиЖ* присутствует [Бакич, 2002. С. 427].

В современной отечественной литературе на журнал впервые указала владивостокский историк Е.Ю. Кудинова, обнаружившая его в 1996 г. в коллекции российских изданий эмигрантского периода в русском фонде Научной библиотеки Харбинского технологического института (бывшего ХПИ) [Кудинова, 1996. С. 131]. Но только в 2001 г. автору с трудом удалось там же ознакомиться с 7 номерами *АиЖ* за 1921 г.: 1 – 7 (январь – июль)¹. Также, как и шесть лет тому назад, когда в фонде работала Кудинова, коллекция не разобрана и не каталогизирована. Ни до, ни после владивостокской исследовательницы ею не воспользовались ни китайские, ни иностранные исследователи.

¹ Автор выражает благодарность бывшему директору отделения архитектуры и гражданского строительства ХТИ господину Се Мину, бывшему директору библиотеки господину Ли Чифану и сотруднику библиотеки госпоже Чу Юанли. Особая признательность – к.и.н. С.В. Алкину, с действенной помощью которого был обнаружен *АиЖ* и в первом приближении каталогизирована коллекция.

По всей вероятности, «Архитектура и Жизнь» просуществовала всего два года. На сегодня известно, что в течение 1921-22 гг. было издано 16 номеров [Тюнин, 1927. С. 22; Harbin, 2002. С. 427]. Где они отложились, кроме семи обнаруженных, сохранились ли - остается невыясненным, но, кажется, не в России. Недостовой представляется справка в литературной энциклопедии Русского зарубежья, где указаны годы издания с 1920 по 1931 [Литературная энциклопедия, 2000. С. 407]. Явно неверна первая дата: на обложке журнала за январь 1921 г. значится: «Год издания 1-й». Относительно конечной даты есть большие сомнения: если бы журнал издавался в течение 10 лет, он наверняка был бы более известен.

Редакция журнала находилась в Харбине, редактором-издателем был Николай Васильевич Никифоров¹, печатался *АиЖ* издательством «Восточное просвещение» при Российской духовной миссии в Пекине; ежемесячный; орган Харбинского общества землевладельцев и домовладельцев.

Это полноценный профессиональный журнал высокого полиграфического качества. Многие репродукции наклеены, некоторые – в цвете; есть чертежи проектов. В нем, можно сказать, «задокументирована» вся архитектурная жизнь Харбина за 1921 г., и в какой-то степени – литературно-художественная и театрально-музыкальная. Издание отражает деятельность Союза инженеров, события международной художественной жизни, результаты архитектурных конкурсов, юридически-правовые нормы работы архитекторов, включает историко-философские очерки об архитектуре, научные статьи и доклады по инженерно-техническим проблемам, рецензии на проекты и сооружения, статистику разного рода. Вот перечень архитектурных рубрик, не считая других материалов, вне рубрикации: «Харбинское строительство», «Строительная хроника», «Частное строительство», «Заграничная хроника», «В Союзе инженеров», «Панорамы жизни» (обзоры художественных выставок, о творческих союзах Харбина), «Библиография», «Список зодчих г. Харбина», «Справочные цены на рабочую силу, строительные материалы», «Ведомости построек»; «Афоризмы» (архитектурные). Сегодня для исследователя архитектурного наследия в дальневосточном зарубежье, на фоне довольно скудной источниковой базы, научный интерес представляет абсолютно все: и сухая строительная хроника, и списки практикующих архитекторов, и информация о проводимых конкурсах, и заметки о творчестве местных архитекторов, и размышления об облике Харбина, об архитектуре дальневосточной России.

По выходу *АиЖ* сразу же привлек к себе внимание. Востоковед и поэт Е. Яшнов опубликовал рецензию в «Русском обозрении» на первые два номера. Он отмечает, что новый журнал позволяет вновь проникнуться «атмосферой мирного художественного труда», «а это так порой необходимо для истрепанных беженских нервов» [Цит по: Николаев, 2000. С. 407]. Одновременно редакция *АиЖ* подвергается критике за «узкоместный – харбинский характер». «Нам кажется, редакции не мешает несколько расширить сферу своего наблюдения. Даже ближайшие центры Дальнего Востока – Дайрен, Тяньцзинь, Шанхай и Пекин представляют с точки зрения архитектуры и искусства много интересного. Иначе, ограничиваясь одним Харбином, легко можно впасть в чисто провинциальное преувеличение значимости своей колокольни» [Цит по: Хисамутдинов, 2000. С. 320].

Эта попытка русских архитекторов Китая осмыслить свое профессиональное бытие, свое «я» за рубежом на 1920-е годы беспрецедентна для всего русского зарубежья. Много позже, только в 1938 г., Объединение русских архитекторов (ОРА) в Праге организует

¹ Никифоров Н. В. – гражданский инженер, имел высший технический ценз, беженец из Забайкалья; не только редактор-издатель, но и один из активных авторов *АиЖ*. Проекты на 1921 г.: жилые дома Д.И. Зимина (Полевая ул.), Я.Б. Соболя (Аптекарская ул.); акционерное общество Точи (Торговая ул.) и др.; принимал участие в разработке деталей и художественной отделке известного особняка С.И. Ицхакина, (ул. Диагональная. Арх. М.И. Дельников) - «самого красивого здания на Пристани», - по определению местной газеты. Жена – Людмила Алексеевна Никифорова (псевдоним Л. Никитин) - журналист, литератор, редактор (Харбин, Шанхай). Ист.: Архитектура и жизнь. 1921. № 1. С. 26; № 5, с. 250-251; Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке. Библиографический словарь. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. С. 221.

издание газеты «Русский Зодчий за рубежом», призванную объединять русских архитекторов по всему миру. Без сомнения, находить возможность издавать в Харбине в самые трудные беженские годы собственный профессиональный журнал – свидетельство высокой концентрации архитектурно-строительных сил в Харбине и «столичного» уровня культуры профессионального сообщества, свидетельство потребности сопричастности к своему «цеху» и воссоздания отечественных традиций, активной архитектурной деятельности и насыщенной художественной жизни города в целом.

Плодотворность работы исследователя с такого рода источниками понятна, но на фоне отсутствия других архивных документов эмигрантского периода, ценность *АиЖ* резко возрастает. Ведь кроме архивных фотографий, почтовых открыток, архитектурно-строительной истории отдельных зданий в местной периодической печати того времени и воспоминаний бывших русских «китайцев», мы почти ничего не имеем. В архивохранилища Китая, где по большей части, и отложились интересующие нас документы, доступ российским ученым практически закрыт.

В научный оборот «Архитектура и Жизнь» впервые введена автором в 2001 г. [Левашко, 2001; 2002, с. 6; 2002, с. 133-141; 2002, с. 167-192].

Атрибутированы (или атрибуция существенно уточнена) многие знаменитые здания Харбина, некоторые из которых сохранились и являются сегодня памятниками архитектуры. Например, установлено, что автор проекта торгового дома «Мацууры и К^о» по ул. Китайской на Пристани (сейчас книжный магазин «Просвещение» по ул. Центральной) – архитектор Александр Адамович Мясковский¹, и построен он в 1920; автор полутеламона и полукариатиды на фасаде – скульптор А. Роман. Аtribuция одного из самых красивейших зданий города – своего рода открытие. В фундаментальных трудах китайских историков архитектуры год постройки сооружения значится 1909, а автор – неизвестен. Эти данные фигурируют во всех известных автору публикациях, и китайских, и российских.² Обнаружились и другие постройки этого незаурядного мастера: дом Г.А. Гуревича (по Конной ул.); Глаубермана (по Артиллерийской ул.; сохранился), И.Р. Глонти (1-я Линия), А.С. Преденной (по Артиллерийской ул.) и многие другие. Только за один 1921 год 12 проектов Мясковского были разрешены к строительству.

Имя гражданского инженера Сергея Александровича Венсана встречается на страницах журнала в строительной хронике очень часто. Судя по всему, он был одним из самых действующих и популярных архитекторов города. Широко известно, что Венсан – автор проекта отеля-ресторана «Модерн», но конкретные сведения о других его крупных постройках в Харбине ранее не встречались. Оказывается, он – автор Дома Акционерного общества (сохранилось), китайской почты, фабрики Лопато, Украинского Дома (впоследствии СМУ), почтовой комиссии (по Садовой ул.), торговых рядов «Кунст и Альберс» (в Новом городе), Японского генерального консульства (по Новоторговой ул.) и множества других зданий.

Атрибутированы здания общественной организации ХЕДО, выделяющиеся своей экзотичностью, в т. н. мавританском стиле (еврейское духовное училище «Талмуд-Тора» им. Скидельского, приют для престарелых им. С.М. Рабиновичей, высшеначальное училище и др.). Их автор – архитектор Иосиф Юльевич Левитин. По его же проекту построены Гостинный двор в неоклассических формах на Пристани (Мостовая ул.), несколько зданий высшего коммерческого училища в Новом Городе (Нагорный проспект).

¹ Архитектор А.А. Мясковский (1866 – позже 1939) – в Харбине появился до 1920 г. Член Харбинского общества землевладельцев и домовладельцев с 1928 г., в 1936 г. возглавил Техничко-строительный отдел указанного общества. Работал с подрядчиками О.Х. Адлер и Л.А. Линский. Жена - Мария Францевна Мясковская. Ист. : ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 31208; Юбилейный сборник харбинского общества землевладельцев и домовладельцев. Харбин, 1939. 132 с.; Зодчий, Харбинское строительство //Архитектура и жизнь. 1921. № 1. С. 5-8.

² Н.П. Крадин высказывал предположение, что год постройки – 1918, а автор – Ю.П. Жданов. См.: Вежновец, Крадин, 2000, с. 301-302.

Интересный по архитектуре пятиэтажный доходный дом Я.Д. Ягунова в Новом городе, сочетающий современные принципы планировки и монументальные неоклассические формы, возведен по проекту Георгия Георгиевича Дориана в 1921 г. (Угол Почтовой и Стрелковой ул.; сохранился) и т. д.

Стали теперь известны проекты и постройки за 1921 год многих практикующих в тот период специалистов Харбина, гражданских и военных инженеров, архитекторов-художников, инженеров-строителей, техников: Е.И. Артемова, И.С. Багинова, А.Э. Байера, А.А. Бернардацци, А.Н. Брудастова, В.Д. Валена, В.К. Вельса, А.Н. Вертягиха, М.Н. Горвица, А.И. Горенберга, М.И. Дельникова, В.Ф. Домбровского, Г.Г. Дориана, С.Н. Дружинина, А.Н. Иванина, К.Г. Иванова, Н.Н. Иванова, И.Н. Иванова, И.В. Иванова, Р.Г. етлинского, П.Ф. озловского, Д.Э. Кипниса, Л.И. Корганова, М.А. Корбута. С.И. Масленникова, И.М. Машкова, П.И. Моисеева, И. Москоленко, Д. Могульяно, В.С. Наткина, А.А. Невского, Н.С. Нестерова, Н.В. Никифорова, В.С. Ноткина, И.И. Обломиевского, И.С. Опадчего, Б.И. Петрова, В.А. Плансона, А.Б. Радбиля, А.А. Рахманова, Н.Я. Селикеева, Сведека, А.И. Смигельского, Ю.М. Сокольского, Тен-Дама, А.М. Тильмана, Б.И. Туника, П.Л. Федорова, В.О. Фрейберга, А.Г. Шейнга, А.И. Языкова и других.

Выявлено несколько новых имен художников-декораторов, скульпторов, с отличным профессиональным образованием и предшествующей обширной практикой, в т.ч. в Европе; специализирующихся на интерьерах жилых и общественных зданий, малой садовой скульптуре: В.В. Бильяни, Б. Гордон, Ф.Н. Дятлик.

По-прежнему большой интерес представляют и те имена, которые трудами хабаровского историка-архитектора Н.П. Крадина стали хорошо известны: М.М. Осколков, Ю.П. Жданов, П.С. Свиридов [Вежновец, Крадин, 2000. С. 301-302]. Выявляются новые проекты, факты их деятельности, вносятся важные уточнения.

Возможность атрибутирования зданий, выявление новых имен специалистов, уточнение ранее известных имен, харбинских проектов и построек на 1921 г. является, пожалуй, одной из самых важных составляющих ценности *АиЖ*. Во всем многообразии предстает всего лишь один год «архитектурной жизни» Харбина, - немного. Но в то же время, он был весьма характерным и открывал новую, эмигрантскую «эпоху» русской архитектуры Харбина.

На страницах *АиЖ* порой освещались архитектурные события и русского Дальнего Востока. Харбинские архитекторы были в курсе проходящих там конкурсов там. Например, в первом же номере дана информация об объявленном профессиональными союзами Владивостока конкурсе на «Рабочий дворец» [Хроника, 1921. С. 28]. При этом указывается владивостокский адрес, где можно получить условия конкурса. Может, *АиЖ* распространялась и во Владивостоке?

Две статьи, «Владивостокское строительство» и «Русский стиль», намерено размещены рядом: они дополняют друг друга. Автор первой, «Зодчий», считает монументальное здание железнодорожного вокзала во Владивостоке, выстроенное в неорусском стиле, «прекрасным и долговечным памятником эпохи русского владычества на Дальнем Востоке» [Зодчий, 1921. С. 205]. Параллельно он подчеркивает полное отсутствие в Харбине построек в национально-русском духе, и призывает архитекторов обратиться к древнерусскому наследию как источнику творческих поисков. «Здесь, на Дальнем Востоке воспроизведение русского стиля следует особенно приветствовать, так как оно знакомит Азию с обликом русской культуры», - продолжает автор второй статьи – редактор *АиЖ* Никифоров [Никифоров, 1921. С. 209].

В связи с этими высказываниями можно сделать вполне определенный вывод, относящийся, по крайней мере, к доэмигрантскому периоду: в массовом профессиональном сознании русских архитекторов за рубежом, по-видимому, отсутствовала осознанная (или интуитивная) установка на проектирование в национально-русском стиле. Желания утвердиться посредством своей архитектурно-традиционной культуры в среде русского

города «под небом Китая» не наблюдается. Что подтверждает предшествующие исследования автора: в архитектуре Харбина преобладал модерн, рационалистические направления, неоклассицизм, другие исторические стили, но не «русский стиль» как таковой [Левашко, 2001. С.153-158]. Оговоримся, за исключением сферы православного зодчества.

Для творческой русской эмиграции в целом было свойственно осмыслять свое творчество во взаимосвязи с русской культурой, и архитекторы в этом смысле – не исключение. Но это отнюдь не означает, как мы видим, прямого и повсеместного обращения к национально-русской стилистике. Образное выражение взаимосвязи с отечественной культурой происходило в иных, опосредованных, формах. Но отметим, что в 1920-е гг. в Харбине появился немалочисленный ряд выразительных гражданских сооружений в «национальном стиле».

Как и везде в русском зарубежье, архитектура православных храмов Харбина мыслилась только в традиционно-русских формах. *АиЖ* предоставляет, прямо скажем, редчайшую возможность ознакомиться с материалами одного архитектурного конкурса – проекта православной церкви в Корпусном городке [Харбинское..., 1921. С.103-105]. В архитектурной историографии русского Китая такие материалы встречаются впервые.

Комментарии 11 представленных проектных решений 7 авторов сопровождаются чертежами (планами, фасадами в цвете) трех премированных проектов: техника И.М. Машкова (1 премия), гражданского инженера П.С. Свиридова (2 премия) и архитектора Б.И. Петрова (3 премия). Председатель жюри – Ю.П. Жданов, среди членов – маститые харбинские зодчие Вельс, Венсан, техник Нестеров.

Проект-победитель – в традиционно-русском стиле, и в новизне архитектурно-художественного решения явно проигрывает проектам, занявшим второе и третье места. Соответствие условиям конкурса, функциональная продуманность, несложность конструктивного решения и отделки фасадов, удобство в исполнении – вот, собственно, что определили призовую судьбу проекта Машкова. Девиз проекта Свиридова – «Древнерусское – псковско-новгородское» как нельзя лучше соответствует образному решению храма. Автор свободно владеет формами и приемами древнерусского зодчества, но создает свое произведение уже по новым законам формообразования – в неорусском стиле (а не псевдорусском), соответствующим современным веяниям в разработках национальной темы в архитектуре. То же самое относится и к проекту Петрова. Собственно, «новаторскими» в художественном отношении их можно назвать с определенной долей условности. С конца 1900-х гг. неорусский стиль плодотворно развивался в православном зодчестве России, но в 1917 г. был отринут в связи с новыми художественными приоритетами. А везде в русском зарубежье он и не прекращал своего бытия, продолжал набирать опыт творческого развития. Ни один из проектов реализован не был. В 1926 г. в Старом Харбине была построена церковь в честь Святого Николая Мирликийского Чудотворца, архитектура которой решена в том же стилевом ключе, что и конкурсные проекты Свиридова и Петрова.

В небольшой работе нет возможности остановиться на всех материалах *АиЖ*. Для обзора привлечены только неизвестные ранее данные и сюжеты по архитектурной тематике. Но и этот краткий анализ дает представление о новизне и безусловной ценности харбинского журнала «Архитектура и Жизнь». Много интересного ждет исследователей других областей художественной жизни Харбина, отраженных в разделах «Литературные силуэты», «Театральные обзоры», в рассказах, стихах А. Паркау, Ф. Камышнюка, Е. Щировской, Л. Никифоровой и других. К сожалению, журнал продолжает оставаться труднодоступным. Будем надеяться, что дальнейшие поиски каких-либо сведений о нем – небесполезны.

Список литературы

А. К-в. Панама в Северо-Маньчжурской Промышленной Компании // Архитектура и жизнь. 1921. № 3-4. С. 107-110.

Вежновец А.Ф., Крадин Н.П. Записки краеведов. Хабаровск: Магеллан, 2000. 336 с.
Зодчий. Владивостокское строительство // Архитектура и жизнь. 1921. № 6-7. С. 203-

205.

Крадин Н. П. Харбин – русская Атлантида. Хабаровск: Хворов А. Ю., 2001. 352с.

Кудинова Е.Ю. Русские в Китае // Вестник ДВО РАН. 1996. № 5. С. 130-133.

Левашко С.С. Архитектурная жизнь русского Харбина: Доклад // III междунауч.-практ. конф. «Российские соотечественники в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Перспективы сотрудничества. Владивосток, 2001. 5-7 сентября.

Левашко С.С. Историко-архитектурное исследование Харбина. (По материалам коллекции почтовых открыток Е. В. Витковского) // Архитектура Восточной Сибири и Дальнего Востока Хабаровск: Хворов А. Ю., 2002. Вып. 1. Русские города на Дальнем Востоке. С. 167-192.

Левашко С.С. О русской архитектуре Харбина и проблемах архитектурных исследований русского зарубежья на Дальнем Востоке // Факты и версии. Историко-культурологический альманах. Исследования и материалы. СПб.: ИМИСП, 2002. Кн. 3. Русское зарубежье: политика, экономика, культура. С. 133-141.

Левашко С.С. Русская архитектура Китая: проблемы изучения // На сопках Маньчжурии. Новосибирск, 2002. № 93, февраль-март. С. 6.

Левашко С.С. Харбин: к вопросу о рациональных тенденциях в архитектуре русского модерна и ретроспективизма // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. 2. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2001. С. 153-158.

Литературная энциклопедия Русского Зарубежья, 1918-1940. Периодика и литературные центры. Т. 2. М.: РОССПЭН, 2000. 636 с.

Никифоров Н.В. Русский стиль // Архитектура и жизнь. 1921. № 6-7. С. 205-207.

Сербский В. Наша история // Шанхайская заря. 1931. 22 апреля. № 1663.

Тюнин М.С. Указатель периодических и повременных изданий, вышедших в г. Харбине на русском и др. европейских языках по 1-е января 1927 года // Труды общества изучения Маньчжурского края. Библиография Маньчжурии. Вып. 1. Харбин, Китай: Изд-во ОИМК, 1927. 41 с.

Харбинское строительство // Архитектура и жизнь. 1921. № 3-4. С. 103-105.

Хисамутдинов А.А. По странам рассеяния. Ч. 1. Русские в Китае. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2000. 360 с.

Хроника // Архитектура и жизнь. 1921. № 1. С. 26-28.

Частное строительство // Архитектура и жизнь. 1921. С. 105-107.

Harbin Russian imprints: Bibliography as history, 1898-1961: Materials for a definitive bibliography / Olga Bakich. - New York; Paris: Normanoss published Inc., 2002.-584 с.

Хабаровский государственный технический университет

РУССКИЕ АРХИТЕКТОРЫ В КИТАЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

В глобальной мировой политике все большее и большее значение играет Азиатско-Тихоокеанский регион. В состав АТР Россия вошла благодаря Дальнему Востоку, имеющему общие границы и экономические связи с некоторыми странами данного региона. Стремление России занять достойное место в этом огромном политико-экономическом и культурном пространстве является задачей не только насущной, но и актуальной. Активизируя культурное сотрудничество России с соседними странами, “необходимо вести целенаправленную работу по изучению и пропаганде русской составляющей культурного пространства АТР, чтобы сделать ее столь же привлекательной, как и древнее историко-культурное наследие” [Фетисова, 2002, с. 11, 12].

Налаживая в начале XXI в. политические, экономические и культурные связи, не следует забывать и опыт вековой давности, когда российские инженеры возвели в Маньчжурии Китайско-Восточную железную дорогу и создали вдоль нее систему поселений. Особое значение при этом имеет опыт взаимодействия на протяжении нескольких десятилетий российской, японской и китайской культур, когда КВЖД находилась во владении России, Японии и Китая попеременно. Наиболее мощный всплеск русского влияния пришелся на 20-50-е годы XX столетия – в этот период Маньчжурия стала базой Русского зарубежья. Оставляя в стороне многие, не менее важные грани этого влияния, остановимся на архитектуре, как одной из составляющих общей культуры, и более конкретно – на творчестве российских архитекторов в Китае в первой половине XX в.

Китайская эмиграция для многих россиян началась в гражданскую войну, когда они, откатываясь с эшелонами белогвардейцев на восток, оказались в Забайкалье, а затем и на Дальнем Востоке. Владивосток для многих из них стал на некоторое время, как и Чита в Забайкалье, последним пристанищем, откуда они перебрались затем в Маньчжурию. Среди огромной массы эмигрантов в Харбине и других городах Китая оказалось немало специалистов архитектурной профессии – художников архитектуры, инженеров путей сообщения, военных и гражданских инженеров, инженеров-строителей. Это были в большинстве своем выпускники петербургских институтов, а также специалисты, окончившие высшие учебные заведения в Москве, Киеве, Харькове, Риге и Томске. Были среди эмигрантов и такие, кто получил инженерное образование в Европе. Можно сказать, что в начале 1920-х годов в северном Китае оказалась огромная масса специалистов, архитекторов и строителей, представителей самых разных школ.

Любопытно, что в это же время (с началом массовой эмиграции) в Харбине открылось и первое учебное заведение для подготовки инженеров архитектурно-строительного профиля – русско-китайский политехникум, вскоре преобразованный в Харбинский политехнический институт (ХПИ) и превратившийся в настоящую кузницу инженерных кадров. Немаловажно и то, что основной костяк профессуры и преподавателей ХПИ составили русские инженеры, бывшие первостроители КВЖД и Харбина, а также инженеры-эмигранты.

Деятельность русских инженеров в Маньчжурии была многообразной, поэтому ее следует рассматривать в нескольких направлениях. Прежде всего, это работа на административных должностях, где во многом определялась градостроительная и архитектурная политика в городах и других поселениях Маньчжурии. Русские инженеры работали начальниками технических отделов и строительных управлений, где разрабатывались генпланы поселков и городов, проекты отдельных зданий и комплексов разных типов и назначения. И это наблюдалось не только в Харбине. В Шанхае, например,

“почти во всех (включая самые крупные) архитектурно-строительных фирмах – русские инженеры, техники, десятники, чертежники и прочие... Сейчас замечается, – писал В. Жиганов, – что русский труд надлежащим образом оценен и спрос на него идет с тенденцией на повышение” [Жиганов, 1936, с. 199].

Особое значение в данной номенклатуре должностей имела должность городского архитектора. На этом посту плодотворно работали, начиная с самого основания Харбина, Левтеев А.К., Обломиевский И.И., Смигельский В.Д., Левитин И.Ю. и другие. Отдельно следует отметить многолетнюю (1922-1934 гг.) и плодотворную деятельность в качестве городского архитектора Рассушина В.А., – известного сибирского зодчего. Построенные по его проектам здания еще и сейчас сохраняются в Харбине и Мукдене, функционирует до сих пор и созданный по его проекту парк в районе Пристань города Харбина. Архитектор Сколимовский К.Г., хотя и пробыл в Маньчжурии непродолжительное время, зато создал уникальный генплан города Дальнего, спланированного “и красиво, и интересно” [Семенов, 1912, с. 173]. Не случайно впоследствии японские инженеры-проектировщики использовали многие композиционные приемы планировки Дальнего при реконструкции китайских городов Чанчуня, Шэньяна, Фушуня и других.

В целом следует отметить, что градостроительные и архитектурные успехи русских инженеров в Китае по достоинству были оценены японскими специалистами и, надо полагать, оказали опосредованное влияние на их творчество, особенно в период 1900-1930-х гг. Подтверждением пристального внимания к творчеству русских архитекторов в Китае может служить идея начальника строительного отдела Харбина Ватанабэ об организации в Харбине Общества инженеров-архитекторов всех народностей, населяющих Маньчжоу-Ди-Го. По идее этого японского инженера, такое начинание будет весьма полезным и приведет к сближению инженеров-архитекторов всех наций, обогатит их новыми зодческими идеями, почерпнутыми друг у друга.

Большой приток с волной эмигрантов специалистов вызвал их переизбыток, что приводило к сложностям в поисках работы. Вместе с тем широкое распространение в Маньчжурии частного труда способствовало созданию в Харбине и других городах огромного количества частных архитектурно-строительных фирм. С другой стороны, размах частного строительства обеспечивал многим работу по своей специальности. Таким образом, частная деятельность русских инженеров в Китае стала еще одним направлением их творчества. В этой области отметим таких архитекторов, как Жданов Ю.П., Мясковский А.А., Венсан С.А., Ярон А.И., Дориан Г.Г., Тустановский Б.М., Левитин И.Ю., Свиридов П.С., Смирнов Ю.В., Сафарьянц Л.С., Кораблев П.И.

В целях координации получения заказов и их распределения инженеры создавали Союзы и Общества, где выступали с сообщениями о своих достижениях и информировали об успехах архитекторов в передовых странах мира. Следует заметить, что по частным заказам часто проектировали и строили и те инженеры, которые занимались административной, научной или педагогической деятельностью. Крупные фирмы, безусловно, обеспечивали более стабильную работу, однако количество мелких фирм было преобладающим. Это мешало организации контроля за качеством строительства, поэтому в 1943 г. специальным правительственным постановлением была произведена реорганизация мелких частных строительных фирм путем слияния их в более крупные [Крадин, 2001, с. 82].

Еще одна важная сфера приложения труда архитекторов это их научно-педагогическая деятельность. Уже в первые годы после открытия политехнического института в него были приглашены в качестве педагогов (лекторов, руководителей проектирования и т.д.) многие архитекторы и инженеры. Это Бернардацци А.А., Щелков А.А., Козловский П.Ф., Барри В.А., Борейко Д.А., Дружинин С.Н., Ильин Ф.Ф., Кислицын Н.С. и другие крупные специалисты. С середины 1920-х гг. их ряды пополнили опытные архитекторы Свиридов П.С., Федоровский П.Ф., Осколков М.М., Дориан Н.Г. Обращает на себя внимание, что совмещение педагогической, научной и проектной деятельности давало прекрасные результаты. В процессе обучения многие педагоги, руководители

проектирования, приобщали наиболее одаренных студентов к выполнению реальных курсовых и дипломных проектов. В 1972 г., вспоминая своих педагогов-наставников, один из первых выпускников ХПИ Калугин Н.П. писал: “Это были русские инженеры, ставшие научными работниками, которые углубляли свой опыт, занимаясь научно-техническим трудом, и вне своей Родины фактически представляли русскую науку” [Калугин, 1973, с.8].

Анализируя активную и плодотворную деятельность русских архитекторов в Китае на протяжении первой половины XX в., можно сделать вывод о том, что именно в этот период произошло практическое знакомство азиатских стран (Китай, Япония, Корея) с русской градостроительной культурой. С другой стороны, деятельность русских инженеров в условиях азиатской культуры не могла не отразиться и на их собственном творчестве. Таким образом, взаимное влияние совершенно разных культур обогащало ту и другую, способствовало проникновению в Японию и Китай посредством русской архитектурной культуры общеевропейских достижений в области архитектуры и градостроительства, прежде всего эстетики модерна. Сохранившиеся до настоящего времени во многих городах Китая здания, построенные по проектам русских архитекторов и инженеров это зримые, осязаемые следы русской культуры, внедренной также и в стены ХПИ, а затем разнесенной его выпускниками не только по многим городам Китая, но и за его пределы. В заключение с сожалением можно констатировать, что лишь только в последнее десятилетие российскими исследователями началось изучение вклада русских инженеров и архитекторов в материальную культуру Китая.

Список литературы

Жиганов В. Русские в Шанхае. Шанхай: Слово. 1936. 330 с.

Калугин Н.П. Далекое близкое // Политехник. Сидней. 1973. №5, с. 5 - 8.

Крадин Н.П. Харбин – русская Атлантида. Хабаровск: Издатель А.Ю. Хворов. 2001. 352 с., 291 ил.

Семенов В. Планировка городов. М. 1912. 192 с.

Фетисова Л.Е. Место Дальнего Востока России в культурном пространстве Азиатско-Тихоокеанского региона // Азиатско-Тихоокеанский регион в глобальной политике, экономике и культуре XXI века: Материалы докладов Международной научной конференции. Ч. III. Хабаровск. 2002. С. 11 - 16.

Хабаровский государственный технический университет

БОНИСТИКА В ХАРБИНЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Бонистика - вид коллекционирования и одна из самых молодых исторических дисциплин. Она занимается изучением истории бумажных денежных знаков и их суррогатов. Не смотря на то, что бумажные деньги появились в Европе ещё в 17 веке, их научное изучение развилось только в 20 веке. То есть тогда, когда они стали играть основную роль в денежном обращении. До 20 века бонистика развивалась как направление в рамках нумизматики.

На наш взгляд, и сегодня процесс становления бонистики как самостоятельной исторической дисциплины ещё далёк от своего завершения. И об этом наглядно свидетельствует литература по отечественной бонистике: на сегодня львиная доля публикаций (в том числе и монографий) принадлежит не профессиональным исследователям – историкам или экономистам, а коллекционерам-любителям, не имеющим специального образования. Не умаляя заслуг этих авторов, активно и настойчиво ведущих исследовательскую работу, надо признать, что большинство публикаций страдает недостатками.

Ещё одним показателем незавершенности выделения бонистики в самостоятельную дисциплину является содержание учебников по вспомогательным историческим дисциплинам для высшей школы. В них учебный предмет "бонистика" не присутствует. Лишь отдельные эпизоды истории бумажных денежных знаков встречаются в курсе нумизматики. Исключение составляет учебное пособие Р.И. Тхоржевского "Отечественная бонистика", выпущенное в Тернополе в 1988 г.

В нашей стране первоначальный период становления бонистики как самостоятельного направления коллекционирования и как самостоятельной исторической дисциплины охватывает 1920-е годы. Тогда, после окончания Гражданской войны, на руках у населения осталось огромное количество бумажных денежных знаков. За период Гражданской войны в стране, было выпущено порядка 20 тысяч различных купюр центральных и местных выпусков как обязательного обращения (т.е. выпущенных какой-либо властью), так и необязательных - частных, выпущенных организациями и предприятиями [Глейзер, 1998, с. 11]. Особенно большое их количество появилось на Дальнем Востоке, ставшем последним оплотом Белого движения. По самым последним подсчётам количество разновидностей местных дензнаков, имевших хождение на российском Дальнем Востоке в период 1918-1924 гг. составляет более 2200 купюр [Боны Дальнего Востока, 2002].

Такое огромное разнообразие бумажных денег и их суррогатов породило бум коллекционирования в СССР. Этим видом собирательства были увлечены люди самого разного возраста во всей стране. Современные исследователи отмечают, что почти в каждой семье в эти годы был свой бонист.

Создавались первые советские общества коллекционеров. Выходило несколько периодических изданий, посвящённых вопросам бонистики. Стали проводиться всесоюзные выставки коллекций. Коллекционирование порождало первые исследования: атрибутирование и каталогизацию бон, изучение истории их появления и обращения. Многие издания 1920-х годов не утратили своей научной значимости и в настоящее время.

Государство во многом поощряло массовое увлечение бонистикой и извлекало из него немалую экономическую выгоду (в частности от продажи подборок коллекционного материала).

В дальневосточных городах, как и по всей стране, появились свои бонисты и общества коллекционеров. Среди бонистов-дальневосточников были известные люди, представители науки. Например, Николай Васильевич Кюннер – востоковед, профессор Восточного института - ГДУ, позднее профессор Ленинградского университета. Однако местных периодических изданий не выходило.

Не оказался в стороне от развития отечественной бонистики и Харбин, тогда ещё достаточно тесно связанный с советскими территориями. В нем, при Обществе изучения Маньчжурского края, сложилось общество коллекционеров, выпускались специальные издания. Члены этого объединения принимали участие и во Всесоюзных выставках коллекций, где их собрания получали высокие оценки [Глейзер, 1998, с. 12]. К сожалению, сегодня научной общественности почти ничего не известно об этом объединении бонистов.

Самой известной личностью из харбинских коллекционеров благодаря своим книгам стал Александр Ильич Погребецкий. Профессиональный финансист, сотрудник финансовых ведомств нескольких сибирских и дальневосточных правительств, он прекрасно разбирался в денежном обращении и историческом значении бон, выпущенных из обращения. А.И. Погребецкий написал несколько исследований о денежном обращении и деньгах дальневосточных стран. Наибольшую известность среди отечественных бонистов получила монография А.И. Погребецкого "Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока за период войны и революции (1914-1924 гг.). – Харбин, 1924.". В книге подробно рассматриваются политические и экономические причины изменений в местном денежном обращении, законодательство, регламентирующее денежное обращение, местные эмиссии дензнаков, рыночное соотношение между разными дензнаками, отношение населения к различным видам бумажных денег и многое другое. Издание снабжено иллюстрациями бон из личной коллекции А.И. Погребецкого. Труд написан хорошим литературным языком. Уже в 1925 г. книга получила заслуженное признание на Первой Всесоюзной выставке по филателии, бонистике и нумизматике – малую золотую медаль. Книга и сегодня пользуется популярностью и авторитетом среди бонистов. Подобного по объёму и скрупулёзности исследования не появлялось. Имя А.И. Погребецкого, как и некоторых других харбинцев, было включено в "Адресную книжку коллекционеров денежных знаков и бон, выпущенных на территории бывшей Российской империи. М.1925." [Глейзер, 1998, с. 113.]

Конечно, исследование А.И. Погребецкого не охватило всё разнообразие дальневосточных денег периода гражданской войны. В монографии представлено 540 бон. Последние издания восполняют этот пробел в части каталога, но не в анализе дальневосточного денежного обращения и его законодательной базы.

Несмотря на широкую известность работы А.И. Погребецкого и постоянные обращения бонистов к этому труду, мало, что известно о нём самом. Даже в новейшей энциклопедии русской эмиграции в Китае практически повторены те скудные сведения об этом человеке, которые приводятся в предисловиях к его трудам. Остаются неизвестными не только этапы его биографии, но и годы его жизни [Хисамутдинов, 2002, с. 190].

Мы можем с уверенностью констатировать тот факт, что в Харбине в 1920-е гг. сложилось и работало высокопрофессиональное общество бонистов, одним из ярких представителей которого был А.И. Погребецкий. Но, история деятельности этого общества, биографии бонистов, судьба их коллекций, библиография изданий пока, к сожалению, не стали предметом научного исследования ни для историков русской эмиграции, ни для бонистов.

Круг современных бонистов-дальневосточников очень узок. Научным поиском среди них занимаются единицы. Однако, если вспомнить то внимание, которое уделяло коллекционированию Советское государство в 1920-е г., и то, какой интерес сегодня у иностранных туристов вызывают старые дензнаки (и сколько их изымается таможенниками), и постепенное становление корпоративных коллекций, становится непонятным отсутствие внимания к теме у государственных научных и просветительских учреждений.

Интересно отметить, что сегодня продолжателями исследований А.И. Погребецкого зачастую становятся не профессиональные историки, а коллекционеры-бонисты не имеющие специального исторического или экономического образования. Например, составители каталога "Боны Дальнего Востока. 1917-1922 гг.". В тоже время, некоторые профессиональные исследователи занимаются лишь компиляцией работ А.И. Погребецкого и советских исследователей 1920-х годов [Слабнина, 2002]. Подобные статьи являются очень печальным и дискредитирующим учёных фактом.

Возможности для изучения темы имеются самые широкие, огромное количество источников ещё не введено в научный оборот.

Список литературы

Боны Дальнего Востока. 1917-1922 гг. Каталог с иллюстрациями. / Сост. Колосов Л.И., Наволочкин Н.Д, Чекунаев В.В. – Хабаровск: ХККМ им. Н.И. Гродекова, 2002. – 148 с.

Глейзер М.М. Бонистика в Петрограде – Ленинграде – Санкт-Петербурге. – СПб: Александр ПРИНТ, 1998. – 176 с.

Слабнина Л.А. Из истории денежного обращения на Дальнем Востоке в 20-е годы XX в. // Вглядываясь в прошлое: Дальневосточное общество в 1917 – 40-е годы XX в.: Сб. науч. стат. – Владивосток: ДВО РАН, 2002. – С.120-134.

Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Китае: Опыт энциклопедии. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. – 360 с.

*Дальневосточный государственный университет,
Владивосток*

СОХРАНЕНИЕ ТРАДИЦИЙ ПРАВОСЛАВНОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В РУССКОМ ХАРБИНЕ

В какой бы стране ни оказались по воле судьбы русские люди, они старались сохранить традиции своей национальной культуры, основу которой составляло православие, ставшее неотъемлемой частью их повседневной жизни.

В русском Харбине одной из традиций православной музыкальной культуры были церковные хоры. Значимость церковных хоров в духовной и культурной жизни русских позволяют представить воспоминания харбинцев, опубликованные как у нас в стране, так и за рубежом.

В 20 – 30 гг. XX в. в каждой из 22 церквей Харбина имелся свой слаженный церковный хор под руководством регента, сопровождающий песнопением ежедневные службы, праздничные молебны. [Коренева, 1979, с. 169]. Настоятели церквей уделяли большое внимание своему хору. Многие певцы-профессионалы получали жалование в среднем 25 – 30 юаней в месяц. Были в хоре и певцы-любители. Обладая хорошим голосом и занятые другой постоянной работой, они пели в хоре только по праздникам. За многолетнее пение в хоре певцы награждались Приходским советом грамотами и ценными подарками. [Троицкая С.С. 73, 2000. С. 3].

Для дополнительного заработка певцам хора разрешалось петь в опере, оперетте и светских концертах. За пение на требах (венчание и отпевание) хор получал вознаграждение.

Особенно много работы у хора было в первые дни Рождества и Пасхи, когда прихожане приглашали петь хор к себе домой, за что хор получал праздничный обед и денежную сумму, которую затем делили на всех [Троицкая, 2000, с. 3].

Для лучшего содержания церковных хоров в Харбине было развито попечительство. Попечителями хоров становились состоятельные люди. Так, попечителем хора Иверской церкви и церкви Дома милосердия «Всех скорбящих радость» был Г.Д. Антипас (? – 1932 гг.) – владелец спиртных и винных заводов в Харбине.

В 1920-е гг. в Св. Иоанно-Предтеченской церкви, находившейся в московских казармах, много лет попечителем хора был Е.А. Помилуйко [Хисамутдинов, 2000, с. 32 - 33]. В 1940-50-е гг. попечителем хора в Св. Николаевском соборе был член Приходского совета В.В. Кедров [Троицкая, 2000, с. 2]. К праздникам Рождества и Пасхи попечители выдавали денежные премии или покупали на личные средства подарки для певцов хора.

Постоянная работа регентов с хором развивала у певцов музыкальную грамотность, приучала петь по нотам с места, расширяла репертуар. Самые способные и одаренные из певцов навсегда связывали свою жизнь с духовной музыкой. Одни становились регентами (П.Ф. Распопов, В.И. Сумлевич, К.И. Павлючик, М.Н. Троицкий и др.), другим предлагалось принять сан диакона. Бывший певец П.Ф. Распопов с 1934 г. стал руководителем хора Николаевской церкви. После отъезда в США в 1962г. он возглавил хор Свято-Троицкого кафедрального собора в г. Сан-Франциско. [Хисамутдинов, 2000, с. 253].

В.И. Сумлевич (1910-1944 гг.), много лет певший в церковных хорах, стал регентом хора Дома милосердия. [Хисамутдинов, 2000, с. 297]. После его смерти эстафету регентства принял К.И. Павлючик (1922-1944 гг.), который с 11 лет пел в церковном хоре. Несмотря на то, что в 1942 г. закончил Северо-Маньчжурский Университет со званием кандидата коммерческих наук, он отдал предпочтение музыке. В 1943 г. получил музыкальное образование по классу пения и скрипки в Высшей музыкальной школе Харбина. В 1944 г., став регентом Дома милосердия, проработал на этом поприще 10 лет. Кроме того,

преподавал в музыкальной школе, руководил хором в Харбинском Политехническом институте, давал уроки русского языка китайским студентам, участвовал в постановках музыкальных коллективов Харбина. В 1956 г. с семьей выехал в СССР, в г. Новосибирск, где 30 лет руководил хором в Вознесенском кафедральном соборе. [Бутенко (Белявская), 2000, с. 30-32].

Примечательна судьба и другого известного в Харбине церковного певца, а затем регента М.Н. Троицкого (1903–1985 гг.). Он оказался в Харбине вместе с остатками Добровольческой Армии. Обладая хорошим голосом, он был принят в хор Свято-Иверской церкви, где пел более 10 лет. В 1952 - 1957 гг. руководил хором Свято-Никольского собора. Принимал участие в духовных и светских концертах, пел в опере и оперетте, выступал как певец-солист на радио. Одновременно изучал теорию музыки под руководством известного в Харбине регента и музыканта И.П. Райского. В 1958 г. М.Н. Троицкий с семьей уехал в Австралию, где руководил хором Свято-Никольского собора в г. Брисбене, там же с 1972 по 1984 гг. был регентом Свято-Благовещенской церкви. Кроме того, выступал как певец-солист в светских концертах, преподавал в церковной школе [Троицкий, 1998, с. 62].

Харбинским певцам, обладавшими сильными голосами (бас, тенор) предлагалось принять сан диакона. В Свято-Никольском кафедральном соборе Харбина протодиакон о. Николай Овчинкин и о. Семен Коростылев в молодости были церковными певцами. В Софийской церкви П. Вартминский, в Алексеевской Я. Петров, А. Бобров в Иверской церкви, С. Листов принял сан, находясь уже в Бразилии. А. Павлов стал диаконом в Сиднейском кафедральном соборе [Троицкая, 2000, с. 4]. Талантливые церковные певцы и регенты проявляли себя в ежегодных духовных концертах объединенных церковных хоров. Традиционно устраивались они на Рождество и Пасху, В Дни русской культуры и церковные праздники. Средства от концертов поступали на благотворительные цели: содержание приюта – убежища имени митрополита Мефодия для вдов, сирот и престарелых духовного звания.

Первый духовный концерт состоялся в новом здании Железнодорожного собрания, построенного в 1910 г. [Крадин, 2001, с. 240]. В роскошном зале на 1200 мест, с прекрасной акустикой выступил хор Софийской церкви под управлением Н.М. Воротникова, оставшегося в Харбине после окончания Русско-Японской войны, и по данным С.С. Троицкой, умершего в 1943г. [Троицкая, 2002, С.18]. Позже славились концерты хора Свято-Никольского собора под управлением Д.Я. Попова. В 1920 - 25 гг. большую популярность имел хор Иверской церкви под руководством В.С. Лукши, ученика известного русского церковного композитора А.А. Архангельского. После отъезда Лукши в 1939 г. в США хором руководил И.И. Райский [Коренева, 1979, с. 169].

В начале 1930-х годов популярным становится хор Алексеевской церкви. Регент хора И.А. Колчин (1893 – 1967 гг.) был почитателем русской национальной школы, управляя хором с 1921 по 1935 гг. В 1936 г. уехал в Шанхай, где им был основан мужской вокальный ансамбль. С 1940 г. Колчин проживал в США [Хисамутдинов, 2000, с. 163]. Был популярен хор Св.-Покровской церкви на Старом кладбище. Хором руководил Н.М. Беневоленский с 1941 по 1947 гг. [Троицкая, 2002, с.31].

Для проведения духовных концертов снимались самые большие залы Харбина: Железнодорожного и Коммерческого собраний, Чурина клуба, гимназии ХСМЛ, кинотеатров «Декаданс», «Атлантик» и др. В 1950-е гг. певчие любили выступать в Покровском храме Украинского прихода на Старом кладбище из-за его необыкновенной акустики. Ее секрет состоял в том, что под главным куполом, по периметру в круглой стене располагались в два ряда цилиндрические отверстия большего и меньшего диаметра [Мирандов, 2000, с. 2-3].

Репертуар церковных хоров был разнообразным. В первом отделении духовных концертов исполнялись непосредственно церковные песнопения, во втором – светские духовные произведения Гайдна, Моцарта, Баха, Рубинштейна и др. Особой любовью пользовались произведения русских церковных композиторов: Д. Бортнянского,

П. Чеснокова, А. Архангельского, А. Гречанинова, А. Костальского и др. Каждый год в октябре в Св.-Николаевском соборе, а затем и других церквях Харбина в годовщину смерти (25 октября 1893г.) великого русского композитора пели полную литургию П.И. Чайковского [Печерица, 1998, с. 13].

Памятным для харбинцев был духовный концерт 1938 г., посвященный 950-летию крещения Руси. Он состоялся в зале Железнодорожного собрания. Перед концертом и после него были прочитаны доклады на тему торжества. Концерт состоял из духовных песнопений объединенного хора Св.-Николаевского собора, Софийской и Иверской церквей. Хором дирижировали, сменяя друг друга, регенты И.П. Райский, И.М. Воротников, В.С. Лукаша. [Троицкая, 2000, с. 3].

Свой вклад в развитие русской хоровой культуры внесли харбинские регенты: И.П. Райский, Н.М. Беневоленский, И.М. Воротников, протоиерей П. Шиляев, П.Ф. Распопов, И.А. Колчин, В.В. Городилин, М.Н. Троицкий. Произведения последнего под названием «Песнопения из литургии» были изданы в США [Троицкая, 2000, с. 3].

Общественность Харбина по достоинству оценила деятельность регента И.П. Райского – церковного композитора и педагога. 7 - 8 апреля 1943 г. широко отмечалось 5-летие его творческой деятельности в к/т «Азия», который устроили Педагогический Совет и Родительский Комитет 2-й ВНШ (Высшей Начальной Школы). В программе звучали поздравления И.П. Райскому от школ, музыкантов, кружков. В концертном отделении приняли участие артисты, музыканты, певцы Харбина; и хор под управлением юбиляра исполнил марш «Госка по Родине», его сочинения. [ГАХК. ф.830.оп.1.№ 27].

Одной из форм деятельности церковных хоров были хоровые праздники. Устраивались они в храмах в честь святых. В Св.-Николаевском соборе такой праздник проводился в День Святого духа, в Софийской церкви – в День памяти Святого Романа Сладкопевца, в церкви Дома милосердия – в День Святого Иоанна Дамасского. [Троицкая, 2000, с. 4].

Уехав из Харбина, многие певцы и регенты продолжали свою деятельность в странах русского рассеяния. В. Лаптев, певший в хоре Иверской церкви, будучи подростком, стал регентом в Сиднее. Л.А. Приклонская много лет участвовала в церковных хорах Харбина, возглавила церковный хор в Сиднее. С.С. Троицкая в Харбине была певицей церковных хоров: сначала в Иверской церкви, а затем в Св.-Николаевском соборе, после того как регентом соборного хора стал ее муж, М.Н. Троицкий. Продолжала петь в церковном хоре в Брисбене. В начале 1960-х гг. вместе с мужем активно работала в обществе «Наука и искусство», организовывая культурные мероприятия для русской общины. С 1978 по 1991 гг. руководила хором при Русском общественном центре. [Троицкая, 1998, с. 64.]. Талантливый церковный регент Д.Я. Попов с 1952 г. продолжил свою деятельность в Бразилии.

Большое внимание православная церковь в Харбине уделяла музыкальному образованию молодежи. В 1927 г. при Иверском храме были открыты музыкальные курсы, целью которых было дать серьезное музыкальное образование иммигрантской молодежи за доступную плату. С 1927 по 1941 гг. курсы окончили около 900 человек. Среди выпускников были и китайские подданные. [Сумароков, 1942, с. 25]. Позже курсы были преобразованы в Высшую музыкальную школу. Дети с хорошими певческими данными пели не только в церковном хоре, но и могли продолжить свое музыкальное образование. Некоторые стали затем профессиональными певцами.

Вера Троицкая (дочь М.Н. и С.С. Троицких) с детства посещала вместе с родителями спевки хора, духовные концерты, впервые начала петь в хоре Свято-Николаевского собора. Свое первое музыкальное образование получила в Харбине (частные уроки, Высшая музыкальная школа), после отъезда продолжила его в Вене. В Австралии стала оперной певицей. [Троицкая В., 1995, с. 4 - 13]. Сергей Байгильдин в детстве пел в хорах Свято-Покровского храма и Свято-Николаевского собора в Харбине. Участвовал в оперных и опереточных спектаклях, исполнял на концертах романсы русских композиторов. С 1956 г. руководил хором Патриаршей церкви в Гонконге. В 1958 г. прибыл в Австралию, где

окончил консерваторию. В 1965 г. после завоевания первого приза в Сиднейском конкурсе певцов «Sun Aria» получил право на дальнейшее совершенствование пения в Европе. В Лондоне, Милане и Вене С. Байгильдин занимался с известными маэстро музыки и пения. За многие годы С. Байгильдин представлял русское исполнительское искусство на сценах Европы, Южной Африки и Австралии. В июле 2000 г. в Сиднее отмечалось 60-летие творческой деятельности певца. За долгое служение православной церкви Синод Русской православной церкви в Австралии наградил Байгильдина грамотой. [Шеломова, 2000, с. 83].

Никита Ямасита (по матери Русаков) ребенком пел в хоре Преображенской церкви Харбина. После 1953 г, когда все японские семьи были репатриированы в Японию, он закончил Токийскую консерваторию по классу вокала и стал эстрадным певцом. С 1966 г. выступал в мужском квартете «Ройял Найте». В 60-70 гг. этот ансамбль гастролировал в 40 городах Советского Союза, были даны более 400 концертов. Но навсегда в памяти Н. Ямасита сохранился последний воскресный вечер в Харбине, когда он солировал в Преображенском храме «Иные отпускаеми раба твоего, Владыко». [Ямасита, 2001, с. 4-5].

Соприкасаясь с историей культуры русского Харбина, понимаешь, как велико было значение деятельности церковных хоров в жизни русской эмиграции. Хоры не только объединяли русских людей вокруг православных традиций, отвлекая от тяжелой реальности жизни, но и развивали музыкальную культуру, сохраняли и приумножали на чужбине русское хоровое искусство, внесли свой вклад в развитие мирового композиторского и оперного искусства.

Список литературы

- Бутенко (Белявская) И.С.** Талант от бога // Русская Атлантида. Челябинск. № 4. 2000. С.30-32
- ГАХК.** ф.830.оп.1.№ 27. Генерал-майор Л.Ф. Власьевский директору 2-й Высшей начальной школы Биньи от 27 декабря 1943 г.
- Коренева О.** Концерты // Политехник. Сидней № 10, 1979. С 169.
- Крадин Н.П.** Харбин - русская Атлантида. Хабаровск: Издатель Хворов А.Ю, 2001-352 с.
- Мирандов А.** Покрой нас честным своим покровом // На сопках Манчжурии. Новосибирск. № 74, 2000. С.2-3.
- Печерица В.Ф.** Духовная культура русской эмиграции в Китае. Владивосток, 1998. С. 13.
- София Семеновна Троицкая** // Русские харбинцы в Австралии. Сидней. № 1, 1998. С. 64.
- Сумароков Е.Н.** XX лет Харбинской епархии. Харбин, 1942. С. 25.
- Троицкая В.** Воспоминания. Сидней, 1995. С.4 - 13.
- Троицкая С.С.** Харбинские духовные концерты // На сопках Манчжурии. Новосибирск №.73, 2000. С.3.
- Троицкая С.С.** Харбинская епархия ее храмы и духовенство. Брисбен: Изд-во Н.И. Дмитровского-Байкова, 2002. 98 с.
- Троицкий М.Н.** // Русские харбинцы в Австралии. Сидней. №1. 1998. С. 62.
- Хисамутдинов А.А.** Российская иммиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке. Владивосток, 2000. С.32-33.
- Шеломова Л.С.** Байгильдин // Русские харбинцы в Австралии. Сидней. № 2. 2000. С. 83.
- Ямасита Н.** Я каждый день на ночь молось // На сопках Манчжурии. Новосибирск. № 82. 2001. С. 4, 5.

АСТРОАРХЕОЛОГИЯ

ПОВЕЛИТЕЛИ ВРЕМЕНИ
(предназначение «*Bâton de Commandement*» в свете знаковых записей)*

У всякого портного
Свой взгляд на искусство!
Козьма Прутков

Вводные замечания и постановка проблемы

Отечественные публикации последнего десятилетия, посвященные древнейшему искусству, четко высвечивают основные тенденции изучения первобытного художественного творчества. Самым популярным стало, в частности, стремление анализировать *скопом* отдельные анималистические образы (см. для примера: [Любин, 1991; Демещенко, 1999]) и каноничные композиции из двух или более фигур (см. для примера: [Абрамова, 2001]). Желание подключить к анализу по возможности большее количество одних и тех же изображений стимулировалось, надо полагать, надеждой *интерпретировать образы*.

Итог, однако, оказался более чем скромным. Не оправдало себя, прежде всего, вещеведческого стиля восприятие объектов искусства – *своего рода подобиями артефактов тип-листов камневедов, классифицирующих орудия охотников и собирателей*. «Каталогизация» образов и сцен не привела к *доказательному раскрытию информации, скрытой за рисунками эпохи палеолита*. Такой результат породил сомнения в правильности «артефактного» взгляда на образы первобытного искусства и, как результат, определил разработку альтернативной методики анализа их и оценок [Ларичев, 1983; 1985; 1993а; 2002б].

Между тем, в те же классификационного порядка изыскания начали втягиваться самые сложные для понимания элементы раннего искусства – знаки (см. для примера: [Бледнова и Шер, 2001]). Они, как и образы, вырываются из контекста композиций и панно, а затем подвергаются «тусовке». Прок от такого стиля поиска оказался нулевым, ибо следствием его не стали *доказательные интерпретации знаков*. Более того, Н.С. Бледнова (основной, судя по теме ее кандидатской диссертации, автор упомянутой публикации) по завершении поиска усомнилась в том, к чему стремилась – решить такую, чрезвычайной сложности задачу:

«Подводя итог, можно поставить вопрос – а возможно ли вообще «прочтение» знаков в палеолитическом искусстве?» [там же, стр. 47].

Ответ предлагаю без колебаний:

невозможно, если и далее ориентировать искусствоведческую работу на переложения одного и того же – классификаций знаков А. Леруа-Гурана и его зарубежных комментаторов К. Мейлана, Ж. Сове и С. Сове;

невозможно, если даже автор, согласно стратегическим намерениям своим, когда-нибудь дополнит статью суждениями о знаках всех, кто высказывался о них, «начиная с Буше де Перта и Брокá» (не ясно – зачем делать это, если достижения упомянутых персон многократно рассматривались историками науки, а проку от того всякий раз не было никакого);

* Поиск поддержан Российским Фондом Фундаментальных Исследований. Проект 02–06–80094.

невозможно, если не сменить методику исследования и продолжать нацеливать научную деятельность на пересказы чужих мнений, и без того многократно «перелопаченных» как отечественными, так и зарубежными специалистами, но с тем же печальным итогом;

невозможно, если относиться пренебрежительно к «прочтениям» знаков, выходящих за пределы стандартных оценок их классификаторами (Н.С. Бледнова назвала сомнительными («практически непроверяемыми») расшифровки А. Маршаком знаковых записей).

Осмелюсь, однако, утверждать противоположное – «прочтение» палеолитических знаков

возможно, но лишь при альтернативной взглядам Н.С. Бледновой оценке интеллектуального и духовного уровня развития Homo sapiens ледниковой эпохи, а с нею и при альтернативном восприятии в целом сущности всего искусства палеолита;

возможно, но при некаталожной методике анализа образов его и композиций;

возможно, если ориентировать исследования не на реферирование чужих мыслей, а на силу своего разума;

возможно, при смене отношения к расшифровкам знаковых текстов под палеоастрономическим и палеокалендарным углами зрения в русле методики А. Маршака, который почти полвека назад начал прорубать (и доселе прорубает) путь исхода из джунглей изживших себя взглядов на искусство древнекаменного века [Ларичев, 1989].

Мой доклад призван в очередной раз продемонстрировать оптимальность использования новой методики изучения знаков и образов первобытного искусства, нацеленной на *доказательные интерпретации* их, а заодно и показать, что *классификационный стиль изучения искусства* не столь безобиден, как может показаться при поверхностных оценках его результатов. Он, странный стиль этот, узаконенный публикациями в почтенных изданиях, уводит специалистов на путь решения тривиального уровня задач и заводит поиски в тупиковые закоулки *игр в науку*. Стиль этот, ко всему прочему, небезобиден, ибо адепты его, отстаивая свои позиции, воинственно нетерпимы к инаковидению и инакомыслию.

Методические установки

При начале исследования особое значение приобретает удачный выбор объекта анализа. Так, знаковая запись на предмете искусства малых форм должна быть достаточно протяженной (т.е. содержать большое количество знаков), чтобы можно было провести соответствующее тестирование ее числовых блоков. Изучать следует подлинный объект или, в случае недоступности его, *рисунок, исполненный художником с максимально возможной точностью и отражением мельчайших деталей, для чего нужно использовать бинокулярный микроскоп, позволяющий рассмотреть и запечатлеть в графической копии даже едва различимые невооруженным глазом черточки и каверны*. Как раз эти технические установки, разработанные А. Маршаком четыре десятилетия назад, позволили осуществить прорыв в «прочтении» числовых знаковых текстов палеолита, которые он интерпретировал как *записи эволюций фаз Луны* [Marshack, 1970; 1972].

Знаковый текст можно, в определенных случаях, оценивать своего рода подписью, поясняющей назначение предмета, на поверхности коего гравировались строчки разного вида знаков (см.: [Ларичев, 1985; 1988; 1999]). Этот постулат и был задействован при написании серии статей, нацеленных на решение вековой давности проблемы – назначения так называемых «жезлов повелевания» или «*bâton de commandement*» [Ларичев, 2002б; 2002в; 2002г и настоящая публикация].

Источник

Изберем в качестве очередного объекта изучения жезл из Куэто де ла Мина (Астурия, Испания). Предмет этот датируется временем позднего мадлена (рис. 1). Исключительного разнообразия, тонкости и четкости знаковые записи на обеих поверхностях изделия максимально тщательно зафиксированы А. Маршаком в ходе работы с использованием

бинокулярного микроскопа [Marshack, 1972; см. стр. 214; первая публикация – Vega del Sella, 1916; см. табл. XXXIX : 2а, б и табл. XL]. Рисунки А. Маршака – добротного качества документы. Они отвечают самым строгим критериям, которые предъявляются к источниковым материалам. Именно так необходимо публиковать предметы искусства малых форм, а также образы и знаки искусства монументального, а не воспроизводить их «на глазок», для получения «общего впечатления». Иллюстрации «общего впечатления» не позволяют вести «прочтения» знаков и образов и потому, если на что и пригодны, то разве для справок о хранилище, где можно найти тот или другой предмет искусства (образец искусствоведения подобного стиля см.: [Абрамова, 1962])*

Какие возможности для творческой работы открыл источник, опубликованный А. Маршаком, демонстрируются далее.

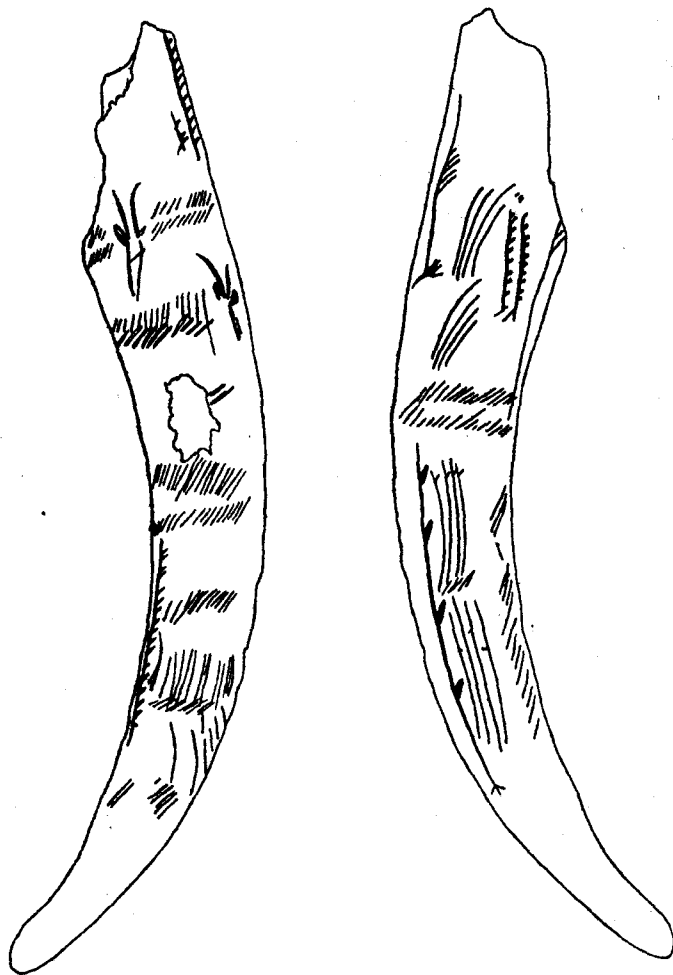

Рис. 1. Жезл из Куэто де ла Мина и его графический «орнамент» (по А.Маршаку)

Презентация знаков и методика их анализа.

Исследование начнем тривиально, как его всегда начинают классификаторы и как делал, согласно фантазиям А.С. Пушкина, ремесленник от искусства – Сальери, который музыку расчленив «как труп», а «звучи умертвив», поставил ремесло «подножием

* Излишне, думаю, особо подчеркивать очевидное – исследователь предмета искусства должен контролировать работу художника, организуя ее, обращая внимание копииста на мельчайшие детали художественного изделия, посвящая его, наконец, в общую стратегию своего изыскания.

искусства» [Пушкин, 1986; с. 442]. «Расчленим» в том же духе единый, как следует полагать, текст на жезле и проведем элементарную в простоте (т.е. в духе Н.С. Бледновой) классификацию знаков (рис. 2). Более всего среди них разного вида коротких, разной ориентации, ширины и глубины врезки черточек. Они образуют сравнительно длинные строчки (см. рис. 2, № 6–8; 10 и 19). Короткие черточки иногда группируются по 2 (рис. 2, № 9; 10, e; 16), по 3 (№ 12 (нижняя строчка) и № 19 (верхний отдел единственной вертикальной строчки)), а длинные, вертикально ориентированные – по 4 (№ 12, 17, 18) знака. Изредка встречаются одиночные, явно намеренно обособленные знаки (№ 5, a (рогоулька); 10, d; 19, u). Часть знаков примечательна наличием дополнительных деталей (№ 5, a); 8, б (крюк); 12, ж (рогоулька) и з; 19, u; см. также длинные, вертикально ориентированные линии – № 12 и 17). Изредка резная линия пересекает (будто зачеркивая) ниже размещенный знак (№ 7, в).

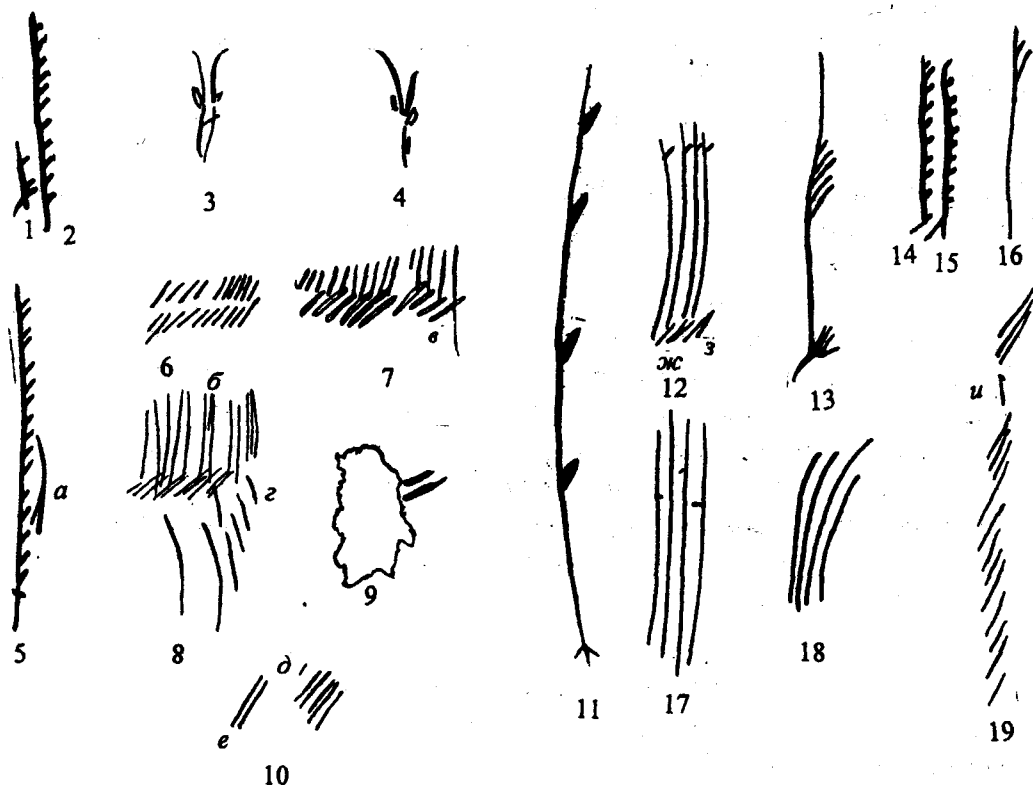

Рис. 2. Мотивы «орнамента».

Особо живописную группу составляют знаки, которые объединяют вертикально ориентированные линии. Они обычно воспринимаются искусствоведами ветвями растений, усеянных листьями (№ 2, 5, 11, 14, 15, 16). Исключительный интерес вызывают стилизованные изображения увенчанных рогами головы козлов (№ 3 и 4); летящая птица с коротким туловищем, крючковой головой и непропорционально длинным крылом, поднятым в замахе вертикально (аист, журавль, цапля, ибис? см. № 13) и, возможно, крайне схематичная, ориентированная головой вниз, фигура рогатого животного (бизон, бык? см. № 1).

Ограничимся сказанным. Более дробная классификация не имеет смысла, ибо, как свидетельствует печальный опыт, о коем говорилось в начале статьи, произвольно вырванные из контекста отдельные знаки и группы их не дают ни малейшего шанса на «прочтение» подобного вида текстов. Такой шанс дает лишь альтернативной направленности анализ составляющих его записей – *числовой*. Поэтому далее нужно, подражая опять-таки «изгою» Сальери, «поверить алгеброй гармонию», т.е., иначе говоря, *использовать в качестве ключа для расшифровки естественнонаучные методы, славные определенностью,*

конкретностью и точностью, лишенные главной беды гуманитарного стиля реконструкций – беспредела субъективных мнений интерпретаторов, которые привыкли полагаться в своих семантических «разборках» на так называемую «логику вещей» и «здравый смысл». Эта «поверка алгеброй» ставит конечной целью реконструкцию порядка считывания числовых записей жезла, который позволил бы, по прочтении их, внятно объяснить – что именно определяло в тексте позиции фигур животных, единичных или особого вида «графических» знаков и прочих озадачивающих непонятностью деталей. Объяснить, в конечном счете, фундаментально значимое в археологическом искусствоведении – скрытый смысл анималистических образов, включенных в числовой текст. Они, заметим, сами по себе олицетворяют числа, ибо фигуры их составляет совершенно определенное количество легко поддающихся учету графических элементов. Такое восприятие анималистических образов, включенных в знаковый текст, – принципиально важный методический постулат. Как показал опыт расшифровок подобного рода знаково-образных записей, неучет элементов, образующих анималистические фигуры, обрекает расшифровку на неудачу. Успех дает верный ключ к семантическим реконструкциям образов не только искусства малых форм, но и монументальной пещерной живописи, а также скульптур, барельефов и гравюр открытых святилищ.

Тестирование обособленных числовых блоков текста, количества знаков на каждой из двух поверхностей жезла в отдельности и общей суммы знаков предмета искусства.

На рис. 3 представлены результаты подсчета количества знаков в четко обособленных подразделениях «орнаментального» характера текста. Реконструкция допущена лишь одна – за начальный знак принято *отверстие*, которое обычно размещается на конце «*bâton de commandement*» (от этой части жезла сохранился лишь ничтожный участок).

При анализе числовых блоков обращает на себя внимание частая группировка знаков по 10 (6 случаев). Число это, так же как *трижды* зафиксированное 7 (в одном случае – это знаки, составляющие голову козла), *дважды* – 15, высоко календарно и астрономически значимы. В самом деле, 10 суток примечательны тем, что они кратны как *синодическому* (с большой точностью), так и *сидерическому* (с меньшей точностью) оборотам Луны:

$$10 \text{ сут.} : 29,5306 \text{ сут.} = 0,3385 \approx \frac{1}{3} \text{ син. лун. мес.};$$

$$10 \text{ сут.} : 27,32 \text{ сут.} = 0,3660 \approx \frac{1}{3} \text{ сид. лун. мес.}$$

Та же черта примечательна и для числа 7, но многозначительная в сакральной нумерологии семерка дает большую точность для *сидерического* оборота ночного светила:

$$7 \text{ сут.} : 29,5306 \text{ сут.} = 0,2370 \approx \frac{1}{4} \text{ син. лун. мес.};$$

$$7 \text{ сут.} : 27,32 \text{ сут.} = 0,2562 \approx \frac{1}{4} \text{ сид. лун. мес.}$$

Число 8 (в целостном виде зафиксировано лишь однажды), близкое 7, кратно синодическому обороту:

$$8 \text{ сут.} : 29,5306 \text{ сут.} = 0,2709 \approx \frac{1}{4} \text{ син. лун. мес.}$$

Высокая календарная и астрономическая значимость числа 15 хорошо известна. Такое число суток кратно *синодическому* обороту Луны, составляя период, близкий половине месяца:

$$15 \text{ сут.} : 29,5306 \text{ сут.} = 0,5079 \approx \frac{1}{2} \text{ син. лун. мес.}$$

Более скрытую календарно-астрономическую значимость скрывают в себе числа 2 и 3 (первое из них отражает количество суток невидимости Луны (период новолуния), а второе значимо как максимальный период невидимости Луны и как весьма характерный срок, в течение которого ночное светило наблюдается невооруженным глазом в одной и той же фазе – в обеих четвертях и в полнолунии).

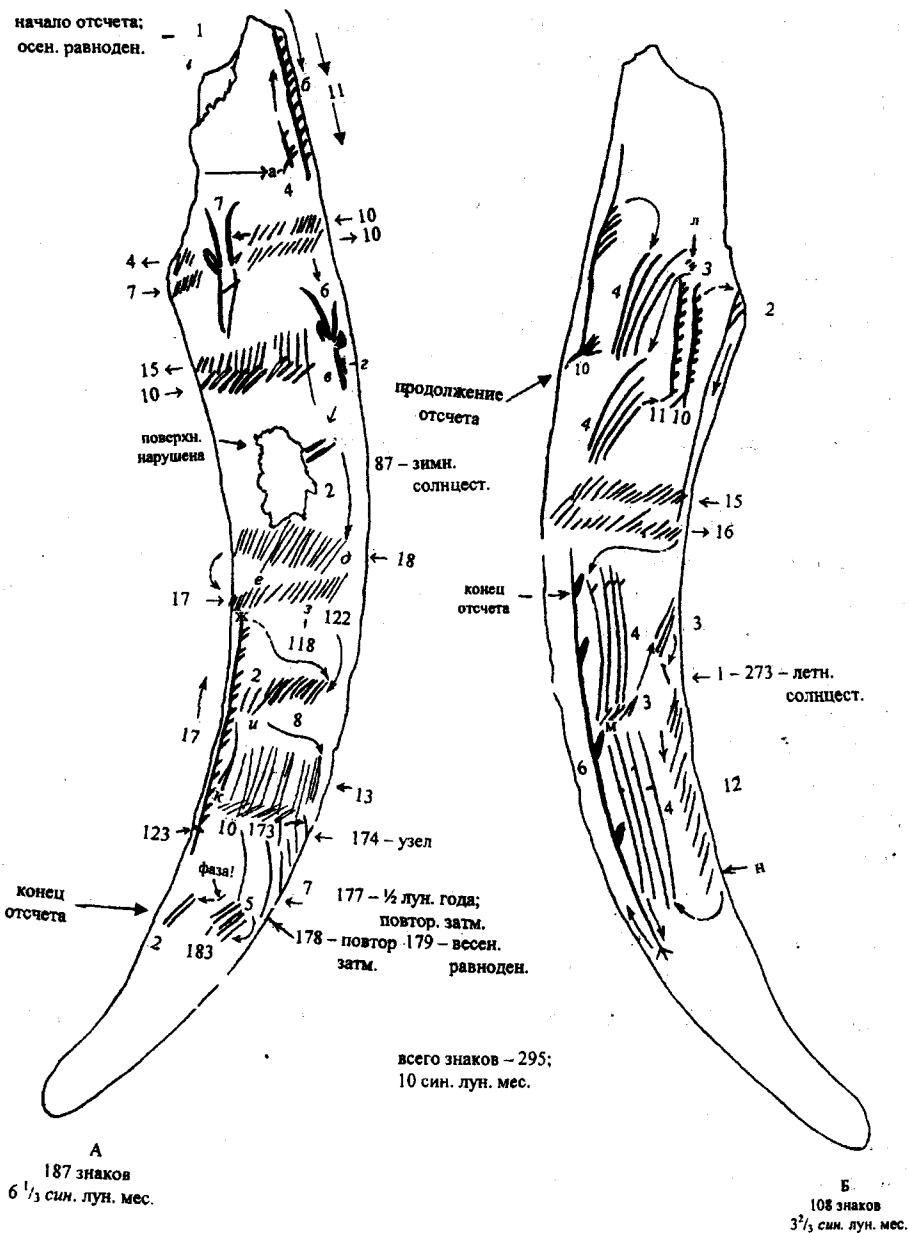

Рис. 3. Числовая идентификация знаково-образных записей и порядок считывания четко обособленных блоков текста

Еще менее известна календарная и астрономическая значимость еще двух чисел – 11 (зафиксировано в записях *дважды*) и 17 (зафиксировано тоже *дважды*). Эти числа в календаристике и астрономии сакральные, особо тайные. Они отражают длительность весьма специфических периодов прохождения светил в районе узлов лунной орбиты (точки пересечения пути Луны с эклипстикой, затменным путем Солнца), знание которых позволяло предугадывать (рассчитывать) моменты наступления затмений того и другого светила.

Разъясню сказанное:

если при сближении Луны с узлом своей орбиты (размещается на эклипстике) она в течение 11 суток окажется в фазе полнолуния, то может произойти затмение ее (11 суток – это половина так называемой *эпохи лунного затмения*, периода сближения ночного светила с маршрутом смещения Солнца);

если при сближении Луны с узлом своей орбиты она в течении 17 суток окажется в фазе новолуния, то может случиться затмение Солнца (17 суток – это половина так называемой *эпохи солнечного затмения*, периода сближения дневного светила с узлом орбиты Луны).

Помимо сказанного, 17-е сутки в синодическом лунном месяце считаются примечательными появлением первого признака ущерба диска ночного светила («печать смерти» Луны; это обстоятельство предопределило, согласно традиции, нелюбовь пифагорейцев к числу 17).

Поскольку большая часть остальных числовых блоков текста близка тестированным числам, отличаясь от 7, 11, 17 на 1 или 2, в сторону уменьшения или увеличения (6 (голова второго козла и ветвь), 12, 13, 16, 18), то календарный и астрономический характер отдельных групп знаков на обеих поверхностях жезла не может подлежать сомнению.

Для того чтобы утвердиться в правильности изложенного, протестируем количество знаков на каждой из сторон жезла в отдельности, а затем и общее их количество (см. рис. 3):

I – на стороне А запечатлено 187 знаков (с учетом отверстия), что близко длительности $6\frac{1}{3}$ синодических лунных месяцев (для точного соответствия недостает ≈ 1 сут.):

$$187 \text{ сут.} : 29,5306 \text{ сут.} = 6,3324 \approx 6\frac{1}{3} \text{ син. лун. мес.};$$

187 сут. примечательны также тем, что близкое количество суток включает в себя два астрономических сезона – весенний (время от весеннего равноденствия до летнего солнцестояния) и летний (время от летнего солнцестояния до осеннего равноденствия); современные астрономы определяют длительность периода от весеннего равноденствия до осеннего равноденствия равным 186,4 сут., а выдающийся античный астроном Гиппарх принимал его равным 187 сут.; иную длительность имеет период от осеннего равноденствия до весеннего равноденствия, по расчетам современных астрономов равный 178,9 сут.;

II – на стороне Б запечатлено 108 знаков, что близко длительности $3\frac{2}{3}$ синодических лунных месяцев:

$$108 \text{ сут.} : 29,5306 \text{ сут.} = 3,6572 \approx 3\frac{2}{3} \text{ син. лун. мес.};$$

III – всего на жезле запечатлено

$$187 + 108 = 295 \text{ знаков,}$$

что близко 10 синодическим лунным месяцам (для точного соответствия недостает $\approx 0,4$ сут.):

$$295 \text{ сут.} : 29,5306 \text{ сут.} = 9,9895 \approx 10 \text{ син. лун. мес.};$$

это число знаков отражает также длительность характерного сидерического цикла, равного 10 месяцам + эпоха лунного затмения (≈ 22 сут.):

$$295 \text{ сут.} : 27,32 \text{ сут.} = 10,7979 \approx 10\frac{4}{5} \text{ сид. лун. мес.},$$

$$\text{что есть } 10 \text{ сид. лун. мес.} + 21,856 \text{ сут.};$$

значимость числа 295, зафиксированного всеми знаковыми записями жезла, исключительно велико еще по одной причине – именно десятимесячный лунный календарь традиционно считается историками астрономии древнейшим европейским годовым календарем, сомнительная честь создания которого приписывается доселе Ромулу (подробности см.: [Ларичев, 2001]).

Сомнительная (мифическая) потому, что такой неточности календарь не мог существовать в столь позднее время, а великий Ромул, конечно же, не создавал его и не пользовался им в таком виде. Каким календарь мог быть в действительности, как раз и позволяет представить система годового счисления времени по Луне и Солнцу, изложенная языком знаков на жезле из Куэто де ла Мина. Эта система была создана жрецом палеолита более десяти тысяч лет назад, т.е. задолго до времени жизни легендарного вождя, основателя Рима.

Реконструкция порядка счисления знаковых записей, позволяющего отслеживать лунное время в течение 10 синодических лунных месяцев. Знаки, определяющие рубежи сезонов солнечного года и прочие ключевые моменты его.

Ограниченный объем публикации не позволяет изложить ход исследования со всеми вариантами преодоления трудностей, которые возникали в процессе расшифровки отдельных записей и текста в целом. Поскольку, однако, важен конечный результат поиска, то он и представлен со всеми фундаментальной значимости деталями на рис. 4 (см. выделение тех же ключевых позиций на рис. 3).

Количество знаков на поверхности А, 187 (см. рис. 3), точно определяющее временной период от весеннего равноденствия до осеннего равноденствия, казалось бы просто решает вопрос о том, с какого сезона следует начинать отсчет времени – конечно же, со дня весеннего равноденствия и тогда последний, 187-ой знак поверхности А определит сутки осеннего равноденствия. Однако, такое решение неверно и вот почему: в тексте на поверхности А две самые крупные и глубокие линии, размещенные *подчеркнуто обособленно на обширной, свободной от знаков поверхности А*, определяют 86-87 сутки от начала счисления (см. на рис. 3 позиции этих знаков), что *близко времени окончания осеннего астрономического сезона, а отнюдь не летнего или какого-либо иного (88-89 сут. – самый короткий из солнечных сезонов, примечательный уникальной особенностью – кратностью его лунным месячным циклам; великий Гиппарх определял длительность его равной $88 \frac{1}{8}$ сут., т.е. почти столько же, сколько при последовательном считывании записей фиксирует нижний знак обращаящей на себя внимание двоицы)*. Это обстоятельство однозначно предопределяет вывод о том, что счисление времени в счетной системе жезла начиналось с осеннего равноденствия.

Порядок считывания блоков, представленный в верхней части рис. 4, позволяет четко фиксировать фазы Луны по алгоритму

59 → 29 → 59 → 29 → 10,

ибо блоки эти есть классической продолжительности *синодические периоды*, равные, соответственно,

2 → 1 → 2 → 1 → $\frac{1}{3}$ месяцам.

Если год начинался с появления на Небе полной Луны *начала осени* (осеннее равноденствие; символ его – *круглое отверстие* на широком конце жезла, которое в целом виде не сохранилось), то вот какая последовательность явления фаз ожидалась в конце счисления каждого из 5 крупных блоков текста, когда приближался канун *весеннего равноденствия* (см. на рис. 4 верхний отдел):

○ → ○ → ○ → ○ → ◐

Что касается семантики образов животных, связанных с записями двух первых месяцев лунного года (см. на рис. 4 первый блок 59), то здесь важна связь суток полной и с первыми признаками ущерб Луны с рогом (см. литеру а) и остальными 3 знаками схематичного изображения *бизона*; суток полной и с первыми признаками ущерб Луны – с *головой крупного козла* (самец?); а суток приближения к полнолунию и самого полнолуния – с *головой малого козла* (самка?). Отсюда следует вывод – два первых животных *определяли знаково-образно как полнолуние, так и начало смерти ночного светила (ущерб диска)*, а третье, малый козел, рост диска до полнолуния и само полнолуние, что означало *обретение животным наибольшей жизненной силы накануне неотвратимого начала отхода в небытие (ущерб)*.

В заключение характеристики первого блока 59 обратим внимание на то, что первая, *предшествующая длинному знаку черточка* блока 10, расположенного выше головы малого козла (см. рис. 3), есть 45-е сутки от начала счисления (см. рис. 4) и, значит, *≈ на сутки те приходилось новолуние*. Я отмечаю такой факт вот почему: без календарного аспекта объяснить почему далее размещалась *длинная* в начале блока 10 черточка невозможно. Она, как следует полагать, *подсказывала* календаристу важнейшее событие – *короткий* знак левее ее определяет сутки *новолуния* (при такой оценке *длинная черточка* воспринимается как

своего рода *шлагбаум*, отделяющий одну часть лунного месяца от другого). Все это свидетельство *неслучайности вариаций* длины знаков, что лишний раз подтверждает необходимость точной фиксации деталей любого из знаков, ибо как раз *детали* заключают в себе дополнительную информацию большой значимости.

Порядок считывания блоков стороны А, представленный в верхней части рис. 4, позволяют четко фиксировать следующие особо значимые моменты лунного и солнечного годов:

1 – два *крупных* и *глубоко врезанных* знака (86–87 сут.), размещенных *обособленно* посреди пространства, лишённого иных знаков, *определяли, судя по всему, сутки зимнего солнцестояния* (повторюсь, вследствие важности момента, – по расчетам современных астрономов зимнее солнцестояние наступает на $88 \frac{1}{8}$ сут. после осеннего равноденствия, а по расчетам Гиппарха – на 87-е сутки);

2 – начало строчки 17 (см. литеру ж), *чуть заходящую за левый край жезла*, есть рубеж периода, *равного количеству знаков, размещенных на другой стороне жезла* – 108, что трудно не воспринять фактом знаменательным; это цикл, кратный синодическому обороту Луны:

$$108 \text{ сут.} : 29,5306 \text{ сут.} = 3,6572 \approx 3 \frac{2}{3} \text{ син. лун. мес.};$$

обратим также внимание на то, что как раз *в сторону* литеры ж ориентирован верхний конец ветви 17, размещенной ниже; не указывает ли он, конец этот, на особую значимость знаков начала строчки 17?;

3 – знак з той же строчки, *расположенный непосредственно ниже знака д строчки 18*, что находится выше, определяет 118-е сутки текста, то есть рубеж $\frac{1}{3}$ лунного года:

$$118 \text{ сут.} : 29,5306 \text{ сут.} = 3,9958 \approx 4 \text{ син. лун. мес.};$$

тут впору вновь обратить внимание на *великую значимость деталей записи, вызывающих к максимальной точности копирования «орнаментального» текста*; важно, как видим, обращать внимание и на композиционную взаимосвязь знаков соседних, расположенных друг над другом строчек текста (см. позиции черточек д и з в блоках 18 и 17);

3 – *последний, самый длинный* знак все той же строчки 17 определяет 122-е сутки от начала счисления, что есть рубеж $\frac{1}{3}$ солнечного года:

$$365,242 \text{ сут.} : 3 = 121,7473 \approx 122 \text{ сут.};$$

выходит, опять простая, кажется, деталь (большая величина финального знака строчки) оказывается весьма значимой;

4 – первый (*горизонтально ориентированный!*) знак ветви 17 определяет 123-е сутки от начала счисления, что есть $4 \frac{1}{2}$ *сид.* лун. мес.:

$$123 \text{ сут.} : 27,32 \text{ сут.} = 4,5021 \approx 4 \frac{1}{2} \text{ сид. лун. мес.};$$

5 – обращает на себя внимание группа из 7 длинных, широких и глубоких, вертикально ориентированных линий в зоне нижнего конца жезла (см. рис. 3, а также рис. 4):

а – первый и второй из них определяют 173–174 сутки от начала счисления, что есть *рубеж половины драконического (затменного!) года, момент прохода Солнца через узел лунной орбиты*;

обращает на себя внимание примечательная деталь – 173-й знак *перечеркнут* на верхнем конце двумя последними, косо ориентированными знаками выше расположенной строчки 10 (это сутки сближения Солнца с узлом лунной орбиты):

$$346,62 \text{ сут.} : 2 = 173,31 \text{ сут.};$$

б – 5-й знак этой семерки (см. 173), который, как и второй знак (см. 174), *соприкасается с краем жезла*, определяет *рубеж половины лунного года от начала счисления*:

$$354,367 \text{ сут.} : 2 = 177,1835 \text{ сут.};$$

эти сутки, помимо того, как и следующие – 178-е, которые определяют *очередной, весьма крупный, знак, чуть отодвинутый от края*, особо значимы вот почему – на них *может прийти повтор лунного затмения, что наблюдалось полгода назад* (современные

астрономы называют именно такой срок для возможного повтора затмений – 177–178 сут.; подробности см.: [Ларичев, 1993]);

в – последний знак этой воистину *великолепной семерки* есть 179, самый длинный знак; он определяет момент весеннего равноденствия (напомню – по современным расчетам интервал от осеннего равноденствия до весеннего равноденствия составляет 178,9 сут.; Гиппарх считал, что этот период длится 178 ¼ сут.);

5 – предпоследний знак блока 5 (см. 183), определяет *рубеж половины солнечного года*:

$$365,242 \text{ сут.} : 2 = 182,62 \text{ сут.};$$

6 – самый малый знак 1 (см. слово-*фаза!*) определяет сутки, когда в Небе наблюдалась четверть умирающей Луны (после знака 177, знаменующего полнолуние, это 8-ые сутки);

7 – принятый порядок считывания *позволяет раскрыть семантическую значимость значка, имеющего вид рогульки – обращенный рогулькой вверх знак и, финальный в строчке 8, определяет сутки полнолуния, а обращенный рогулькой вниз знак к, финальный в строчке 13, – сутки новолуния.*

Столь детальная презентация отдельных, особой важности знаков стороны А призвана подчеркнуть следующее:

в палеолитическом тексте нет случайностей (небрежностей); вид знаков, длина их, расстояние между ними, позиции их в строчках записей, группировка и прочие детали заключают в себе весомый информационный контекст; задача интерпретатора заключается в том, чтобы уловить его, прояснить и перевести числовое, графическое и позиционное «повествование» в привычное для восприятия изложение.

Обратимся теперь к знаковым записям на поверхности Б. На ней размещено 108 знаков. Считывание их в представленном на рис. 4 порядке позволяет легко отследить фазы Луны, ибо *именно так сгруппированные и в таком порядке размещенные блоки составляют периоды, кратные синодическим оборотам Луны* (алгоритм здесь иной, чем в тексте на поверхности А):

$$29 \text{ (вместе с 10 зн. стороны А)} \rightarrow 59 \rightarrow 30,$$

что есть, соответственно,

$$1 \rightarrow 2 \rightarrow 1 \text{ месяцев,}$$

а по фазам

$$\bigcirc \rightarrow \bigcirc \rightarrow \bigcirc$$

Из сказанного следует вывод – период, длительность которого в записях на обеих сторонах жезла составляли $187 + 108 = 295$ сут. (≈ 10 син. лун. мес.), завершился сутками кануна полнолуния. Следовательно, само полнолуние должно было при начале второго прохода по знакам стороны А *прийтись вновь на круглое отверстие жезла, начальный знак счетной системы:*

$$(295 \text{ сут.} + 1 \text{ сут.}) : 29,5306 \text{ сут.} = 10,02350 \text{ син. лун. мес.},$$

что есть свидетельство правильности прочтения знакового текста в целом *Круглое отверстие жезла можно, следовательно, воспринимать символом полной Луны.*

Считывая строчки знаковых записей стороны Б в предлагаемом порядке, обратимся опять к наиболее значимым моментам:

1 – важнейший из них – начальный блок 10, связанный со схематичной фигурой то ли цапли, то ли журавля, то ли ибиса (см. на рис. 4 нижний отдел, блок 10, размещенный на левом крае); птицы эти перелетные и лучшего анималистического образа начала весеннего астрономического сезона трудно вообразить; на знаки ибиса при счислении первого лунного года придется последние сутки наблюдения серпа «умирающей» Луны на Востоке, ночи новолуния и первые сутки наблюдения серпа «возрожденной» Луны на Западе;

2 – *одиночный* знак 273 от начала счисления (см. на рис. 3 и 4 соответствующую позицию); этот заметный (*одиночный, с миниатюрным крючком на верхнем конце*) знак точно определяет момент *летнего солнцестояния* (по расчетам современных астрономов

осеннее равноденствие отстоит от летнего солнцестояния на 88,7 сут. (астрономич. осень) + 90,2 сут. (астрономич. зима) + 94,1 (астрономич. весна) = 273 сут.);

попутно заметим – число 273 календарно-астрономически чрезвычайно высоко значимо, ибо оно составляет

$$273 \text{ сут.} : 365,242 \text{ сут.} = 0,7474 \approx 3/4 \text{ солн. года};$$

≈ 10 сидерических лунных месяцев –

$$273 \text{ сут.} : 27,32 \text{ сут.} = 9,9926 \approx 10 \text{ сид. лун. мес.};$$

$\approx 9 \frac{1}{4}$ синодических лунных месяцев –

$$273 \text{ сут.} : 29,5306 \text{ сут.} = 9,2446 \approx 9 \frac{1}{4} \text{ син. лун. мес.};$$

этот цикл отражает усредненный период беременности женщины, четко зафиксированный и в знаковых записях на объектах искусства малых форм палеолита Сибири (Ларичев, 1985);

этот цикл отражает также знаменательный период синодического оборота Венеры, близкий циклу беременности женщины – от последнего восхода планеты на Востоке перед верхним соединением ее с Солнцем до стояния и начала попятного смещения на Западе перед нижним соединением «Красы Небес» с дневным светилом (по расчетам современных астрономов циклакой продолжается ≈ 272 сут.);

тут уместно заметить, что связь этого *одиночного весьма своеобразного вида знака* Б со столь знаменательными сутками года подтверждает правильность решения *начинать счисление времени с осеннего равноденствия*; ведь если начать год с равноденствия весеннего, то этот знак *не отразит с должной точностью момент зимнего солнцестояния*, который отстоит от начала весны на 275 суток (94,1 + 92,3 + 88,7 сут. = 275,1 сут.);

3 – знак *м* с рогулькой вверху в блоке 3 определяет сутки, близкие полнолунию или совпадающие с ним;

4 – некоторые, привлекающие внимание группы знаков или отдельные знаки стороны Б определяют рубежи периодов, которым, видимо, придавалось особое значение в палеолитической календаристике, а значит, *в культурах, обрядах и ритуалах* (см. на рис. 4, нижний отдел, позиции соответствующих чисел):

$$205 \text{ сут.} : 27,32 \text{ сут.} = 7,5038 \approx 7 \frac{1}{2} \text{ сид. лун. мес.};$$

$$206 \text{ сут. (литера л; первый знак блока 3)} - \text{рубеж } 7 \text{ син. лун. мес.};$$

$$206 \text{ сут.} : 29,530 \text{ сут.} = 6,9758 \approx 7 \text{ син. лун. мес.}$$

$$229 \text{ сут.} : 29,5309 \text{ сут.} = 7,7546 \approx 7 \frac{3}{4} \text{ син. лун. мес.};$$

$$229 \text{ сут.} : 27,32 \text{ сут.} = 8,3821 \approx 8 \frac{1}{3} \text{ сид. лун. мес.};$$

$$232 \text{ сут.} : 27,32 \text{ сут.} = 8,4919 \approx 8 \frac{1}{2} \text{ сид. лун. мес.};$$

$$246 \text{ сут.} : 27,32 \text{ сут.} = 9,0043 \approx 9 \text{ сид. лун. мес.};$$

$$247 \text{ сут.} : 29,5306 \text{ сут.} = 8,3642 \approx 8 \frac{1}{3} \text{ син. лун. мес.};$$

$$265 \text{ сут.} : 29,5306 \text{ сут.} = 8,9737 \approx 9 \text{ син. лун. мес.}$$

Обратим внимание на то, что нижний конец стебля блока 2 (см. рис. 3 и 4) *пересекает* знаки начала блока 15 (см. 232), и отделяет два последних знака блока 16 от остальных знаков (см. 260); эта деталь – указание, быть может, на следующие соотношения:

$$232 \text{ сут.} : 27,32 \text{ сут.} = 8,4919 \approx 8 \frac{1}{2} \text{ сид. лун. мес.};$$

$$260 \text{ сут.} : 27,32 \text{ сут.} = 9,5168 \approx 9 \frac{1}{2} \text{ сид. лун. мес.};$$

$$260 \text{ сут.} : 29,5306 \text{ сут.} = 8,8044 \approx 8 \frac{4}{5} \text{ син. лун. мес.};$$

дробная часть 9-го синодического месяца, $4/5 = 23,6244$ сут., близка эпохе лунного затмения, о чем, возможно, и призван был напомнить нижний конец стебля блока 2, сближенный с финальными знаками строчки 16; это замечание вновь свидетельствует о великой значимости деталей знака, ибо лишь астрономия и календари могут объяснить – почему стебель блока 2 столь длинный и почему нижний конец его пересекает начальные знаки строчки 15 и указывает нижним концом своим на пространство, отделяющее 2 финальных знака блока 16 от остальных.

Итак, на двух сторонах жезла из Куэто де ла Мина представлена строго соотнесенная с лунными эволюциями запись десятимесячного календаря. Создание такой продолжительности годового календаря историки европейской астрономии традиционно приписывают основателю Рима – Ромулу (VII в. до н.э.) и при том, следуя Овидию, негодуют по части «ужасающей неточности» системы счисления времени воителем:

Распределив времена, основатель города Рима

Установил отмечать дважды пять месяцев в год.

Видно, война тебе ближе была, чем светила:

Больше всего побеждать ты ведь соседей желал...

Думаю, специалисты возводят на Ромула сущую напраслину, ибо такой календарь не мог существовать в реальности. Он, как и календарь из Куэто де ла Мина, конечно же, дополнялся двумя месяцами, сведения о чем ко времени жизни Овидия память человеческая не сохранила.

Реабилитируя Ромула, восстановим историческую справедливость:

на примере счетной системы, отстоящей от эпохи знаменитого полководца на добрые полтора десятка тысячелетий, продемонстрируем предельно наглядно – как достигался истинный рубеж лунного года.

Реконструкция порядка счисления недостающих до полного лунного года месяцев. Семантика образов бизона и козлов.

Простейший шаг в решении поставленной задачи – по завершении «прочтения» знаков на стороне Б возвратиться к «прочтению» 8 начальных блоков стороны А, поскольку общее число знаков в них как раз и отражает длительность двух синодических лунных месяцев – 59 суток (см. рис. 4):

$$295 \text{ сут. (общее число знаков на жезле)} + 59 \text{ сут.} = 354 \approx 354,367$$

сут.,

что и есть годовой лунный период.

Такой ход в реконструкции (см. рис. 3 и 4) открывает новые возможности для семантических оценок образов бизона (а – 297 сут.) и двух козлов, последние знаки коих придутся на 328 сут. и 354 сут. (без учета г):

1 – рог бизона при начале отсчета двух дополнительных синодических лунных месяцев совпадет с днем начала ущерба Луны (*бизон – символ умирающей Луны*);

2 – значимость первого козла весьма возрастет, если знать календарно-астрономическую весомость 328 суток; *этот период отражает длительность так называемого звездного года*, т.е. 12 оборотов Луны на фоне звезд (*сидерические*, т.е. звездные месяцы, реальной продолжительности месячные обороты ночного светила вокруг Земли, а не относительно Солнца):

$$328 \text{ сут.} : 27,32 \text{ сут.} = 12,0058 \approx 12 \text{ сид. лун. мес.};$$

итак, выходит, первый козел отражает не только символику полной и ущербной Луны (на знаки его при первом проходе пришлось сутки полнолуния начала «умирания» ночного светила), но также символику звездного года при счислении двух дополнительных месяцев (финал звездного года точно приходится на 7 знаков, определяющих рисунок головы козла);

отметим далее высокую значимость самой короткой черточки, предшествующей длинной в конце блока 10; именно на этот знак приходится 348-е сутки от начала счисления времени, что есть рубеж, близкий финалу драконического (затменного!) года:

$$348 \text{ сут.} \approx 346,62 \text{ сут.};$$

3 – значимость второго козла очевидна – на знаки, определяющие контур головы его (исключая г), *приходятся сутки финала лунного года*, символом коего он, надо полагать, и выступал; но на финальный знак приходилось, естественно, и полнолуние; отметим в заключение особую значимость самой короткой и тонкой черточки г – *она напоминала жрецу о дробной части суток финала лунного года (0,367 сут.)*.

Из всего этого и следует исходить, раздумывая над семантикой образа козла в палеолитическом искусстве.

Реконструкция системы счисления времени по Солнцу. Семантика образа ибиса. Особая значимость головы первого козла.

Возможны варианты выравнивания лунного и солнечного течения времени в явно лунно-солнечного характера счетной системе жезла (в ней со всей очевидностью *отражено стремление отслеживать фазы Луны и, одновременно, кардинальные моменты астрономических сезонов*). Перебор вариантов привел к заключению принять традиционный в календаристике способ – *считывать последовательно, один за другим, 3 лунных года* (т.е. завершать их при интеркаляции двух дополнительных месяцев на знаках головы малого козла, исключая знак *г*, который подключался к счету лишь в последний, третий (високосный!) лунный год), *а затем интеркалировать в счетную систему 34 дня, что и позволит, по существу, идеально точно сравнить лунное время с временем солнечным*:

$$(354 \text{ сут.} \times 3) + 34 \text{ сут.} = 1096 \text{ сут.};$$

$$1096 \text{ сут.} : 365,242 \text{ сут.} = 3,000750 \approx 3 \text{ солн. года.}$$

Выгоды такого шага очевидны, ибо он позволяет *закрепить за одними и теми же знаками счетной системы совершенно определенные (ожидаемые) фазы Луны* (главное в лунном календаре). Что касается позиций равноденствий и солнцестояний, то смещение их при счислении второго и третьего лунных лет явно *предусматривались творцом календаря, ибо они каждый раз приходились на характерного вида знаки* (сдвиг кардинальных моментов года определяли ≈ 11 суток, на кои отличается длительность лунного и солнечного годов:

$$365,242 \text{ сут.} - 354,367 \text{ сут.} = 10,875 \approx 11 \text{ сут.}).$$

Разъясню сказанное на примере счисления второго лунного года. Отслеживание очередного цикла времени начиналось, естественно, с того же знака – с округлого отверстия на конце жезла. С ним, как и год назад, совмещались сутки полнолуния. Отличие заключалось, однако, в том, что знак этот на сей раз *не символизировал день осеннего равноденствия*. Объяснение тому простое – лунный счет времени отстал к моменту начала счисления второго лунного года \approx на 11 суток. Поэтому осеннее равноденствие определит знак *б* ветви 11, размещенной правее и чуть выше хвоста бизона. Позиция *б* *приметная*, – знак этот размещается *как раз посередине счетной системы 11* (5 знаков размещаются выше его и столько же ниже).

Такого же порядка смещение кардинальных моментов солнечного года происходило и далее:

1 – *зимнее солнцестояние* сместится от нижнего знака блока 2 (см. позиция 87) на самую длинную черточку соседнего блока 18 (см. литеру *е*; теперь становится *понятным – почему она в этом блоке самая длинная*);

2 – *весеннее равноденствие* определяют знаки головы и туловища ибиса; *птица от такого смещения превратится в символ начала наступления весны* (провозвестник весны!); напомним – в предшествующем году ибис символизировал период, который следовал за *весенним равноденствием*;

3 – *летнее солнцестояние* (см. позиция 273) сместится на *последний знак* блока 12 (см. литеру *н*).

Принцип этот прост и потому предоставляю читателю возможность самому проследить смещение тех же позиций в третьем лунном году.

В заключение остается объяснить – как производилась интеркаляция 34 суток в конце третьего лунного года. Тут возможны варианты. Я предлагаю наиболее простой и рациональный, с моей точки зрения:

после завершения счисления третьего лунного года на все тех же знаках второй головы козла, но теперь с учетом знака *г* (лунный високос!), далее считывание велось в обычном (как делалось при завершении двух предшествующих лунных лет) порядке, т.е. начиналось с отверстия, а далее велось по знакам

$$4 \text{ (бизон)} \rightarrow 11 \rightarrow 10,$$

но заканчивалось на 7 знаках головы большого, а не на 5 знаках малого козла.

В таком случае интеркаляция, нацеленная на выравнивание лунного счета времени с временем солнечным в третьем лунном году, как раз и составит искомые 34 дня:

$$z + 1 \text{ (отверстие)} + 4 + 10 + 7 = 34.$$

Последние сутки солнечной интеркаляции (от начала счисления трехлетия – 1096-е) определял, надо полагать, косо ориентированный знак, который отделяет черепную часть головы большого козла от нижнего отдела ее («шлагбаум»!). Итак, изображение головы большого козла символизировало при последней интеркаляции совмещение (слияние воедино) лунного и солнечного Времени, финал солнечного трехлетия, солнечное Время, а значит, и само Солнце.

Функциональное назначение жезла

Оно было неоднозначным. Знаковые записи на нем позволяли жрецу отслеживать время, лунное и солнечное, подразделения коего определяли, конечно же, череду хозяйственных и культово-обрядовых действ. Обладание жезлом превращало его в глазах соплеменников в «Повелителя Временем», ибо никто не мог с такой точностью предсказывать последствия бесконечного истечения его, которое сопровождалось ритмами природных перемен, а с ними и чередований человеческих деяний. В этом контексте жрец был и «повелителем» всего происходящего в стойбище и в качестве такового не мог не вызывать трепетного уважения, а быть может, и страха.

Жезл мог использоваться также в церемониях, связанных, положим, с уходом в «Мир иной» умерших соплеменников (некое, быть может, подобие древнеегипетских «жезлов отверзания уст и очей», увенчанных головами барана или змеи). В этой связи напомним о возможном воплощении в жезле скульптурного изображения головы птицы, подобной той, что воплощена в схематичной гравюре на стороне Б (для сравнения см. жезл из Масса, который представляет собой скульптурное изображение головы ибиса или журавля [Ларичев, 2002а и в]; что касается семантики козлов, то см. жезл из Ле Плакар с навершием, представляющем собой голову козла [Ларичев, 2002]).

Жезл использовался, возможно, и в качестве гномона, инструмента отслеживания полуденной тени в разные сезоны года, как, надо полагать, было и в случае «командирских жезлов» из Масса и Ле Плакар. Отверстие на широком конце изделия позволяло с особой точностью замерять длину тени.

Краткое заключение

Итог расшифровки знакового текста жезла из Куэто де ла Мина в очередной раз подтвердил высокий уровень астрономических знаний палеолитического жречества. Включение в структуры записей *числового характера образов* бизона, козлов и птицы, *тесно увязанных с Временем*, приобрело исключительное значение для решения ключевой проблемы палеолитического искусства – *доказательной* интерпретации его образов и знаков в искусстве малых форм, а через него – в монументальном искусстве открытых святилищ и в живописи святилищ закрытых (пещерных). Стала, в частности, очевидной связь образов бизона, козла и перелетной птицы типа журавля с Луной, Солнцем и звездами, с фазами ночного светила, с рубежами сезонов, с началом и финалом лет лунных, звездных и солнечных, т.е. с явлениями временными, пространственными, а значит, в глубинной основе, космическими.

В образах этих и строчках графических (числовых!) знаков, образующих тексты своеобразной письменности, зафиксированы знания предка в области точных наук (астрономия и календаристика). За ними просматриваются также особо значительное – постулаты астральной мифологии и религии, космогония и космология, т.е., в сущности, натурфилософские основы восприятия окружающего Мира представителями жречества эпохи древнекаменного века Евразии.

Результат расшифровок знаков и образов, запечатленных на жезле из Куэто де ла Мина, наглядно демонстрирует неприемлемость классификационного (каталожного, непродуманного в *программной* направленности) подхода в изучении объектов

первобытного художественного творчества. Имея специфический опыт общения с вещеведами от искусства, я допускаю (да что там допускаю – *абсолютно убежден!*), что изложенное мною будет (как и в случае с трудами А. Маршака) оценено ими как «практически непроверяемое», т.е. априори сомнительное. Поскольку вердикт такой не есть, в действительности, следствие реальной проверки вещеведом сложных для восприятия календарно-астрономических соображений (что и объясняют примечательное, предельно скупое немногословие его), то выскажусь по сему случаю с неакадемической прямоотой:

практическую проверку результатов исследований астроархеолога и палеокалендариста может осуществить лишь тот, кто владеет практическими знаниями в небесной науке; в противном случае критику грозит перспектива уподобиться ученой персоне, осужденной полтора века назад Козьмой Прутковым:

«Рассуждай токмо о том, о чем понятия твои тебе сие позволяют. Так: не зная законов языка ирокезского, можешь ли ты делать такое суждение по сему предмету, которое не было бы неосновательно и глупо?» [К.Прутков, 1987; мысль № 55].

Подводя итог, можно констатировать следующее – палеолитическое искусствоведение не есть подобие картежного пасьянса, следуя принципам которого можно произвольно, так и эдак, «тусовать» образы и знаки первобытного художественного творчества. Оно есть редкостной трудоемкости и сложности поле работы археолога, которое размещается в неудобном для него пограничье с астрономией, календаристикой и астральной, связано с космогонией и космологией, мифологии и религии. Возделывание такого поля требует соответствующего уровня подготовки и навыков, выходящих за рамки привычных в гуманитарии знаний.

Достигнуть успеха на столь неудобном поле деятельности можно, но лишь при решительном отходе от имитаций научных изысканий.

Список литературы

Абрамова З.А. Палеолитическое искусства на территории СССР // Свод археологических источников. Выпуск 4-3. – М.-Л.: Издательство Академии наук СССР. – 1962. – С. 5–85.

Абрамова З.А. Человек и бизон в искусстве палеолита // Археология в пути или путь археолога. Часть 2. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского философского общества, 2001. – С. 27–46.

Бледнова Н.С., Шер Я.А. Символический характер палеолитического искусства // Евразия сквозь века. – Филологический факультет С.-Петербургского университета. – С.-Петербург, 2001. – С. 39–47.

Демещенко С.А. Образ медведя в палеолитическом искусстве Европы // Археологический сборник: – Издательство Государственного Эрмитажа. – Вып. 34. – 1999. – С. 7–29.

Ларичев В.Е. Лунно-солнечная календарная система верхнепалеолитического человека Сибири (опыт расшифровки спирального орнамента ачинского ритуально-символического жезла). – Новосибирск: Институт истории, филологии и философии СО АН СССР. – 1983. – 24 с.

Ларичев В.Е. Календарная пластина Мальты и проблема интерпретации образов первобытного художественного творчества // Проблемы реконструкции в археологии. – Новосибирск: Издательство «Наука». Сибирское отделение, 1985. – С. 74–104.

Ларичев В.Е. Мальтинская пластина – счетная календарно-астрономическая таблица древнекаменного века Сибири // Методические проблемы археологии Сибири. – Новосибирск: Издательство «Наука». Сибирское отделение. – 1988. С. 184–225.

Ларичев В.Е. Мудрость Змеи: Первобытный человек, Луна и Солнце. – Новосибирск: Издательство «Наука». Сибирское отделение. – 1989. – С. 53–80.

Ларичев В.Е. Лунные и солнечные календари древнекаменного века // Календарь в культуре народов Мира. – М.: «Наука». Издательская фирма «Восточная литература», 1993а. – С. 38–69.

Ларичев В.Е. Сотворение Вселенной: Солнце, Луна и Небесный дракон. Новосибирск: Издательство «Наука». Сибирское отделение. – 1993а. – 286 с.

Ларичев В.Е. Заря астрологии: Зодиак троглодитов, Луна, Солнце и «блуждающие звезды». Издательство Института археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск, 1999. – С. 320.

Ларичев В.Е. Ритмы лунного Времени (реконструкция календарной системы эпохи раннего средневековья Томского Приобья) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2001. – Т. VII. С. 354–360.

Ларичев В.Е. Семантика образа медведя в искусстве древнекаменного века (календарно-астрономический и космогонический аспекты). – 2002а. В печати.

Ларичев В.Е. Божественное Время (космогония, Время и астрология в мировоззрении жречества мальтинской культуры) // Информационные технологии в гуманитарных исследованиях. Вып. 3. – Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН. – 2002б. – С. 66–95.

Ларичев В.Е. Медведь в искусстве и натурфилософии древнекаменного века (семантика образа в контексте знаковых записей астрального содержания) – 2002 в. В печати.

Ларичев В.Е. «Bâton de Commandement»: астрономический и сакральный аспекты «Жезла Повелевания» древнекаменного века Евразии. – 2002 в. В печати.

Любин В.П. Изображение мамонтов в палеолитическом искусстве // Советская археология. – 1991. – № 1. – С. 20–42.

Прутков К. Сочинения. – М.: Издательство «Художественная литература». – 1987. – С. 80.

Пушкин А.С. Моцарт и Сальери // Сочинения в трех томах. Том второй. – М.: Издательство «Художественная литература». – С. 442–450.

Marshack A. Notation dans les gravures du paléolithique supérieur. Nouvelles methods d'Analyse. – Bordeaux. – 1970. – 124 p.

Marshack A. The roots of civilization. N.Y.: McGraw – Hill Book Company, et al. – 1972. – 413 p.

Vega del Sella R. El Paleolítico de la Cueto de la Mina // Comisión de Investigaciones Paleontológicas V Prehistoricas. Memoire 13. – Madrid. – 1916.

*Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск*

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ КАЛЕНДАРИ ФИННО-УГРОВ¹I. *Važ Kalendar* финно-угров северо-востока европейской России
(реконструкция систем счисления времени эпохи средневековья)

Мудрее всего Время,
Ибо оно объясняет Все.
Фалес

Вводные замечания. Предметы искусства, совмещенные со *знаковыми записями календарно-астрономического содержания*, относятся к высоко информационно насыщенным источникам изучения интеллектуальной и духовной сфер жизни аборигенного населения севера Евразии. Они появляются на раннем этапе верхнего палеолита ($\approx 34-24\ 000$ лет назад – сыйская и мальтинская культуры Сибири; поселение Сунгирь – на севере европейской России; см.: [Ларичев, 1983; 1984; 1993; 1999*a* и *b*; 2000]), остаются примечательными изделиями художественного творчества времени раннего и позднего средневековья [Ларичев, 2001*a* и *b*; Ларичев, Новиков, 2000] и сохраняются вплоть до этнографической современности [Мазин, Пеньков, 1999].

Столь настойчивое (на протяжении сотен веков!) следование одним и тем же информационным традициям объясняется просто – в такого рода предметах *искусства запечатлевались фундаментальные, не подлежащие забвению сведения о временных и пространственных представлениях создателей культур дописьменной истории человечества*. То, что зачастую воспринимается археологами в качестве образцов художественного творчества или культово-обрядовых, символического (вотивного) стиля предметов, представляет собой, в реальности, подобие канонизированных, священного характера «сочинений», в которых посредством образов и знаков фиксировалось наиболее сущностное и потаенное (сакральное) из всего познанного в Природе и человеке, во взаимоотношениях людей и окружающего мира (временные ритмы хозяйственных и культово-обрядовых действий; системы естественнонаучных и религиозных представлений).

Столь высоко значимые объекты заслуживают интерпретаций в первую очередь. Им нет цены при прямой нацеленности поиска на глубинную разработку темы, сложнее которой в археологии нет – *чем были особо примечательны мышление, мировоззрение и духовное бытие предков? У подавляющего большинства иных предметов материальной культуры, которые изучают специалисты по древностям, именно такой ресурс информационного контекста четко не просматривается.*

Методические установки. Доказательность «прочтений» информационной составляющей предметов архаического художественного творчества – главная проблема археологического искусствоведения. Она, думаю, останется нерешенной, пока специалисты, занимаясь интерпретациями фигур животных и знаков, образующих строчки записей, не выйдут в истолкованиях того и другого за рамки тривиальных этнографических и мифолого-космологических сопоставлений. Желанную меру доказательности семантическим реконструкциям может обеспечить лишь неординарный подход, а именно – *взгляд на*

¹ Поиск поддержан РФФИ (проект 02-06-800094) и грантом СО РАН «Интеграция».

определенного вида предмет искусства под календарно-астрономическим углом зрения. Резон принятия на вооружение столь экзотического методического подхода (часто вызывающего мрачную подозрительность, а то и резко негодующие протесты авторитетов) определяется тем, что итоговые выводы такой направленности поиска подкрепляются самыми весомыми аргументами – числами. Убедительнее их трудно вообразить что-либо иное, если гуманитарий озабочен точностью своих умозаключений.

Оптимальность использования методических установок астроархеологии и палеокалендаристики демонстрируется далее на примере анализа знаковых элементов предмета искусства коми эпохи средневековья.

Источник. Предварительные оценки значимости его. В качестве объекта исследования выберем вещь эффектную и хорошо известную в кругах археологов и этнографов (см.: [Конаков, 1990], там же список литературы) – плоское бронзовое кольцо с девятью зооморфными изображениями и двумя «розетками» на лицевой поверхности, а также насечками на внешнем и внутреннем ободах изделия. Кольцо это было обнаружено местным жителем на левом берегу р. Вычегды, поблизости от святилища Джуджыд Яг («Высокий Бор») и села Сторожевска Корткеросского района республики Коми (рис. 1).

Первое описание находки с идентификацией фигур животных и оценкой предназначения ее («культовый предмет, связанный с охотничьими обрядами») опубликовал К.С.Королев. Он же предложил календарно-астрономическую интерпретацию гладкой и зубчатой «розеток» (соответственно, «лунарный» и «соллярный» знаки). Насечки К.С.Королев воспринял как элементы орнамента. Кольцо он датировал I тыс. н. э.

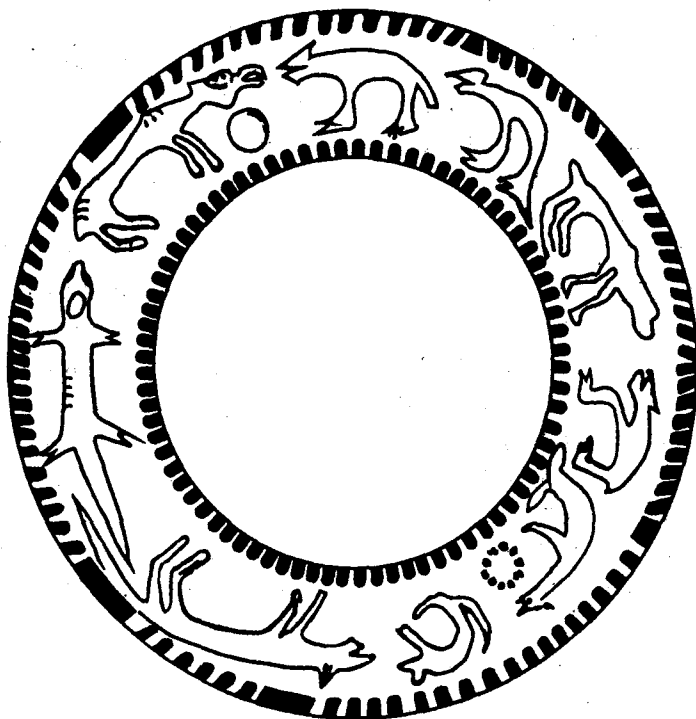

Рис. 1.

В последующем Н.Д. Конаков уточнил семантику знаков. Обе «розетки» он определил как *соллярные символы*, из коих *гладкая* - олицетворяла *осеннее равноденствие*, а *зубчатая* – *равноденствие весеннее*. В целом кольцо с девятью фигурами животных было воспринято им образцом средневекового *солнечного календаря*, счисление дней в котором велось лишь *по насечкам внешнего обода*. Каждая из насечек отражала, по его мнению, *четырёхдневку*, а отсчет по ним велся *против часовой стрелки* «от особого значка на

внешнем ободе», определяющем *весеннее равноденствие* (не ясно, однако, о каком именно значке идет речь). Совместив с насечками внешнего обода фигуры животных, Н.Д. Конаков назвал календарь *промысловым*, ибо усмотрел в нем отражение сезонных ритмов жизни таежных зверей. Отдельные периоды года составляли, по его не совсем понятным расчетам, циклы от 28 до 76 суток. Главные выводы он подкрепил обширными этнографическими и археологическими аналогиями и сопоставлениями.

Отдав должное прозорливым догадкам К.С. Королева и Н.Д. Конакова, представим иной вариант «прочтения» знакового текста кольца с учетом всех без исключения знаков. Каждый из них примем символом 1 суток, а выводы обоснуем аргументами предельно убедительными – числами и связанными с ними календарно-астрономического стиля соображениями.

Презентация знаковых записей кольца (см. рис. 2). Текст составляют следующие подразделения:

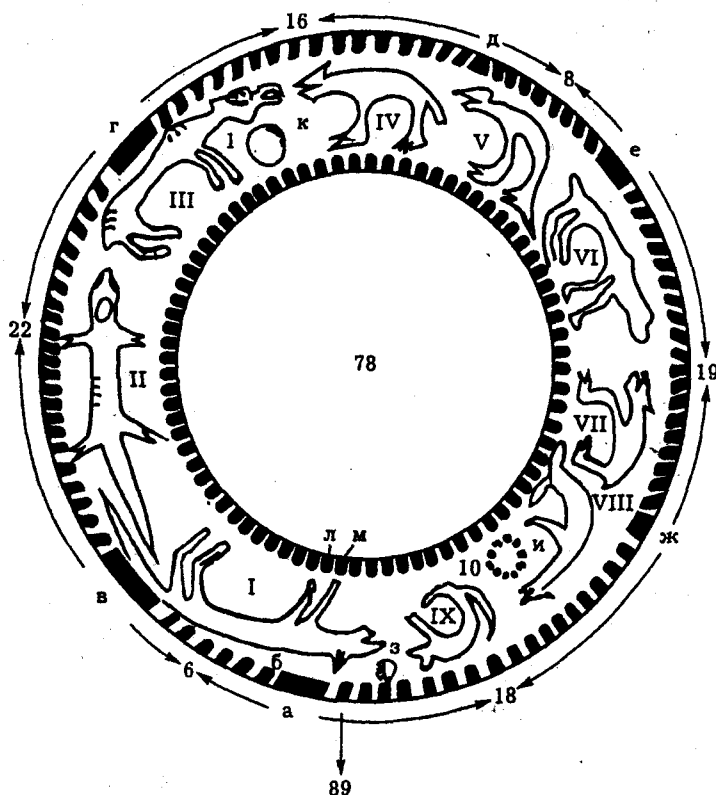

Рис. 2

1 – знаковая запись на *внешнем ободе*; ее образуют однообразного вида насечки, округлый знак з и *разделители а, в, г, д, е, ж* (идея Н.Д.Конакова); разделители рассекают запись на 6 четко обособленных числовых блоков – $6 \rightarrow 22 \rightarrow 16 \rightarrow 8 \rightarrow 19 \rightarrow 18$ (с учетом з); всего знаков, связанных с внешним ободом, 89;

2 – знаковая запись на *внутреннем ободе*; ее образуют того же вида насечки; всего их 78;

3 – знаковая запись на *лицевой поверхности кольца*; насечки здесь миниатюрные, а связаны они с небольшим кругом, который был назван К.С.Королевым зубчатой «розеткой»; всего насечек на ней 10.

Общее количество знаков на внешнем и внутреннем ободах кольца, с учетом насечек зубчатой «розетки», $89 + 78 + 10 = 177$.

Своеобразным знаком воспринимается гладкая «розетка», лишенная насечек (она размещается на лицевой поверхности ниже головы лося). «Розетка», видимо, символизирует число 1.

К особой категории знаков относятся 9 фигур животных, размещенных по кругу лицевой поверхности кольца:

I – лиса; II – выдра; III – лось; IV – росомаха; V – горноста́й; VI – олень; VII – медведь; VIII – куница; IX – белка.

Заслуживают внимания особенности композиционного размещения фигур животных:

а – одна пара противостоит другой (выдра и лось – росомахе и горностаю);

б – пара животных противостоит одному животному (куница и белка – лисе);

в – одно животное противостоит другому (олень – медведю).

Отдельные, особо заметные части тел животных, а также весьма примечательные детали их четко соотносятся с насечками.

Календарно-астрономический подтекст знаковой записи на внешнем ободе кольца. Гипотеза о календарной содержательности орнаментального по виду текста возникает сразу же по выяснении количества насечек на внешнем ободе кольца – 89

Это число *чрезвычайно высоко календарно и астрономически значимо*, ибо оно

а – точно определяет длительность в сутках совершенно определенного астрономического сезона – *осеннего*, который ограничен двумя кардинальными моментами *солнечного года*, а именно – *днем осеннего равноденствия*, определяющем его начало, и *днем зимнего солнцестояния*, завершающем цикл;

б – точно определяет длительность в сутках трех *синодических* лунных месяцев, т.е. 1/4 лунного года –

89 сут. : 29,5306 сут. = 3,0138 ≈ 3 *син.* лун. мес.

и трех с четвертью *сидерических* (звездных!) лунных месяцев –

89 сут. : 27,32 сут. = 3,2576 ≈ 3¼ *сид.* лун. мес.

Важность изложенного определяет следующее:

безупречная в точности оценка знаков на внешнем ободе как записи календарно-астрономического содержания лишает основания разговоры об орнаментальном предназначении насечек («эстетический аспект предмета искусства»);

фиксация на внешнем ободе именно того астрономического сезона, который мог точно отслеживаться по канонам как *солнечного*, так и *лунного* счисления времени (в последнем случае в *двух вариантах* – по фазам (*синодический* период обращения ночного светила) и на фоне зодиакальных созвездий (*сидерический (реальный)* оборот Луны вокруг Земли), позволяет высказать предположение о том, что средневековый календарист *придавал особое значение осеннему астрономическому сезону*, а значит, и двум кардинальным моментам солнечного года – *осеннему равноденствию* и *зимнему солнцестоянию*;

возможность обеспечить высокую точность отслеживания времени именно в осенний астрономический сезон, быть может, предопределяла выбор его в качестве *первого сезона года*, а значит, и *выбор в качестве дня новогодия осеннее равноденствие* (при сохранении, разумеется, главного резона – производственного, связанного с началом промысла).

Такого рода выводы требуют дополнительных подтверждений. Предъявляя их, усилим сначала правильность заключения о календарно астрономической значимости все той же записи на внешнем ободе кольца. Для этого установим календарную рациональность рассечения ее разделителями на 6 числовых блоков

6 → 22 → 16 → 8 → 19 → 18

Оценивая эти числа, заметим, что половина их *кратна синодическому обороту Луны* –

22 сут. : 29,5306 сут. = 0,7449 ≈ 3/4 *син.* лун. мес.

8 сут. : 29,5306 сут. = 0,2709 ≈ 1/4 *син.* лун. мес.

19 сут. : 29,5306 сут. = 0,6437 ≈ 2/3 *син.* лун. мес.,

а одно *сидерическому* –

$$18 \text{ сут.} : 27,32 \text{ сут.} = 0,6588 \approx 2/3 \text{ сид. лун. мес.}$$

Календарная рациональность подразделения записи на внешнем ободе кольца на 6 разновеликих частей проявляется, помимо того, *при объединении их по три и суммировании знаков в каждой из троицы:*

$$6 \rightarrow 22 \rightarrow 16 = 44$$

$$8 \rightarrow 19 \rightarrow 18 = 45$$

Числа эти высоко календарно значимы, ибо предоставляют *синодические лунные периоды полуторамесячной длительности*, один из которых *чуть не достигает* финала такого цикла, –

$$44 \text{ сут.} : 29,5306 \text{ сут.} = 1,4899 \approx 1 \frac{1}{2} \text{ син. лун. мес.,}$$

а другой, *компенсируя недостачу, чуть превосходит его рубеж* –

$$45 \text{ сут.} : 29,5306 \text{ сут.} = 1,5238 \approx 1 \frac{1}{2} \text{ син. лун. мес.}$$

Календарная рациональность подразделений записи налицо, ибо и большая часть из 6 малых числовых блоков, и группировка их по три одинаково убедительно раскрывают нацеленность разработчика средневековой календарной системы на счисление времени по Луне. Обособленные блоки внешней записи позволяли прогнозировать появление Луны на небосводе в определенной фазе, *а первая троица блоков по завершении счисления ее знаков определяла межсезонье – половинный рубеж осеннего астрономического сезона* (\approx 8 ноября современной системы счисления, т.е. календарный момент, \approx одинаково удаленный от осеннего равноденствия и зимнего солнцестояния). Фиксировала это межсезонье *фаза Луны противоположная фазе начала счисления* (положим, если счисление начиналось с первого серпа народившейся Луны, то \approx через 45 дней, в межсезонье, на небосклоне появлялась полная Луна). Ясно, что *при завершении счисления знаков второй троицы блоков, окончание самого сезона определяла фаза, противоположная полнолунию (близкая новолунию)*.

Итак, расшифровка всей знаковой записи внешнего обода кольца подтвердила гипотезу о календарном характере ее. Теперь осталось убедиться в правильности восприятия этого текста в качестве *осеннего астрономического сезона*, а с ним и оправданности принятия за *новогодие осеннего равноденствия*. Ответ на тот и другой вопрос сокрыт, конечно же, в знаковых записях на внутреннем ободе и звездчатой «розетке». Знаки эти, как можно догадываться, представляют вторую часть календарной системы, зафиксированной на «предмете искусства». От продолжительности периода времени, который они, знаки те, отражают, как раз и зависит выбор варианта возможного ответа, а с ним и порядка считывания трех основных подразделений календарной системы

$$89; 78; 10$$

Календарно-астрономический подтекст знаковых записей на внутреннем ободе и звездчатой «розетке». На ободе размещено 78 знаков. Это число кратно *синодическому обороту Луны:*

$$78 \text{ сут.} : 29,5306 \text{ сут.} = 2,6413 \approx 2 \frac{2}{3} \text{ син. лун. мес.}$$

На звездчатой «розетке» размещено 10 знаков. Это число кратно как *синодическому, так и сидерическому оборотам Луны:*

$$10 \text{ сут.} : 29,5306 \text{ сут.} = 0,3384 \approx 1/3 \text{ син. лун. мес.}$$

$$10 \text{ сут.} : 27,32 \text{ сут.} = 0,3660 \approx 1/3 \text{ сид. лун. мес.}$$

Суммирование 78 и 10 знаков даст число, близкое количеству знаков на внешнем ободе кольца

$$78 + 10 = 88,$$

а значит, близкого, *но с меньшей точностью* соответствия, синодическому обороту ночного светила –

$$88 \text{ сут.} : 29,5306 \text{ сут.} = 2,9799 \approx 3 \text{ син. лун. мес.}$$

и близкого, *но с меньшей точностью*, соответствия длительности осеннего астрономического сезона.

Тут уместно вновь подчеркнуть основополагающий факт – *близкого, но отнюдь не должного соответствия*, что позволяет прийти к следующему заключению:

запись на внутреннем ободе и звездчатой «розетке» не отражает с желанной точностью сезонный цикл.

Отсюда следуют кардинальной важности выводы:

поскольку запись на внешнем ободе кольца с идеальной, по существу, точностью определяет продолжительность сезона, то по знакам именно ее начиналось счисление года; первым сезоном года был осенний астрономический сезон, а новогодие приходилось на осеннее равноденствие.

Реконструкция системы счисления времени по Луне в течение полугодия и года.

Расшифровка знаковых записей кольца, представленная на предшествующих страницах, предельно упрощает решение такой задачи. Оно, решение это, очевидно в рациональности и элементарной простоте:

проход сначала по знакам внешнего обода, определяющих длительность осеннего астрономического сезона, а затем по знакам внутреннего обода и звездчатой «розетки» выведет на календарно высоко значимый рубеж, определяющий финал лунного полугодия –
 $89 \text{ сут.} + 88 \text{ сут.} = 177 \approx 177,1835 \text{ сут.}$

Ясно, что двукратный проход по тем же записям и в той же последовательности выведет на календарно высоко значимый рубеж, определяющий финал лунного года –
 $(89 \text{ сут.} + 88 \text{ сут.}) \times 2 = 354 \approx 354,367 \text{ сут.}$

Внимательный читатель, очевидно, заметил, что незадействованным в «прочтениях» остался один знак – гладкая «розетка» (к), воплощение числа 1. Этот знак был, с наибольшей вероятностью, факультативным, а подключался он к счету в конце второго прохода по записям $89 \rightarrow 78 \rightarrow 10$, увеличивая продолжительность лунного года до
 $354 \text{ сут.} + 1 \text{ сут.} (к) = 355 \text{ сут.}$

Оптимальность такой операции определяют четыре обстоятельства:

1 – при одноразовом подключении к счету факультативного знака к финалу лунного года придется на сутки возможного повтора затмения (согласно расчетам современных астрономов, затмения повторяются на 355-356 сутки после затмения предшествующего);

2 – такое соображение позволяет оценить в том же ключе завершение лунного полугодия на 177-е сутки, т.е. в конце первого прохода по записям $89 \rightarrow 78 \rightarrow 10$; этот рубеж, конечно же, определит последний из десяти знаков зубчатой «розетки», ибо согласно расчетам современных астрономов затмение может повториться на 177-178 сутки после затмения предшествующего; выходит, насечки «розетки» есть исключительного значения знаки, по которым отслеживались сутки кануна затмения и самого затмения в середине лунного года (\approx на 177-й день); теперь становится понятным – почему эти 10 знаков, связанные с зубчатой «розеткой», календарист выделил особо, разместив их на лицевой поверхности кольца; в эти дни он, трепетно отслеживая фазовое состояние Луны, рассчитывал возможность наступления затмения, самого страшного из небесных явлений;

3 – изложенное в первых двух пунктах позволяет оценить календарь кольца Вычегды как лунную счетную систему, четко ориентированную, помимо прочего, на предсказание (расчет!) времени затмений; умение жрецов предсказывать затмения поддерживало их авторитет на весьма высоком уровне и, естественно, в значительной мере усиливало влияние на соплеменников;

4 – подключение к счетной системе факультативного знака к позволяет прояснить самую захватывающе интересную проблему – взаимосвязи календарных насечек на внешнем и внутреннем ободах с деталями верхнего и нижнего контуров тел 9 животных, размещенных на лицевой поверхности кольца, т.е. в пространстве между записями.

Эту задачу можно, однако, решить только при условии точного выбора знака, с которого начинался отсчет времени.

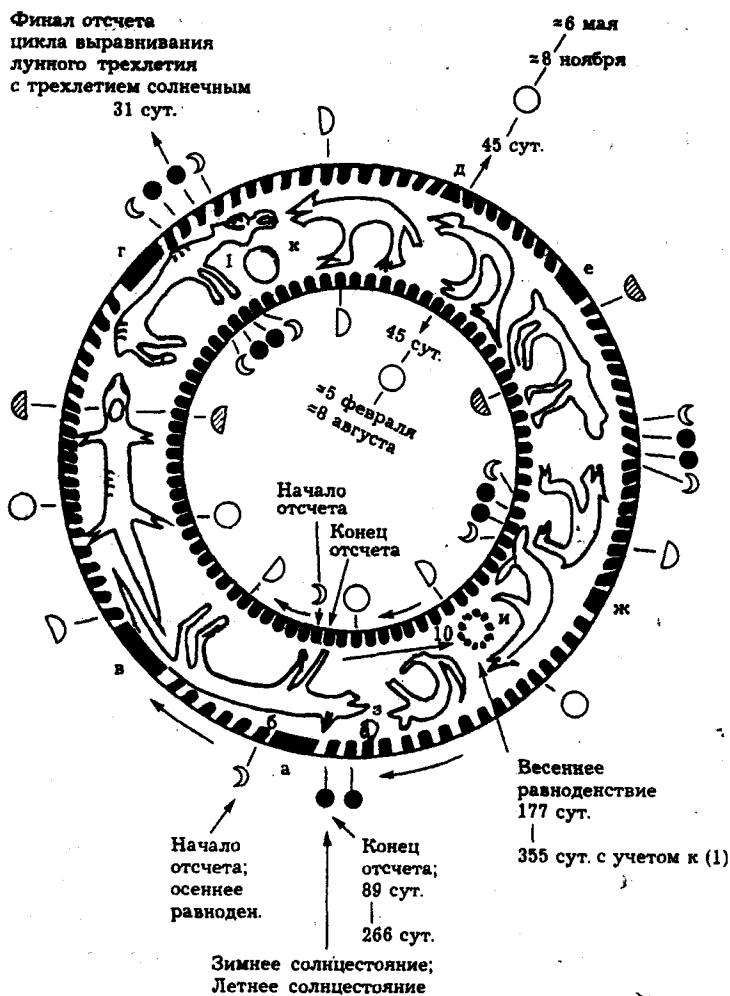

Рис. 3. Реконструкция системы счисления времени по Луне. Условные обозначения: \bigcirc – полнолуние; ☾ – четверть «умирающей Луны»; ☽ – серп «умирающей» Луны последних суток наблюдения; \bullet – новолуние; ☽ – серп «народившейся» Луны (неомение); D – первая четверть Луны.

Выявление знака, с которого начинался отсчет времени, и знаков, определяющих поворотные рубежи сезонов и межсезоний. Проигрыш вариантов выбора знака, с которого начинался отсчет нового года, позволил принять за таковой насечку *б* внешнего обода кольца (см. рис. 3). Знак этот размещается *левее* острого, треугольной формы, уха лисы и разделителя *а*.

Если так оно и было, то знак *б* определял сутки *осеннего равноденствия*, а финальный знак внешнего обода, на котором завершался отсчет всех 89 знаков записи *при считывании ее по часовой стрелке*, определял *зимнее солнцестояние* (напомню, вследствие важности момента, именно 89 суток, 3 лунных месяца, разделяют осеннее равноденствие и зимнее солнцестояние, два из четырех кардинальных моментов тропического года). Этот знак окончания первого сезона размещается *правее* разделителя *а* и уха лисы.

Особого вида знак *з*, размещенный чуть ниже носа лисы, призван был, видимо, напомнить календаристу о приближении *особо важного рубежа, а с ним и должной фазы Луны* (двух дней новолуния, т.е. поры *невидимости ночного светила*, если год начался с *неомении*, т.е. с появления на небосклоне серпа «новорожденного» месяца).

Далее установим знак, который фиксировал весьма важный момент первого цикла года – *межсезонье*, т.е. сутки, \approx равно удаленные от осеннего равноденствия и зимнего солнцестояния (\approx 8 ноября). Тут срабатывает период, определяемый количеством знаков первых трех блоков записи (первая «троица»; см. рис. 2)

$$6 \rightarrow 22 \rightarrow 16 = 44,$$

близкий продолжительности полутора синодических лунных месяцев. Межсезонье определит с наибольшей точностью знак, размещенный *правее* разделителя d и вертикально ориентированной линии затылка горностая (очень заметная позиция!). Знак этот зафиксирует *45-е* сутки от начала счисления и *красивейшую фазу Луны – полнолуние*. Календарно это как раз и придется \approx на 8 ноября современного счисления времени.

По завершении счисления знаков на внешнем ободе кольца начиналось счисление знаков на ободе внутреннем. Проигрыш вариантов выбора знака, с которого стартовал отсчет времени очередного астрономического сезона, зимнего, позволил принять за таковой насечку, расположенную *между передних ног лисы* (см. на рис. 3 – «начало отсчета»). Если так оно и было, то половинный рубеж цикла (*межсезонье!*) приходился на знак, расположенный как раз ниже острых когтей передней ноги все того же животного – горностая. То будут опять *45-е* сутки от начала счисления зимнего астрономического сезона, а определять этот момент (\approx 5 февраля современного счисления времени) будет снова *полнолуние*, поскольку начало отсчета зимы знаменовалось появлением на небосклоне серпа «новорожденного» месяца (ведь предшествующий, *осенний* астрономический сезон *завершался двумя сутками новолуния* (см. рис. 3) и, значит, на знак между ног лисы должны были прийти сутки неомении, т.е. *первого серпа*).

Окончание зимнего астрономического сезона определяли (по завершении счисления 78 насечек внутреннего обода кольца) 10 знаков зубчатой «розетки» (см. рис. 3). Поскольку последний из этих знаков определял рубеж наступления очередного астрономического сезона – *весеннего равноденствия* (177 сутки от начала счисления), то это обстоятельство вновь демонстрирует *исключительную значимость как самой зубчатой «розетки», так и связанных с нею 10 миниатюрных насечек*. Видимо, недаром эта часть текста была размещена на столь заметной позиции – *вне насечек ободов, на лицевой поверхности кольца, между фигурами куницы и белки*. Избранный ход счисления знакового текста, когда на «розетку» пришлось сутки, близкие весеннему равноденствию, позволяет сделать вывод, что *этот момент тропического года почитался как особо великий в календарной* (а значит, и культово-ритуальной) практике. Вероятно, сакральные соображения предопределили «запрятанность» (скрытость) десяти знаков «розетки» в структурах текста (они считывались не в начале, а в конце полугодия и за 6 месяцев до окончания года).

При отслеживании времени второго полугодия считывание знаков велось в той же последовательности – сначала по знакам внешнего обода, а затем внутреннего. Результаты, в предельно кратком изложении, можно свести к следующему:

1 – на знак, расположенный правее разделителя d и вертикальной линии затылка горностая придется \approx 6 мая (*межсезонье*; сутки, равно удаленные от весеннего равноденствия и летнего солнцестояния);

2 – на знак, расположенный правее разделителя d и уха лисы – летнее солнцестояние;

3 – на знак, расположенный ниже острых когтей передней ноги горностая, придется \approx 8 августа (*межсезонье*; сутки, равно удаленные от летнего солнцестояния и осеннего равноденствия).

Что касается осеннего равноденствия, то из-за отставания лунного счета времени от счета времени по Солнцу (отставание за год составит \approx 11 суток), этот момент *не будет определяться* насечкой b , расположенной левее разделителя a . *Его определит одиннадцатая от знака b насечка, на которую указывает нижний острый коготь выдры*. Ясно, что и остальные рубежи сезонов и межсезоний сдвинутся на 11 знаков по часовой стрелке и я предоставляю читателю возможность самому установить эти позиции и сопоставить соответствующие знаки с деталями фигур животных.

Это обстоятельство приоткрывает завесу над тайной соотнесенности фигур животных со знаками календарного текста и ясно намекает на то, как должна раскрываться эта тайна. Решение задачи сделать заметными позиции знаков, определяющих осеннее равноденствие и прочие кардинальные моменты второго лунного года) не может не восхитить рациональностью и остроумием.

Детализируем этот захватывающе увлекательный сюжет лишь в плане «стыковки» знаков записей на внешнем и внутреннем ободах кольца с фазами Луны.

Взаимосвязь фаз Луны со знаками и деталями тел животных. При отслеживании времени в течение лунного года по записям на ободах и на зубчатой «розетке» фазы Луны окажутся примечательным образом соотнесенными со знаками, а через них и с определенными частями тел животных, примыкающих к внешней и внутренней окраинам кольца. О рубежах сезонов и межсезоний речь уже шла. Остальные фазы на внешнем ободе соотносятся так:

1 – *четверть растущей* Луны определяет знак, расположенный левее разделителя *в*, в зоне «перехлеста» хвостов лисы и выдры;

2 – *полнолуние* определяют знаки, близкие насечкам на туловище выдры;

3 – *четверть умирающей* Луны определяет знак, близкий к затылку выдры;

4 – *новолуние* определяет знак, близкий *вертикальной линии затылка лося*, а серп умирающей Луны – знак над холкой животного, где размещаются *три насечки*;

5 – *четверть растущей* Луны определяет знак, расположенный непосредственно за вертикальной линией затылка росوماхи;

6 – *четверть умирающей* Луны определяет знак, расположенный правее разделителя *е*, над крупом оленя;

7 – серп умирающей Луны и новолуние *определяют знаки, расположенные напротив морды оленя*;

8 – *серп возрожденной Луны* определяет знак, расположенный напротив конца морды медведя;

9 – *четверть растущей* Луны определяют насечки, расположенные над центром спины медведя;

10 – *полнолуние* определяет знак, расположенный чуть правее острого выступа уха куницы.

Фазы Луны на внутреннем ободе кольца соотносятся со знаками и частями тел животных так:

1 – *четверть растущей* Луны определяет знак, расположенный напротив выставленной вперед задней ноги лисы;

2 – *полнолуние* определяет знак, расположенный напротив правой задней ноги выдры;

3 – *четверть умирающей* Луны определяет знак, близкий затылку выдры;

4 – *новолуние* определяют знаки, близкие передним ногам лося;

5 – *четверть растущей* Луны определяет знак, расположенный ниже передней ноги росوماхи;

6 – *полнолуние* определяет знак, расположенный ниже передней ноги горноста;я;

7 – *четверть умирающей* Луны определяет знак, близкий отставленной назад передней ноги оленя;

8 – *новолуние* определяют знаки, расположенные левее задних ног медведя и куницы;

9 – *четверть растущей* Луны определяет знак, близкий звездчатой «розетке»;

10 – *полнолуние* определяет знак, расположенный выше конца морды лисы и ее выставленной вперед передней ноги;

11 – *четверть умирающей Луны и новолуние* отслеживались по знакам звездчатой «розетки», расположенной выше головы куницы.

Реконструкция счисления времени по Солнцу. Ясно, что для сохранения позиций фаз в счетной системе время следовало считать по Луне в течение трех лет, а затем вводить в

календарь интеркалярий, близкий продолжительности одного синодического лунного месяца. Формула была, видимо, такой:

$$355 \text{ сут.} + 355 \text{ сут.} + 355 \text{ сут.} = 1065 \text{ сут.}$$

К этому трехлетнему периоду подключался интеркалярий, который считывался по 31 знаку внешнего обода – от б до знака, расположенного левее вертикальной линии затылка лоса (см. рис. 3):

$$1065 \text{ сут.} + 31 \text{ сут.} = 1096 \text{ сут.}$$

Такое число суток с достаточной степенью точности отражает продолжительность трех солнечных лет

$$1096 \text{ сут.} : 365,242 \text{ сут.} = 3,0007501 \text{ года}$$

и позволяет опять начать считывание очередного лунного трехлетия \approx с фазы первого дня видимости серпа (неомение), который вновь определял осеннее равноденствие.

Связь окончания интеркаляции с головой лоса есть, возможно, намек на необходимость принести в жертву это животное по случаю столь знаменательного события (выравнивания двух времен – лунного и солнечного).

Краткое заключение. На бронзовом кольце Вычегды зафиксирована оригинальная, высокой точности система счисления времени по Луне в течение 3-х лет (свидетельство обширности астрономических знаний жречества средневековых коми и совершенство их математики, позволяющей оперировать дробными числами, вычислять средние величины лунных периодов и прочее). Она, видимо, предполагала выравнивание лунного счета времени с временем солнечным посредством интеркалярия, близкого продолжительности синодического месяца. *Особую ценность этому календарю придает четкая взаимосвязь счетных знаков времени и фаз Луны с фигурами животных.* Это обстоятельство открывает заманчивые перспективы успешной (доказательной!) разработки проблемы семантики образов животных, воплощенных в художественном творчестве финно-угров эпохи средневековья Севера восточной части России и Запада ее азиатского региона (бронзовое анималистическое литье; наскальные изображения и прочее).

Это, однако, сюжет для другого изыскания.

Список литературы

Конаков Н.Д. Промысловый календарь в мировоззрении древних коми // Мировоззрение финно-угорских народов. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 103–120.

Ларичев В.Е. Лунно-солнечная календарная система верхнепалеолитического человека Сибири (опыт расшифровки спирального орнамента ачинского ритуально-символического жезла. – Новосибирск, 1983. – 22 с.

Ларичев В.Е. Скульптурное изображение женщины и лунно-солнечный календарь поселения Малая Сья (семантика образа и реконструкция способа счисления времени на раннем этапе верхнего палеолита Сибири) // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия истории, филологии и философии. – 1984. – № 3. – Вып. 1. – С. 20–31.

Ларичев В.Е. Ачинский «жезл» и его знаковая система // Исследования памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1987. – С. 92–101.

Ларичев В.Е. Лунные и солнечные календари древнекаменного века // Календарь в культуре народов Мира. – М.: Наука, 1993. – С. 38–69.

Ларичев В.Е. Звездные боги: Слово о великих художниках – созерцателях Неба, мудрецах и кудесниках. – Новосибирск: Научно-издательский центр ОИГГМ СО РАН, Изд-во Новосиб. гос. универ., 1999а. – 354 с.

Ларичев В.Е. Заря астрологии: Зодиак троглодитов, Луна, Солнце и «блуждающие звезды». – Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 1999б. – 318 с.

Ларичев В.Е. Жертвы Времени (насильственная смерть в астральных культах палеолита Евразии) // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: культура, наука, образование. – 2001а. – № 3. – С. 3–11.

Ларичев В.Е. Ритмы лунного времени (реконструкция календарной системы эпохи раннего средневековья Томского Приобья) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2001б. – С. 354–360.

Ларичев В.Е., Новиков А.В. Календари и космограмма из погребения средневекового воина (реконструкция систем счисления времени и пространственных представлений обитателей Новосибирского Приобья начала II тысячелетия нашей эры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2000. – С. – 324–331.

Мазин А.И., Пеньков А.В. К этноастрономической интерпретации числовых структур эвенкийской шаманской атрибутики // Археология. Северо-Восточной Азии. Астроархеология. Палеометрология. – Новосибирск: Издательство «Наука». Сибирское предприятие РАН, 1999. – С. 200–214.

**II. *Važ Kalendar* финно-угров севера Приуралья
(реконструкция систем счисления времени эпохи средневековья и
семантика анималистических образов)**

Всё познаётся
Посредством числа.
Пифагор

Вводные замечания. Постановка проблемы и методика исследования

В докладе представлен один из сюжетов исследовательской программы, нацеленной на решение проблемы сохранения информационных традиций в древнем искусстве. Достоверные интерпретации образов и знаков его обеспечивает в этой программе естественнонаучного разряда методика, призванная свести до возможно более низкого уровня субъективность семантических реконструкций, примечательных для традиционного археологического искусствоведения. Решение столь фундаментальной задачи обеспечивает число, неотразимый по силе аргумент, подтверждающий точность и достоверность итогов гуманитарной направленности поиска.

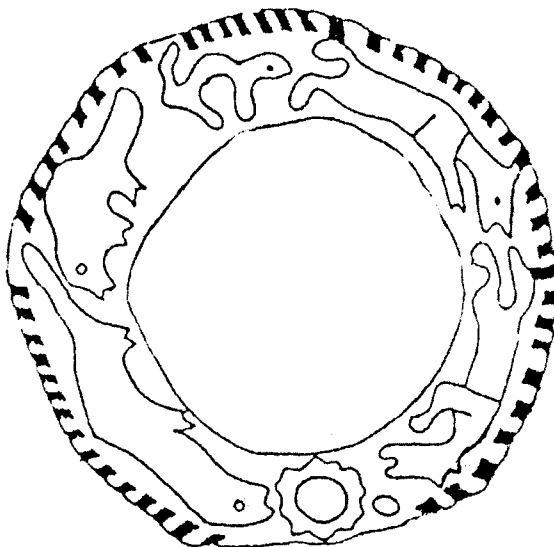

Рис. 1. Календарный диск из Северного Приуралья (по Н.Д. Коначкову)

Средневековые предметы искусства, в коих числовые («орнаментальные») знаковые записи и такого же рода записи, четко сопряженные с анималистическими образами, занимают в исследовании одно из ключевых мест (Ларичев, 2001; 2002а; б; Ларичев, Новиков, 2000; Larichev, 2002, а и в). Они, в частности, позволяют определить верхнюю хронологическую границу использования жречеством древних культур этой своеобразной образно-знаковой письменности, корни которой, как удалось выяснить, уходят в глубины нижнего (ашель), среднего (мустье) и верхнего палеолита (Ларичев, 1989; 1993а и б; 1999).

Источник

Представляю очередной средневековый образец такой «письменности» – *Važ Kalendar*, обнаруженный на севере Приуралья (Верхнее Прикамье). Известны лишь два идентичных (возможно, отлитых в одной форме) экземпляра таких изделий. Один из них хранится в археологическом музее Пермского государственного университета (рис. 1), а

второй – в Сольвычегодском краеведческом музее (Конаков, 1990; 1999). Объект изучения представляет собой отлитое из бронзы плоское кольцо, по краю которого размещаются подпрямоугольные насечки, а на широкой плоскости – 5 фигур животных (бобр, выдра, белка и два волка), а также два округлых знака – малый, вытянуто-овальный, и крупный, округлый, типа «розетки», с зубчатыми выступами по периметру.

Презентация знаковых записей и образов

1 – краевые, подпрямоугольных очертаний *насечки*; они составляют основную часть текста, размещенного в пределах кольца; знаки эти *объединены в блоки*, которые четко отделены друг от друга хвостами животных (см. на рис. 2 хвосты бобра и белки) и знаками, *совмещенными* с хвостами обоих волков и головой второго волка (см. тот же рис.):

$$15 \rightarrow 8 \rightarrow 7 \rightarrow 10 \rightarrow 3 \rightarrow 10;$$

всего насечек

$$15 + 8 + 7 + 10 + 3 + 10 = 53;$$

2 – особого вида знаки, размещенные в пространстве между головами первого волка и бобра (рис. 2 *a* и *b*):

$$1 + 1 = 2;$$

3 – фигуры животных, два из которых двигаются в одну сторону (бобр и выдра), а три – в другую (белка и два волка):

$$2 + 3 = 5$$

Всего знаков и образов

$$53 + 2 + 5 = 60$$

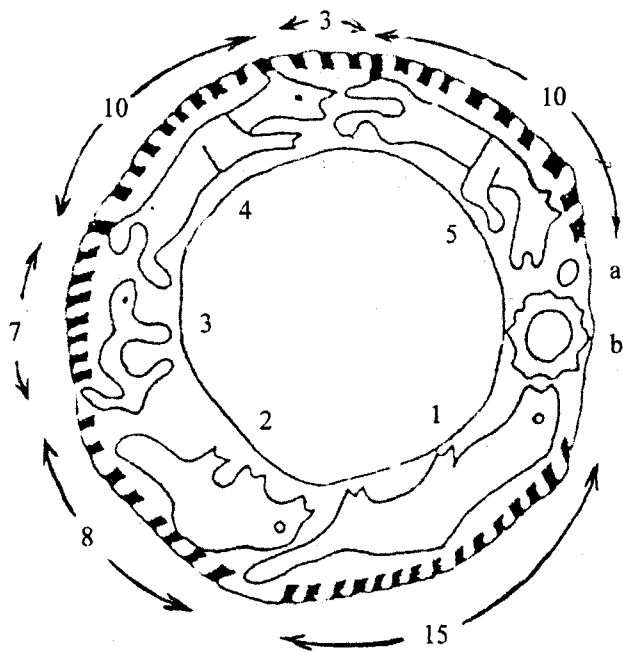

Рис. 2. Числовые блоки диска

Календарно-астрономический контекст знаково-образных записей

Общее количество знаков (60), близкое продолжительности двух синодических лунных месяцев ($29,5306 \text{ сут.} \times 2 = 59,0612 \approx 60 \text{ сут.}$), подтверждает гипотезу Н.Д. Конакова о том, что кольцо представляет собою календарь. Он использовался коми-пермяками в начале I тыс. н.э.

Подкрепим идею Н.Д. Конакова календарно-астрономическим тестированием каждой группы насечек в отдельности, приняв каждый знак за символ 1 суток:

$$15 \text{ сут. (знаки над бобром)} : 29,5306 \text{ сут.} = 0,5079 \approx S \text{ син. лун. мес.}$$

8 сут. (знаки над выдрой) : 29,5306 сут. = 0,2709 ≈ j син. лун мес.;

7 сут. (знаки над белкой) : 29,5306 сут. = 0,2370 ≈ j син. лун мес.;

7 сут. : 27,32 сут. = 0,2562 ≈ 1/ сид. лун. мес.;

10 сут. (знаки над волком) : 29,5306 сут. = 0,3386 ≈ ? син. лун мес.;

это и цикл, близкий половине эпохи лунного затмения (≈ 11 сут.)

3 сут. – максимальное количество суток невидимости Луны (новолуние); такое же количество суток наблюдается каждая фаза Луны невооруженным глазом;

10 сут. (знаки над собакой) : 29,5306 сут. = 0,3386 ≈ ? син. лун мес.;

такое количество суток определяет ≈ половину длительности эпохи лунного затмения, когда при полнолунии может случиться лунное затмение;

7 сут. (2 округл. зн. и 5 животн.) : 29,5306 сут. = 0,2370 ≈ j син. лун мес.;

7 сут. : 27,32 сут. = 0,2562 ≈ j сид. лун. мес.

53 сут. (все насечки) : 29,5306 сут. = 1,7947 ≈ 1 4/5 син. лун мес.

55 сут. (все насеч. и 2 округл. зн.) : 27,32 сут. = 2,0131 ≈ 2 сид. лун. мес.

Тестирование подтверждает календарный характер числовых знаковых записей кольца, обеспечивая тем самым законность начала реконструкции систем счисления времени.

Реконструкция сидерического лунного календаря

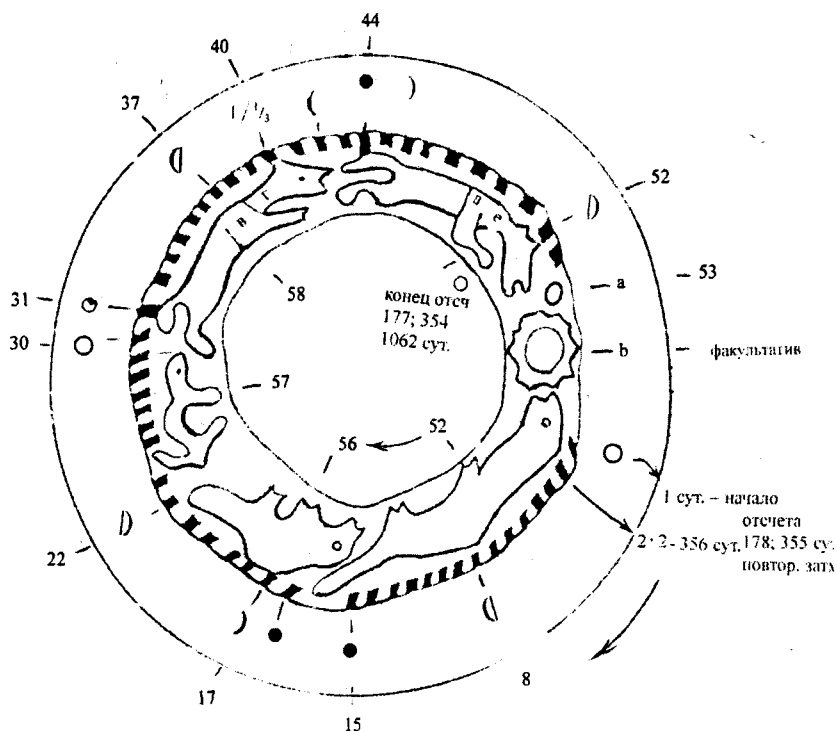

Рис. 3. Реконструкция системы счисления времени по Луне

Считывать следует все знаки на окраине кольца (53 насечки), а также вытянуто-овальный знак (1) и «розетку» на поверхности его:

$$53 + 1 + 1 = 55$$

Поскольку это число кратно сидерическому обороту Луны

$$55 \text{ сут.} : 27,32 \text{ сут.} = 2,0113 \text{ сид. лун. мес.},$$

то по этой круговой знаковой записи можно считать так называемый «звездный год», т.е. 12 сидерических лунных месяцев:

$$55 \text{ сут.} \times 6 = 330 \text{ сут.};$$

$$330 \text{ сут.} : 27,32 \text{ сут.} = 12,0790 \text{ сид. лун. мес.}$$

Превышение легко ликвидировать при следующем условии – если при последнем круговом считывании знаков не принимать в расчет вытянуто-овальной фигуры «розетку», то получим почти идеальное соответствие:

$$(55 \text{ сут.} \times 5) + 53 \text{ сут.} = 328 \text{ сут.}$$

$$328 \text{ сут.} : 27,32 \text{ сут.} = 12,0058 \text{ сид. лун. мес.}$$

Реконструкция синодического лунного календаря

Подыскивая наиболее рациональный вариант, подключим к числу насечек малый вытянуто овальный знак (на рис. 2 и 3 литера а):

$$53 + 1 = 54$$

Такое число суток с допустимой точностью отражает длительность двух драконических (затменных!) месяцев, отражающих периодичность смещения Луны относительно узлов ее орбиты (т.е. точек пересечения пути Луны с эклиптической, затменным путем Солнца среди звезд, и близко продолжительности двух сидерических месяцев (смещение Луны на фоне звезд):

$$54 \text{ сут.} : 27,2122 \text{ сут.} = 1,9844 \approx 2 \text{ драк. лун. мес.};$$

$$54 \text{ сут.} : 27,32 \text{ сут.} = 1,9765 \approx 2 \text{ сид. лун. мес.}$$

Если же, продолжая далее реконструкцию, подключить к полученному числу в качестве своеобразных счетных знаков 5 фигур животных, то получим число, фундаментально значимое в древней календаристике, ибо оно отражает количество суток в двух синодических лунных месяцах, кратных количеству месяцев в лунном году:

$$54 + 5 = 59;$$

$$59 \text{ сут.} : 29,5306 \text{ сут.} = 1,9979 \approx 2 \text{ син. лун. мес.},$$

что и означает очевидное – при шестикратном проходе по всем (за исключением б) знакам кольца получим количество месяцев в лунном году –

$$2 \text{ син. лун. мес.} \times 6 = 12 \text{ син. лун. мес.}$$

На рис. 3 представлен конечный результат реконструкции – совмещение фаз Луны двухмесячного синодического цикла с определенными насечками, если за начальный знак отсчета принять первую насечку над головой бобра, определив ее как знак суток полнолуния. В таком случае, знак № 8 над горбом спины бобра определит четверть умирающей Луны; последний знак строчки над бобром (№ 15) определит сутки первого дня невидимости Луны (новолуние); единичный знак № 16 над выдрой – второй день невидимости); знак № 17, совмещенный со спиной выдры – день появления на небосводе «молодого» месяца (неомения); конец строки над выдрой (№ 22) – четверть народившейся Луны; знак перед хвостом второго волка (№ 30) – полнолуние; знак, совмещенный с хвостом второго волка (№ 31), – ущерб диска Луны (появление «печати смерти» на лике ночного светила, в календарной мифологии – страшная ночь начала умирания Луны); знак над горбом второго волка, размещенный между линиями в и г (№ 37), – четверть «умирающей» Луны; знак, совмещенный с хвостом первого волка (№ 44) – новолуние, из чего следует, что на предшествующие 3 знака придутся дни исчезновения серпа Луны с небосвода, а на последующее – появление первого серпа; знак, размещенный между ушами первого волка (№ 52) – четверть народившейся Луны.

Заключительная часть двухмесячного цикла в особенности эффектна – сутки приближения очередного полнолуния символизировались знаком а и фигурами 5 животных!

Как можно убедиться, фазы Луны оказались приуроченными к весьма заметным знакам. Следовательно, группировка насечек и размещение строчек записей над контурами тел животных нацеливались на одно и то же – максимально облегчить тому, кто отслеживал течение лунного времени, предсказание суток, когда Луна обретет вид особо

значимой фазы. Все они перечислены выше и представлены на рис. 3. Животные олицетворяют собой изменения ликов ночного светила. Все это однозначно подтверждает правильность интуитивной догадки Н.Д. Конакова об использовании кольца в качестве календаря, по которому с исключительной точностью отслеживалось время двухмесячными циклами (своего рода сезоны?) в течение лунного года.

В заключение остается изложить соображения рациональности счисления времени двухмесячными лунными циклами;

1 – они позволяли точно фиксировать $\frac{1}{3}$ и $\frac{2}{3}$ лунного года ($59 \text{ сут.} \times 2 = 118 \text{ сут.}; 59 \text{ сут.} \times 4 = 236 \text{ сут.}$), т.е. моменты, обычно играющие важную роль в культово-обрядовой деятельности жречества;

2 – они позволяли точно фиксировать $\frac{1}{2}$ лунного года ($59 \text{ сут.} \times 3 = 177 \text{ сут.}$), когда ожидался повтор лунного затмения, которое наблюдалось полгода назад (по данным современной астрономии лунное затмение может повториться на 177–178 день); поскольку эти дни олицетворяет первый волк (177 сут.) и первый знак записи над бобром (178 сут), что соответствующим образом следует оценивать и роль этих животных в явлении, которое наблюдалось в Небе – *они, в случае затмения, считались ответственными за исчезновение ночного светила в неурочные часы* (выходит, волк и бобр выступают в роли мифического «небесного дракона», страшного поглотителя светил);

3 – они позволяли точно фиксировать сутки окончания лунного года ($59 \text{ сут.} \times 6 = 354 \text{ сут.}$); поскольку в последующие 2-ое суток счисления очередного лунного года (от начала счета то будут 355 и 356 сут.) тоже случался повтор лунного затмения (по данным современной астрономии лунное затмение может повториться на 355–356 сут.), то *Луну на сей раз мог поглотить бобер* (на два первых знака, размещенных над головой животного как раз и придутся 355–356-е сутки); следовательно, *семантика бобра как северной ипостаси «небесного дракона» подтверждается.*

Реконструкция солнечного календаря

Учитывая рациональность сохранения связи позиций фаз Луны с одними и теми же знаками записи, детально представленных в ходе реконструкции лунного календаря, можно предположить, что календарист верховья Камы считывал время в течение 3-х лунных лет подряд по установленной схеме, а затем вводил в счетную систему интеркалярий – 34 дополнительных дня (так поступали обычно творцы архаических счетных систем начиная с эпохи палеолита). И ясно почему они так делали: *именно на 34 дня отставало к окончанию лунного трехлетия время лунное (фазовое) от времени солнечного (сезонного):*

$$(354 \text{ сут.} \times 3) + 34 \text{ сут.} = 1096 \text{ сут.};$$

$$1096 \text{ сут.} : 365,242 \text{ сут.} = 3,000750 \text{ солн. лет,}$$

с ошибкой (превышение) $\approx j$ сут.

Есть ли, однако, в счетной системе пермского календаря четко выделенный блок из 34 знаков? Такой, четко *ограниченный* очень заметными знаками блок имеется, а *рациональность использования для интеркаляции именно его можно подтвердить неотразимой силой календарно-астрономическими соображениями.*

Интеркалярий длительностью 34 сут. считывался от знака над хвостом первого волка (*он совмещен с хвостом!*) и до знака, размещенного *перед поднятым вверх хвостом белки* (*своего рода «шлагбаум», как бы призывающий прекратить счет суток интеркалярия!*) (см. рис. 4). А теперь предъявлю доказательства правильности такого шага. А все дело в том, что 34 сут. высоко календарно-астрономически значимое число потому, что *оно отражает длительность так называемой эпохи солнечного затмения.* Это весьма характерный период представляют собою время сближения Солнца с узлом лунной орбиты (точка пересечения пути ночного светила с эклипкой), когда может случиться одно или два *солнечных затмения* (в течение 34 сут. Луна может дважды оказаться в фазе новолуния). Период этот подразделяется на два цикла – 17 сут. Солнце приближается к узлу, а затем в течение 17 суток удаляется от него. Так вот, 17-е сутки (время вхождения дневного светила в узел)

определяет знак записи, размещенной около начала подтреугольного выступа спины бобра. Этот знак и делит пополам текст интеркалярия, в течение которого по окончании лунного трехлетия могло ожидаться солнечное затмение.

Когда Солнце приближается к узлу, то полное затмение светила оказывается неотвратимым. В этой связи и обратим внимание на знак б, в сторону которого нацелились «пермские драконы» – волк с одной стороны, а бобр – с другой. Ведь этот знак имеет вид закрытого невидимой Луной диска Солнца, околнуренного зубчатой короной, обычная при полном солнечном затмении картина в месте «черного провала Неба». Так оказывается раскрытой семантика «зубчатой розетки». В считывании 34 сут. эта розетка не принималась в расчет (литера б).

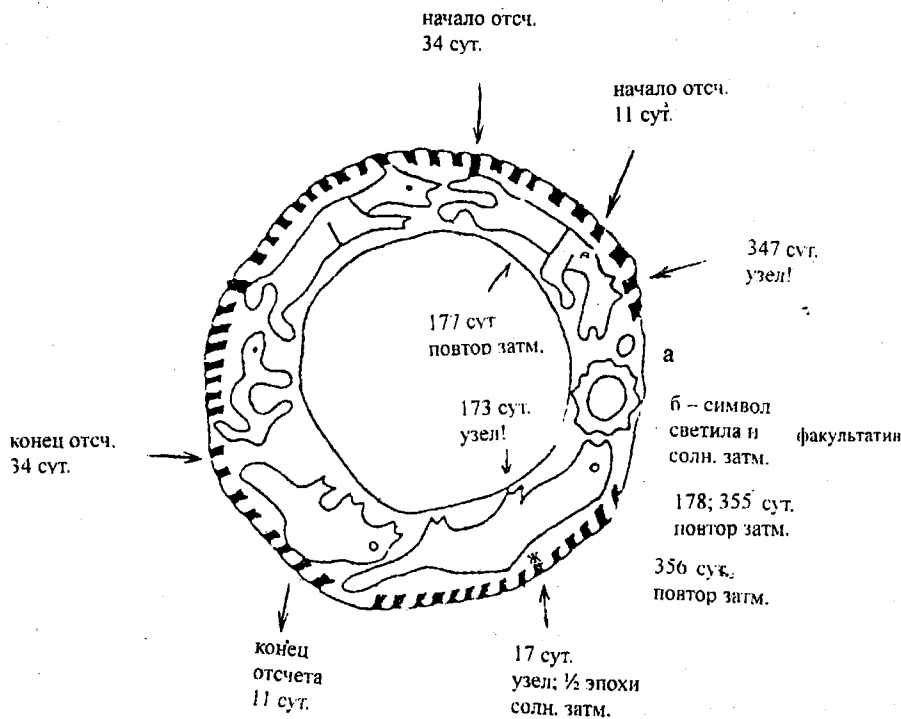

Рис. 4. Реконструкция системы счисления времени по Луне и Солнцу с указанием особо важных знаков и связанных с ними периодов

В заключение следует заметить, что согласно астрономическим канонам полное солнечное затмение может случиться в течение 11 дней до подхода дневного светила к узлу лунной орбиты (от знака над литерой е первого волка до знака ж) и в те же 11 дней после выхода его из узла (знаки от ж до первого знака, совмещенного с горбом выдры), случись в одном из этих дней новолуние. За пределами этих временных границ (т.е. левее знака над литерой е и левее первого знака, совмещенного с горбом выдры) солнечное затмение бывало частным или полутеневым, которое не могло фиксироваться глазом. Запись интеркалярия из 34 знаков наглядно отражает все эти детали.

Краткие итоги

Изложенное, возможно, покажется трудным для восприятия археологом-искусствоведом. Но простого варианта повествования в рамках цели заявленного сюжета нет и быть не может по определению. Ведь речь в докладе шла о доказательных реконструкциях фундаментальной значимости аспектов средневековой культуры бесписьменных финно-угров европейской части Отечества до прихода в Прикамье русских, обладающих письменностью. Речь шла о расшифровке знаково-образных записей, связанных с познаниями в области астрономии и счета времени аборигенов северного края Европы и о восстановлении их астральной мифологии. Так отчего же быть простым интерпретациям

всего этого, запечатленного не привычными для глаза литерами, образующими слова, а *числовыми рядами знаков и анималистическими фигурами?*

Изложенное позволяет сделать следующий вывод: уровень календарно-астрономической науки средневекового жречества коми-зырян был впечатляюще высок, а его астральная мифология символически глубокой, изящной, остроумной и многозначной. Из этого и следует исходить, оценивая в целом мощь и своеобразие культур народов европейского севера России.

Список литературы

Конаков Н.Д. Промысловый календарь в мировоззрении древних коми // Мировоззрение финно-угорских народов. – Новосибирск: Издательство «Наука». Сибирское отделение. – 1990. – С. 103–120.

Конаков Н.Д. Важ календар // Энциклопедия уральских мифологий. Том 1. Мифология коми. – Москва–Сыктывкар: Издательство ДИК. – 1999. – С. 97–98.

Ларичев В.Е. Мудрость Змеи: Первобытный человек, Луна и Солнце. – Новосибирск: Наука СО. – 1989а. – С. 27–52.

Ларичев В.Е. Сотворение Вселенной: Солнце, Луна и Небесный Дракон. – Новосибирск: Наука ВО, 1993а. – 285 с.

Ларичев В.Е. Лунные и солнечные календари древнекаменного века // Календарь в культуре народов Мира. – М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993. – С. 38–69.

Ларичев В.Е. Лунные и лунно-солнечные календари эпохи ашеля и мустье (к проблеме истоков палеоастрономии) // Археология Северо-Восточной Азии. Астроархеология. Палеометрология. – Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН. – 1999. – С. 186–200.

Ларичев В.Е. Ритмы лунного Времени (реконструкция календарной системы эпохи раннего средневековья Томского Приобья) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН. – 2001. – С. 354–360.

Ларичев В.Е. Время и зооморфные образы в календарных системах финно-угров Западной Сибири и Приуралья (эпоха раннего средневековья). В печати. – 2002а.

Ларичев В.Е. Važ Kalendar финно-угров северо-востока европейской России (реконструкция систем счисления времени эпохи средневековья). – В печати. – 2002б.

Ларичев В.Е., Новиков А.В. Календари и космограмма из погребения средневекового воина (реконструкция систем счисления времени и пространственных представлений обитателей Новосибирского Приобья начала II тысячелетия н.э.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2000. – С. 324–331.

Larichev V.V. Time and Zoomorphous Images in Calendar System of the Ugro-Finish People of Western Siberia and the Cis-Ural Area (the Early Middle Ages). In press. – 2002а.

Larichev V.Ye. Važ Kalendar of Finno-Ugrians of the Wort-East of European Russia (Reconstruction of the Scales of the Time Notation of the Midieval Epoch). In press. – 2002 б.

*Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск.*

ДРАКОНИЧЕСКИЙ МИР, ДРАКОНИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ
(к проблеме семантики свернутого кольцом хищника)

Сюжет свернувшегося в кольцо плотоядного зверя, похожего то на пантеру, то на барса, волка или собаку, теснейшим образом связан с идеологией и бытом кочевого мира.

Его расшифровка потребует значительных усилий...

С.С. Сорокин¹

Вводные замечания. Семантика образов искусства скифо-сибирского звериного стиля юга Сибири, Средней и Центральной Азии – тема столь же актуальна, сколь и далека от решения. Так, предлагаемые варианты «прочтений» тех же, положим, особо популярных в искусстве эпохи раннего железного века сцен «борьбы и терзаний» отличаются озадачивающим разнообразием, что есть свидетельство неопределенности интерпретаций (их, как правило, отличает низкая степень доказательности, если не сказать – полное отсутствие таковой).

Методические установки. Истолкования образов художественного творчества скифской эпохи обретут желанный уровень лишь при использовании *на первом этапе исследования* неординарной, естественнонаучного стиля методик изыскания, когда выводы обосновываются не отвлеченными от реалий размышлениями «по логике вещей» или «здравому смыслу», а неоспоримой силы аргументами – *числами и, в определенных случаях, геометрией объекта изучения*. Та же методика требует неременного соблюдения одного фундаментальной важности условия – *вся искомая информация должна вначале извлекаться только из самого этого объекта, без апелляций к иным предметам и аналогиям из области этнографии и мифологии*. Такой подход в изучении образцов искусства от палеолита до раннего средневековья привел к положительным результатам, подтвердив факт основополагающий – бережного, на протяжении многих веков и тысячелетий, сохранения жречеством особо важной (протонаучной, мироведческой, философской) информации, которая запечатлевалась в скрытых (зашифрованных) контекстах предметов художественного творчества (см., для примера: [Ларичев, 1993а и б; 1999а; 2000а и б; 2001а и б; Ларичев, Ефремова, 1998; Ларичев, Жемерикин, 1996; Ларичев, Новиков, 2000; Ларичев, Варенов, 2001а и б; Ларичев, Бородавский, 2002; Ларичев, Кирьяк, 2002; Алкин, 1999]).

Новая методика предполагает также придирчивый выбор подходящего для интерпретаций предмета искусства. Придирчивый потому, что его следовало превратить затем, *в ходе неординарной направленности поиска*, в особой важности историко-культурный документ, а именно – в добротного качества источник. Он, этот предмет, должен поэтому обладать совершенно определенными особенностями – информационно насыщенным, доступным для прочтения знаково-образным *текстом*, со странной, конечно же, для иного археолога-вещеведа «грамматикой», «синтаксисом», а также поразительным в непривычности «алфавитом». Проще говоря, легко распознаваемый визуально художественный образ, запечатленный в объекте искусства звериного стиля, *должен быть непременно совмещен с числовыми знаковыми записями, подходящими для тестирования* (т.

¹ См.: [Сорокин, 1978, с. 187].

е. достаточно протяженными) и, желательно, обладать особенностями, позволяющими анализировать геометрические особенности фигур персонажей.

Источник. Все это может показаться всего лишь отвлеченной теорией. Поэтому подкрепим изложенное практикой: рассмотрим один из подходящих для семантических реконструкций предметов искусства – бронзовое зеркало с изображением свернутого кольцом дракона (рис. 1). Его диаметр 9,0 см, толщина 0,4 см, по краю выделен узкий бортик, лицевая сторона чуть выпуклая. Эта уникальная вещь была обнаружена в Синьцзяне при раскопках погребения M165 могильника Чауху-4 [Ли Сюэтан, 1993, с. 122–123]. Сама могила, в которой было захоронено три молодые женщины, не удостоилась отдельной публикации. Ее характеристики и материалы приводятся только в сводных описаниях и таблицах. По особенностям погребальных сооружений и найденной керамике китайские археологи отнесли ее к первому, наиболее раннему периоду существования могильника. В отчете о раскопках упоминается о находке еще одного зеркала с аналогичным изображением (в погребении M156). Однако во всех доступных публикациях о нем отсутствуют рисунок, фото и подробное описание. В предварительном сообщении, посвященном первому зеркалу, было высказано предположение о закодированной в сюжете идее солнечного затмения [Комиссаров, 1998]. Детальное изучение числовых последовательностей нацеливалось на раскрытие астрального характера зеркала.

Рис. 1

Презентация образа и знакового текста. Фигура дракона *вписана в круг*. На теле его от крупа до головы размещается 41 полоска (выступы). Они, видимо, имитируют шерстяной покров тела фантастического существа, которое интерпретируется китайскими исследователями по-разному: как дракон, тигр или волк. По общей стилистике изображение напоминает известный в скифском искусстве мотив свернувшегося кольцом хищника (как правило, кошачьего). Раскрытая зубастая пасть и когтистые лапы сближают его с центральноазиатской группой находок, которую Г.Н. Курочкин считает сформировавшейся под влиянием древнекитайского искусства и датирует VIII – VII вв. до н. э. [Курочкин, 1993, с.65–66] ¹. В этом отношении находка из Чауху может трактоваться как своеобразное связующее звено в предполагаемой схеме развития. Запечатленный образ носит явно синкретический характер. Оскаленная пасть и треугольное ухо намекают на собачьего

¹ Д.В. Черемисин считает зубастых («волкообразных») хищников изображениями «в стиле оленных камней» и относит их к раннему этапу [Черемисин, 1987].

хищника, закрученный спиралью хвост – на кошачьего; в то же время непропорционально длинное, вытянутое тело, маленькие ножки, угловатый контур головы усиливают «драконовость» облика. Сочетание разных «зверей» в одном связано, как будет показано ниже, с общей семантикой образа. Глаз дракона – круглый (см. на рис. 1 литеру *a*). В широко распахнутой пасти размещено 8 зубов – 5 на верхней челюсти и 3 – на нижней¹. Перед кончиком носа располагается кружок, явно отделенный от тела в качестве самостоятельного элемента (см. литеру *b*). Особая структура – петелька зеркала (см. литеру *в*).

Тестирование блоков знаковой системы; календарно-астрономический характер ее. Если принять знаки на теле и зубы за счетные знаки, то общее количество их составит весьма знаменательное в древней календаристике (известное в Сибири с эпохи палеолита!) число (см.: [Ларичев, 1999б, с. 308–330]):

$$41 \text{ (выступы)} + 8 \text{ (зубы)} = 49.$$

Оно примечательно тем, что при восприятии каждого знака в качестве символа суток *определяет период времени, кратный синодическому лунному месяцу (цикл смещения ночного светила по небосводу относительно Солнца):*

$$49 \text{ сут.} : 29,5306 \text{ сут.} = 1,6592 \approx 1 \frac{2}{3} \text{ син. лун. мес.}$$

Легкое несоответствие истинной продолжительности $\frac{2}{3}$ син. лун. месяца (недостача 0,2176 сут.) позволяет разгадать числовое предназначение знака *a*, глаза дракона. Его следует принять за *факультатив, который подключался в счетную систему при повторном считывании 49 знаков*, когда происходила автоматическая коррекция лунного периода:

$$49 \text{ сут.} + 1 \text{ (a)} = 50 \text{ сут.}$$

$$50 \text{ сут.} : 29,5306 \text{ сут.} = 1,6931 \text{ син. лун. мес.}$$

Как можно убедиться, легкая недостача в первом соотношении, компенсировалась (в определенной мере) во втором, ибо

$$(49 \text{ сут.} + 50 \text{ сут.}) : 29,5306 \text{ сут.} = 3,3524 \approx 3 \frac{1}{3} \text{ син. лун. мес.,}$$

что превышает истинную длительность $3 \frac{1}{3}$ мес. на 0,5639 сут.

Эта сама себя корректирующая календарная счетная система по сути своей аналогична хорошо известной в древней (с эпохи палеолита) системе, когда один лунный месяц принимался равным 29 суткам, а очередной – 30 суток, что и позволяло легко (автоматически!) избавиться от неудобной при отслеживании времени дробной части синодического лунного месяца – 0,5306 суток:

$$29 \text{ сут.} \rightarrow 30 \text{ сут.} = 59 \text{ сут.}$$

$$59 \text{ сут.} : 29,5306 \text{ сут.} = 1,9979 \approx 2 \text{ син. лун. мес.}$$

Для подтверждения сказанного рассмотрим, к примеру, очередной период, который фиксировался при последовательном счислении $49 \rightarrow 50$:

$$[49 + 50] + [49] \text{ сут.} = 148 \text{ сут.}$$

$$148 \text{ сут.} : 29,5306 \text{ сут.} = 5,0117 \approx 5 \text{ син. лун. мес.,}$$

с точностью (превышение) 0,347 сут., что составляет половину (с максимальной возможной точностью!) продолжительности древнейшего варианта лунного «года» – десятимесячного цикла (т. н. «год» основателя Рима – Ромула; подробности см. [Ларичев, 2001б]).

Реконструкция системы счисления драконического (затменного!) года. Самый, однако, впечатляющий и кардинально важный для семантических реконструкций результат достигается при выходе на *первый целостный (т. е. годовой продолжительности) цикл*, когда алгоритм $[49 \rightarrow 50]$ повторится *трижды*, а весь числовой ряд завершится счислением половины *четвертого*, т. е. 49 сутками:

$$[49 + 50 \text{ сут.}] \times 3 + [49 \text{ сут.}] = 346 \text{ сут.}$$

¹ Все эти числа установлены при многократном сравнительном просмотре увеличенных фотографий зеркала в итоговой монографии (см.: [Синьзян Чауху, 1999, цв. ил. IX, 4]), а также иллюстраций в других публикациях. Возможность работы с подлинником обсуждается с коллегами из Института археологии и памятников материальной культуры в Урумчи.

Для каждого, даже слабо осведомленного в астрономии и календаристике археолога такой результат не может не впечатлить, ибо 346 суток есть год весьма своеобразный – драконический, затменный, определяющий цикл смещения Солнца от одного узла лунной орбиты (точка пересечения Луною эклиптики, т.е. пути Солнца) к другому (173 сут.) и возвращения вновь к первому узлу (очередные 173 сут.):

$$173 \text{ сут.} + 173 \text{ сут.} = 346 \approx 346,62 \text{ сут.}$$

Год этот примечателен тем, что в течение последних 11 суток его могло ожидаться лунное затмение, *окажись в те дни ночное светило в фазе полнолуния* (подробности см. Ларичев, 1993б).

Итак, числовая, алгоритмического типа знаковая запись 49 → 50, позволяющая считать годовой драконический (затменный) цикл, *позволяет безукоризненно точно определить семантическую значимость свернутого кольцом существа с широко распахнутой пастью*. Это в самом деле дракон, действие которого всегда нацеливалось на одно и то же – на поглощение светил ради погружения Мироздания в желанное ему состояние неупорядоченности, т.е. Хаоса. В качестве символа такого рода светил предлагаем принять знак *б*, расположенный вблизи конца морды фантастического зверя.

Реконструкция системы счисления лунного года. Возможности счетной системы, связанной с драконом, не ограничиваются изложенным. В последующем счислении, нацеленном на выход к рубежам лунного и солнечного годовых циклов, задействовать следовало лишь знаки зубов (8) и, дополнительно (факультативно), в определенный момент, знаки *а* и *б*. Речь, следовательно, идет о восприятии знаков тела дракона, глаза его и *б* в качестве алгоритмического типа счетной системы, характерной для древних числовых записей, связанных с объектами искусства.

Разъясним сказанное на примере: подключение к полученному ранее числу 346 знаков всех зубов позволяет выйти на рубеж окончания простого лунного года –

$$346 \text{ сут.} + 8 \text{ сут.} = 354 \approx 354,367 \text{ сут.},$$

а подключение в третий год знака *б* позволяет выйти на рубеж окончания високосного лунного года *и на сутки повтора лунного затмения* (согласно расчетам астрономов, такое затмение повторяется на 355-356 сут. после предшествующего) –

$$346 \text{ сут.} + 8 \text{ сут.} + 1 (\text{б}) \text{ сут.} = 355 \text{ сут.}$$

Последнее обстоятельство подкрепляет верность определения знака *б* как светила, поглотить которое (затмение!) стремится дракон.

Реконструкция способа выравнивания лунного счета времени с временем солнечным (сезонным). Затменная сущность интеркалярия (аспект смерти, ухода в небытие). Что касается способа счисления солнечного времени, то, судя по всему, календаристы Чауху следовали обычному в древности лунно-солнечному календарному канону, а именно:

3 лунных года считывались один за другим в порядке, представленном выше, а затем в счетную систему вводился интеркалярий продолжительностью 34 сут., который считывался или по 8 знакам пасти (зубы) с подключением в конце знаков *а* и *б* –

$$[8 \text{ сут.} \times 4] + [1 (\text{а}) \text{ сут.} + 1 (\text{б}) \text{ сут.}] = 34 \text{ сут.},$$

или по знакам тела до пары явно сближенных черточек *г* и *д*, которые и определяют, соответственно, 33 – 34 сут. от начала счета.

То или другое (проще – второе) позволяло по окончании лунного трехлетия и завершения интеркаляции выровнять лунный счет времени со временем солнечным (сезонным!). В самом деле:

$$(354 \text{ сут.} \times 3) + 34 \text{ сут.} = 1096 \text{ сут.}$$

$$1096 \text{ сут.} : 365,242 \text{ сут.} = 3,000750 \text{ солн. лет.}$$

В заключение календарных расшифровок обратим внимание *на затменную сущность 34 суток интеркалярия*. Этот период есть в календаристике эпоха солнечного затмения. Суть такого цикла в трехлетьи заключается в следующем:

когда в течение 17 суток Солнце сближается с узлом лунной орбиты, а затем в последующие 17 суток отдаляется от него, то может ожидаться наступление солнечного затмения или даже двух затмений, ибо в течение 34 суток Луна может оказаться в фазе новолуния дважды. Обратим внимание на то, что 34 сут. *кратны не синодическим, а сидерическим (звездным!) оборотам Луны* (движение ночного светила на фоне звезд, что позволяло отслеживать ее смещение с особой точностью):

$$34 \text{ сут.} : 27,32 \text{ сут.} = 1,2445 \approx 1 \frac{1}{4} \text{ сид. лун. мес.,}$$

а 8 сут. (знаки зубов пасти дракона!), которые считывались четырежды, кратны *синодическому* (фазовому, смещение относительно Солнца) обороту Луны:

$$8 \text{ сут.} : 29,5306 \text{ сут.} = 0,2709 \approx \frac{1}{4} \text{ син. лун. мес.}$$

Реконструкция систем счисления синодических оборотов планет. Исключительные комбинаторные возможности немногих чисел, остроумно избранных для знаковых записей зеркала, подтверждают предельно простые алгоритмы счисления циклов *синодических* (относительно Солнца) оборотов планет. Периоды двух из них определяли *все* (исключая глаз!) взятые определенное число раз *знаки дракона* (49), дополненные в конце счисления знаками *тела* (41) и *глазом* (а):

$$\text{Венера} : (49 \text{ сут.} \times 13) + 41 + 1 (a) \text{ сут.} = 584 \approx 583,9 \text{ сут.}$$

$$\text{Марс} : (49 \text{ сут.} \times 15) + 41 + 1 (a) \text{ сут.} = 780 \approx 779,9 \text{ сут.};$$

в одном случае – *все* (исключая глаз!) взятые 8 раз *знаки дракона*, дополненные в конце счисления знаками *зубов* (факультатив):

$$\text{Юпитер} : (49 \text{ сут.} \times 8) + 8 \text{ сут.} = 400 \approx 398,9 \text{ сут.};$$

и в одном случае – все взятые 9 раз *знаки* только лишь *тела дракона* и *глаз* его – *а*:

$$\text{Сатурн} : (41 + 1 (a) \text{ сут.}) \times 9 = 378 \approx 378,1 \text{ сут.}$$

Эта своеобразная числовая комбинаторика – хорошее поле для семантических оценок каждой из планет (интерпретационный сюжет, который заслуживает особого разговора).

«Зверь в кольце»: в поисках утраченного смысла. Чрезвычайно выразительный образ, который *сам по себе сюжет*, устойчиво встречается в пределах всей обширной области распространения памятников скифского культурного круга¹. В качестве одной из основ – «наиболее оригинальных, самобытных, ниоткуда не заимствованных мотивов, составляющих первичное ядро скифского звериного стиля» [Ильинская, 1971, с. 78], – он неоднократно становился предметом специальных исследований. Однако разработка его сводилась либо к наивной этиологии (поза «типичная для отдыхающей кошки» [Баркова, 1983, с. 23]), либо к громоздким типологическим построениям. Однако чисто вещеведческие штудии одних и тех же, по существу, материалов часто приводили исследователей к прямо противоположным выводам, порождая бесконечные споры об исходных импульсах и формах². Взятая вне культурного контекста типология вела к тому, что в отдельных случаях два варианта иконографической схемы обнаруживали в составе единого комплекса, по поводу чего М.Н. Погребова и Д.С. Раевский меланхолично заметили: «... небезынтересно с точки зрения оценки скорости развития рассматриваемой схемы и подтверждает тезис об уязвимости опоры на композиционные особенности трактовки данного мотива при решении вопроса о соотношении различных его воплощений во времени» [Погребова, Раевский, 1992, с. 119]. Воистину, еще как подтверждает!

Бесконечные рассуждения о том, какое изображение более «реалистично», а какое более «схематично» запутали даже такого строгого исследователя, как С.С. Сорокин, что выразилось у него в примечательной фразе: «...Морда выполнена реалистически (хотя она и принадлежит фантастическому зверю)» [Сорокин, 1972, с. 77]. Чтобы вырваться из порочного замкнутого круга субъективных оценок, Ю.Б. Полидович попытался определить

¹ Предварительная каталогизация большинства известных находок выполнена в работе С.А. Васильева [Васильев, 2000]. Там же см. краткий обзор литературы.

² Здесь сказалось также прямо таки завораживающее воздействие высоких культур Древнего Востока, которое «привязало» многих исследователей к весьма сомнительному в археологическом плане набору вещей из Зивие.

набор формальных признаков, которые характеризуют каждый из объектов. В итоге он пришел к следующему выводу: «процессы *зарождения* [курсив наш – В.Л., С.К.] и развития *изображения* [курсив автора – В.Л., С.К.] свернувшегося хищника проходили различными путями в западной и восточной «провинциях» скифского «звериного стиля» [Полидович, 1994, с. 67]. Тем самым он попытался доказать, что видимое единство образа на самом деле таковым не является, с чем трудно согласиться.

Сказанное невольно подталкивает к однозначному выводу: только формально-типологический (а не структурно-семантический) анализ предметов искусства неизбежно приводит к подобным противоречиям. Между тем, семантике достойное внимание не уделяется (если не считать за таковую набившие оскомину фразы о «тотемных знаках» или о символах «хищности и силы»). К числу серьезных интерпретаций семантики относится лишь вывод Д.С. Раевского, который установил структурное соответствие между образами «свернувшегося в кольцо хищника» и «мирового змия» [Раевский, 1985, с. 118, 119] и, таким образом, включил скифский сюжет в семантическое поле, связанное с космогоническими мифами (а не только с хтонической составляющей модели мира). Поскольку змей и дракон полностью алломорфны, то изображение из Чауху можно рассматривать как подтверждение этой гипотезы. Отметим также методологически высоко значимую идею Е.Е. Кузьминой, которая при интерпретации другого популярнейшего сюжета скифо-сакского искусства, сцены терзания, предположила астрально-солярную семантику его [Кузьмина, 1979]. Это всецело подтверждает анализ числовых кодов дракона из Чауху.

Семантика свернутого кольцом хищника. Роль жрецов-астрономов в архаических обществах Центральной и Восточной Азии. Для уточнения общей семантики фантастического облика свернутого кольцом существа, заключенного в круг, равно как и источников его формирования, еще раз обратимся к его трактовке. Перед раскрытой пастью зверя расположен маленький кружок, который он заглатывает (или изрыгает). Композиция явно изображает широко известную мифологему о пожирании небесного светила драконом (или его алломорфом: змием, крокодилем, лягушкой). Само зеркало, край которого оконтуривает свернувшегося зверя, возможно есть светило в брюхе хищника. Тем самым, как всегда, поразительно экономными средствами жрецы зафиксировали три этапа развития событий: зверь глотает светило (идея смерти) – содержит его у себя в брюхе (временное торжество Хаоса) – и вновь выпускает наружу (идея возрождения).

Интересен в генетическом плане и синтетический (волк – тигр – дракон) облик хищника. Устойчивая космологическая связь тигра и дракона известна в китайской мифологии, в которой она восходит к эпохе позднего неолита. Однако глотает Солнце в китайском фольклоре Небесная собака (в данном случае, волк) Тянь-гоу. Тесная же связь между драконом (во всех его проявлениях) и Солнцем (Небом, светилами) отмечается и в мифологических представлениях индоевропейских народов. Они, судя по всему, оказали определенное влияние (через образ коня-дракона) на древнекитайские мифы [Евсюков, Комиссаров, 1984, с. 62]. Итак, выходит, что изображение из Чауху возникло на пересечении двух мощных культурных традиций. Они встретились на территории Восточного Туркестана.

Поскольку со знаковой системой его оказались связанными основные доминанты Мироздания – Луна, Солнце, звезды, четыре планеты и, по-видимому, Земля (петелька зеркала?), то оно, *существо это, представляет со всеми сопутствующими его элементами (круг, само зеркало, его петелька) живую картину Вселенной.* Зыбкая неустойчивость этого Мира становится очевидной при осознании глубинной сущности живого воплощения его, *Дракона, страстью желающего превратить Гармонию в Хаос (идея самоуничтожения проявленного материального Мира).* Сюжет зеркала со всей определенностью намекает именно на эту идею – распахнутая пасть свернутого кольцом дракона нацеливается на символ светила (см. литературу б), в коем могло видеться воплощение не только Луны, но и любой из планет, ибо эти «блуждающие звезды» исчезают с небосклона при верхнем (а в случае с Меркурием и Венерой – и при нижнем) соединении с дневным светилом. В таком

случае, Солнце и есть этот дракон, а явление солнечного затмения есть *самопожирание его, для чего чудовище и сворачивается в кольцо!*

Избежать вселенской катастрофы можно было лишь предугадав наступление ужасающего события (произвести расчеты времени наступления затмений; на способность жрецов культуры чауху делать это намекают знание ими продолжительности драконического года, умение отслеживать сидерические (звездные!) периоды Луны и осведомленность о продолжительности интеркалярия – эпохи солнечного затмения, при этом, надо думать, они свершали соответствующие ритуально-обрядовые действия). Это и входило в непрменные, особо важные обязанности жреческого сословия культуры чауху. Они обязаны были вычислять даты затмений и свершать колдовские действия, ибо знали тайну из тайн – «беспорядки в Небе» зеркально отражаются «потрясениями» (природными и социальными) на Земле. Жрецы эти со времен легендарных китайских императоров Ся (конец III тыс. до н. э.) знали, что грозит им при нерадении тщательного отслеживания небесных явлений. Их немедленно лишали головы, как, по преданию, случилось это с астрономами Си и Хэ 22 октября 2137 г. до н. э. во время правления владыки Чжун Кана (см. [Ларичев, 1993, с. 5–10]).

Образ дракона был, однако, судя по всему, полисемантичен. Ведь он мог не только «пожирать» светила, но и «порождать» их, «выплывая» в космическое пространство (появление Луны и планет на противоположной стороне небосклона после окончания периода соединения их с Солнцем и невидимости). В таком случае, дракон виделся древним благостным существом, порождающим Мир (космогонический аспект интерпретаций).

Презентация культуры. Какой же, однако, была культура, творцы которой создали этот поразительный по емкости образно-знаковый текст, совмещенный с бронзовым диском? Она занимала обширные пространства в Южном Притяньшанье, оставив после себя несколько обширных могильников. Основу составляет серия близких по времени могильников в Чауху (всего около 1500 погребений, в т. ч. 448 раскопанных), которые и дали наименование культуре в целом [Синьцзян Чауху, 1999; Чэнь Гэ, 1993]. Погребальные сооружения и обряд обнаруживают значительное разнообразие даже в рамках одного могильника. На поверхности захоронения отмечались, как правило, каменными насыпями, выкладками или оградками, под которыми находилось от одной до нескольких могильных ям. Часто к могилам вел короткий и неглубокий проход. Сверху они перекрывались каменными плитами либо деревянными плахами, а дно выстилалось жердями или матами из травы. В некоторых могилах сверху, на каменных перекрытиях, находили черепа и кости сопребренных людей. Захоронения чаще всего были групповыми вторичными, по несколько (вплоть до 21) костяков в одной яме. Среди немногочисленных определимых способов трупоположения (в большинстве случаев кости лежали в беспорядке) выделены два: скорченные на боку (головой на северо-запад) и вытянутые на спине. Предварительное изучение краниологических серий позволило выделить в качестве значимой характеристики искусственную перфорацию некоторых черепов, которая могла применяться как в медицинских, так и в ритуальных целях. Могилы взрослых часто сопровождалась детскими погребениями и жертвенными ямами с черепами одной-двух лошадей.

В составе инвентаря представлены керамические, бронзовые, железные, каменные и костяные изделия, а также, благодаря климатическим условиям Синьцзяна, сохранившиеся деревянные предметы и обрывки шерстяных цветных тканей. Керамический комплекс, наиболее важный для определения культурной общности, имеет своеобразные черты. Вся керамика изготовлялась вручную. Черепок, как правило, красноватого цвета, с добавлением песка. В качестве наиболее характерного типа выделяется кувшин с ручкой и сливом, верхняя часть которого нередко покрывалась расписным орнаментом. Роспись наносилась красным и черным цветом на белую (реже – красную) ангобированную поверхность. Среди мотивов преобладали узоры в виде свешивающихся треугольников, квадратной и ромбической сетки, ломаных волн. Представлены также кувшины с ручкой; расписные кринки с характерно перехваченным горлом и расширяющимся устьем; чашки с ручкой

закрытой баночной формы; ковши и др. Особо выделим важную роль кувшинов со сливом, которые можно считать определяющим культурным индикатором Чауху. Здесь не рассматривается вопрос, связанной с семантикой орнаментации чаухуской керамики. Здесь не рассматривается вопрос, связанный с семантикой орнаментации чаухуской керамики. Отметим лишь, что ритмическое чередование в росписи геометрических фигур и их элементов также есть, вероятно, знаковый текст.

В это время продолжают использоваться бронзовые изделия. Больше всего найдено различных по форме ножей – с дугообразным, прямым или вогнутым обушком; рукоять часто отделяется небольшим уступом; навершие, если оно имеется, кольцевое, в одном случае в виде стоящего зверя. Представлены бронзовые удила, обоймы, шилья, иглы, пуговицы, топор-кельт и несколько круглых зеркал. Железные изделия (ножи и кольца), хотя и в сравнительно небольшом количестве, используются наравне с бронзовыми уже на самых ранних этапах культуры [Чэнь Гэ, 1996, с.18], которая по ряду характеристик примыкает к скифо-сакскому культурному кругу. Из кости и рога изготавливались наконечники стрел, псалии, пряслица, застежки; из дерева – луки и стрелы, блюда, пряслица, а также специфические приборы для добывания огня трением. Украшения представлены серьгами из золотой (редко – серебряной) проволоки; много бус (в основном, цилиндрической и бочковидной формы) из агата, талька, бирюзы.

Антропологи исследовали черепа из могильника Чауху-4. Изучение 106 костяков засвидетельствовало полное преобладание у чаухусцев европеоидных черт. Это заметно отличает их от преимущественно монголоидного населения последующей хуннуской эпохи, представленного, например, могильником Чауху-3 [Худяков, Комиссаров, 2002, с. 78–79].

Другой крупный могильник той же культуры, Чунбак (Цюньбакэ), приурочен к более равнинным условиям, что отразилось в погребальном обряде. Если чаухуские горцы широко использовали в могильных сооружениях камень, то их равнинные соплеменники стали чаще применять дерево для крепежа и перекрытия могил. На поверхности погребения отмечены каменными насыпями, под которыми располагались одна или несколько могильных ям (иногда с коротким дромосом), перекрытых сверху деревянными плахами. В нескольких случаях камера с коридором возводилась из бревен на дневной поверхности, после чего засыпалась землей. Преобладали групповые вторичные захоронения; кости и деревянные конструкции, как правило, сильно обожжены. Рядом с могилами открыты жертвенные ямы с костями (большой частью черепами) лошадей и верблюдов. Сопроводительный инвентарь довольно разнообразен. Преобладает керамика. Сосуды по форме и орнаменту близки к находкам из Чауху. Наиболее представительными формами также являются кувшины со сливом, горшки с ручками и ушками, ковши. Из бронзы изготавливались ножи, наконечники стрел, удила, зеркала; из железа – ножи, серпы, иглы; из дерева – посуда, пряслица, стрелы; из кости – наконечники стрел, псалии, заколки, пряслица. Много фрагментов цветных шерстяных тканей. Полученные даты по радиоуглероду, с учетом калибровки, в основном укладываются в промежуток 1000–500 гг. до н. э. (хотя есть и более поздние даты). Следует заметить, что проблема датирования данного могильника и культуры чауху в целом заслуживает специального обсуждения, т. к. найденные материалы по внешнему облику относятся к раннескифскому времени, памятники которого в других районах Евразии имеют устоявшиеся даты в пределах VIII–VI вв. до н. э. Очевидно, именно такой сравнительно поздний этап культуры чауху (вариант чунбак) представлен могильником в Шанхусян, где раскопано три могилы без наружных конструкций. В двух из них захоронены по обряду ингумации, соответственно, два и три костяка (в вытянутом положении на спине). Могила М3 представляет собой большую яму с дромосом, который на входе в могилу закрывался деревянными воротами. Внутри выявлено два слоя прокаленной почвы с человеческими костями (10 и 11 черепов, в основном взрослых мужчин, а также два женских и один детский). Все они сильно обожжены [Хэ Дэсюй, 1999]. Аналогичные захоронения известны в Чунбак. Керамика тоже сопоставима с чунбакской. Широко представлены кувшины со сливом и горшки с ушками. Сравнительно много железных изделий (ножи, наконечники

стрел). Найден один биметаллический кинжал с бронзовой рукоятью и железным клинком. Среди украшений отмечены витые серьги из золотой проволоки, бусины из различных материалов (агата, хрусталия, нефрита, стекла). Вызывает интерес находка возле женского захоронения в могиле М1 кусочка красящего минерала, который мог использоваться как косметическое средство (для подведения бровей и ресниц). Аналогичные предметы обнаруживали и в Чауху.

Материалы из Синьцзяна, датированные наиболее ранними этапами скифской эпохи, активно привлекаются некоторыми исследователями как аргументы в дискуссии о т.н. центральноазиатском происхождении скифов. Ее сторонникам пока не удается выстроить стройную систему доказательств, и они вынуждены оперировать, по сути, единичными, хотя и очень интересными фактами (см. [Молодин, Комиссаров, 2001, с. 283–285]. Тем не менее, приходится констатировать, что в южных предгорьях Тянь-Шаня выявлена культура скифской эпохи, относящаяся к ранним ее этапам как по характеристикам инвентаря, так и по радиоуглеродным датам. Полученные порядка 50 дат по всем могильникам Чауху и Чунбак определяют промежуток существования этой культуры периодом 1000–500 гг. до н. э., причем почти половина захоронений относится к раннему этапу. Последние данные по чаухускому могильнику в районе Кызыльского водохранилища не только подтверждают ранние даты, но и уводят их (после калибровки) в XI и даже XII вв. до н. э. [Чжан Пин, Чжан Тенань, 1999].

Происхождение культуры в целом до конца не ясно. Помимо изделий скифского облика, там обнаружен большой набор расписной керамики, для которого примечательны определённые соответствия со среднеазиатской керамикой (см. [Заднепровский, 1992, с. 95]), но также и с культурой яньблак Хамийской котловины, а через нее – с протоцянскими культурами Ганьсу–Цинхая. Нельзя полностью исключить воздействие (возможно, опосредованное) чжоуской цивилизации, которое могло проявляться в создании сложных образов (в частности, тигра–дракона на бронзовом зеркале). Таким образом, культура явно была неоднородной, композитной по составу, имела несколько вариантов и этапов развития.

Носители культуры чауху – самые ранние кочевники Восточного Туркестана [Комиссаров, 2001]. Об этом свидетельствуют следующие факты: 1) состав стада – лошади, овцы, верблюды, отчасти крупный рогатый скот и отсутствие следов столь характерного для Восточной Азии свиноводства; 2) многочисленные жертвенные захоронения черепов лошадей и верблюдов, что свидетельствует об особом почитании этих животных, определявших такую «фундаментальную парадигму социально-экономических процессов в кочевой среде» как скорость кочевания; 3) наличие в сопроводительном инвентаре многочисленных удил, псалиев, различных пряжек и обойм для сбруи; 4) абсолютное преобладание в составе керамики сосудов со сливом, больших сосудов с ручками и ушками для подвешивания, а также ковшей, что указывает на развитие молочного хозяйства; 5) преобладание вторичных групповых захоронений, что, возможно, свидетельствует об их сезонном характере.

В погребальной трапезе преобладала баранина, хотя в нескольких случаях встречалась зерновая пища и каштаны. Носители культуры чауху не только употребляли зерно в пищу (что естественно), но и могли его выращивать. В могильнике Чунбак обнаружены пшеничные зерна вместе с колосьями и соломой, а также два железных серпа в составе набора орудий труда. Здесь, возможно, проявилось влияние среднеазиатских земледельческих культур. На такое направление связей указывают и обнаруженные бронзовые зеркала с ручками, которые не встречаются на других чаухуских памятниках [Сунь Бингэнь, Чэнь Гэ, 1987; Цун Дэсинь, Чэнь Гэ, 1991]. В любом случае, выявленный земледельческий сектор занимал ничтожно малое и явно подчиненное положение в общей системе хозяйствования. Концентрация памятников в предгорных районах Тянь-Шаня позволяет поставить вопрос о вертикальном характере кочевания.

Наличие в культуре такого характера уникального вычислительного прибора позволяет говорить о высоком уровне интеллектуального развития кочевого сообщества (во

всяком случае, его элиты), которое качественно ничем, в сущности, не уступало развитым оседлым цивилизациям древности. Это свидетельство укрепляет концепцию становления и развития кочевых цивилизаций, которые компенсировали недостаток письменности использованием сложных знаковых – как числовых, так и образных – структур (типа зеркала из Чауху-4), а также развитой мифолого-эпической традицией.

Список литературы

Алкин С.В. Небесные змеи на зеркале из Ганьсу // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Археология и этнография. – 1999. – № 3. – С. 79–83.

Баркова Л.Л. Изображения свернувшихся хищников на золотых пластинках из Майэмира // Археологический сборник (Гос. Эрмитажа). – Л.: Искусство, 1983. – С. 20–31.

Васильев С.А. К вопросу о происхождении сюжета «хищник, свернувшийся в кольцо» в скифском зверином стиле: Каталог изображения. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. – 78 с.

Евсюков В.В., Комиссаров С.А. Бронзовая модель колесницы эпохи Чуныцю в свете сравнительного анализа колесничных мифов // Новое в археологии Китая: Исследования и проблемы. – Новосибирск: Наука, 1984. – С. 52–66.

Заднепровский Ю.А. Новая археологическая культура ранних кочевников Восточного Тяньшаня (могильник Чавухугоу, Кунбак и другие) // Северная Евразия от древности до средневековья: Тез. конф. к 90-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. – СПб., 1992. – С. 94–96.

Ильинская В.А. Образ кошачьего хищника в раннескифском искусстве // Сов археология. – 1971. – № 2. – С. 64–85.

Комиссаров С.А. Бронзовое зеркало с узором из Восточного Туркестана (Синьцзян) // Междунар. конф. по первобытному искусству: Тез. докл. – Кемерово: Изд-е Сиб. Ассоциации исследователей первобытного искусства КемГУ, 1998 – С. 101, 102.

Комиссаров С.А. О начале кочевничества на территории Восточного Туркестана // Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие культур и народов: Мат-лы III Междунар. конф. – Барнаул: БГПУ, 2001. – С. 5–9.

Кузьмина Е.Е. Сцена терзания в искусстве саков // Этнография и археология Средней Азии. – М.: Наука, 1979.

Курочкин Г.Н. Изображение свернувшегося хищника в тагарском искусстве // Краткие сообщения Ин-та археологии РАН. – 1993. – Вып. 207. Античная археология и памятники железного века на территории СССР. – С. 59–67.

Ларичев В.Е. Сотворение Вселенной: Солнце, Луна и Небесный Дракон. – Новосибирск: ВО «Наука», 1993а. – 285 с.

Ларичев В.Е. Лунные и солнечные календари древнекаменного века. – М.: Наука, 1993б. – С. 38–69.

Ларичев В.Е. Время в образах искусства скифо-сибирского звериного стиля (к методике раскрытия семантики сцен борьбы и терзаний) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000а. – № 3. – С. 70–74.

Ларичев В.Е. Дракон – Dyaus Pitar, «Бог Величайший, все порождающий и в себе содержащий» (опыт реконструкции системы счисления времени и космогонических мифов жречества скифской эпохи юга Западной Сибири) // Междунар. конф. по первобытному искусству: Труды. – Кемерово: Изд-е Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства при КемГУ. – Т. 2. – 2000б. – С. 121–136.

Ларичев В.Е. Время в образах искусства скифо-сибирского звериного стиля (календарно-астрономический подтекст сцены противостояния льва и семейства кабанов фантастического облика) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001а. – № 3. – С. 128–132.

Ларичев В.Е. Ритмы лунного времени (реконструкция календарной системы эпохи раннего средневековья Томского Приобья) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН. – 2001б. – Т. VII. – С. 354–360.

Ларичев В.Е., Бородовский А.П. Божество из Каракана (опыт астральной интерпретации каноничного образа) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН. – 2002. – Т. VIII. – (в печати).

Ларичев В.Е., Варенов А.В. Золотые календари и космограммы Запада Центральной Азии // Традиционная культура Востока Азии. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2001а. – Вып. 3. – С. 91–115.

Ларичев В.Е., Варенов А.В. Древняя Бактрия: Золотое время // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН. – 2001б. – Т. VII. – С. 61–67.

Ларичев В.Е., Ефремова Н.С. Календари «Страны стерегущих золото грифов» (реконструкция систем счисления времени на Алтае в скифскую эпоху) // Сибирь в панораме тысячелетий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. – Т. I. – С. 319–330.

Ларичев В.Е., Жемерикин Р.В. Андроновский «космограф» // Интеграция археологических и этнографических исследований: Мат-лы IV Всерос. науч. семинара, посвященного 60-летию со дня рождения В.И. Васильева. – Новосибирск; Омск: Изд-во ОмГУ, 1996. – Ч. I. – С. 41–44.

Ларичев В.Е., Кирьяк М.А. Древнекаменный век Северной Азии: Дальневосточное Время (лунно-солнечная календарная система ушковской культуры) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН. – 2002. – Т. VIII. – (в печати).

Ларичев В.Е., Новиков А.В. Календари и космограммы из погребения средневекового воина (реконструкция системы счисления времени и пространственных представлений обитателей Новоенибирского Приобья начала II тыс н. э.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН. – 2000. – Т. VI. – С. 324–331.

Молодин В.И., Комиссаров С.А. Соотношение древних культур Восточного Туркестана и Сибири: (К историографии проблемы) // Восток – Россия – Запад: Исторические и культурологические исследования. – М.: Памятники исторической мысли, 2001. – С. 273–301.

Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы и Древний Восток: К истории становления скифской культуры. – М.: Наука, 1992. – 260 с.

Полидович Ю.Б. О мотиве свернувшегося хищника в скифском «зверином стиле» // Рос. археология. – 1994. – № 4. – С. 63–78.

Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры: Проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей I тысячелетия до н. э. – М.: Наука, 1985. – 256 с.

Сорокин С.С. Свернувшийся зверь из Зивие // Сообщения Гос. Эрмитажа. – Л.: Аврора, 1972. – Вып. XXXIV. – С. 75–78.

Сорокин С.С. Отражение мировоззрения ранних кочевников Азии в памятниках материальной культуры // Культура Востока: Древность и раннее средневековье. – Л.: Аврора, 1978. – С. 172–191.

Худяков Ю.С., Комиссаров С.А. Кочевая цивилизация Восточного Туркестана. – Новосибирск: НГУ, 2002. – 156 с.

Черемисин Д.В. К вопросу о происхождении мотива свернувшегося в кольцо хищника (изображения на оленных камнях) // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: Тез. докл. – Омск: ОмГУ, 1987. – С. 150–152.

Ли Сюэтан. Бронзовые зеркала раннего периода в районе Синьцзяна и связанные с ними вопросы // Синьцзян вэнью. – 1993. – № 1. – С. 121–131, 149.

Синьцзян Чауху – дасин шицзу муди фацзюэ баогао [Чауху в Синьцзяне – отчет о раскопках больших родовых могильников] / Ван Вэйхуа, Ван Минчжэ, Ли Сюэтан, Люй Эньго, Хань Кансинь, Чжан Вэньбинь, Чжан Цзюнь, Чжоу Линсяо, Чжоу Цзиньлин. – Пекин: Дунфан, 1999. – 416 с. + 84 ил.

Сунь Бингэнь, Чэнь Гэ. Краткий отчет о первом сезоне раскопок могильника Цюньбакэ, у. Луньтай // Синьцзян вэнью каогу синь шоухоу [Новые результаты по археологии и памятникам материальной культуры Синьцзяна]: (1979–1989). – Урумчи: Синьцзян мэйшу шэинь чубаньшэ, 1995. – С. 356–367. – (перепечатка статьи 1987 г.).

Хэ Дэсюй. Древний могильник в Шанхусян, г. Корла, Синьцзян // Вэнью. – 1999. – № 2.

Цун Дэсинь, Чэнь Гэ. Краткий отчет о втором и третьем сезонах раскопок могильника Цюньбакэ, у. Луньтай // Синьцзян вэнью каогу синь шоухоу (сюй) [Новые результаты по археологии и памятникам материальной культуры Синьцзяна (продолжение)]: 1990–1996. – Урумчи: Синьцзян мэйшу шэинь чубаньшэ, 1997. – С. 281–302. – (перепечатка статьи 1991 г.).

Чжан Пин, Чжан Тенань. Первый (сезон) раскопок могильника (в районе Кызыльского водохранилища, уезд Байчэн // Синьцзян вэнью. – 1999. – № 3–4. – С. 1–18, 107.

Чэнь Гэ. Краткое обсуждение культуры чаухугоукоу, Синьцзян // Каогу юй вэнью. – 1993. – № 5. – С. 42–50.

Чэнь Гэ. Западный край в доисторический период // Сиюй тунши [Обобщающая история Западного края]. – Чжэнчжоу: Чжунчжоу гуцзи, 1996. – С. 1–31.

*Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск*

ФЕНОМЕН АРХАИМА С ПОЗИЦИИ ПАЛЕОАСТРОНОМА

Первое, что следовало сделать на руинах Аркаима при археоастрономических исследованиях, – выбрать место для установки теодолита. По предварительным замерам планов (топография археологов), конструкция имела геометрический центр, как центр окружностей и дуг, и как фокус схождения продолжений радиальных стен-перегородок внутреннего круга. Заманчиво было установить теодолит в этот центр. Положение центра на планах определяется неуверенно. Строго говоря, в археологической топографии центра, как точки, не существовало. Он представлялся некоторой обширной областью в середине центральной площади. Археологи не обнаружили геометрии, поскольку их топография для этого недостаточно точна. Они вообще не смогли согласиться с тем, что результат реконструкции так сильно зависит от точности топографии.

В такой ситуации потребовалось провести все необходимые геометрические процедуры на памятнике (в раскопе). Оказалось, что центр внутреннего круга Аркаима может быть локализован до размеров кольшпка (рис. 1). Центры трех дуг и фокус четырех радиальных стен-перегородок практически совпали. Весьма важно, что тот же результат получен и на свежих раскопах: два фрагмента кольцевой стены (диаметрально противоположных) оказались равноудалены от найденного центра.

Зафиксировав положение центра кольшпком и установив над ним теодолит 2Т-5К, мы приступили к следующему действию – определению положения истинного меридиана этой точки. Следует признать, что первая попытка была варварской. Пришлось измерить траекторию Полярной звезды за период видимости (с вечера до утра), затем на графике определить центр дуги и найденный азимут выставить на линии горизонта (кольшек на гребне отвала раскопок). На счастье, в этот год на Аркаим приезжали профессионалы астрономогеодезисты (преподаватель Челябинского пединститута и преподаватель Московского МГАИКА). Независимо друг от друга и от "варварского" меридиана, они производили измерения (а также контроль инструмента) высоты Полюса Мира и его положения. Удивительно, что все три меридиана уместились в одну минуту дуги. Нас вполне устроила бы точность в 5' и даже в 10', поскольку, по распространенному мнению, неоптические угломерные инструменты древних (гномон, квадрант) не могли иметь большей точности. Только пригоризонтные обсерватории выставляли азимуты "событий" до 0,5', что возможно с использованием дальних визиров.

Дальнейшие действия описывать нет необходимости, достаточно отметить ключевые моменты. Первый из них – визир западного горизонта.

На первом этапе исследований проводились измерения, которые казались неизбежными и обязательными из общих соображений и в связи с описанной технологией археоастрономических исследований (в астрономической части). Однако очень рано обнаружилось, что мы идем по следам древних геодезистов. Первый раз это случилось на линии западного горизонта, там, где ее пересекает параллель геометрического центра внутреннего круга.

Через окуляр теодолитной трубы на азимуте 270°00'00" видна вершина холма. Он удален от Аркаима всего на 1,5 км, а потому там можно установить свой дальний визир-кольшек из алюминиевой трубы. Делать это пришлось без напарников. На вершине холма обнаружилась древняя круглая выкладка из камня диаметром около 2 м. В ее середине было небольшое углубление, которое можно понимать как след от бревна или камня.

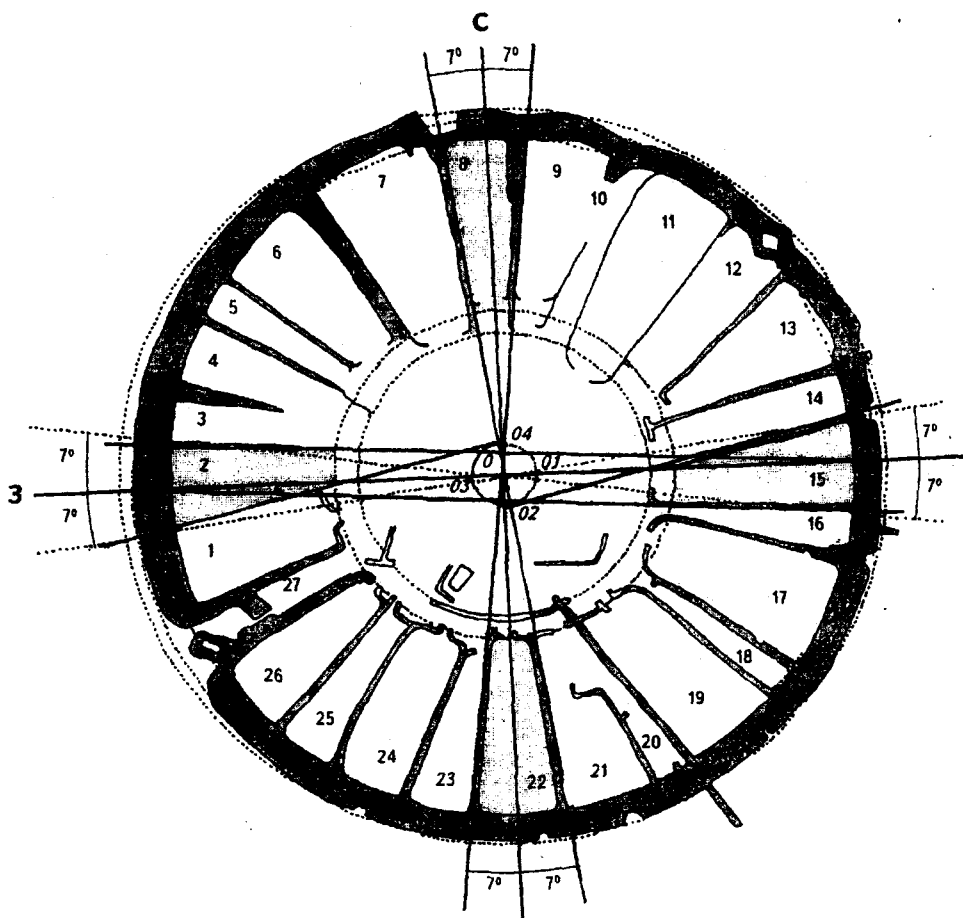

Рис. 1. Внутренний круг Аркаима.

Естественная система координат геометрического центра (O).
Помещения 8 и 22 посвящены меридиану, а 2 и 15 — параллели

Оказалось, что визир установлен на азимуте $270^{\circ}00'00''$, и горизонтальная черта окулярного поля в этом месте проходит как касательная к вершине холма. О секундных точностях говорить бессмысленно, но минутная – гарантируется. Параллель центра Аркаима выставлялась на линии видимого горизонта с точностью угломерного инструмента! Кем и когда? Можно предположить, что так поступали строители Аркаима. Однако одна эта вершина еще не аргумент – случайное совпадение исключить нельзя. В нашем распоряжении были карты М1:10000 территории Аркаима и окрестностей. На них обнаружилось, что и восточная полуось параллели центра проходит по вершине холма. Сам этот холм расположен за линией видимого (с ног) горизонта. В этом месте сейчас растет лес и в летнее время он закрывает грунтовую часть горизонта, поэтому прямых измерений на азимуте $90^{\circ}00'00''$ провести не удалось. Однако исследование топографической карты обнаруживает, что сама вершина холма была видна с площади Аркаима и сливалась с линией горизонта.

Большой холм находится и на южной полуоси меридиана, на азимуте $180^{\circ}00'00''$. Древних геодезических знаков на его вершине не отмечается. Там есть могила "этнографического" времени (по оценкам археологов), но она могла быть устроена на месте древнего знака и с использованием его материала. Могила не раскопана. Северная полуось меридиана проходит по ровному спокойному горизонту и ничем на нем не отмечена. Обнаружив эти детали, можно заподозрить, что Аркаим следует отнести к памятникам, ориентированным строителями по сторонам света с необъяснимо высокой точностью. Довольно скоро выяснилось, что в конструкции сооружения есть элементы, свидетельствующие о том же. Первоначально (для удобства работы) выставлялась естественная прямоугольная система координат с началом отсчета в геометрическом центре внутреннего круга, а в последствии обнаружилось, что также поступали и строители

Аркаима. Спрашивается зачем? Для чего может понадобиться столь точная ориентировка в эпоху Бронзы? А делают ли подобные работы сейчас, в наше время? Нам известен только один случай такого рода: установка меридианального инструмента в астрономических обсерваториях. Если предположения верны, то что такое Аркаим?

Древность знает и другие ориентированные объекты, но они малочисленны, уникальны и загадочны, как, например, пирамиды Египта. Цель ориентирования пирамид неизвестна.

Не очень долго пришлось искать единственный возможный смысл круговой планировки в прямоугольной системе координат с центральной симметрией. Есть только один объект такого же строения и со столь же строгим отношением к точности и ориентированию. Его можно назвать центральным (или главным) объектом астрометрии (в современной классификации; по-старому следует говорить "астрономии", поскольку тогда не было астрофизики). Так мы называем сферическую систему координат в отображении на плоскости с изображенными в ней основными объектами и движениями Неба, или, попросту, карту небесных полушарий (в нашем случае – северного полушария).

Задача отождествления плана Аркаима с центральным объектом астрометрии не так проста, как может показаться с горяча и на первый взгляд. Сформулировав такую задачу, легко обнаружить, что современная астрометрия не использует систему координат Аркаима. Дело в том, что начало отсчета долгот в современных системах связывается с подвижной точкой весеннего равноденствия и фиксация системы в плоскости (и на сфере неподвижных звезд) производится фиксацией эпохи (в частности – эпохи 2000 года). Аркаимская же система фиксируется абсолютно и безусловно, поскольку положение меридиана и параллели заданной точки неизменна в историческом времени. Мы предполагаем, что Аркаим есть изображение Неба на Земле. Могли ли его архитекторы иметь абсолютно неподвижную точку начала отсчета долгот в небесной системе координат? Вопрос не столь примитивен, поскольку еще не решена задача о прецессии. Могли ли они знать и учитывать прецессию земной оси? Известно, что историки науки однозначно ответят – нет. Первым о прецессии догадался Гиппарх Родосский, а теория этого движения разработана только в последнее столетие. Она не доступна примитивным технологиям и может считаться показателем развитой технической цивилизации. Третье затруднение состоит в выборе системы координат: экваториальная или эклиптическая?

Некоторое время (и вполне успешно) мы считали, что Аркаим – система экваториальная. Затем начались проблемы. Выяснилось, что она связана с практикой телескопирования и первый звездный каталог (а также карты) в экваториальной системе составил Ян Гевелий. Следовательно, старая астрономия пользовалась системой эклиптической. Размыслив так и эдак, пришлось согласиться с тем, что измерять небо следует в экваториальной системе, а изображать – в эклиптической. Главный технический вопрос в реконструкции Аркаима такой: что считать большой окружностью? Иначе говоря: где проходят Эклиптика и лунные пути? Можно найти только одно решение – это район внешней обводной стены внешнего круга.

*Институт истории и археологии УрО РАН,
Екатеринбург*

ПРЕДТЕЧА РОССИЙСКОЙ АСТРОАРХЕОЛОГИИ КНЯЗЬ П.А. ПУТЯТИН И СЕМЬЯ РЕРИХОВ¹

В год столетия выдающегося российского востоковеда и путешественника *Юрия Николаевича Рериха* (1902 – 1960) закономерно вспоминаются не только его жизнь и творчество, его наследие, но и жизнь и наследие учёных, так или иначе оказавшихся причастных к поразительному феномену его необычайно богатой личности. Роль каждого из его современников нам может теперь представляться значительной и знаковой, ибо такие судьбы, как судьба Ю.Н. Рериха, во многих отношениях являются символическими и знаковыми в культуре и несут в себе неисчерпаемый потенциал всё новых осознаний для общества в целом и для учёного сообщества в частности. Поэтому каждое имя из его орбиты, вновь «открываемое» исследователями, достойно отдельного обстоятельного рассмотрения.

Несомненно, одно из таких имён – это антрополог, этнограф, археолог и коллекционер князь *Павел Арсеньевич Путятин* (1837 – 1919), во многом предтеча отечественной астроархеологии, и, как стало известно совсем недавно, крёстный отец Ю.Н. Рериха. В ряду деятелей русской культуры, оказавших в молодые годы существенное влияние на Николая Константиновича Рериха, князю П.А. Путятину принадлежит особо значимая роль. Именно князь Путятин ввёл старшего Рериха в круг потомственных петербургских землевладельцев, на землях которых ему довелось сделать целый ряд археологических открытий и собрать уникальную коллекцию предметов каменного века. Кроме этого князь Путятин первый сообщил учёным Европы об исследованиях художника-археолога в окрестностях Бологого и Вышнего Волочка и в течение нескольких лет информировал научную общественность Запада об удачных раскопках Рериха. Не забудем также и ключевой момент в биографии Рерихов: именно в бологовском имении князя П.А. Путятина летом 1899 г. художник Николай Рерих познакомился с *Еленой Ивановной Шапошниковой* (1879 – 1955), ставшей в 1901 г. его женой, «спутницей, другиней, вдохновительницей» на всю жизнь. Спустя три года после этого знаменательного знакомства супруги Рерихи крестили своего первенца Юрия в Бологовской Покровской церкви, и восприемником при крещении был князь Павел Арсеньевич...

Сохранившиеся документы свидетельствуют о том, что в начале XX в. между Рерихами и князем Путятиным существовал доброжелательный, взаимно полезный диалог, приобретающий порой различные формы дружеского сотрудничества [Мельников, 2000, 2001].

Кем же был для Рерихов князь Путятин? Почему его роль в становлении этой семьи представляется нам столь значительной, и нет ли в этом преувеличения, ведь до недавнего времени о контактах Путятина с Рерихами почти ничего не сообщалось ни в биографиях художника Н.К. Рериха (и тем более в биографиях его детей Юрия и Святослава), ни в опубликованном наследии самих Рерихов? Ответами на эти вопросы должно стать наше исследование, из которого мы здесь публикуем лишь небольшую часть.

Дочь пасынка князя П.А. Путятина, кузена Е.И. Рерих, многолетнего сотрудника Н.К. Рериха по Рисовальной школе Императорского общества поощрения художеств С.С. Митусова Людмила Степановна в своих воспоминаниях пишет: «Папа гордился тем, что благодаря ему Н.К. Рерих познакомился с его отчимом князем Путятиным, которого он

¹ Незаменимую помощь в подготовке и осмыслении публикуемых в статье материалов оказала внучка княгини Е.В. Путятиной *Людмила Степановна Митусова*, хранящая живые свидетельства как о самом князе П.А. Путятине, так и о его петербургской квартире и бологовском имении.

рекомендовал как человека, интересующегося и занимающегося археологией. Кроме того, князь Путятин любил и коллекционировал произведения искусства, главным образом, картины. У него была прекрасная библиотека. Знал астрономию, и вообще, был весьма образованным человеком...» [Митусова, 1975 – 2002].

Действительно, исторические источники подтверждают эти слова. Самый беглый взгляд на библиографию работ князя Путятина позволяет судить о широте его научных и художественных интересов (Краткий список работ князя П.А. Путятина см.: [Мельников, 2000. С. 51-59]). А его знания астрономии и исследование знаний древнего и средневекового человека о небе поистине беспрецедентно для времени конца XIX в. Чего стоит одна составленная им таблица «Ключ Алхимический из книги XVI-го века fra Basillii Valentini, приноровленный к астрономическим, естественно-историческим и другим понятиям» размером 35×100 см! В таблице заполнены семь строк светил (Солнца, Луны, Марса, Меркурия, Юпитера, Венеры и Сатурна) соответственно дням недели и даны в 22 столбцах соответствующие им характеристики: металлы, камни, науки, светлые и тёмные качества, цвета, месяцы зачатия и рождения человека, часы, а также знаки и названия дней недели, в том числе халдейские, еврейские, египетские, «восточно-индейские» (санскритские), латинские, румынские, итальянские, французские, шведские, немецкие и английские. Приведён подробный комментарий ко всем строкам таблицы [Путятин, 1886. Л. 42, табл. А.].

В 1989 г. вышла монографическая работа «Археoaстрономия и история культуры» [Владимирский, Кисловский, 1989], посвящённая вопросу возникновения астрономических знаний. В ней была рассмотрена связь представлений наших далёких предков о космосе с закономерностями социального развития древних обществ, обсуждалось место астрологии в системе культуры древних цивилизаций, перечислялись учёные, внёсшие существенный вклад в это направление. Из отечественных учёных среди них справедливо названы Н.К. Рерих и В.Е. Ларичев, но об их предшественнике князе П.А. Путятине нет ни слова. То же самое мы наблюдаем и в других публикациях на данную тему. Между тем, уже в 80-х гг. XIX в. наш соотечественник сделал поразительное археологическое открытие – нашёл в неолитическом слое в Бологом каменную точилку с изображением созвездия Большой Медведицы, при этом постарался тщательно изучить всё, что может прояснить её значение: мифы, исторические документы, археологические находки, данные медицины и наблюдательной астрономии, астрологические таблицы, систематизировал из всех доступных источников разрозненные сведения на более чем 10 языках, обобщил их затем в отдельном исследовании (его рукопись состоит из 40 листов 20×35 см с оборотом, иллюстрациями и таблицами), подготовил по материалам своей работы несколько докладов в научных обществах, стал увлечённым пропагандистом астроархеологической проблематики... Так что В.Е. Ларичев в своих классических опровержениях «простаков-доисториков», попавших в очередную «ловушку очевидности смысла» очередного древнего артефакта, давно имеет мощного союзника в истории культуры, начавшего сто лет до него неутомимое «движение от сомнительного – к истине, от неизвестного – к знанию» [Ларичев, 1997]. Князь Путятин никогда не воспринимал астрологию «как ветреную дочь астрономии», но придавал огромное значение этой ветви древнего знания именно как «душе, мысли, перводвигателю и вдохновляющей силе» [Ларичев, 1999. С. 2] астрономии, да и многих других наук о природе. Мы предприняли наше исследование ещё и для того, чтобы «вернуть» имя этого выдающегося учёного-астроархеолога в соответствующую отрасль отечественной науки.

Для Рерихов, как, впрочем, и для многих других гостей бологовской усадьбы, князь Павел Арсеньевич Путятин всегда был живым звеном, связующим с выдающимися людьми и событиями прошлого: пушкинским кругом, эпохой императорских охот, миром потомственных петербургских собирателей-подвижников. Беззаветно преданный идеалам отечественной культуры, князь Путятин был идейным продолжателем духовных заветов «святой старины», идей нравственного развития общества, почерпнутых из сокровищниц православия, других религий мира, и разных этических учений (от античности до

современного ему масонства), а также его любимых наук – истории, археологии, антропологии, палеознологии, этнографии... Читая труды князя Путятина, его переписку с французским астрономом К. Фламарионом, другими деятелями науки и искусства, иной раз поражаешься, как точно он предвосхитил некоторые идеи XX века. Приведём только один (начальный) фрагмент из его наиболее значительного и сокровенного сочинения, весьма созвучного рериховской проповеди Культуры.

1. Князь П.А. Путятин. Из области астрономической археологии. Изображения созвездия Большой Медведицы на каменной точилке каменного периода России. Закончено 19 марта 1886¹

Милостивые господа, первобытная Археология в нынешнем столетии вступила в новую фазу своего существования. В её направлении произошло большое изменение. Прежде эта отрасль знания имела какой-то антикварский характер. Научности и обобщений в ней было очень мало. Только некоторые её отделы, например: палеогеография, нумизматика, отдел древней истории, географии и древне-художественный ещё имели положительные основы; всё же остальное состояло в каком-то бесцельном собирании разных античных предметов и составлении из них складов без положительной системы².

Последние шаги этой науки выдвинули новые отрасли знания: лингвистическую палеонтологию, палеознологию, антропологию, доисторическую археологию, археологическую астрономию и пр. и пр. Она приняла, так сказать, чисто космический характер и заниматься ею стало чрезвычайно трудно. Для её изучения нужно быть всесторонне образованным, так как её проблемы решают и обуславливают многие различные науки. Тут нужны: и зоология, и ботаника, анатомия с остеологией и краниологией, палеонтология, биология, древняя теология, мифология общая и сравнительная, патология, физическая и древняя география и геология тоже входят в её район. Наконец даже астрономия – и та проникла в сферу познаний, необходимых археологу, прибавляя новую отрасль *«археологическую астрономию»*. Да, тяжёлую работу должен выполнять современный археолог. Нахождение предметов глубокой древности, сопряжённое с громадным трудом и издержками, требует ещё от него и умения их определить и описать, что ещё более трудно. А между тем и при помощи известных общих познаний, в этой науке опыта, приходится сталкиваться с часто употребляемым выражением Николая-де-ля-Кайль³, астронома XVII века, который при всей своей образованности нередко говорил: *Le ne sais pas cela* (я этого не знаю). Не удивительно после этого, что нам для решения каких-либо затруднительных вопросов зачастую приходится обращаться к специалистам о разных

¹ Публикуется начальная часть статьи. Сокращения раскрываются без квадратных скобок в случаях, не имеющих другого толкования. Авторский стиль и пунктуация сохранены, в отдельных случаях орфография приведена в соответствие с современными нормами. Выделения в тексте соответствуют подчёркиваниям автора в рукописи.

² В нынешнем году и прошлом Археология понесла чувствительные потери: скончались четыре знаменитых её поборника – 1) граф А.С. Уваров – составитель и председатель многих Археологических съездов, автор «Мирянских курганов» и «Каменного века России», 2) наш сочлен по Археологии, первый министр и председатель Датской Археологической комиссии Асмусен Ворсо; его последняя статья 1885 г., помещённая в мемуарах Королевского общества северных антикварий «о организации Историко-Археологических музеев на севере и в других странах» восстаёт против национального рутинного собирания антиков без системы и в разброс, 3) Н.В. Калачев⁴ известный юрист, Директор Археологического института в С. Петербурге, организатор архивного дела на новых основаниях. С воспитанниками института им производились раскопки курганов и поездки на стоянки людей каменного периода, о поездках отчёты публиковались в трудах Археологического института, 4) Ж. Чиеричи – итальянский учёный, издатель главного журнала «Бюллетени итальянской палеознологии» (*Bullettino di paleontologia italiana*). В настоящее время идёт подписка в Италии о сооружении ему бюста. Наше Московское Императорское Археологическое Общество пожертвовало 100 лир на бюст своему сочлену (*Примеч. князя П.А. Путятина*).

³ Николай-Людовик de la Caille (1713—1762) изобрёл вычисление долготы в море по наблюдениям над луной. На мысе Доброй Надежды производил наблюдения над звёздами южного полушария, из которых им вычислены до 9800 звёзд до него неизвестных. Кроме того, им систематизированы южные созвездия и даны названия этим созвездиям по именам разных астрономических инструментов (*Примеч. князя П.А. Путятина*).

вышеупомянутых предметах. Но это ещё не всё: трудности, полагаемые для нас самим предметом служили в старину только преддверием тех пыток, которые приходилось испытывать извне. Науки в последнее время достигли многого, но это куплено ценою страданий; в прежнее время их напрасно и усиленно преследовали; причиной подобного гнёта было невежество известной среды с её научной нетерпимостью. Учёные вследствие этого должны были герметически закупориваться в герметические науки¹, через что большинство заблуждений тем усиленнее держались известной среды, чем замкнутее была среда, отчего анализ разума для людей правды делался почти невозможным. Астрономия с астрологией, химия с алхимией, анатомия и авгуры с друидизмом смешивались вместе и брали жертвы. В начале эти жертвы производились грубо, даже ещё относительно недавно инквизиция жгла на кострах и уничтожала тайными убийствами людей науки. Затем к пыткам, которым позавидовали бы, пожалуй, краснокожие, присоединялась иногда сильнейшая моральная [пытка]. Это происходило оттого, что жертвы и судьи стали людьми более сведущими – одни в научном отношении, другие в уменье доставлять большие страдания. Астрономы: Секко, Коперник, Джордано Бруно, Галилей, Анаксагор, обличитель Хр. Лоос и пр. и пр. не избегли этой участи². Многие во имя страха, даже в ущерб правде, отказались от своих воззрений и столь известное характерное выражение, будто бы сказанное, как протест, Галилеем – «*Еrig si move*» – «а земля всё-таки движется», теперь отвергается³.

Химия тоже долго блуждала, погружённая в алхимические убеждения о флогистоне, философском камне, панацее и пр. Освобождение её от тьмы тайн её адептов и младенческих взглядов совершилось не скоро. То же самое случилось и с космической Археологией: она стала устанавливаться ещё позже химии. Мы почти своими глазами видели всю гнусность нетерпимости в лице преследователей славы Франции – геолога, археолога Буше де Перт (*Boucher de Perthes*). Его книги «*Antiquites celtique et antidiluviennes*» (изданные в 1849, 1857 и 1864 гг.) чуть ли не все были истреблены. И какие, какие оскорбления за свои, часто справедливые, убеждения не вынес Буше де Перт. Ему говорили, например, что и камни-то, подобные воображаемым им орудиям, чуть ли не встретим на мостовой, что он плагиат; **кроме того, его противниками делались отвратительные подбросы и фальсификация предметов, а также подтасовывались самые факты. Наконец, из-за мелочных ошибок чуть ли не уничтожались все его труды и заслуги без научного анализа** и пр. и пр.⁴ Так его оскорбляли, зная заведомо, что подобные отношения для людей науки иногда также мучительны, как и самая смерть. И если бы не поддержка небольшой группы разумных людей Франции – Катрефаж, Лорте, Броньяр, Ели де Бомон и пр., да не оценка посторонних

¹ Гермес – Ермай (Солнце – божество), Меркурий Трисмегист, т.е. три раза великий (около 2-х тысяч до Р. Хр.), Таут, Тор, Тоит, Теот, Тейт, Тут, Янус, Канаан, Египетский мифический философ, Советник Изиды (Изис – луна, жена царя Озириса – Солнца). Известен, как изобретатель письма, арифметики, геометрии, некоторых астрономических начал, Законов, жертв, музыки, телесных упражнений, культуры оливкового дерева и как творец изумрудной алхимической таблицы и пр. и пр. (*Примеч. князя П.А. Путятина*).

² В Риме в нынешнем 1886 г. в 286 годовщину Джордано Бруно воздвигнут ему памятник. Джордано Бруно – доминиканский монах был сожжён в Риме на площади *Campo-di-fiori* 17 февраля нового стиля за его астрономические мнения сходные с Коперниковыми и за сатиру «*Lraccio della Bestia Trionfante*». Астрономические мнения Бруно назывались по имени его родины Нолы – Ноланской философией. Эта философия связывала идеи Коперника с существованием бесчисленных миров кроме того, в котором мы живём, а также разные другие теологические и метафизические условия (*Примеч. князя П.А. Путятина*).

³ См. «Русский Вестник» 1876 г. – Декабрь. «Процесс Галилея по новейшим исследованиям», статья господина Р. (*Примеч. князя П.А. Путятина*).

⁴ Для характеристики этой борьбы возьмём две выдержки из книги «*Alcins Ledien*» *Boucher de Perthes – sa vie ses oeuvres sa correspondance*, 1885 г. В 1-й – Буше де Перт поплет на ложь в науке. «*Ah! qu'une vérité est dure à faire avaler aux savants, ils semblent toujours craindre qu'il n'y en ait trop: comme si c'était de pachose si commune dans ce bas monde adoreteur du mensonge et toujours prêt à lui élever des auteils*». Во 2-й – он восстаёт против нерешительности Академии Наук. «*Voilà dix-huit mois que j' atteads de l'Académie des sciences un rapport de deux pages. Que ságit – il donc de décider? – Si un chose est ou n'est pas. – Or lorsqu'il est si facile de voir, je ne conçois plus pour quoi l'on discute pour savoir*» (*Примеч. князя П.А. Путятина*).

jugi – англичан с такими известными именами, как геолог Чарльз Лейэль и палеонтолог Иванс, Прествич, Дарвин и датчанина Томсена, то его открытия заглохли бы надолго.

Велика та страна, которая, укрепляясь прогрессивно наукой, поддерживает своих тружеников от грубой среды. Пожалуй, не мало приносят пользы и единичные, общедоступные, вне педантизма, известные учёные разных стран, **которые во имя науки делятся своим знанием на пользу всего человечества.** Магистр астрономии – популяризатор Камил Фламарион так и поступает. Он, например, мало того, что на предложенные мною астрономические вопросы по поводу изображения Большой Медведицы на каменной точилке печатно дал ответ и критический разбор, уясняющий разные тёмные стороны, но ещё и высказал участие, которое обрисовалось следующими словами: «Что бы то ни было, но это редкий интересный документ (единственный до сих пор в пределах нашего ведения) и нельзя достаточно отблагодарить тех исследователей, которые, разыскивая следы прошедших веков, делают их известными, потому что, становясь всем известными, эти изыскания вносят свой элемент к общему преуспеянию человеческих ведений».

Фаза давлений относительно Археологии в нынешний век совсем ослабла. Религиозные воззрения, одно время затемнённые, начали приходить к своей первобытной чистоте. Люди поняли, что космогонические истины нигде так ясно не выражаются, изучение природы нигде так не поддерживается, как в основных книгах наших верований, и что истинная религия никогда не была против практического изучения сил природы. Прежняя нетерпимость, перешедшая было в фарисеев науки, сгладилась. Педантические взгляды, зависть к идее и к новым отраслям знаний, поддерживаемые клеветой и всякой ложью, притупили своё жало. Желание людей, слабых умом, повредить прогрессу подпольными интригами составляет теперь исключение. Словом, настало время, когда мы, взаимно вспоможествуемые, смело может идти по стезям мира и света, изучать всё, что есть нерешённого и неизвестного в живой всеобщей науке человеческой культуры.

Не будет преувеличенным утверждение, что такими «всеобщими науками» в XX в. стали высоконравственные мультидисциплинарные учения Владимира Вернадского, священника отца Павла Флоренского, Альберта Эйнштейна, Александра Чижевского, Карла Ясперса, Алексея Окладникова, Виталия Ларичева и, конечно же, рериховская *Живая Этика*, или, как её называли на Востоке, *Агни-Йога*.

В настоящий момент нами на базе Музея-института семьи Рерихов в Санкт-Петербурге и Рериховского центра Санкт-Петербургского государственного университета готовится в свет издание избранных сочинений князя П.А. Путятин. В него войдут как опубликованные, так и неизданные сочинения этого самобытного учёного. Из тематики палеоэтнологии, археологии и конкретно астроархеологии, а также первобытного искусства будут представлено более 20 классических работ князя П.А. Путятин. Значительный блок в издании наследия князя П.А. Путятин составит также его литературное наследие – переписка, эссеистические воспоминания и поэзия.

В качестве образца последнего жанра приведём здесь жизненное кредо князя, выраженное им в поэтической форме. Для историков такое выражение мыслей учёного особенно дорого, ибо оно в образной художественной форме дополняет научный поиск, затрагивает вопросы этики в науке. Нам бы хотелось впервые издать этот поэтический опус именно здесь, на страницах юбилейного для В.Е. Ларичева и его коллег издания. Мы уверены, что все собравшиеся на новосибирский археологический юбилей учёные могут отнести эти путятинские строки и к себе.

*Под знаменем родной науки
Собрались мы на юбилей
Семьей, в которой горечь скуки
Безвластна в горечи своей.
Археологи разных знаний
От альфы камней и древес
К омеге нынешних призваний
И исторических словес –
Все здесь в одно соединились,
Чтобы весельем подышать
Чтоб жизнь с наукой плотно свились
И дружбы стала благодать.
Умолкли света пререканья
И осужденья, и мечты,
У всех ввиду одни призванья –
Сажать научите цветы
Национальных проявлений
На общей почве всех племён,
Без эгоизма, без сомнений,
Для блага будущих времён...
Давно нам всем пришлось сродниться
В стремленьях к истине святой,
В простой любви к науке слиться
Одною дружеской семьей.
Не страшны стали нам деленья,
Весь самомнения раздор,
С основой твёрдой без волненья
Мы правильно вступаем в спор,
И наши прения, дебаты
О древностях своей страны
Ведут лишь в ясные палаты
Всех изучений старины.
.....
Да здравствует науки строй!
Да здравствует источник веры
На почве родины святой!
И пусть живут её примеры,
Примеры доблестных Вождей,
Скрепивших Русь могучей силой,
Завет страны богатырей –
Любить и жить для Руси милой.*

Воистину, «на пользу всего человечества» жил, занимался наукой, собирал коллекции, помогал людям словом и делом князь Павел Арсеньевич Путятин. К концу жизни самой близкой ему стала семья Рерихов, которую он полюбил всем сердцем и главу которой он называл в своих письмах не иначе, как «дорогой друг», «родной и сердечный Николай Константинович». «Очень благодарим Вас за память, – писал князь Путятин семье Рерихов из Бологого 30 июня 1917 г., за полтора года до кончины. – В трудные наши жизненные

минуты она для нас драгоценна... Целуем все вас крепко, как любим. Князь П.А. Путятин» [Цит. по: Мельников, 2000. С. 49].

В доме князя П.А. Путятинна росла и развивалась Елена Ивановна Рерих, ставшая не только верной женой, спутницей и вдохновительницей всемирно известного художника, но и соавтором многих его произведений, сама написавшая «гору книг» по философии и истории религий, оставившая человечеству бесценное сокровище – многотомное Учение Живой Этики. Труды Е.И. Рерих можно рассматривать как закономерное продолжение философских и культурно-исторических изысканий её сводного дяди.

Встреча с князем Павлом Арсеньевичем Путятиным предопределила на многие годы круг общения и поле деятельности Николая Константиновича Рериха. Без встречи с ним не вошла бы так высоко путеводная звезда художника, путешественника и мыслителя, не сложилось бы многое суждённое и прекрасное.

В дневниковых записях семьи Рерихов начала 1920-х гг. сохранились поразительные слова, свидетельствующие о крепкой духовной общности князя П.А. Путятинна и Юрия Николаевича Рериха. Судя по всему, князь Путятин радовался первым успехам крестника и, как записано в дневнике, был «горд Юриком». Дневниковые записи также свидетельствуют, что князь Путятин с первых дней и по смерти оказывал неразрывную духовно-научную поддержку Ю.Н. Рериху. Вот пророческие слова князя Путятинна, обращённые к крестнику: «Иди моим путём, дорогой Юрик», «Конная явка в Родину приготовлена тебе, гусар мой!». Так и сложилось – Юрий Николаевич стал учёным и, в конце концов, в 1957 г. вернулся на Родину, чтобы сражаться за возвращение наследия своих родителей, за включение их эволюционных идей в культуру будущей России, чтобы заложить в науке неисчерпаемый потенциал будущих открытий, и чтобы дойти до конца тем же путём бесстрашного служения Истине, что и его крёстный отец князь П.А. Путятин.

Список литературы

- Владимирский Б.М., Кисловский Л.Д.** Археoaстрономия и история культуры. М., 1989. – 64 с. – (Новое в жизни, науке, технике. Серия «Космонавтика, астрономия»; № 3).
- Ларичев В.Е.** Космографическое панно из “колодца” Ляско (созвездия эклиптики и экватора в образах искусства древнекаменного века) // *Гуманитарные науки в Сибири*. Всероссийский научный журнал. Новосибирск, 1997. № 3.
- Ларичев В.Е.** Заря астрологии: Зодиак троглодитов, Луна, Солнце и «блуждающие звёзды». Новосибирск, 1999.
- Мельников В.Л.** Князь Павел Арсеньевич Путятин и его бологовская усадьба. СПб. – Вышний Волочёк, 2000. 72 с.
- Мельников В.Л.** Н.К. Рерих и князь П.А. Путятин // Н.К. Рерих и его современники. Коллекции и коллекционеры: Сб. статей по материалам Международной научно-практической конференции. Одесса, 2001. С. 6–32.
- Митусова Л.С.** Воспоминания: 1975–2002. Рукопись в Мемориальном собрании С.С. Митусова. В настоящий момент готовится к печати в издательстве СПбГУ.
- Путятин П.А.** Из области астрономической археологии. Изображения созвездия Большой Медведицы на каменной точилке каменного периода России. Закончено 19 марта 1886. Автограф. РА ИИМК, ф. 3, № 557.
- Путятин П.А.** [К 50-летию Императорского Русского Археологического общества]. 15 декабря 1896. Автограф. ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом), р. I, оп. 22, № 558, л. 13.
- Рерих Е.И.** Дневники. Записи 3 марта 1921 г. и 2 августа 1923 г. Архив библиотеки Амхёрст колледжа, США.

ВРЕМЯ – ПРОСТРАНСТВО ВСЕГО СУЩЕГО

Время – ...движущееся подобие вечности

Платон

Время в археологии – это не только проблема датировки памятников и культур, как можно вообразить. Астроархеологи и палеокалендаристы, представители новых отраслей знания науки о древностях, развернули ее в плоскость иной реальности – выявления и оценок конкретных систем времени в археологических сообществах, начиная с палеолита и вплоть до эпохи раннего средневековья [Marshack, 1970; Ларичев, 1993, 2000, 2001а, 2002б]. Теперь же поиск вполне закономерно подвел исследователей к порогу анализа мировоззренческого аспекта проблемы – особенностей восприятия Времени интеллектуалами дописьменной истории и идей в рамках общего человековедения, а также осмысления картины рождения, эволюции и структурирования Мироздания [Ларичев, 2001б, 2002а и б].

Такой поворот событий порождает уместность обращения к теме восприятия и осмысления сущности Времени теми, кто, возможно, наследовал идеи жречества ранних культур Евразии и продолжал раздумывать над ними, начиная с эпохи античности и далее, вплоть до современности.

Никто, думаю, не осудит и мою попытку высказать свои скромные суждения по части понимания Времени. Мое сообщение нацелено на то, чтобы привлечь внимание археологов, занимающимися вопросами времени в древних культурах, к процессу формирования новой общенаучной парадигмы, которая латентно вызревает в наиболее продвинутых областях современной науки и технологии. В поисках средств преодоления все возрастающей сложности решаемых задач исследователи и создатели новых технологий и устройств выдвигают и развивают новые идеи и подходы к решению проблемных вопросов, связанных с проблемой понимания социальной природы Времени.

Эти теоретико-методологические искания могут быть достаточно плодотворными на комплексной методологической базе. Но сложившаяся общенаучная парадигма для подобных целей пока еще мало приспособлена, ибо она по преимуществу ориентирована на анализ как наиболее универсальный метод познания.

Как известно, он предписывает исследователям расчленять сложные системы, объекты или процессы на более простые и каждый из них рассматривать отдельно. Вследствие этого многие свойства и особенности познаваемых явлений и процессов, отражающие взаимосвязи частей целого (а также целого и его частей с их окружением), остаются вне поля зрения. Не имея подобной информации, исследователь вынужден при реконструкции целого из его частей ориентироваться на наиболее простые (линейные) схемы.

Как метод познания и методологическая основа для практической и преобразующей деятельности, анализ мало рассчитан на должный учет фундаментальных свойств окружающего человека мира, его объектов и процессов, таких, как незамкнутость, нелинейность, неравновесность.

Признание *незамкнутости* объектов и систем в окружающем Человека мире как отдельных его частей предполагает наличие таких взаимосвязей и отношений друг с другом и с окружающей средой, которые в существенной степени определяют их соответствующие

свойства и поведение. Более того, вне этих взаимодействий функционирование многих объектов представляется неполным, фиктивным или искаженным.

Нелинейность означает непропорциональность реакции объектов, систем и их элементов на всякого рода внешние и внутренние воздействия. Она существенно усложняет формы, в которых проявляется поведение объектов, и часто служит причиной его непредсказуемости. В последнем случае изменения не имеют формы плавного перехода из одного состояния к другому, а, наоборот, принимают форму резких скачков с, возможно, необратимыми последствиями.

Неравновесность в динамике проявляется во взаимодействии объектов друг с другом или с окружающей средой через обмен информацией, энергией, веществом, ресурсами. В условиях, далеких от состояния динамического равновесия, подобный обмен является существенно неравномерным из-за неэквивалентности встречных потоков (энергии, вещества, информации).

Незамкнутость, нелинейность и неравновесность, свойственные окружающему человека миру, обуславливают его неоднородность в пространстве и неравномерность во времени. Волны неоднородности и неравномерности порождают порядок и хаос в окружающем мире.

Но унаследованная из прошлого тысячелетия общенаучная и мировоззренческая парадигма пока еще не в полной мере впитала в себя эти идеи и воззрения, обеспечивающие как достаточно адекватное восприятие мира, так и его эффективное освоение.

Особое значение имеют новые идеи для формирования соответствующих этому миру представлений о природе Времени. Существующие же представления ориентированы преимущественно на мир природы, а не на мир, в котором живет Человек. Эти представления в концентрированной форме закреплены в концепции "мгновенной" динамики, которая молчаливо признается как наиболее адекватная мировоззренческая схема.

Для "мгновенной" динамики принимается во внимание не весь процесс в целом (от его начала до окончания), а лишь какой-то отдельный момент (мгновение) в его реализации, так что процесс развития объектов состоит в последовательной смене их состояний. "Мгновенная" динамика предполагает, что каждое состояние представляет собой результат движения из состояния, непосредственно ему предшествующего (соседнего), и фиксирует преимущественно количественные изменения в процессе ее развития, ибо качественные изменения, обусловленные структурными сдвигами, сравнительно редко происходят быстро. Гораздо чаще они осуществляются в течение относительно продолжительного промежутка времени.

Парадигма "мгновенной" динамики тесно связана с парадигмой времени как пространства для событий, согласно которой это пространство представляется одномерным. С одномерным временем связывается абстрактный образ бесконечной координатной оси в универсальной системе "пространство – время". На эту ось "навешиваются" отдельные события в порядке их реализации. Временная ось строго ориентирована в направлении "из прошлого через настоящее в будущее" ("стрела времени").

Парадигма "мгновенной" динамики обслуживала и пока еще обслуживает преимущественно потребности науки в области естествознания, в первую очередь на микроуровне (теория поля, строение вещества и квантовая механика) и мегауровне (космология), где она нашла свое применение в рамках математических моделей естественных объектов и систем. В этих областях математика является наиболее адекватным и точным средством их описания. Наоборот, в описаниях социальных процессов, явлений и объектов, наблюдаемых на среднем уровне (макроуровне), на котором преимущественно "обитают" объекты исследования гуманитарных наук, математические средства применяются весьма ограниченно. На макроуровне непосредственно представлен человеку окружающий его мир: мир живой и неживой природы, с которой взаимодействует человек, и в первую очередь социум. Этим процессам и явлениям свойственна качественно иная динамика, в которой естественной формой движения и факторами развития являются деятельность людей

и их взаимодействия. На макроуровне аналогичным образом осуществляются процессы жизнедеятельности животных и растений. Подобная динамика пока еще мало поддается формализации. Ее описание во многом субъективно, так как явно или неявно отражает цели, интересы, предпочтения и представления людей. Можно сказать, что парадигма "мгновенной" динамики, характерная для мировоззренческой платформы естественных наук, отражает позицию Бога, которого интересует Мир в целом (Мегамир) и в деталях (Микромир), но в этом Мире места Человеку не нашлось.

Важным требованием, предъявляемым к технологии описания и моделирования социальной действительности, ее истории и будущего, являются гибкие и достаточно адекватные средства ориентации во времени. Такие средства имеются в естественных языках. В условиях, когда математические методы для описания деятельности людей и их взаимодействий мало применяются, эти средства помогают людям фиксировать, координировать и регулировать свою деятельность и обмениваться сообщениями о своих намерениях, их реализации и результатах. В их числе имеются методы и приемы (глаголы и отглагольные формы, лексические средства и т.д.), позволяющие детально фиксировать и выражать временные аспекты моделирования реальности или виртуального или мыслимого мира. Например, в русском языке можно насчитать до 400 различных ситуаций и моментов привязки событий друг к другу и к абсолютному и относительному времени.

Но с помощью естественных языков трудно обеспечить нужную точность описания для критических ситуаций в деятельности и во взаимодействии людей, когда им требуется координировать свои усилия и хорошо ориентироваться во времени. Информация, которой люди обмениваются при общении с помощью письменной или устной речи, фиксируя тончайшие нюансы ситуаций и коллизий, не имеет универсальный смысл, единый для всех людей и ситуаций, которые она отражает. Эта информация существенно привязана к контексту ситуаций и коллизий и поэтому в значительной мере субъективна, относительна и приближительна.

Тщательный анализ текстов на естественном языке, отражающих темпоральный аспект деятельности и взаимодействия людей, показывает: на основе концепции одномерного времени для многих ситуаций невозможно зафиксировать в полной мере наиболее точный, однозначный смысл. В одномерном времени, наполненном только мгновенными событиями, весьма сложно отслеживать в совокупности процессы изменения и развития целостных сущностей (объектов и систем), не теряя из виду каждого из них. Приходится рассматривать каждый такой процесс отдельно (вне зависимости от других) или, не выделяя каждый, рассматривать всю совокупность. В первом случае разрываются связи и отношения между ними, во втором – эти связи и отношения становятся невидимыми. В обоих случаях темпоральные сюжеты целостности не возникают. Они появляются тогда, когда мгновенные события интегрируются в некоторые процессы и уже в этой форме размещаются во временном пространстве как единые сущности. Следовательно, это пространство должно иметь более сложную структуру, для описания которой нужны понятия, содержание которых покрывало бы пространство темпоральных смыслов не менее детально и точно, чем это осуществляется с помощью средств (грамматики и лексики) естественного языка.

Что же собой представляют наполняемые время процессы?

В научно-мировоззренческом обиходе понятие процесса с приданием детальности и конкретности употребляется мало. Причем, в неявной форме оно используется как синоним движения, изменения, развития, т.е. как последовательная смена состояний, тесная связь закономерно следующих друг за другом стадий развития, представляющих непрерывное движение, и т.д.

Требуется развести и одновременно связать смыслы категории движения и понятия процесса, исходя из того, что понятие процесса и категории движения (и соответственно изменения и развития) соотносятся как форма становления и бытия (процессы) и их содержание (движение, изменение и развитие). Другими словами, становление и бытие по

своей сути представляют собой разного рода движение. Соотнесенное таким путем с категорией движения понятие процесса приобретает универсальный контекст и, естественно, статус одного из общезначимых понятий.

Становлению и бытию присущи неоднородность и неравномерность. Неоднородность проявляется через зоны сгущений и разреженностей в потоках вещества, энергии и информации. Неравномерность проявляется через возникновение, развитие и разрушение разнообразных структур. Выделение человеком этих структур в форме объектов и отслеживание их свойств и поведения на протяжении полного или частичного их "жизненного цикла" осуществляется в двух взаимозависимых аспектах: сущностном и формальном. В сущностном аспекте выделяются объекты и их свойства, в формальном – фиксируется последовательное изменение указанных свойств в течение "жизненного цикла", его фаз или стадий. На протяжении многих эпох основным методом философии как мировоззренческой науки оставалась созерцательная деятельность, при которой эксперименту и практике отводилась второстепенная роль по отношению к наблюдению. Приоритет созерцательной деятельности обусловил сравнительно пониженный интерес мыслителей к форме осуществления различных видов движения или развития. Философы больше ставили вопрос "что происходит?", нежели "как?". В силу приоритета сущностного подхода процесс как форма движения до сих пор не получил должного внимания.

Сущностный акцент ориентирует преимущественно на пространственный аспект восприятия мира. Люди могут перемещаться и действительно перемещаются в реальном физическом пространстве из одних мест в другие, передвигаются сами или с помощью других людей. Но реально они живут только в настоящем времени, реально передвигаться в прошлое или в будущее им не дано. Хотя материальные следы прошлого, память и воображение может перенести их в то время, в котором они когда-то были, когда что-то с ними случилось или происходило. Воображение, знание и опыт может перенести их и в будущее, но оно, как правило, мало предсказуемо.

Каждый процесс можно рассматривать двояко: 1) процесс как форма некоторого движения, создающая условия для инициализации и осуществления других форм движений; 2) процесс как форма движения, осуществляемого в условиях, создаваемых реализацией иных процессов.

Придание детальной количественной и смысловой определенности этой двойственности через выделение в структуре процесса базовых (исходных) темпоральных смыслов в конкретном их представлении [Воронин, 1994] позволяет выстраивать и подробно фиксировать процессы взаимодействия, развернутые во времени на протяжении заданного временного горизонта. В этом представлении процессы естественным образом неразрывно связываются друг с другом (условия, необходимые для реализации каждого процесса создаются реализацией предшествующих процессов) и в совокупности смыкаются в единое образование, которое заполняет собой временное (темпоральное) пространство.

Таким образом, целостная картина мира может описываться двояко:

– пространственными моделями (где глобальный контекст может быть представлен объектно-пространственными категориями, а их детальная интерпретация – соответственными темпоральными понятиями и категориями, имеющими темпоральный контекст); здесь ми предстает как пространство, населенное объектами, обладающими свойствами наделенными поведением;

– темпоральными моделями (в них глобальный контекст может фиксироваться помощью темпоральных категорий и понятий, а их детальная интерпретация – с помощью пространственно-объектных понятий), которыми может представлен мир как пространство процессов (т.е. собственно Время), взаимодействующих друг с другом и наделенных свойствами объектности. В этом случае Время есть пространство всего Сущего.

Подобное историческое видение может дать возможность археологам не только датировать находки и вещные комплексы, выстраивая события и отдельные процессы в прошлом, но и восстанавливать на их основе целостные картины развития древних обществ, рассматривая эти процессы совместно.

Список литературы

Ларичев В.Е. Лунные и солнечные календари древнекаменного века // Календарь и культура народов мира. М.: Наука, 1993. С. 38-69.

Ларичев В.Е. Время в образах искусства скифо-сибирского звериного стиля // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 3. С. 70-74.

Ларичев В.Е. Ритмы лунного времени (реконструкция календарной системы эпохи раннего средневековья Тюменского Приобья) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Том VII. Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН. 2001а. С. 354-360.

Ларичев В.Е. Жертвы Времени (насильственная смерть в астральных культах палеолита Евразии) // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: культура, наука, образование. 2001б. № 3. С. 3-11; 2002а, № 3. С. 3-11.

Ларичев В.Е. Magna Mater и Время (к проблеме астрального характера богов Окуневской культуры) // Северная Азия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул: Издательство Алтайского университета. 2002б. С. 86-93.

Ларичев В.Е. Божественное Время (космогония, Время и астрология в мировоззрении жречества мальтинской культуры) // Информационные технологии в гуманитарных исследованиях. Новосибирск: Редакционно-издательский центр НГУ, 2002в. Выпуск 3. С. 66-95.

Marshack A. Notation dans les gravures du paléolithique supérieur. Nouvelles methodes d'Analyse. Bordeaux, 1970. 124 p.

Воронин В.Т. Время – пространство для событий (социально-философский аспект) // Гуманитарные науки в Сибири. 1994. №1. С. 20-25.

*Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск*

МЕТРИЧЕСКИЙ СПОСОБ ПРЕВРАЩЕНИЯ ЛИНЕЙНОГО МОДУЛЯ В УГЛОВОЙ
(по материалам Кучерлы-1)

Раскрытие содержательной сути объектов изобразительного творчества Предка может быть осуществлено методом сопоставления пропорций и поиска модуля. Пример тому – метрическая расшифровка костяной трубки из Кучерлы-1 (рис. 1), открытой при раскопках святилища (Работы В.Е. Молодина, 1988-1990 гг.)¹.

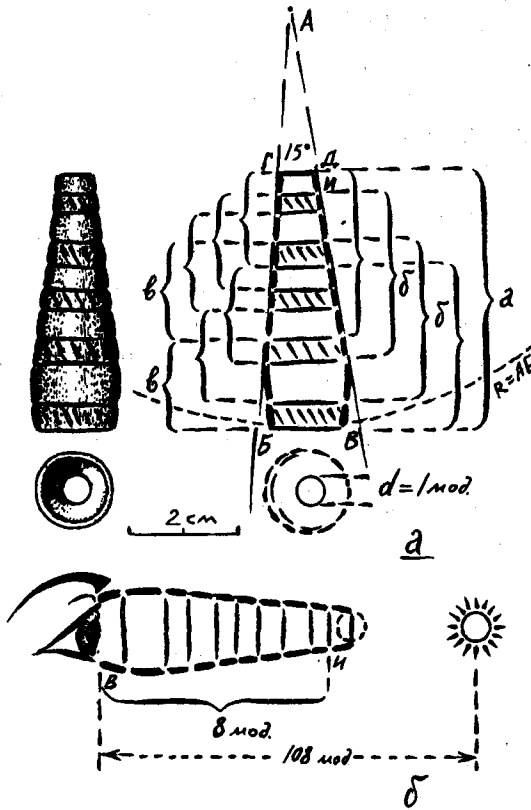

Рис. 1. Костяная трубка эпохи раннего железа:
а – метрическая расшифровка; б – схема глазомерной настройки по 108-модульной линейки совмещения диоптра с наблюдаемым диском Солнца и полной Луны

Чтобы использовать эту находку в демонстрации предлагаемого метода, не требуется применения сложных реконструкций; достаточно лишь зафиксировать результаты сопоставления пропорций и дополнить графическое построение фигуры наглядными обозначениями.

2. Это изделие, сочетающее в себе геометрию цилиндра и конуса, отличается изяществом отделки. Точность пропорций всех деталей в соответствии с формулой «золотого сечения» не может, конечно же, не оправдывать значительности содержания, соответствующего уровню формы.

¹ Выражаю искреннюю признательность академику В.И. Молодину за любезно предоставленную возможность работы с объектом из Кучерлы-1.

3. Восстановив усеченный конус кучерлинской трубки геометрическим построением, увидим, что окружность, очерченная радиусом, равным AB , фиксируется формулой « π »: P (периметр) $3 AB + GD$, где GD есть дробная часть числа « π » (0,14) – такое совпадение не может быть случайным.

4. Пропорция $AB : BD = BD : AD = 1,618$, а также выделение «золотых» отрезков ($a:b = b:c$) позволяют заключить, что и такие существенные моменты не случайны.

5. Вид с торца имеет сходство с глазом, в котором «зрачок» равен 4,4 мм и укладывается в высоту трубки 11 раз, а верхний срез трубки равен $1/16$ высоты конуса ABB . Все эти соразмерности ведут к поиску наименьшего кратного – к d малого отверстия, определяющего канон метрической меры.

6. Взяв зрачок глаза основной линейной мерой (модулем), отметим особое значение отрезка IB , равного 8 модулям. Вместе со шкалой «орнамента» он вскрывает суть главного предназначения кучерлинского измерителя: преобразование линейного модуля в угловой (пространственного – во временной).

Древние жрецы-астрономы использовали в качестве постоянной угловой меры наблюдаемые диски Луны и Солнца, равные $1/108$ радиана ($57^{\circ},3 : 108 = 0^{\circ},528$). Чтобы диоптр астролябии синхронно совместился с «небесным модулем («Оком космоса»), следует отдалить «зрачок» трубки от зрачка глаза наблюдателя на $10 h$ и добавить отрезок IB $10 h + 8 d$). Физиологическая оптика служила Предку, надо полагать, безукоризненно, но и устройства его астрометрических приборов, как видно, были изготовлены со знанием дела, профессионально.

*Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск*

ЭНЕОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ НЕБЕСНОЙ СФЕРЫ ИЗ ЗАПАДНОЙ БОЛГАРИИ

Введение

Доисторическое поселение вблизи деревни Слатино, Кюстендилской области было открыто в 1938 году [Gaul 1948: 61]. В 1981 – 1988 г. его изучали сотрудники исторического музея города Кюстендил [Чохаджиев 1997: 5-7]. Занимая площадь около 0,4 га, поселение расположено на плато (с высотой над уровнем моря 430 м) на западном склоне горы Рила в междуречье рр. Джерман и Струма. С некоторыми перерывами люди обитали там с конца среднего неолита и до поздней поры железного века. Культурный слой раннего энеолита имеет мощность 1,5 м и состоит из пяти строительных горизонтов. Третий горизонт датирован (в прокалброванных C-14 датах) 4850 – 4750 гг. до н.э. Керамику можно считать полностью идентичной найденной в других местах Западной Болгарии, а также в Северной Греции и в бывшей Югославии. Это послужило основанием выделить новую культурную группу Градешница – Слатино – Дикилиташ. Особенно часто встречались т.н. "дописменные знаки", врезанные в глине посуды, веретенных пряслиц и других предметов обихода. Предположительно, они могут нести конкретную информацию, в том числе и астрономическую [Чохаджиев 1997: 48, 49-62].

Самые известными артефактами с дописменными знаками на поверхности, интерпретированными с календарно-астрономических позиций, являются сосуд из поселения Градешница [Николов 1990: 48] и три предмета из Слатино: модель печи, миска с двумя смежными отверстиями для подвешивания и пряслице для веретена [Чохаджиев 1984: 1-7; Chohadjiev 1986: 189, Фиг. 5 (5a-c); Tchohadjiev 1989: 72-75; Чохаджиев 1997: 49, 53, Фиг. 135 (3), 158 (8a,б); 159 (5), 193].

Орнамент пряслица уникален. Его овальная форма, возможность вращения вокруг центральной оси и похожесть с первого взгляда двух из фигур на околополюсные созвездия послужили основанием Чохаджиёву предложить первую астрономическую трактовку [Tchohadjiev 1989: 75]. Следующий опыт, предпринятый авторами настоящей работы, был представлен на Международной конференции "Оксфорд IV" в Старой Загоре, Болгария [Tchohadjiev, Koleva, Kolev 1993]. В настоящей работе мы развиваем наше исследование в части толкования семантики находки и её назначения.

Знаки на пряслице

Форма предмета – биконическая, поверхность гладкая, темная, серо-коричневого цвета. Максимальный размер 4,0 см. Сквозное отверстие имеет длину 2,8 см при диаметрах в 0,6 и 0,8 см (Рис.1). Пряслице из Слатино не отличается формой и величиной от других найденных пряслиц, но его орнамент неповторим. Знаки углублены в мягкой глине до обжига, а оббитая местами поверхность свидетельствует о продолжительном употреблении.

На стороне (А) прочерчен "трапец с хвостом" (обозначенный на рисунке цифрой 1). Он напоминает основную конфигурацию звезд Большой Медведицы, а также может изображать часть тела животного с длинным хвостом. Лабрис (двойной "топор" или "песочные часы") (2) встречается при изображениях птиц, бабочек, пчел и антропоморфных фигур. Он также – древний символ Великой Богини-матери. Вокруг отверстия видны следы оставшиеся от коротких и более длинных, с характерным изгибом, лучевых прочерков (3). Фигура подобна символам, известных по другим сосудам этой эпохи [Gimbutas 1991: 295-303].

C

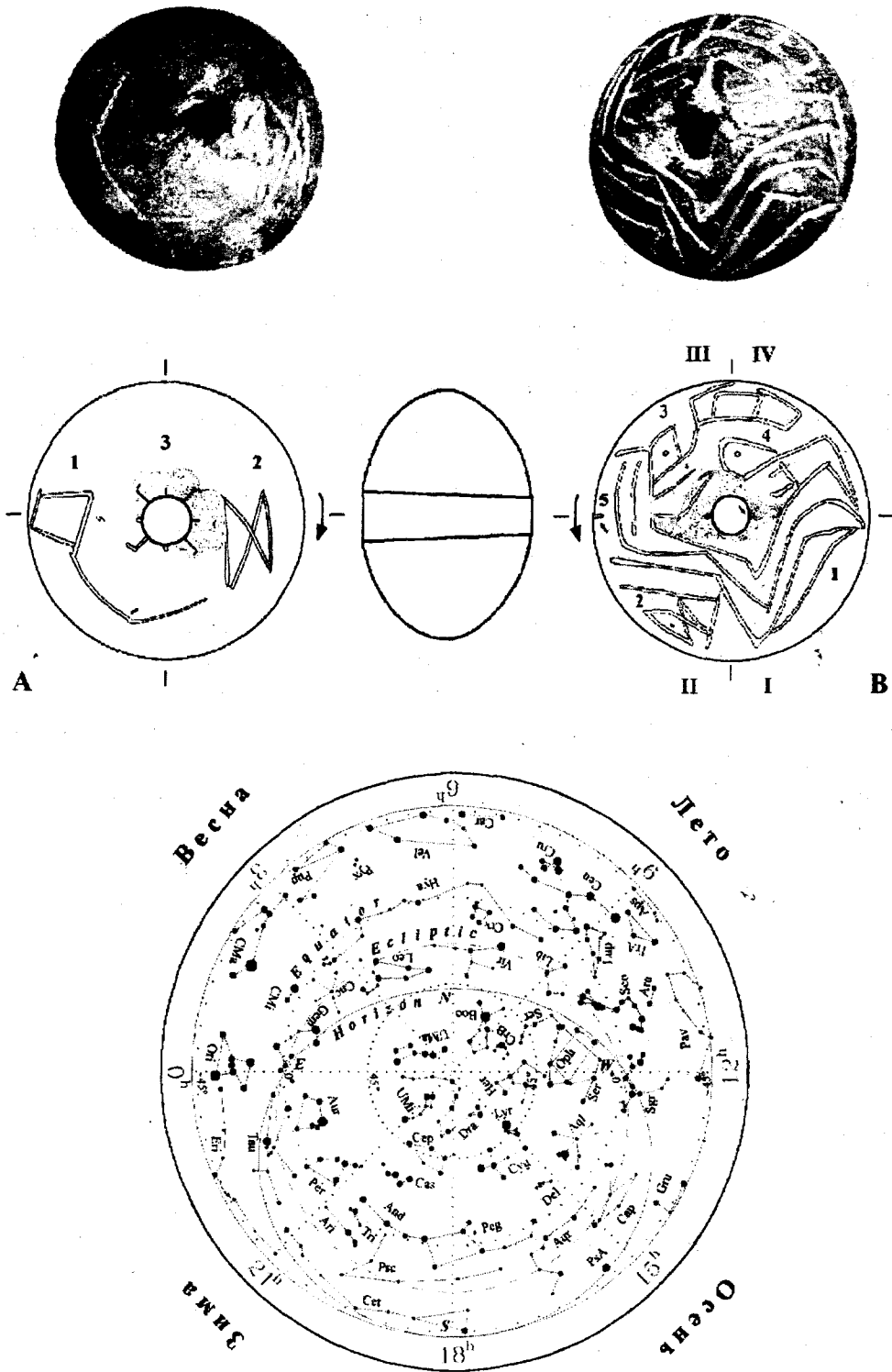

Рис.1. А, В – энеолитическое пряслице из Слатино, Болгария;
 С – карта звёздного неба, эпоха 4800 до н.э.

Страна (В) богато декорирована. Мы делим ее условно на четыре сектора таким образом, чтобы одна из прямых линий (на рисунке – горизонтальная) проходила через две коротких черты (обозначены прямыми стрелками на рис.). Зигзаговидные линии покрывают полностью I и II сектора и частично – сектора III и IV. В I-ом секторе две периферийные линии могут восприниматься как голова и шея большой водоплавающей птицы (1), чье тело очерчивает повернутый V-образный знак в секторе II. Фигура (2) расположена на теле птицы (или под ним) и напоминает лабрис. Фигура состоит из соприкасающихся треугольника,

подобного слегка изогнутому узкому серпу, и неправильного четырехугольника с отверстием. Эта деталь может изображать голову крупного рогатого животного, например, быка. Фигура (3) в секторах III и IV напоминает оленя со слегка наклонённой головой (специально обозначен глаз) и большими рогами. Ноги как бы подвернуты под массивным телом. Эта "жертвенная" поза изменится при взгляде вдоль оси предмета. В этом случае кривизна скрывает концы линий, животное выглядит стоящим на четырёх конечностях и устремлённым вперед. Фигура (4) напоминает поднявшуюся на хвост змею (кобру) с большой головой и глазом. Рядом различаем три коротких, пересекающихся в виде перевернутой буквы П, линии. Взглянем внимательнее на (B) со стороны змеи (4). Центральное отверстие пряслица оказывается в середине ромбовидной фигуры с вытянутыми по часовой стрелке вершинами. Верхняя из них упирается в левый рог (3), а параллельные врезки над ним напоминают клюв птицы, направленный в сторону головы оленя. Продолжение внешней риски очерчивает рядом с центральной фигурой голову, шею, а затем крыло и хвост гигантской хищной птицы (кстати, тоже воспринимаемой нами как солярный символ). Ромб около центрального отверстия оказывается на месте живота (известно, что ромбом с точкой в середине часто украшается вздутый живот на фигурках, изображающих беременных женщин [Gimbutas 1991: 143, Fig. 220]). Изгиб у правой стороны ромба напоминает женскую грудь. Короткие черточки под "животом", между обеих "ног" (удлиненные стороны ромба), возможно, изображают гениталии, а голова змеи (4) может восприниматься как рождающийся ребенок. Сами ноги, с подвернутыми коленями, напоминают позу рождающей антропоморфной фигуры. В целом, фигура (5) создает впечатление о четырехдельности и динамике изображения. Размеры и центральное положение говорят о ее значимости. Рядом различаем три коротких, пересекающихся в виде перевернутой буквы П, линии и тоненькую врезку, похожую на букву "S."

Интерпретация этих богатых символикой изображений не может быть однозначной. Подчеркнуто структурированная орнаментировка вероятнее всего представляет собой структурированный текст, т.е., повествование, рассказ. А известно, что созвездия в древних мифологиях традиционно отождествляются с сюжетно связанными образами людей и животных. Могут ли быть на пряслице из Слатино изображены мотивы "звездной" мифологии энеолита?

Астрономическая интерпретация изображений.

Естественно предположить, что будут обозначены самые важные созвездия, которые мифология использует для пространственной и временной ориентации: незаходящие звезды у полюса; область эклиптики, а также впечатляющий Млечный путь. Нами построена звездная карта в экваториальных координатах для эпохи 4800 г. до н.э. (Рис.1, С). Обозначены также небесный экватор и эклиптика. Линия горизонта очерчивает видимую часть небесного свода в полночь летнего солнцестояния на географической широте 42,5°. Современные созвездия обозначены их сокращенными латинскими названиями. За 7000 лет собственные движения звезд не изменяют существенно конфигураций самих созвездий, но их местонахождение (и сезонное, и над горизонтом) отличны от нынешнего из-за эффектов прецессии [Колев, Колева 1991].

Вблизи северного небесного полюса той эпохи нет яркого ориентира. Точки зимнего и летнего солнцестояния находятся в Рыбах (Psc) и Деве (Vir), а точки весеннего и осеннего равноденствий – соответственно в Близнецах (Gem) и Стрельце (Sgr), попадая в полосу Млечного пути. Характерными индикаторами наступления весны и осени тогда были гелиакические восходы соответственно Альдебарана из Тельца (Tau) и еще более красного Антареса из Скорпиона (Sco). В начале лета в полночь Лебедь (Cyg) и Цефей (Cep) находятся в зените, а пониже в меридиане находятся Пегас (Peg) и юго-западная "рыба" созвездия Рыб. Млечный путь проходит дугой через зенит и имеет опоры в точках востока и запада. В начале зимы в полночь он лежит низко и окружает светлым поясом линию горизонта (поворот на 180° окружности горизонта на рис.3). В меридиане, к югу от зенита, находится

Дева, а Лебедь "тонет" под северным горизонтом. Перед самым восходом Солнца на западе заходит звезда Регул из Льва (поворот окружности горизонта на 90° по часовой стрелке).

Преобладающая солярная символика и сходство фигур на пряслице с определенными группами звезд дают нам основание предложить следующую интерпретацию отдельных изображений:

(А-1) соответствует Большой Медведицы (Ursa Maior). Изображена часть тела большого животного с длинным хвостом. Хвост очень длинный и изогнут необычайно. Изгиб хвоста тянется к фигуре (А-2) как будто стремясь коснуться ее. По отношению к "трапеции" хвост расположен как бы при взгляде "извне". В древнем Египте это созвездие Нога (бедро) быка. Оно изображалось в близости или привязанным к руке богини гиппопотама Таурт [Крапп 1999: 255, 431; МНМ - II 1988: 496]. Мы назовем фигуру (А-1) также "Нога небесного Быка". Другое распространенное название – Повозка, в которой, согласно множество легенд (включительно и из Древнего Вавилона), запряжены волы. На одном древнекитайском изображении Повозка (небесного Императора) представлена как наша фигура (А-1), т.е., взглядом "извне" [Крапп 1999: 434].

(А-2) соответствует Лебеди (Cygnus) и нижней части Цефея (Cepheus). Изображена большая птица вблизи северного небесного полюса (центральное отверстие пряслица) или орнито-антропоморфная фигура. Она представлена в схематичном виде лабрисом, символом Великой Богини-матери. Согласно описанию в Вавилонских табличках из серии Мул Апин (700 г. до н. э.) Лебедь и нижняя часть Цефея представляют птицу Грифон [Gingerich 1984: 219]. Древнеегипетские изображения околополярной области позволяют нам отождествить эту деталь и с египетским женским божеством – гиппопотамом Таурт, и с Нут – крылатой богиней неба [Крапп 1999: 434; МНМ-I 1987: 422]. Стервятник – одно из перевоплощений Великой Богини-матери. Более раннюю параллель можно найти в стенописях неолитического поселения Чатал Хюйюк в Малой Азии (VII-е тыс. до н.э.), где встречается множество изображений Быка (или частей его тела) наряду с лабрисом или с огромной красной хищной птицы [Gimbutas 1991: 188, Fig. 285, 286]. Птицу эту связывают с культом Быка и Великой Богини-матери. Фигуру (А-2) назовем "Небесным Стервятником" (белоголовый стервятник - *Gyps Fulvus* – имеет вокруг шеи белый пушок и темно-желтое до цвета ржавчины оперение).

(В-1) соответствует Рыбам (Pisces) (юго-западная Рыба и звезда Ениф ("Нос") Пегаса). Изображена большая водоплавающая птица – гусь или лебедь. Назовем ее "Небесной Гусыней". В описании вавилонского зодиака Мул Апин современное созвездие Рыб состоит из Большой Ласточки (юго-западная Рыба + звезда эпсилон Пегаса) и Владычицы Неба (северо-восточная Рыба + центральная часть Андромеды) [Gingerich 1984: 219].

(В-2) соответствует Тельцу (Taurus). Допускаем, что схематическое изображение головы с глазом и рогом обозначает голову и око Быка – Альдебаран (что само по себе означает "Идущий вслед" (за Плеядами). Назовем эту фигуру "Небесным Быком". У Быка очень богатая символика. Он олицетворяет солнце и время. Считался первым из созданных животных и предводителем зодиакального года.

(В-3) соответствует Льву (Leo). Здесь изображен олень с крупным телом и большими рогами. "Око" его может изображать Регул (царскую звезду) из созвездия Льва. Назовем фигуру (В-3) "Небесным Оленем". Олень тянет колесницу Времени и является воплощением плодородия.

(В-4) соответствует Скорпиону (Scorpius). Фигура похожа на стоящую на своем хвосте змею с крупной головой (кобра?). "Око" может быть красной звездой Антарес ("подобный Марсу") из созвездия Скорпион. Назовем фигуру "Небесной Змеей".

(В-5) соответствует Близнецам (Gemini), Цефей (Cepheus), Лебедь (Cygnus), Лира (Lyra), Орел (Aquila) и Стрелец (Sagittarius). Представлено гигантское орнито-антропоморфное изображение. Оно включает вавилонского Грифона (Лебедь + Цефей), но вытянуто по протяжению Млечного пути. В начале зимы в полночь Птица накрывает северную половину горизонта – с востока до запада, где находятся ее голова и ноги. Тело ее

лежит на Млечном пути и тонет под горизонтом. В начале лета в полночь тело Птицы вздымается высоко в зенит с простертыми к северу и югу крыльями (мы не даем более точное отождествление крыльев, но следует отметить, что на юге, к примеру, кульминирует крылатый(!) конь Пегас (рис.3). Голова и ноги Птицы находятся под горизонтом. Подобным образом изображали египетскую богиню неба Нут, мать бога солнца Ра, которого она поглощает вечером, а утром рождает вновь [МНМ-I 1987: 422]. Можем рассматривать (В-5) как реалистическое изображение "Небесного Стервятника".

Зададим себе следующий вопрос: может ли овальный, крутящийся вокруг оси предмет быть моделью небесной сферы? Кроме отождествления фигур необходимо еще анализировать направление их кружения при вращении пряслица. Мы предполагаем, что сторона (А), с более широким отверстием, является верхней. Если при прядении держать веретено правой рукой, то пряслице будет крутиться в направлении часовой стрелки. В том же самом направлении будут кружиться и фигуры-созвездия на стороне (А). Это соответствует вращению небесной сферы при взгляде извне". Сторона (В) будет вращаться против часовой стрелки, что соответствует видимому суточному движению неба при взгляде "изнутри", т.е., с поверхности Земли. Следовательно, пряслице действительно может служить моделью видимой части небесной сферы.

Календарные мифы

Овальная форма пряслице наводит на мысль о применении к нему богатой символики яйца. Яйцо традиционно связывают с сотворением Мира, с началом космического пространства - времени. Оно несет в себе все четыре элемента – воду, воздух, огонь и землю.

Глиняное яйцо-пряслице может напоминать о том далеком Начале, когда Небесная Гусыня (В-1) кладет в водах первичного океана Космическое яйцо, из которого рождается Солнце. На ее крыльях оно возносится к верхнему миру и, преобразившись в золоторогого Быка (В-2), провозглашает наступление весны, согревает и оплодотворяет землю. Небесный Олень (В-3) переносит Солнце через его летний апогей, а осенью Небесная Змея (В-4) снова ведет его в нижний мир. От холодных вод и мрака подземелья его спасает небесная Гусыня и солнце снова вступает на путь вверх.

В таком рассказе небесные животные с пряслица и их "глаза" обозначают четыре созвездия Зодиака, чьи ярчайшие звезды предвещают наступление сезонов. Годичный видимый путь солнца среди звезд – с запада на восток, т.е., обратно суточному его перемещению по небесной сфере. На стороне (В) в этом направлении повернуты голова и ноги Стервятника. Обрато ему сориентированы тела Лебедя, Змеи и Оленя, что отвечает направлению суточного солнечного круговорота.

Если рассматривать изображения как солнечные метаморфозы, представляющих четырех фаз суточного цикла, то мог бы быть "рассказан", вероятно, и другой солярный миф. Утром, рожденное из тела Небесного Стервятника Солнце, подобно огнедышащей Змее-кобре, встает на восточном горизонте. Днем оно, как огненный Олень, пересекает небосвод, а вечером его поглощает Стервятник. Ночью же оно, преобразившись в золоторогого Быка, оплодотворяет Стервятника, чтобы быть снова рожденным на востоке.

Подобно древним мифологическим схемам, зооморфные изображения на слатинском пряслице могут олицетворять главные направления, сезоны и элементы. В случае определяющей является видимость (утренней, вечерней, или полуночной) их звездных соответствий, а не в каком созвездии находится солнце (ибо такое созвездие невидимо). Можно выделить следующие соответствия:

Змея = Восток - весна - рождение – воздух, когда солнце в весенней равноденственной точке, Скорпион и Стрелец кульминируют в полночь. Небесная Змея является знаком наступления весны.

Гусыня = Юг - лето - жизнь – огонь – Рыбы и Пегас кульминируют в полночь в дни летнего солнцестояния. Небесная Гусыня – знак наступления лета.

Бык = Запад - осень - смерть – земля – Телец и Близнецы кульминируют в полночь, когда солнце в осенней равноденственной точке. Небесный Бык является знаком для начала осени.

Олень = Север - зима - зачатие и воскрешение – вода – Лев и Дева кульминируют в полночь в дни зимнего солнцестояния. Небесный Олень указывает на начало зимы.

Стервятник = восток, запад, север, юг и зенит - сутки, год - рождение, жизнь, смерть и воскрешение – небо – Небесный Стервятник здесь является универсальным символом. Он олицетворяет горизонтальную и вертикальную структуру пространства, а также основные временные циклы. В качестве Великой Богини-матери Птица означает великую целесообразность природы, порождающей жизнь и определяющей судьбы. На пряслице Космический Стервятник и Космический Бык выделены особо. На стороне (А) они изображены смотрящие "сверху" и "с потустороннего мира" (согласно предложенной астрономической интерпретации). Вместе со знаком в центре они могут также символизировать женское и мужское начало и космический порядок. Проекция стороны (А) на (В) показывает интересные соответствия: "трапеция" в (А-1) ложится на "хвост" (В-5); фигура (А-2) попадает на "голову" (В-5), а лучи свастики (А-3) направлены к головам четырех животных (В-1), (В-2), (В-3) и (В-4). Эти фигуры, а точнее, их "глаза", подобно сыновьям Гора [МНМ - I 1987: 315], сопровождают "Ногу Небесного Быка" и стерегут четыре стороны пространства.

Большая Медведица и сегодня служит людям как часы и календарь. В эпоху Слатино ее хвост мог указывать наступление сезонов следующим образом: если хвост в полночь направлен к западу, значит приходит летняя пора, а если он виден таким образом утром, при гелиакическом восходе Альдебарана, наступает весна. Хвост на востоке в полночи – скоро зима, а утром – к осени (гелиакический восход Антареса); хвост на юге в полночи вещает весну, а утром – зиму (гелиакический восход Енифа); хвост к северу в полночь – к осени, а утром – к лету (гелиакический восход Регула).

Таким образом, перед нами – модель макрокосмоса, семантически связанная с микрокосмосом человека; модель, с помощью которой мифологическое сознание объясняет мир.

Выводы

Тщательная выделка и сложная орнаментировка глиняного пряслица для веретена из Слатино свидетельствует об особом значении этот предмет в общем-то утилитарного применения. Известно, что сам акт прядения имел важную ритуальную сторону. Указания на специальный интерес к Небу, закодированные на пряслице, вряд ли являются случайными. Напротив – это может оказаться удивительно успешной попыткой отобразить небесную сферу с ее характерными формой и внутренней динамикой. Данная находка позволяет сделать вывод о наличии в энеолитическую эпоху точных знаний о мире и об астрономических явлениях. Нет сомнений, что такая совершенная система изображения и записи в энеолите ведет свое начало из далёкой древности, поскольку звездные мифы человек умел рассказывать и записывать еще в палеолите.

Список литературы

Колев Д., Колева В. Вид нашего звездного неба в различные исторические эпохи // Интердисциплинарные исследования. Том XVIII. - 1991. с. 18 - 26.

Крапп Э.К. Астрономия. Легенды и предания. - М.: Гранд, 1999.

Мифы народов мира. Энциклопедия в 2 т. / Ред. С.А. Токарев, М.: Советская Энциклопедия, I - 1987; II - 1988.

Николов В. Към интерпретацията на керамичната "плочка" със знаци от Градешница // Изкуство. - 1990. - 2, 47, с. 47-49.

Чохаджиев С. Археологически данни за календар от началото на каменно-медната епоха // Археология. - 1984. - 2-3, с. 1-7.

Чохаджиев С. Слатино - праисторически селища. - Велико-Търново, 1997.

Čohadžiev S. Frühäneolithische Keramik aus der Prähistorischen Siedlung bei Slatino, - Bezirk Kjustendil. - Studia Praehistorica, 8, 1986. – p.185-202

Gaul J.H. The Neolithic Period in Bulgaria. American School of Prehistoric Research, Bulletin 16, 1948. - p. 61

Gimbutas M. The Language of the Goddess., San Francisco: Harper Collins Publishers, 1991.

Gingerich O. The Origin of the Zodiac // Sky and Telescope, 3, 1984. – p. 218-220

Tchohadjiev S. L'astronomie a l'age du cuivre. Dossiers histoire et archeologie, 1989. – 137 p.

Tchohadjiev S., Koleva V., Kolev D. A Copper age "Celestial Globe", Paper presented at the Fourth "Oxford" Conference on Archaeoastronomy. - Stara Zagora, Bulgaria, in Oxford IV, Abstracts of Contributions, Oxford, 1993

*Институт астрономии Болгарской академии наук,
Национальная астрономическая обсерватория "Рожен",
Университет имени Святых Кирилла и Мефодия,
Болгария*

ПРИМЕНЕНИЕ GPS-ТЕХНОЛОГИЙ В АСТРОАРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ПАМЯТНИКОВ СИБИРИ

Астроархеология и палеокалендаристика – новые отрасли науки о первобытности, которые проходят в Сибири трудную стадию становления. Сложности определяются контактной зоной работы представителей разных наук – гуманитарных (археология и культурология), естественнонаучных и технических (астрономия, геодезия и т.д.). Между тем, астроархеология нацелена на решение фундаментальных проблем ранней истории человека – начального обретения им точных знаний об окружающем нас Мире и формирования духовности (первые, астрального разряда культово-религиозные системы).

Конгресс астрономических обществ Европы, который проходил в Москве в 2001 году, засвидетельствовал факт авангардности работ астроархеологов Сибири в масштабах России, но, одновременно, вскрыл и весьма уязвимые места их исследований (при сравнении с тем, чего достигли астроархеологи Европы и Америки). У этой уязвимости причина, увы, одна – невооруженность специально разработанными методами и соответствующими техническими средствами для осуществления весьма сложного поиска, требующего для подтверждения выводов целого комплекса специфических наблюдений и расчетов. Именно это чрезвычайно досадное обстоятельство предопределяет всё большее отставание сибирских археологов от мирового уровня исследований (а с ним и потерю приоритетов отечественной науки), вынуждает искать оригинальные малозатратные методики проведения подобных изысканий на основе нетрадиционного использования современной аппаратуры. Подобные решения должны быть доступны (и по стоимости оборудования, и по методологии проведения) для научных учреждений Сибири. При наличии должного инструментария и опыта одна команда сможет обслуживать археологические коллективы Новосибирска, Барнаула, Кемерово, Горно-Алтайска, Екатеринбурга, Иркутска и Красноярска.

При определении астрономической значимости археологических памятников и их отдельных элементов необходимо определять азимуты исследуемых направлений с точностью нескольких дугowych минут. Второй, но не менее важной задачей, является совместная увязка ряда отдельных археологических объектов, разнесённых в пространстве на десятки или даже сотни километров, в некоторое единое астрономическое построение. Здесь же может идти речь об анализе обширных археологических ансамблей, элементы которых занимают большие площади (десятки квадратных километров).

Рассмотрим более подробно некоторые решения проблемы с учётом их плюсов и минусов:

– измерения по крупномасштабному картматериалу: топографические планы и карты служили основой работам Д. Фарлонга [2000] и Д Хокинса [Хокинс, Уайт, 1984], фотопланы и аэроснимки использовались Д. Хокинсом [Хокинс, 1977] – в условиях Сибири маловозможны по причине отсутствия или наличия только устаревшей крупномасштабной картинформации на незастроенные районы, выполнение новых залётов и фотограмметрическая обработка очень дороги;

– посредством инструментальной привязки к пунктам государственной геодезической сети с созданием собственной сети пунктов на археологическом объекте – очень трудоёмко, в литературе нет ссылок на подобные работы: теодолитная съёмка выполнялась как основоположниками астроархеологи (Н. Локьер, А. Том), так и современными отечественными исследователями (В.Е. Ларичев, Л.С. Марсаолов), но истинные азимуты направлений всегда определялись астрономическими методами, что относится к автономным

способам по классификации авторов;

– автономные способы (традиционное и достаточно дорогое решение) – астрономические (современный вариант – высокоточные измерения с помощью приёмников спутниковые сигналов: GPS, ГЛОНАСС) или гироскопические определения опорных азимутов исследуемых направлений на объекте, рекомендации по астрономическим определениям для археологов даны. Н. Локьером [Lockyer, 1909], Т. Сеймуром и С. Эдбергом [Seymour, Edberg, 1979];

– комбинированные способы (предлагаемое авторами решение) – определения, выполняемые относительно пунктов ГГС или специальной астрогеодезической основы посредством недорогой навигационной спутниковой аппаратуры и геодезических инструментов. Астрогеодезическую основу непосредственно на объекте работ предполагается создать высокоточными спутниковыми или «наземными» геодезическими методами. Вергуновым [Вергунов, 2001] были изложены основы работы со спутниковыми gps-навигаторами, позволяющие получать координаты с точностью 1 – 2 м в плане и 0,5 – 1,0 м по высоте, а азимуты направлений до 30” – 60”.

Предлагаемое авторами решение предполагает использовать все преимущества автономных высокоточных определений, а снизить абсолютные затраты можно с помощью краткосрочной аренды комплекта высокоточного спутникового или «наземного» оборудования для создания астрогеодезической основы (это займёт лишь несколько дней ХОРОШО подготовленной работы). Все остальные определения можно делать с помощью современных недорогих спутниковых навигаторов относительно уже существующей сети пунктов.

Очевидно, что при таком подходе сам процесс изучения археологических памятников с точки зрения астроархеологической значимости расположения их отдельных элементов, будет состоять из нескольких этапов:

– первичное обследование археологического объекта (рекогносцировка) и составление проекта работ со сметой расходов, требуемого оборудования и календарным графиком работ (особенно расчёт наиболее подходящих сроков для GPS-наблюдений при использовании спутниковых методов создания астрогеодезической основы);

– его контурное изучение с одновременным определением поправок для локального Земного сфероид в районе работ относительно общеземного сфероид WGS-84, привязка к требуемой системе координат и создание опорной астрогеодезической сети нужной плотности – на основе этого производится первичное определение азимутов и расчёт вероятных астрономических направлений;

– детальное исследование (собственно астроархеологические изыскания) и формирование трёхмерной цифровой модели астроархеологического объекта, в перспективе – создание отчёта с видеоприложениями и участие в работах по созданию виртуального музея (интернет-музея).

При первичном обследовании достаточно недорогих приборов и наиболее оперативных методов. Основная задача этого этапа – выяснить, представляет ли данный памятник интерес для более детального астроархеологического изучения. Если при первичном обследовании выявляется, что объект нуждается в более детальном изучении, то составляется проект дальнейших работ.

На следующем этапе, которое названо контурным изучением объекта, создаётся астрогеодезическое обоснование для дальнейших работ. С его помощью определяются азимуты предполагаемых астроархеологических направлений, выполняется решение обратных задач по определению небесных координат тех тел, которые могли восходить или заходить по этим направлениям. Если на этом этапе подтверждаются основные гипотезы, то памятник нуждается в детальном исследовании.

Детальное исследование требует индивидуального творческого подхода в каждом отдельном случае и его описание составит содержание отдельной публикации.

Работа поддержана грантом РФФИ (проект №02-06-80094).

Список литературы

Lockyer, N. Surveying for archaeologists. – London, 1909. – 120 p.

Seymour T. P., Edberg S.J. A simple Method of Determining Archaeoastronomical Alignments in the Field // The Journal of California and Great Basin Anthropology. – 1979. – Vol. 1, No 1. – P. 64.

Вергунов Е.Г. Анализ портативных спутниковых GPS-навигаторов фирмы GARMIN: современные возможности и ближайшие перспективы // Матер. научн.-техн. конф. «Проблемы метролог. обеспечения топографо-геодез. пр-ва и землеустр. работ». – Новосибирск, 2001. – С.48.

Хокинс Д., Уайт Д. Разгадка тайны Стоунхенджа / Пер. с англ. – М., 1984. – 256 с.

Хокинс Д. Кроме Стоунхенджа / Пер. с англ. – М., 1977. – 267 с.

Фарлонг Д. Стоунхендж и пирамиды Египта. Ключи от храма жизни / Пер. с англ. – М., 2000. – 398 с.

*Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск*

КАЛЕНДАРНЫЙ СЧЕТ В ОРНАМЕНТЕ ПОСУДЫ ПОЗДНЯКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Керамика, как известно, является массовым материалом на археологических памятниках. Именно она, в силу своей информационной насыщенности, нередко составляет основной объект изучения археологов.

Данная статья посвящена изучению геометрического орнамента сосудов поздняковской культуры, носители которой занимали во II тысячелетии до н.э. обширную территорию Волго-Окского междуречья. Памятники поздняковской культуры представлены главным образом поселениями и могильниками грунтовыми и курганными [Бадер, Попова, 1987, с. 131-135].

Раскопки одного из таких курганных могильников были начаты в 1991 г. у пос. Лебяжий Бор Ермишевского района Рязанской области. Работы осуществлялись под руководством В.П. Челяпова и продолжались в 1994 – 1995 годах. Анализ инвентаря и строение курганов позволяют датировать их третьей четвертью II тысячелетия до н.э. [Челяпов, 1996, с. 143 – 144].

Особый интерес среди находок вызвали хорошо сохранившиеся керамические изделия с нанесенным на них орнаментом (рис. 1). Числовой анализ позволил предположить определенную календарную направленность геометрических «рисунков».

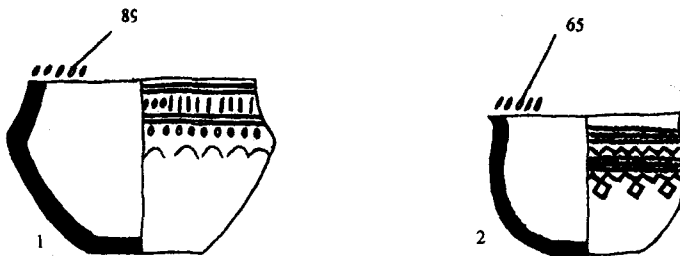

Рис. 1. Могильник Лебяжий Бор:
1 – курган 1, насыпь; 2 – курган 3, погребение 2

Конкретно реконструировать календарь на данном этапе изучения трудно. Поздняковцы, возможно, имели несколько типов календарей, как и другие народы, например, в Восточной Азии [Цибульский, 1988, с. 16 – 20]. Но основные календарные величины назвать можно. Чаще всего они связаны со сменой лунных фаз и годичным движением Солнца. При этом следует подчеркнуть, что расчеты по Луне велись в строгом соответствии с ее синодическим обращением (29,53 сут.).

Примером изображения числовой характеристики синодических месяцев может являться орнамент сосуда, обнаруженного в насыпи кургана I могильника Лебяжий Бор (рис. 2, 1). Этот орнамент представляет собой ряд вертикальных насечек числом 59, разделенных десятью овальными вдавлениями. Сверху и снизу прочерчены двойные горизонтальные линии. Под ними расположены 82 овальных вдавления и 26 оттисков штампа в виде дуги.

Если посчитать количество знаков на сосуде, то они совпадают, в числовом выражении, с синодическими периодами Луны.

Действительно, общее количество основных знаков на тулове сосуда составляет 177 (26–82–59–10), что соответствует шести месяцам; 59 – двум; 89 – по верху венчика – трем (88,5). Группируя блоки чисел в определенной последовательности, можно получать

необходимые величины. В.Е. Ларичев называет такой способ алгоритмом [Ларичев, 1998, с. 125 – 128].

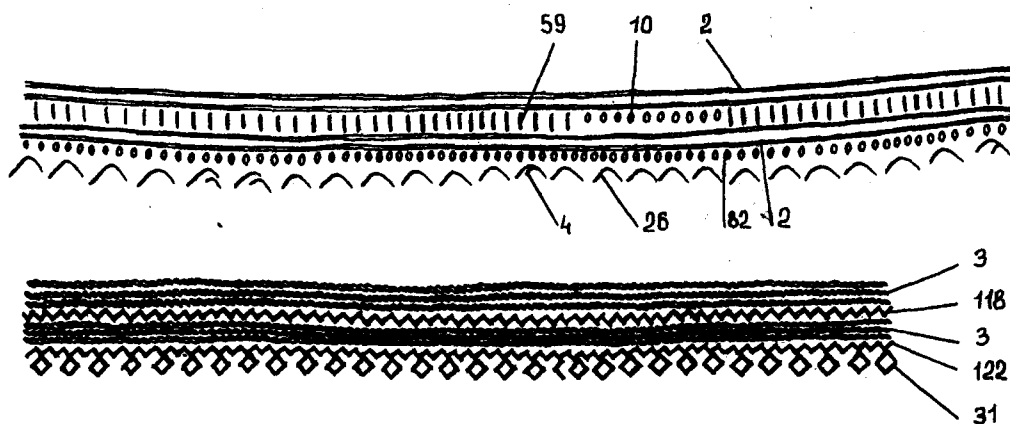

Рис. 2. Развёртка орнаментов

Алгоритмический характер знаков на сосуде подтверждается их суммированием: $10 + 82 + 26 = 118$. 118 сут. – календарно-значимое число, составляющее 4 синодических месяца, которые могут рассматриваться как счисление времени по сезонам [Ларичев, 1999, с. 61].

В плане изучаемой темы интересен орнаментальный мотив сосуда (рис. 2, 2), найденного в погребении 2 кургана 3 могильника Лебяжий Бор. Зигзаг, состоящий из 118 оттисков штампа, с двух сторон охвачен тройными горизонтальными линиями, выполненными оттиском веревки. Нижняя часть орнамента состоит из аналогичного зигзага (122 элемента) и примыкающему к нему 31 ромбу (один «недорисован»). Подсчет количества оттисков штампа в каждом горизонтальном ряду дал положительный результат:

118 сут. – четыре синодических месяца ($1/3$ года); 122 сут. – $1/3$ солнечного года [Ларичев, 1997, с. 44]. Следует обратить внимание на сознательно «недорисованный» ромб, т.к. иначе не получилась бы требуемая величина: $(30 \times 4) + 2 = 122$.

Подобный метод счета составных элементов ранее исследователями уже использовался. Изучая искусство каменного века, Б.А. Фролов аналогичным образом интерпретировал ломаные линии на браслете из Мезина как календарные величины [Фролов, 1974, с. 113].

В процессе изучения геометрических «узоров» автор данной статьи выявил еще целый ряд примеров, подтверждающих знание поздненокрами полного цикла смены лунных фаз (общее количество сосудов, подвергнутых анализу, 30).

Аналогичные результаты получены В.В. Никитиным по материалам другой культуры эпохи бронзы – абашевской [Никитин, 1996, с. 103].

К сказанному добавим и факт присутствия синодических месяцев в орнаменте Срубной культурно-исторической общности, оказавшей большое влияние на развитие и формирование поздненокровской культуры [Беседин, Сафонов, 1996, с. 30].

Анализируя графические изображения, нельзя не заметить и того, что в качестве чисел использовались геометрические фигуры. На проявление числовых соотношений в подобных фигурах уже обращали внимание исследователи в области истории математики [Стройк, 1990, с. 25 – 28] и мифологии [Топоров, 1997, с. 273].

Теперь остановимся на некоторых особенностях рассмотренных орнаментов. Часто на поверхности сосудов можно обнаружить несколько горизонтальных линий по всей длине окружности. Предлагается следующая их интерпретация: линии являются своеобразным множителем для отметок, расположенных под ним. Использование такого множителя и выводит нас на календарно-значимые величины. Например:

Рис. 1, 1. – $2 \times (59 + 10) = 138$
 $2 \times (26 + 82) = 216$
 $138 + 216 = 354 - 354$ сут. – синодический лунный год

Рис. 1, 2. – $3 \times 118 = 354$
 $3 \times 122 = 366 - 366$ сут. – солнечный календарный год.

Данные расчеты, с использованием множителя, можно было бы назвать случайным совпадением, если бы это не нашло подтверждение в орнаментальной схеме сосуда, опубликованного В.И. Бесединым и И.Е. Сафоновым [Беседин, Сафонов, 1996, с. 27, рис. 5, 3]. Центральная часть орнамента (рис. 3) состоит из чередующихся меандровых символов (66 элементов). Сверху и снизу они охвачены двумя горизонтальными линиями и зигзагом (50 и 86 элементов). Произведем расчеты:

Рис. 3. – $2 \times 66 = 132$
 $2 \times 86 = 172$
 $50 + 132 + 172 = 354$.

Таким образом, как и в случае с орнаментом поздняковской культуры, используя множитель, мы получили величину, соответствующую лунному году.

И последнее. Нередко исследователи не обращают внимание на разного рода «мелочи» в орнаментах: непривычные элементы, вариации знаков и т.д., считая их опечаткой, техническим браком или давая другие самые простые объяснения. Однако расчеты показывают сознательное их нанесение. Например: используя 4 дополнительных знака (рис. 2,1), мы получим блок чисел $4 - 26 - 82 - 10$, сумма которых равняется 122 – величине, ранее встречающейся в наших расчетах. Или: между меандрами (рис. 3) расположены два знака, прямая и Г-образный знак, с общим количеством элементов – 3. Эти знаки можно считать какими-то годовыми рубежами, а можно использовать для расчетов:

$2 \times 69 = 138$
 $2 \times 86 = 172$
 $50 + 138 + 172 = 360 - 360$ сут. – солнечный (кельтский или майский) год [Климишин, 1985, с. 235.

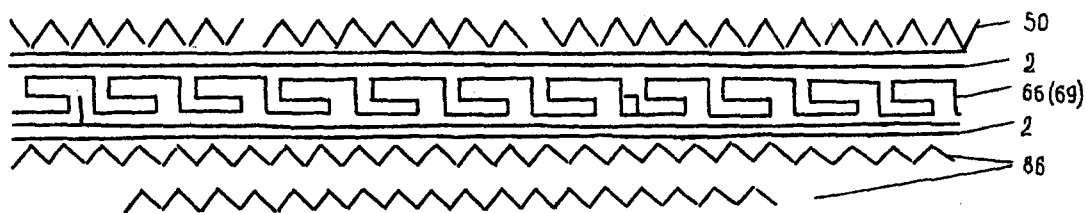

Рис. 3. Схема орнамента сосуда срубной культуры (по: [Беседин, Сафонов, 1996])

Так, мы установили, что выявленные в орнаментах группы чисел соответствуют определенным периодам движения Луны и Солнца, а это, в свою очередь, указывает на использование поздняковскими племенами астрономических величин в своих календарных расчетах.

Приведенные расчеты вполне могли применяться жреческой кастой племен во II тыс. до н.э. Лингвистические данные свидетельствуют о том, что уже в III тыс. до н.э. население Восточной Европы знало счет до тысячи (или дальше) и ему были известны действия сложения, умножения и деления [История отечественной математики, 1966, с. 43].

Календарно-астрономический характер описанных орнаментов не подлежит сомнению (количество знаков кратно периодам движения планет). Однако определенная часть чисел не поддается прямому прочтению, не совсем ясна взаимосвязь геометрических и числовых характеристик, не решенным вопросом остается семантика самих фигур. И все же предпринятое исследование позволяет сделать определенные выводы:

Элементы «узора», расположенные на керамических изделиях поздняяковских племен, можно рассматривать как знаки, представляющие собой числовую запись, с помощью которой кодифицировались астрономические знания. Эта числовая запись выполнена в виде геометрического орнамента, в котором условной единицей могут быть и отдельные насечки, и целые фигуры, и элементы, их составляющие.

Временные схемы в эпоху бронзы выглядят как полностью сформированные календарные системы, основанные на точных астрономических расчетах.

При расшифровке орнаментов керамических изделий эпохи бронзы необходимо полностью исключить декоративный характер его использования. Числовой анализ геометрических изображений указывает на строго продуманную систему передачи информации. С уверенностью можно сказать, что изречение «все есть число» было известно людям задолго до Пифагора.

Исследование керамики из могильника Лебяжий Бор выявило, что из всех найденных сосудов практически нет ни одного с повторяющимся орнаментом. Подобное можно обнаружить и на других могильниках поздняяковской культуры. Все орнаменты разные. Вероятно, у гончара не было наглядного образца для подражания, а необходимая информация просто запомнилась. Допустимо предположить и то, что нанесением орнамента занимались специально назначенные люди, обладающие высоким уровнем знаний в области астрономии, математики и геометрии, что требовало качественно иной подготовки, нежели механическое изготовление сосудов.

Список литературы

Бадер О.Н., Попова Т.Б. Поздняяковская культура // Археология СССР. Эпоха бронзы. М.: Наука, 1987, с. 131 – 135.

Беседин В.И., Сафонов И.Е. Числа в орнаментации керамики срубной культуры // Российская археология, 1996, № 2, с. 23 – 33.

История отечественной математики. Т. 1. Киев: Наукова думка, 1966, 492 с.

Климишин И.А. Календарь и хронология. М.: Наука, 1990, 480 с.

Ларичев В.Е. Скульптурный образ Солнца в искусстве древнекаменного века Сибири // Древняя астрономия: небо и человек. Тезисы докладов международной научно-методической конференции (19-24 ноября 1997 г.). М.: Наука, 1997, с. 44.

Ларичев В.Е. Все в одном // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 1998, т. IV, с. 125 – 128.

Ларичев В.Е. Космографические фигуры и знаковые тексты Игнатьевской пещеры: «Большой зал» // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск: СО РАН, 1999, № 3, с. 57 – 69.

Никитин В.В. Календарь в орнаменте посуды и украшениях финно-угров Поволжья и Урала // Археoaстрономия: проблемы становления. Тезисы докладов международной конференции (15-18 октября 1996 г.). М.: Наука, 1996, с. 101 – 105.

Стройк Д.Я. Краткий очерк истории математики /пер. с немецкого). М.: Наука, 1984, 285 с.

Фролов Б.А. Числа в графике палеолита. Новосибирск: Наука, 1974, 240 с.

Челяпов В.П. Исследования у поселка Лебяжий Бор // Археологические открытия 1995 года. М.: Наука, 1996, с. 143 – 144.

Цибульский В.В. Лунно-солнечный календарь стран Восточной Азии. М.: Наука, 1988, 380 с.

*Российский фонд культуры,
Рязань*

THE CLAVIFORM P-SIGN A TIME UNIT? INTERPRETING A PALAEOLITHIC SYMBOL

While studying Eurasian Palaeolithic cave art the focus of interest is often set only at the beautiful representations of the animals. The enigmatic signs however, scattered here and there above, below and between the beasts, are mostly disregarded. But looking on a particular type of sign – the claviforms – much closer, they may be a first approach to understand a little bit more of their meaning.

One rather distinct group among the signs are the claviforms (type S1 H in fig. 162; B.II.1.1 and B.II.1.2 in fig. 163; V c in fig. 164, Sauvet, 1993: 225-230, and figs. 162-165). Till today they are found only in parietal and not in mobile art. In general they consist of a line with an attached half circle, a triangular form or a loop. The protruding part can face to the left or to the right side. In most cases it is situated at the upper part of the line, but it also can be placed in the middle of the stroke. The line itself in the lower part is often bent slightly to the left or to the right side. Thus the claviform reminds one of the letter „P“ of the Latin or Cyrillic alphabet (or the inversed form). It therefore could be simple called the „P“-sign (ill. 1). The claviforms are painted in red (ochre), seldom in black colour, and sometimes they are engraved too. The P-claviforms are to be frequently found in a limited region in today's Spain and France, reaching from the Cantabrian Spain across the Pyrenean area to the Dordogne and Ardèche valleys [Leroi-Gourhan, 1958a: 320]. They mostly belong to the Magdalenian epoch (17,000 –12,000 BP), except of one example coming from the cave of Chauvet1, France [Clottes, 2001: 62, fig. 55], which is much older. This claviform (ill. 2), painted in red ochre, was discovered in a part of the „Salle Brunel“, called „Le Sacré-Coeur“, near the entrance into the grotto. With respect to the 14C-dating [Clottes, 2001: 32-34], the claviform can be placed between 22,800 ± 400 BP (Ly-6879) and 32,900 ± 490 BP (Gifa 99776). The discovery of the P-sign in the Chauvet cave clearly proves that the P-Sign belong to a very old tradition.

In the research, based on their peculiar shape, these claviforms had been interpreted as boomerangs, clubs, axes, stylised female figures, rods with attachments [Beltran et al., 1966: 164, LXXXVIII, 82 C; Leroi-Gourhan, 1958b: 388]. But this considerations by themselves don't lead on. It is necessary to take some other aspects into account.

Sometimes the P-signs are standing apart. But often they are closely associated to sets of dots, nearby arranged into peculiar patterns (ill. 3a, 3b). Or they are combined with single strokes, which reminds one of the today used symbol for the constellation “balance” (ill. 4a, 4b). They too are frequently related to certain animals mostly the horse and the bovine, and, however considerably less, to the hind, the doe and the goat [Casado, 1979: 265; fig. 4]. Often claviform signs are iterated (ill. 5). Concerning this iuxtapositions and series it seems plausible, that they denote a kind of counting. This idea gains much more probability, regarding the close relations of the claviforms to certain animals: It looks like a sort of “commentary” added to the depicted beasts, which “informs” about a “countable” characteristic of the animal (ill. 6).

Already Marshack [1991: 327-28, 393-395] stated that this type of claviform seems to be closely related to time-factored processes: He proposed, that these signs may “represent units of some sort, obviously not day units, but units that are additive and cumulative”. His research showed, that the P-signs are somehow related to a hunter-gatherers perception of animal and human pregnancy. They could express a kind of seasonality, which may have been connected with certain

¹ Com. Vallon Pont d'Arc, Dép. Ardèche, Rég. Rhône-Alpes; φ: 44°24' N | λ: 4°24' E; 14C-dates in Clottes, 2001: 32-34.

myths and rites. In particular the renewing of single signs in a series or the accumulation of them step by step in a sequence would indicate the temporal meaning of this type of signs.

It is striking, that very similar shaped signs (ill. 7) are known all over the world as referring to time-factored processes [Wirth, 1936a: 646-675]. In particular they are connected with the Moon's monthly and the Sun's annual course. Sometimes they appear in a pair opposing to each other (ill. 8) – a kind of “Janus-figure” or a “portal”, in which the celestial bodies indicate a time of change. Often the pair of confronted P-signs seem to denote the turn of the year at a solstice or equinox [Wirth, 1936a: 646-675; Audin, 1956]. A late, but nevertheless nonetheless prominent symbol, which belongs to the same tradition is the P-X-sign of Christianity, which hands down an archaic cosmogram and consist of the two solstice diagonals and the equinoctial line attached by a symbol for the rising Sun [Audin, 1956]. Thus the claviforms in Palaeolithic cave art may probably denote the Sun or the Moon somehow related to time-reckoning. There are some other pieces of evidence, which support such an idea.

At a Selkup shaman's drum Sun and Moon are drawn at the left and at the right side of a world-tree [Hoppál, 1994: 158, fig. 220 B]. The pictogram of the Moon is very similar to the P-signs in Palaeolithic cave art (ill. 9).

Another approach to decode the claviform signs was made by means of a semiotic analysis [Sauvet, G. and Sauvet, S., 1979; Sauvet, G.: 1988]: Based on the phenotype they may be formally related to simple graphic characters, used in the ancient Sumerian, Hittite, Egyptian and Chinese cultures [Sauvet and Włodarczyk, 1977: 556, table VII]. The very similar pictograms (ill. 10) symbolize an animal's rib, a boomerang, a seashell, a fish scale, fire, but at the same time also the Moon and the Sun. Thus the claviforms in the caves may denote either the Sun or the Moon, or both, depending on the context of a painting or engraving.

If the prominent P-signs are regarded only, then the results concerning a possible “meaning” are much more clear: The pictogram denotes an animal's rib, a boomerang and the moon. It is interesting that the claviforms already had been compared with “boomerangs” [Leroi-Gourhan, 1958b: 388]. In addition the Aborigines of Cape York (Australia) tell about a giant boomerang, which was thrown into the sky and transformed into the Moon [D'Arcy et al., 1994]. The Aborigines also relate the waning Moon, shortly before New Moon, to a bone, which transforms itself into the nautilus shell, which is the Full Moon [Bernd, 1948: 18-19]. Similar conceptions of a “moon-bone” are known from many other people around the world. The Bushmen (Africa) deliver the myth of the Moon, which is cut by the Sun's knife – the solar rays – up to a thin slightly sinuous line, the “back bone”, which is the thin waning crescent [Schmidt, 1933: 558]. The Winnebago Natives (North America) associate the Moon with a bone (a bear's rib), because during waxing or waning the bright “bone” (the thin Moon) shows the attached dark part, the meat [Radin, 1990: 238, 390, 392]. The biblical story of Eve's creation from Adam's rib [Schilling, 1963] hands down a hint on an original association of the bone (rib), the Moon and the woman, which is clearly based on a concept of cyclical fertility. This also bases the idea that the claviforms, in particular the P-signs, could be derived from a stylisation of the female, pregnant body [Marshack, 1991].

The shamans of the Jakuts (Asia) used an iron staff with a fastened round Moon head to start the period of the waning Moon, during which he is carved up [Schmidt, 1954: 288, 380]. Considering this rod with an attached Moon-protuberance, other examples, coming from the Assyrian culture are very interesting. Several seals show the rulers holding a staff, with an attached half ring (or a staff and a full ring). There are hints, that the rod and the ring is related to a measurement instrument, to the Sun(-god) and Moon(-god), and served as a symbol of power [Ascalone and Peyronel, 2001: 7-8, and fn. 20]. P-signs (ill. 7, 8), which are very similar to the Palaeolithic forms, are handed down by the Sumerian culture [Wirth, 1936a: 672-673, 1936b: 333, 2, 3, 5, 11, 12, 13, 14, 15]. They are closely related to the ruler's and god's authority. And they seem to be associated with celestial bodies, mostly the sun, and the equinoxes [Audin, 1956].

¹ Herman Wirth had supported the ideology of the National Socialists in the early 20th century. Therefore it is necessary to treat his scientific results with caution. But nevertheless his rich collections of original material remain a valuable resource.

Well, some of the dot- and claviform-associations give clear hints on a relation of a possible relation of the P-signs to parts or a complete lunar cycle. In the cave of Le Portell, France, a P-sign (Galería IV Breuil, El camarin; ill.11) is associated an ellipsoid pattern of 13 black points at the right side above the claviform. Two curved rows of dots (28/29?, 16?) and one other sequence (55/56?) are painted at the left side and below [Beltràn et al., 1966: 164, LXXXVIII, 82 C]. In the cave of Niaux², France, two P-signs [Black Salon, Panel 6; ill. 12], showing the curve to the right side, are associated with three rows consisting of 26 red points [Clottes, 1997: 119, ill. 145]. And in the cave of Lascaux³, France a row of 26 points shape a P-like sign [Diverticule axial; ill. 13] closely associated with a horse. Considering this cases, it seems probable, that the claviforms may have something to do with the lunar cycle. As a kind of a “meta-sign” probably denote parts of him or the whole lunation.

This idea is clearly confirmed by an engraving in the cave of Trois-Frères⁴. In this cave exists a strange picture (ill. 14), which can be used as a key for decoding the meaning of the P-claviform signs. Very next to the famous panel „Dieu Cornu“ the rock wall shows an engraved horse, looking something sketched. Across the animal's body a curved line of P-claviforms can be recognized. 12 such signs show the half circle of the „P“ facing to the right side. Then follows such a sign, looking to the left side and then again a sign facing the right side. Thus the two last „P“-signs are arranged symmetrically to each other. This superimposition isn't made by chance, but intended [Sauvet and Włodarczyk, 1977: 554]. According to Marshack [1991: 395] this representation also may be related to a seasonal and / or biological rhythm, which he believed could be a part of a conceptual calendar. Koneckis [1994: 167-170] suggested, the pregnant horse would symbolize the old year, in its final stage, which carries the unborn new year in his womb. Then the 12 P-signs would represent the number of synodical months in a solar year. Each claviform would denote the first quarter of the moon in a month. The 13th inversed P-sign would indicate, that 12 synodical months correspond to 13 siderical ones. The difference of 10-11 days between both would be expressed by the last P-claviform, which is something clumsy incised and the two vertical turned V-signs, which would symbolize two hands (equally to 10 fingers). This is a fine idea, but Koneckis didn't support his intuition by other scientific arguments apart from counting the P-signs and speculating. Nevertheless his idea is pointing the way.

As shown above the P-signs have something to do with time-factored processes related to the animals seasonal fertility. They are in general related to the sun or the moon, with a significant weighting on the moon. They may represent a sort of time unit, which is clearly not the day. This unit is additive and cumulative. It is associated with sets of dots, which may represent a subgroup of units. Therefore it is plausible that the P-sign may denote a lunar month and the associated dots days. The associated animals (horse, bovine and others) may then indicate bigger time units, depending on the fertility cycles and seasons of the beasts. It is important to see that the P-signs in no case show a complete calendar, but rather work as a kind of date in the context of the rock pictures.

Keeping the above stated results in mind the depiction of the horse in the Trois-Frères cave can be examined once more. Marshack [1991: 327-328] has shown that the first 12 of the 14 P-signs had been made in one series, and then two opposed claviforms had been added. This indicates a “year” of 12 lunar months plus a certain time unit at the end of this cycle. In contrary to Koneckis it can not be immediately derived from the engraving, what kind of lunar month – a synodical or siderical one – is depicted. To take some conclusions it is necessary to look on the depicted animal. The horse may be pregnant [Marshack, 1991: 328]. And a second back, a second and third tail, and

¹ Com. Loubens, Dép. Ariège, Rég. Midi-Pyrénées; φ : 43°1' N | λ : 1°36' E; 12760 ± 170 BP (GIF2943), 12180 ± 125 (AA-9465), 11600 ± 150 (AA-9466).

² Com. Niaux, Dép. Ariège, Rég. Midi-Pyrénées; φ : 44°35' N | λ : 2°4' E; 10150 ± 200 BP (GIF1940), 10100 ± 150 BP (GIF1939), 9850 ± 130 BP (GIF1937), 5650 ± 200 BP (GIF1938).

³ Com. Montignac, Dép. Dordogne, Rég. Aquitaine; φ : 45°4' N | λ : 1°10' E; 14C-dates in Rappenglück, 1999: 45-48.

⁴ Com. Montesquieu-Avantès, Dép. Ariège, Rég. Midi-Pyrénées; φ : 42°59' N | λ : 1°8' E; 14C date from the adjoining cave of Tuc-d'Audoubert 14350 ± 160 (Gif 5867).

a second and third abdomen are added, indicating a process of renewing [Marshack, 1991: 327]. It is known from several scientific studies, that the pregnancy period of the horse played an important role in Palaeolithic time-reckoning [Rappenglück, 1999: 194-195]. The mare of the wild horse (*Equus przewalskii*) has a gestation period of 340 days on an average [Hofmann, 1988: 186]. If the horse indicates a comprehensive time-unit and the series of P-signs plus the additional pair of claviforms denote 12 + 1 (= 13) lunar months, then the length of such a month would be about 26 days. This number appears repeatedly in the sets of dots associated with the P-signs and in the P-shaped row below the horse in the "Diverticule Axiale" of the Lascaux cave (ill. 13). It's nearly a siderical month of 27/28 days, using integers, as it was usual in the time-reckoning of ancient cultures.

As shown above, the pair of two P-signs (ill. 14, ill. 8), facing each other with their protuberances, works like a Janus-ideogram, which denotes the change of time, in this case the turn of the year related to the pregnancy period of the horse. In addition 14 such months with a length of about 26 days give a result of 364 days, which is about the number of days in a solar year (365/366). Thus the paired P-signs may depict the 13th and the 14th month in a solar year, which "frame" a special point in the year, perhaps a solstice or an equinox. The engraved horse with the 14 P-signs probably indicates just an important point in the course of the year and the biological rhythm of the animal. Looking on a mare, there is a period of 50-70 days during December and January – around the winter solstice – in which the animal's ovary is inactive (anestrus). Starting with springtime and continuing through late autumn the mare is "in heat". Equine veterinary research has shown that there is a seasonal trend in the beast's fertility, which makes the Full Moon around summer solstice (June) the best suited time in the year for mating (Kollerstrom and Power, 2000). During Ice Age epochs the peak of the fertility optimum surely was higher, because of the very short summer time. Thus it is very probably that the double P-sign at the horse indicates the summer solstice time of heat and some weeks before of foaling. This is supported too by the renewals of the animal's outlines, which are obvious [Marshack, 1991: 328]. The doubled angle at the hindquarter (ill. 14), pointing to the last P-claviform, surely has a meaning, but to really decode this, would need a further study of similar signs (ill. 15) in association to other animals and type of signs.

With respect to the above presented interpretation of the P-signs other depictions in the Magdalenian caves of Spain and France and in postglacial rock art can be recognized too as a sort of time indication (ill. 16, ill. 17). In this short study they couldn't analysed in detail, because of the available space.

As a conclusion this study suggests to recognize the P-claviform as a kind of meta-sign for the time-unit of one lunar month, consisting of about 26 days. It is associated to the biological rhythms of certain animals and may be used for fixing dates and time-periods.

References

- Ascalone, E. and Peyronel, L.:** 2001, Two Weights from Temple N at Tell Mardikh-Ebla, Syria: A Link between Metrology and Cultic Activities in the Second Millennium BC? – *Journal of Cuneiform Studies* 53: 1-12.
- Audin, A.:** 1956, Dianus bifrons ou les deux station solaires : Piliers jumeaux et portiques solsticiaux. - *Revue Géographie de Lyon* 31: 191-199.
- Beltrán, A., Robert, R. and Vézian, J.:** 1966, La cueva de Le Portel. Zaragoza: Seminario de Prehistoria y Protohistoria, Facultad de Filosofía y Letras (Caesaraugusta. Anejo,1). p. 198.
- Beltrán, A., Gailli, R. and Romain, R.:** 1973, La Cueva de Niaux (= Monografías Arqueológicas XVI). Zaragoza: Talleres Editoriales Librería Geberal. 274 p.
- Berndt, R. M.:** 1948, A 'Wanguri-'Mand kai Song Cycle of the Moon-Bone. – *Oceania* 19 (1): 16-50.

Breuil, H.: 1933-1935, *Les Peintures Rupestres Schématique de la Péninsule Ibérique*. 4 vols. Paris: Imprimerie de Lagny.

Clottes, J.: 1997, Niaux: Die altsteinzeitlichen Bilderhöhlen in der Ariège. Ed. Gerhard Bosinski. (= Thorbecke Speläo 4). Sigmaringen: Jan Thorbecke Verlag. 178 p.

D'Arcy, P., Sutton, M., Towney, S.: 1994, *The Emu in the Sky: Stories about the Aboriginals and the day and night*. Canberra: The National Science and Technology Centre. 20 p.

Hofmann, H.: 1988, *GU Naturführer: Säugetiere: Die wichtigsten Arten Europas kennenlernen und bestimmen*. München: Gräfe und Unzer. 255 p.

Hoppál, M.: 1994, *Schamanen und Schamanismus*. Augsburg: Pattloch. 185 p.

Kollerstrom, N. and Power, C.: 2000 *The Influence of the Lunar Cycle on Fertility on two Thoroughbred Stud Farms*. – *Equine Veterinary Journal* January 2000.

Koneckis, R.: 1994, *Mythen und Märchen: Was uns die Sterne darüber verraten*. Stuttgart: Franckh Kosmos. 204 p.

Leroi-Gourhan, A.: 1958a, *La fonction des signes dans les sanctuaire paléolithique*. – *Bulletin Société Préhistorique Française* 55: 307-321. 1958b, *Le symbolisme des grand signes dans l'art pariétal paléolithique*. – *Bulletin Société Préhistorique Française* 55: 384-398.

Marshack, A.: 1991, *The Roots of Civilization. Revised and Expanded. The Cognitive Beginnings of Man's First Art, Symbol and Notation*. Mount Kisco, New York: Moyer Bell Limited. 445 p.

Müller-Karpe, H.: 1977, *Handbuch der Vorgeschichte. Erster Band: Altsteinzeit*. München: C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung. 389 p.

Radin, P.: 1990, *The Winnebago Tribe*. Lincoln: University of Nebraska Press. 511 p.

Rappenglück, M.: 1999, *Eine Himmelskarte aus der Eiszeit? Ein Beitrag zur Urgeschichte der Himmelskunde und zur paläoastronomischen Methodik, aufgezeigt am Beispiel der Szene in Le Puits, Grotte de Lascaux (Com. Montignac, Dép. Dordogne, Rég. Aquitaine, France)*. Frankfurt/M., Berlin, Bruxelles, New York, Wien: Peter Lang Europäischer Verlag der Wissenschaften. 531 p.

Ruspoli, M.: 1986, *Lascaux: Heiligtum der Eiszeit*. Freiburg, Basel, Wien: Herder. 208 p.

Sauvet, G.: 1988, *La communication graphique paléolithique (de l'analyse quantitative d'un corpus de données à son interprétation sémiologique)*. - *L' Anthropologie* 92 (1): 3-16. 1993, *Les Signes Pariétaux*. In: *L'Art pariétal paléolithique - Technique et méthodes d'étude (Ministère de l'Enseignement Supérieur et de la Recherche, Comité des Travaux Historique et Scientifiques)*, *Documents Préhistorique*, p. 219-234. Paris: Éd. Du CTHS. 427 p.

Sauvet, G. and Sauvet, S.: 1979, *Fonction sémiologique de l'art pariétal animalier franco-cantabrique*. *Bulletin Société Préhistorique Française* 76: 340-354.

Sauvet, G. and S, Wlodarczyk, A.: 1977, *Essai de sémiologie préhistorique (Pour une théorie des premier signes graphiques de l'homme)*. – *Bulletin Société Préhistorique Française* 74: 545-558.

Schilling, O.: 1963, *Das Mysterium Lunae und die Erschaffung der Frau [nach Gn 2, 21 f.]* Paderborn: Ferdinand Schöningh. 36 p.

Schmidt, W.: 1954, *Der Ursprung der Gottesidee. Eine historisch kritische Studie. Band XI: Die Religionen der Hirtenvölker*. Münster i. W.: Aschendorffsche Verlagsbuchhandlung. 734 p. 1933, *Der Ursprung der Gottesidee. Eine historisch kritische Studie. Band IV: Die Religionen der Urvölker Afrikas*. Münster i. W.: Aschendorffsche Verlagsbuchhandlung. 821 p.

Vialou, D.: 1986: *L'Art des grottes en Ariège Magdalénienne. XXIIe supplément à « Gallia Préhistoire »*. Paris: Éditions du Centre National de la Recherche Scientifique. 425 p.

Wirth, H.: 1936a, *Die Heilige Urschrift der Menschheit. Symbolgeschichtliche Untersuchungen diesseits und jenseits des Nordatlantik. Band I: Text*. Leipzig: Koehler & Amelang, p. 783 + 196. 1936b, *Die Heilige Urschrift der Menschheit. Symbolgeschichtliche Untersuchungen diesseits und jenseits des Nordatlantik. Band II: Bildatlas*. Leipzig: Koehler & Amelang, p. 429.

<p>Va</p>						
<p>III. 1 Spain Pyrenean Region Dordogne others</p>					<p>III. 2</p>	<p>III. 3 a</p>
<p>III. 3 b</p>	<p>III. 4 a, b</p>	<p>III. 5</p>	<p>III. 6</p>			
<p>III. 7 a</p>	<p>III. 7 b</p>	<p>III. 7 c</p>	<p>III. 8</p>			
	<p>soleil(S) feu(Ch) écaïlle de poisson(E) coquille(E)</p> <p>lune(E) lune(H) boomerang(S) côte d'ur. animal(E)</p>					
<p>III. 9 S = Sumerian, H = Hittite, E = Egyptian Ch = Chinese</p>		<p>III. 10</p>				
<p>III. 11</p>	<p>III. 12</p>	<p>III. 13</p>				
<p>III. 14</p>	<p>III. 15</p>	<p>III. 16</p>				

Illustrations

- Ill. 1: Claviform and P-signs (after Sauvet et al., 1977: 546, tab. I)
- Ill. 2: The P-sign in the Chauvet cave (after Clottes, 2001: 62)
- Ill. 3a: Two P-signs connected with a 2 x3 matrix of dots in the cave of Niaux (s. fn 4), b: P-signs associated with dots in the cave of Fontanet (Com. Ussat Les Bains, Dép. Ariège, Rég. Midi-Pyrennes, France; φ : 42°49' N | λ : 1°38' E ; 12770 ± 420 BP LY2184), a: after Leroi-Gourhan, 1958b: fig. 3, 155. b: after Vialou, 1986: 38, fig. 3 III.
- Ill. 4 a, b: Claviforms looking like the symbol for the constellation "Balance" (after Sauvet et al., 1977: 546, tab. 1)
- Ill. 5: Six P-signs associated to two clouds of dots in the cave of Pindal (Ribadedeva, Asturias, Spain; φ : 43°23' 50" N | λ : 0°50' 30" W Madrid) probably Magdalenian epoch (after Leroi-Gourhan, 1958b: fig. 3, 156)
- Ill. 6: A horse surrounded by 80 P-signs in the cave of Tuc-d'Audoubert (s. fn 6), after Marshack, 1991: 394, fig.237).
- Ill. 7a, b, c: Sumerian P-signs (after Wirth, 1936b: 333, fig. 11, 2, 12 and commentary in 1936a: 672-673, 1, 11, 12)
- Ill. 8: P-sign denoting the Moon on a Selkup shaman's drum (after Hoppál, 1994: 158, 220 B)
- Ill. 9: The shape of the claviforms are similar to certain pictograms used in the writing systems some ancient cultures (Sauvet et al., 1977: 556, tab. VII).
- Ill. 10: A P-signs an rows of dots in the cave of Portel (s. fn. 3) (after Vialou, 1986: tab. XVIII, 5)
- Ill. 11: Two P-signs associated with 26 dots in the cave of Niaux (after Leroi-Gourhan, 1958b: fig. 3, 157)
- Ill. 12: A P-shaped row of 26 dots closely connected with a horse in the Lascaux cave (s. fn. 5) (after Ruspoli, 1986: 108, 45-46)
- Ill. 13: A horse with 12 single and one paired P-sign in the cave of Trois-Frères (s. fn. 6), after Marshack, 1991: 327, fig.196)
- Ill. 14: A bison with six associated P-signs, three dots, one angle-sign and two other signs in the cave of Pindal, Spain (after Müller-Karpe, 1977: tab. 152, B, 4)
- Ill. 15: A complete "narrative" composition of P-signs, arranged dots, and animals in the cave of Niaux (after Beltran, 1973: 173, fig. 117-123)
- Ill. 16: A composition of two paired crooks (similar to that on the hindquarter of horse in ill. 13), 6+13+12=31 dots around a conical stroke and an indeterminable sign coming from La Silla (Abrigo Grande, Sierra de Hornachos, Bajadoz, Spain; φ : 39° N | λ : 7°W), after Breuil, 1933-1935).

Gilching, Germany

НЕКОТОРЫЕ КАЛЕНДАРНЫЕ АСПЕКТЫ ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОЙ ИГРЫ «МЕХЕН»

Журнал *Biblical Archaeology Review* в августе 1998 года опубликовал проблемную статью А. Леви с фотографиями трёх дисков, предположительно причисляемых к древней игре «мехен»¹ [Levy, 1998, p. 18 – 23]. На всех трёх упомянутых артефактах изображена птица и свернувшаяся в спираль змея с насечками на её теле. В связи с известными требованиями к объёму публикации в данной работе подробно рассматривается лишь один из дисков.

На рис. 1 представлена графическая копия диска «мехен», найденного в Египте и датированного 2900 г. до н.э. [Decker, 1984]. Игра «мехен» появилась в Древнем Египте в IV тысячелетии до нашей эры. Аналогичные предметы, напоминающие своеобразные игровые доски, были найдены не только в Египте, но и в Ливане, Сирии, на Кипре и Крите [Levy, 1998, p. 18 – 23]. О правилах этой игры известно очень мало. Игра «гиена», по крайней мере, внешне очень напоминающая «мехен», сохранилась в Судане. Играют в нее на песке. Не вдаваясь в подробности её правил, отмечу лишь, что каждая клетка песчаной спирали представляет собой один день пути [Parlett, 1999, p. 90].

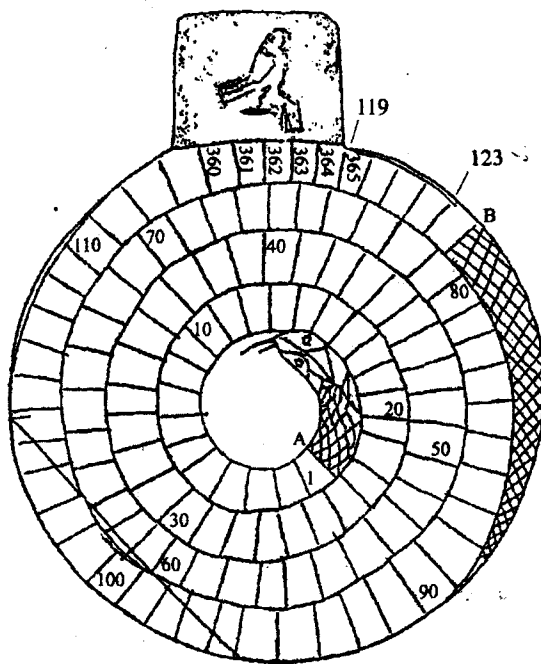

Рис. 1. Диск из зелёного сланца. Свернувшаяся в спираль змея и птица. Музей искусства “Метрополитен” (США)

Американской учёной Д. Эйчхолз уже делалась попытка интерпретации трех упомянутых дисков как сезонных лунных календарей [Eichholz, 1999, p. 249 – 254]. Свёрнутое в спираль тело змеи при этом играет роль своеобразной шкалы. Счёт дней упомянутый автор ведёт по количеству полей между линиями. Однако, замечу, что для

¹ Мехен – божество, змей-защитник Ра в его ежедневном ночном путешествии в Дуате [Рак, 2000, 345].

архаичных систем счёта характерен учёт как значимых единиц самих меток, а не пространства между метками [Marshack, 1964, p. 743 – 745].

Для диска, изображённого на рис. 1, счисление отдельных линий дало очень интересный результат. Количество линий, не связанных со штриховкой у головы и в хвосте змеи, оказалось равным 123. При этом 119-ый штрих располагается напротив края выступа с изображением птицы. Если же учитывать и линии, связанные со штриховкой (линии А и В), то вместо 119 получим число 120. Общее количество линий в этом случае равно 125-ти.

Дело в том, что выделенные числа связаны не только с рассматриваемым артефактом. Так, надпись на двух сторонах знаменитого Фестского диска состоит соответственно из 123-х и 119-ти символов [Павленко, 1987]. Упоминаются эти числа и в древних источниках. Молдавский искусствовед К.И. Чобану указывает, что календарные циклы, связанные с числами 123 и 119 сохранились в этрусской традиции и фигурируют в трактате «О дне рождения» римского грамматика III в. н.э., Цензорина [Censorinus, De die natali XVII, 6]. Кроме Цензорина, традиция числа 123 фигурирует и у позднеримского писателя Клавдия Элиана в его «Пёстрых историях» [Aelian, Varia Historia IX, 16], где упоминается кентавр Мар, который прожил три жизни по 123 года [Ciobanu, 1996, p. 23 – 30]. Согласно Библейским текстам 123 года прожил брат и сподвижник Моисея, верховный жрец Израиля, первосвященник Аарон (Числа, 33:39).

Попытаемся теперь интерпретировать рассматриваемые числа. Известно, что продолжительность одного сезона в трехсезонном египетском календаре равнялась 120 суткам. Число 125 может представлять собой сумму дней одного сезона и пяти добавочных дней Новогоднего Фестиваля. Ясно, что триплет, составленный из рассматриваемых чисел даст количество дней в году ($120 + 120 + 125 = 365$). Числа 123 и 119 обладают аналогичными свойствами. Кроме того, основываясь на исследованиях русского археолога В.Е. Ларичева о календарях палеолита Сибири [Ларичев, 1989], К.И. Чобану высказал предположение, что сумма обсуждаемых чисел ($123 + 119 = 242$) может представлять количество драконических месяцев в Саросе [Ciobanu, 1994, p. 71 – 80.]. Таким образом, как пара чисел 120 и 125, так и пара 123 и 119 могли служить основой календаря, состоящего из трех календарных периодов.

Английский поэт и автор знаменитой книги «Мифы Древней Греции» Роберт Грейвс, ссылаясь на сочинения Гомера, Аполлодора и Плутарха [Грейвс, 1992, 18.6, 92.7], утверждал, что священный год Великой Богини в Сирии, Малой Азии, Греции и на Крите делился на три сезона. И, действительно, в гимне «К Деметре» Гомер трижды повторяет решение богов о том, что дочь богини Деметры Персефона третью часть года будет проводить в царстве мертвых, а две остальные на Олимпе [Гомер, К Деметре, 399, 447, 464]. Как можно понять из упомянутого произведения, Деметра попала в Микенскую Грецию с Крита [Гомер, К Деметре, 123]. Это может свидетельствовать о критских корнях трёхсезонного года в Микенской Греции.

Судя по сочинению Плутарха «Об Исиде и Осирисе» обитатели запада (имеется ввиду Сицилия и Италия) делили год на три сезона и называли зиму Кроном, лето – Афродитой, а весну – Персефоной [Плутарх, Об Исиде и Осирисе, 69]. Подобное деление года на три сезона можно усмотреть в мифе об Адонисе в изложении Аполлодора. В этой версии мифа Афродита и Персефона не могут поделить между собой своего возлюбленного Адониса. В спор вмешивается Зевс. Согласно его решению Адонис должен проводить треть года самостоятельно, треть года у Персефоны и треть года у Афродиты [Аполлодор 3, 14, 4]. Адонис является греческой версией Сирийского полубога Тамуза, духа ежегодного возрождающейся растительности. В этой связи интересно отметить, что у входа в храм в Каркемыше, на севере Сирии, существует нео-хититская надпись, в которой говорится о трёхсезонном лунном годе и об орле, как о неотъемлемом атрибуте связанного с трёхсезонным годом ритуала [Ceram, 1956, p. 79 – 85].

Историк I в. н.э. Тацит в книге «Германия» сообщает, что народы, проживающие на территории между реками Рейном и Дунаем «не знали» осени. Их год состоял из Зимы, Весны и Лета [Тацит, Германия, 26].

По-видимому, трехсезонный календарь в своё время был если не общепринят, то, по крайней мере, достаточно широко распространён в Древнем Средиземноморье. Вероятно, могли существовать его различные варианты.

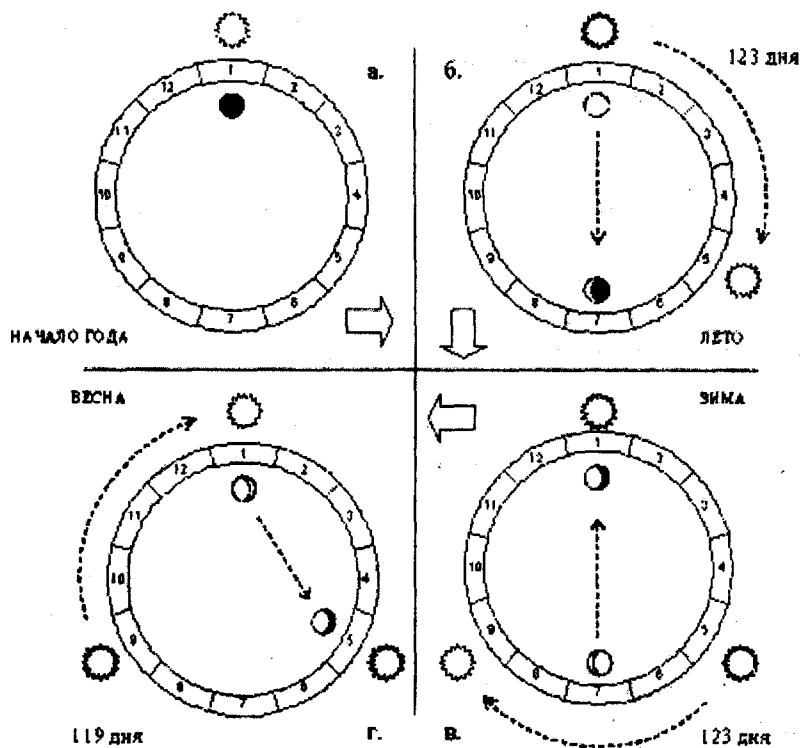

Рис. 2. Взаимное расположение Луны и Солнца относительно Зодиака, а также фазы Луны в моменты завершения сезонов трехсезонного года

Анализ показывает, что продолжительность сезонов в 123 и 119 суток неплохо удовлетворяет потребности сочетать счет месяцев года и лунных месяцев. Так, 123 дня всего на 0.05 суток превышают период в 4.5 сидерических месяца. Это означает, что по истечении четырех месяцев года Луна оказывается на фоне звезд зодиакального созвездия, противоположного тому, в котором она находилась в начале года (рис. 2 а, б). Истекает второй сезон в 123 дня, и Луна вновь оказывается в том же зодиаке, что и в начале года (рис. 2 в). Теперь до конца года остаётся 119 суток. Названный срок всего на 0.88 суток больше четырех синодических месяцев. Это, в свою очередь, означает, что по истечении третьего сезона в последнюю ночь уходящего года Луна будет видна на небе в той же фазе, что и после завершения второго сезона. При этом она переместится на фоне неподвижных звёзд относительно своего положения в начале года (и в конце второго сезона) на четыре зодиакальных созвездия¹ (рис. 2 г).

О фазах Луны в момент завершения сезонов следует остановиться подробнее. Дело в том, что период в 123 дня близок $41/6$ синодическим месяцам. Ошибка составляет всего 0.044 суток (примерно один час.). Т.к. от новолуния до полнолуния проходит половина синодического месяца, то шестая часть синодического месяца эквивалентна трети периода, разделяющего новолуние и полнолуние. Это значит, что если, например, на первую ночь

¹ Двенадцать синодических месяцев (354.367 суток) приблизительно равны тринадцати сидерическим месяцам (355.1816 суток), поэтому, по истечении каждого синодического месяца Луна оказывается в следующем зодиакальном созвездии.

сезона приходилось новолуние (рис. 2 а), то в последнюю ночь будет наблюдаться треть лунного диска (рис. 2 б). Соответственно, после завершения второго сезона и в конце года будут наблюдаться две трети лунного диска (рис. 2 г).

Таким образом, рассматриваемый календарь позволяет прогнозировать фазу Луны и относительное расположение Луны и Солнца на моменты завершения сезонов года и, по существу, является сезонным лунно-солнечным календарем.

Итак, выделенные календарные блоки могли служить основой, как гражданского календаря Древнего Египта, так и гипотетического трехсезонного лунно-солнечного календаря. Все зависит от того, учитывать или нет при счете линии А и В, граничащие со штриховкой в хвосте и у головы змеи (Рис. 1). Можно, однако, допустить, что в эпоху, к которой принадлежит рассматриваемый диск, использовались обе системы счета и обсуждаемый календарь является комбинированным. В пользу этого предположения свидетельствует то обстоятельство, что даты многих религиозных праздников Древнего Египта согласовывались как с гражданским солнечным, так и с лунным календарем. Например, празднования, посвящённые заключению брачного союза между Хором и богиней Хатхор устраивались в одиннадцатом месяце древнего египетского года. При этом начало праздника непременно совпадало с новолунием, а его завершение – с полнолунием [Watterson, 1998, p. 105].

Анализ графемы диска показывает, что образы животных не противоречат его календарной интерпретации. Так, птица представляет собой традиционное изображение древнеегипетского бога Хора¹. С его культом связаны изложенные ниже некоторые важные для понимания особенностей графемы диска ритуалы и детали древней архитектуры Египта.

Храм в Эдфу – лучше всего сохранившийся древний храм Египта строился около 180 лет и был завершён в первом веке до н.э. Он возведён на месте более древнего храма и посвящён богу Хору Бехдетскому. Согласно традиции первый храм на этом месте был построен по проекту Имхотепа в соответствии с планом, упавшим с небес. Две лестницы ведут на крыши пилонов храма, и каждая состоит из 242 ступеней [Watterson, 1998, p. 56; Коростовцев, 1976, с. 132]. Число 242, как уже отмечалось, представляет собой сумму 123 и 119. Описываемый ниже ритуал указывает на то, что это, возможно, не случайное совпадение.

В фронтальной восточной части храма расположена Часовня Нового Года. На её потолке изображено плавание солнечной барки через двенадцать дневных часов. Отсюда статуя Хора в образе сокола в начале Новогоднего Фестиваля поднималась по лестнице на расположенную на крыше террасу². Этот ритуал изображён на стенах одной из палат храма. Кроме того, праздничные церемонии сопровождали завершение и начало сезонов. Так, на последние дни лета приходились празднования, посвящённые великому Осирису, а в первые пять дней зимы проходил Фестиваль коронации Хора [Watterson, 1998, p. 93 – 97].

Несмотря на то, что эпоху строительства храма в Эдфу и эпоху первых династий Египта разделяет около трёх тысяч лет, описанный ритуал может пролить свет на смысл графемы диска. И действительно, теперь не сложно себе представить, что птица, изображённая на выступе диска и олицетворяющая собой Хора в образе сокола, является своеобразной календарной отметкой, указывающей на дни Новогоднего Фестиваля и завершения сезонов года.

В заключение отмечу, что оставшиеся за рамками обсуждения два других диска из музея в Лувре и из Музея Востока в Чикаго, также найденные в Египте, датируются эпохой первых династий [Decker, 1984] и обладают аналогичными свойствами.

¹ Хор-сокол – один из древнейших египетских богов. На раннем этапе его культа – это бог неба и света. Левый глаз Хора отождествлялся с солнцем, а правый – с луной. Летящий сокол является символом смены времени суток и сезонов года. В более поздние времена сокол символизирует солнце [Рак, 2000, с. 383].

² Аналогичный ритуал с участием статуи богини Хатхор сопровождал празднование Нового Года в Храме богини Хатхор в Дендерах [Watterson, 1998, p. 95 – 96].

Насколько можно понять из публикаций по истории игр, многие древние игры представляли по своему характеру нечто среднее между гаданием на картах, астрологическими предсказаниями, религиозными ритуалами и собственно игрой в её современном понимании [Pennick, 1989]. Поэтому, вполне вероятно, что правила игры «мехен» и каноны, согласно которым изготавливались игровые диски, были связаны с календарём и религиозными ритуалами, сопровождавшими календарные праздники. Если это так, то диски «мехен» предоставляют нам редкую возможность получить представление о календарных системах Древнего Египта эпохи двух первых династий.

Список литературы

Грейвс Р. Мифы Древней Греции. М: Прогресс, 1992. – 624 с.

Коростовцев М.А. Религия Древнего Египта. СПб.: Летний Сад, 2000. – 464 с.

Ларичев В.Е. Мудрость змеи: Первобытный человек, Луна и Солнце. - Новосибирск: Наука, 1989. – 272 с.

Павленко Н.А. История письма: Учеб. Пособие для филол. фак. вузов. — Минск: Высшая школа, 1987. – 239 с.

Рак И.В. Египетская мифология. СПб.: Летний Сад, 2000. – 400 с.

Eichholz D.W. Lunar Seasonal Calendars From The Ancient Near East // Proceedings of the International Conference “OXFORD VI & SEAC 99”. – 1999. – P. 249-254.

Ceram C.W. Enge Schlucht und schwarzer Berg. Entdeckung des Hetither-Reiches. Rowohlt Verlag, Hamburg, 1955. – 248 p.

Ciobanu C.I. Enigma discului de la Phaistos. Revistă de istorie a oldovei, nr. 3-4, Chişinău. – 1994. – P. 71 – 80.

Ciobanu C.I. Les sićcles de l’existence du nomen étrusque et le disque de Phaistos (essai d’interprétation du fragment 17,6 de Censorinus, De die natali), Etudes sur l’art de la Moldovie, Chişinău, 1996. – P. 23 – 30.

Decker W. Bild Atlas zum Sport und Spiel im alten Aegypten. Munich, 1984.

Levy A. Bad Timing // Biblical Archaeology Review, vol. 24, No. 4, July/August, 1998. – P.18 – 23.

Marshack A. Lunar Notation on Upper Paleolithic Remains. Science, V.146, N 3645, 1964. – P.743 – 745.

Pennick N. Secret games of the gods. Ancient ritual systems in board games. York Beach, 1989. – 244 p.

Watterson B. The Hous of Horus at Edfu. Ritual in Ancient Egyptian Temple. Tempus, 1998. – 158 p.

*Рижский технический университет,
Рига, Латвия*